

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 3 (128) • 2019

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 451 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.06.2019 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 950 экз. Заказ 262.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Е.Р. Ергашев	доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России)
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Суоров	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 3 (128) • 2019

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2019

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.B. Surovov	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Грачев Н.И.**
Функции государства, верховной власти и государственного аппарата
- 28 **Дорофеева Е.С., Чекмарева А.В.**
Основные направления государственной политики СССР в сфере трудового обучения и воспитания молодежи в 60–80-е годы XX столетия
- 37 **Артемова Д.И.**
Социальное развитие субъекта РФ как показатель состояния преступности несовершеннолетних (на примере Пензенской области)
- 43 **Мамчун В.В., Баранова М.В.**
Опережающее правотворчество как форма правотворческого риска
- 61 **Чилькина К.В.**
Принцип законности в таможенных проектах и заметках Александра Николаевича Радищева
- 70 **Горбунова М.Ю.**
Технико-юридическое оформление поощрений в праве: понятие и необходимость исследования
- 74 **Ягудина А.Ю.**
Классификация видов правового конформизма

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 80 **Плотникова И.Н.**
Экономическая свобода как ценность российского конституционализма
- 90 **Шиндина А.В.**
К проблеме повышения эффективности нормотворческого процесса в современной России
- 94 **Абдрахманов Д.В.**
Развитие информационного общества и информационная безопасность в России: конституционные ценности для поиска золотой середины

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 105 **Аникин С.Б., Петрыкина Н.И.**
Некоторые актуальные вопросы современного административного и финансового права
- 108 **Стахов А.И.**
Административно-принудительные меры, применяемые во внесудебном и судебном административно-процессуальном порядке в ходе государственного контроля и надзора
- 117 **Масягина Ю.Б.**
Правовые формы организации местных органов самоуправления
- 121 **Рукавишников С.М.**
Об установлении формы вины по делам об административных правонарушениях, подведомственным антимонопольному органу

- 127 Лаптева Т.А.**
Преференции субъектам малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг: проблемы правовой регламентации

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 133 Цепкова Т.М., Бахарева О.А.**
Некоторые процессуальные особенности решения суда по делам об усыновлении ребенка и его исполнение
- 138 Филиппов С.А., Переярина П.О.**
Каршеринг как новое явление в гражданском праве Российской Федерации
- 145 Суюнова З.М.**
Концепция допустимости и проблема определения критериев дозволенного вмешательства в осуществление прав собственника

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

- 152 Федюнин А.Е., Алферов В.Ю.**
К вопросу о правовой природе провокации преступления
- 160 Аниськина Э.Г., Муллахметова Н.Е.**
Объединения деструктивного характера: уголовно-правовые и виктимологические аспекты
- 170 Касимов В.О.**
Особенности предупреждения преступлений, совершаемых лицами зрелого, в том числе пожилого возраста
- 182 Кисленко С.Л.**
Методология формирования государственным обвинителем предварительной позиции по делу
- 189 Колесник В.В.**
Методологический анализ концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом
- 198 Лапунин М.М.**
Нетранзитивность ответственности в праве и ее минимизация
- 208 Репьева А.М.**
Изменение категории преступления на менее тяжкую: взгляд через призму принципа справедливости
- 215 Сергун Е.П.**
Основные юридико-технические вопросы состава вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ)
- 227 Слесивов Н.В.**
Современный взгляд на проблему реализации решений Европейского суда по правам человека в российском уголовном процессе
- 233 Хаметов Р.Б.**
Пути оптимизации процесса расследования преступлений
- 240 Абрамян К.О.**
Понятие уголовно-правовых стимулов и их признаки

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 247 Блинов А.Г.**
Международные стандарты регулирования генетических исследований и их отражение в национальном законодательстве

- 255 Попов В.В., Тришина Е.Г.**
О содержании признака индивидуальности уплаты налога согласно статье 45
Налогового кодекса РФ

РЕЦЕНЗИИ

- 263 Зуева Ю.В.**
Рецензия на монографию: Румянцев С.А. Самозащита в праве: некоторые
теоретические и правоприменительные аспекты. – Владимир: Изд-во:
«Шерлок-пресс», 2018. – 156 с.

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- 16 Grachev N.I.**
Functions of the State, Supreme Power and State Apparatus
- 29 Dorofeeva A.V., Chekmareva E.S.**
The Main Directions of the USSR State Policy in the Sphere of Labor Training and Education of Youth in the 60–80 of the XX Century
- 38 Artyemova D.I.**
Social Development of the Russian Federation Subject, as an Indicator of Juvenile Delinquency (for example Penza region)
- 43 Mamchun V.V., Baranova M.V.**
Advanced Law-Making as a Form of Law-Making Risk
- 62 Chilkina K.V.**
The Principle of Legality in Customs Projects and Notes of Aleksandr Nikolaevich Radishchev
- 70 Gorbunova M.Yu.**
Technical and Legal Registration of Incentives in Law: the Concept and the Need for Research
- 75 Yagudina A. Yu.**
Classification of Legal Conformism Types

CONSTITUTIONAL LAW

- 80 Plotnikova I.N.**
Economic Freedom as a Value of Russian Constitutionalism
- 90 Shindina A.V.**
On the Problem of Increasing the Efficiency of the Norm-setting Process in Modern Russia
- 94 Abdrakhmanov D.V.**
Information Society Development and Information Security in Russia: Constitutional Values for the Search for the Golden Mean

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 105 Anikin S.B., Petrykina N.I.**
Some Actual Questions of Modern Administrative and Financial Law
- 109 Stakhov A.I.**
Administrative and Coercive Measures Applied in Extrajudicial and Judicial Administrative Procedure in the Course of State Control and Supervision
- 118 Masyagina Ju.B.**
Legal Forms of Local Self-government Bodies Organization
- 121 Rukavishnikov S.M.**
About Establishment of the Form of Guilt in Cases of Administrative Offences within the Jurisdiction of the Antimonopoly Body

- 127 Lapteva T.A.**
Preferences to Small and Medium-sized Businesses in the Procurement of Goods,
Works and Services: Problems of Legal Regulation

CIVIL LAW. CIVIL PROCESS

- 133 Tsepkova T.M., Bakhareva O.A.**
Some Procedural Features of the Court Decision on Adoption of a Child and Its
Execution
- 138 Philippov S.A., Pereyarina P.O.**
Car Sharing, as a New Phenomenon in the Civil Law of the Russian Federation
- 146 Suyunova Z.M.**
The Concept of Admissibility and the Problem of Determining the Criteria of
Permissible Interference in Exercising an Owner's Rights

CRIMINAL AND PENAL LAW. CRIMINAL PROCEEDING. CRIMINALISTICS

- 153 Fedyunin A.E., Alferov V.Yu.**
On the Issue of the Legal Nature of Encouraging to Commit the crime
- 161 Aniskina E.G., Mullakhmetova N.E.**
Association of a Destructive Nature: Criminal-legal and Victimological Aspects
- 171 Kasimov V.O.**
Features of Crimes Prevention Committed by Persons at a Mature Age, including
Elderly Persons
- 182 Kislenko S.L.**
Methodology of Formation the Preliminary Position on the Case by the Public
Prosecutor
- 189 Kolesnik V.V.**
Methodological Analysis of the Concept of Encouraging Participants in Criminal
Proceedings to Cooperate with the Preliminary Investigation and the Court
- 199 Lapunin M.M.**
Non-transitivity of Legal Liability and its Minimization
- 208 Repeva A.M.**
Change of the Category of the Crime to the Less Serious One: Look through the
Principle of Justice Prism
- 216 Sergun E.P.**
The Basic Legal-technical Questions of the Components of the Armed Rebellion (art.
279 of the Criminal Code of the Russian Federation)
- 228 Spesivov N.V.**
Modern View on the Problem of Implementing the Decisions of the European Court of
Human Rights in the Russian Criminal Procedure
- 234 Khametov R.B.**
Ways of the Process of Crimes Investigation Optimization
- 241 Abramyan K.O.**
The Concept of Criminal- legal Incentives and Their Features

OTHER BRANCHES OF LAW

- 248 Blinov A.G.**
International Standards for the Regulation of Genetic Research and Their Reflection
in the National Legislation

- 256 Popov V.V., Trishina E.G.**
On the Essence of the Tax Payment Individuality Trait according to Article 45 of the Tax Code of the Russian Federation

REVIEWS

- 263 Zueva Yu.V.**
Review of the monograph: Rummyantsev S.A. Self-Defense in law: some theoretical and law enforcement aspects. – Vladimir: Publisher: Sherlock press, 2018. – 156 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 321.018

Н.И. Грачев

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА, ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Введение: достаточно давно в научной литературе по теории государства критикуется как не обоснованное смешение функций государства с функциями государственного аппарата и его органов. Между тем, ни в одной из работ, посвященных функциям государства, их размежевания с функциями государственного аппарата (механизма) не проводится и о функциях последнего ничего практически не говорится. Причиной этого является фактическое отождествление государства с организацией публичной политической власти, ее аппаратом (механизмом). При таком подходе вполне естественно, что функции государства и функции государственного аппарата фактически отождествляются. **Цель:** на основе подхода к государству как социально-политическому организму определить его объективные органические функции, показать каким образом из них вытекают функции верховной власти государства и всего государственного аппарата, установить научно-практические основания их классификации и политико-правовое содержание. **Методологическая основа:** диалектический, метафизический, системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье обосновывается наличие у любого суверенного государства объективных органических функций: интеграции, адаптации, институционализации и управления, из которых органично вытекают функции верховной власти и всей системы публичной власти государства. Генеральной и общей функцией последней выступает публичное (государственное) управление всеми общественно значимыми делами в государстве, которое обеспечивает ему поддержку, сохранение и воспроизводство собственной системной целостности, а в необходимых случаях, реформирование и развитие. **Выводы:** все направления и виды деятельности публичной власти, которые в теории государства и права принято называть функциями государства, на самом деле выступают как функции аппарата публичной власти. По своему содержанию они представляют собой деятельность по управлению со стороны всей системы публичной власти отдельными отраслями и сферами общественной жизни и могут быть классифицированы по самым различным основаниям: на внутренние и внешние; основные и не основные (вспомогательные); экономические, социальные, культурные, административно-политические и др. Их распределение между различными уровнями, звеньями и органами государственного аппарата устанавливается верховной властью, основными функциями которой являются учредительная (учреждение и реформирование государства), управление государственно организованным обществом, как единым целостным организмом

© Грачев Николай Иванович, 2019
Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации); e-mail: grachev.n.i@mail.ru
© Grachev Nikolai Ivanovich, 2019
Doctor of law, Professor, Constitutional and administrative law department (Volgograd Academy of the Ministry of Internal affairs of the Russian Federation)

(политическое руководство), функция-роль политического центра, как места принятия важнейших стратегических решений, функция-роль верховного социально-политического арбитра в государстве и обществе.

Ключевые слова: функции государства; функции аппарата публичной власти; функции верховной власти государства; государственное (публичное) управление; управление как функция верховной власти и государственного аппарата; консолидация, институционализация, адаптация как функции государства.

N.I. Grachev

FUNCTIONS OF THE STATE, SUPREME POWER AND STATE APPARATUS

Background: lack of distinction between functions of the state, state apparatus and their bodies is being harshly criticized in the scientific literature for quite a long time. Yet none of the works devoted to the state functioning has proposed their separation from the functions of the state apparatus (mechanism) and the functions of the latter have not practically mentioned. The reason for this is the actual identification of the state with the organization of the public political power, its apparatus (mechanism). With this approach, it is quite natural that the functions of the state and the functions of the state apparatus, as its governing subsystem, are actually identified. **Objective:** on the basis of the approach the author of the article supposes to determine objective organic functions of the state as a socio-political body, to show how these functions imply the functions of the Supreme power of the state and the entire state apparatus, to establish the scientific and practical basis for their classification and political and legal content. **Methodology:** dialectical, metaphysical, systemic, structural and functional, comparative legal methods of research. **Results:** the article substantiates the existence in any sovereign state several objective organic functions: integration, adaptation, institutionalization, and management, which give rise to the functions of the Supreme power and the entire system of public power of the state. The General and Basic function of the latter is the public (state) management of all socially significant affairs in the state, which ensures its maintenance, preservation and reproduction of its own systemic integrity, and, where necessary, reformation and development. **Conclusions:** all areas and activities of public power, which in the theory of state and law are called the functions of the state actually act as a function of the apparatus of public power. According to their content, they are activities for the management of the entire system of public power by individual branches and spheres of public life and can be classified according to the variety of grounds: internal and external; basic and non-basic (auxiliary); economic, social, cultural, administrative and political, etc. Their distribution between different levels, levels and bodies of the state apparatus are established by the Supreme power, the main functions of which are the constituent (the establishment and reform of the state), the management of the state-organized society as a single integral organism (political leadership), the function-the role of the political center as the place of the most important strategic decisions, the function-the role of the Supreme socio-political arbiter in the state and society.

Key-words: functions of the state, functions of the apparatus of public power, functions of the Supreme power of the state, state (public) management, management as a function of the Supreme power and the state apparatus, consolidation, institutionalization, adaptation as a function of the state.

Государство, как политико-территориальная организация общества, имеет ряд важных функций, которые мы рассматриваем как жизненно-важные политико-правовые процессы, объективно вытекающие из его природы и обе-

спечивающие ему независимое существование и суверенный статус в мировом сообществе [1, с. 18-20].

Т. Парсонс относит к ним функции интеграции, адаптации, воспроизводства образца, целедостижения. Они по мнению американского социолога присущи любым социальным системам и органичны государству [2, с. 15-19]. На наш взгляд, государству как политико-правовой форме жизнедеятельности общества вместо двух последних функций присущи более широкие, включающие в себя их, но и более упорядоченные и нормативно формализованные функции, а именно, функции институционализации и управления. Все вместе функции интеграции, адаптации, институционализации, управления восходят к генеральной функции государства, содержание которой соответствует основной цели его существования, заключающейся в выживании (самосохранении), воспроизводстве и развитии государствообразующего народа, а по существу, самого государственно-организованного общества как суверенного политического единства в качестве целостного социально-политического организма.

Все вместе функции — интеграции, адаптации, институционализации, управления — составляют набор необходимых, имманентных государству функций, позволяющих ему постоянно воспроизводить себя как форму жизни государствообразующего народа, обеспечивая его выживание (самосохранение) и целостность. Их можно назвать объективными органическими функциями государства. Они объективны, поскольку выполняются вне зависимости от степени осознания и проведения необходимой специализации по их осуществлению государственным аппаратом, иногда даже во многом вынужденно с его стороны, как бы полусознательно. Сами внешние и внутренние условия существования государства заставляют и верховную власть, и общество осуществлять эти функции для своего выживания, реформирования и развития. Они органичны для государства как социально-политического организма [1, с. 26].

Функция интеграции, обеспечивая консолидацию общества и его коллективную идентичность, служит социальной основой единства и целостности государства; функция институционализации обеспечивает нормативное и организационное единство и устойчивость государства, гарантируя верховенство государственной власти внутри страны (внутренний аспект суверенитета); функция адаптации обеспечивает адекватное приспособление государственного организма к геофизической и геополитической среде, предопределяя его внешний суверенитет; функция управления обеспечивает эффективное осуществление всех других государственных функций и гарантирует суверенное состояние государства в настоящем и перспективе его исторического будущего. Все другие государственные функции — функции верховной власти государства, государственного аппарата и его органов — представляют собой лишь продолжение и развитие этих главных функций либо являются составными операционными частями процедур их реализации и должны рассматриваться с точки зрения того, какой вклад они вносят в процесс реализации органических функций [1, с. 26].

Особое место среди основных функций государства занимает функция управления. Это обязательная интегрирующая функция любого человеческого коллектива, имеющего общие цели, без выполнения которой он быстро распадается. Соответственно «всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между

индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего ... организма в отличие от движения его самостоятельных органов» [3, с. 342]. В политико-правовом дискурсе концепт управления является одним из фундаментальных с точки зрения интерпретации статуса государства, его основных признаков и функций [4, с. 9]. В понятии государства в первую очередь запечатлено состояние управления обществом и посредством этого состояния фиксируется момент организации в нем политической жизни [5, с. 28]. **Управление** организованным обществом — это целенаправленное (т.е. сознательное), организующее, регулирующее и упорядочивающее воздействие определенных групп людей, специально созданных ими политико-административных институтов и структур на общественную и (или) коллективную жизнедеятельность в целях обеспечения единства и целостности управляемых объектов, поддержание оптимального режима их функционирования или перевода в новое заданное состояние [6, с. 39; 7, с. 37]. Такое управление называется государственным, или если рассматривать более широко, публичным управлением. Для того, чтобы управлять таким обществом необходимо обладать публичной властью. **Публичная власть** представляет собой особый слой, т.е. систему специализированных органов и учреждений, официально осуществляющих функцию управления общественными делами, и реализующих общие интересы, вытекающие из движения всего социально-политического организма, преследуя цели его сохранения, воспроизводства и развития.

Система управления государственно организованным обществом включает в себя следующие элементы: а) субъект управления (тот, кто осуществляет управление) — организация (подсистема) публичной власти государства; б) объект управления (то, чем управляют) — общественная жизнь в государстве в целом, различные ее сферы, отрасли, территориальные общности, коллективы (предприятия, учреждения, организации и т.д.), социальные явления и процессы и др.; в) прямые связи от субъекта к объекту в форме управленческих воздействий (нормативные акты, распоряжения, приказы, директивы, рекомендации); г) обратные связи от объекта к субъекту в форме реакций объекта на управленческие воздействия субъекта (предоставление информации, активное или пассивное выполнение, противодействие т.д.); д) внешняя среда, как совокупность всех условий и факторов, оказывающих влияние на процесс управления; ж) процесс управления, как непрерывный порядок взаимодействия субъекта и объекта управления, целенаправленный механизм функционирования его системы.

В структурном отношении процесс управления представляет собой цикл взаимопроникающих и взаимодополняющих друг друга стадий функционирования его системы. Их можно определить как функции-стадии. А. Файоль выделяет среди них стадии предвидения, организации, распорядительства, координации и контроля [8, с. 9]. Е.В. Охотский включает в классический управленческий цикл анализ, предвидение и прогнозирование, программирование, моделирование, планирование, принятие управленческого решения, организацию (которая включает в себя регламентацию, координацию, субординацию, регулирование, реординацию, мотивацию), учет и контроль [7, с. 33–37].

Однако по-своему существу **управление, как функция государства** — это непрерывная организаторская деятельность субъекта публичной власти (аппарата власти и управления государственно организованного общества) по: а) целеполаганию (выбору целей), что предполагает наличие определенного социально-

политического проекта как идеальной модели общественного устройства; б) определению форм, средств и способов достижения целей (выработки концепции управления обществом); в) мобилизации необходимых средств, ресурсов и общественных сил для их осуществления; г) практическому проведению этой концепции в жизнь для достижения поставленных целей, реализации проекта [9, с. 31–32].

Никакое государство не может рассчитывать на успешное, длительное развитие, если оно не имеет четко поставленных сформулированных целей и не осуществляет деятельность, направленную на их достижение. Государство, не способное разработать собственный проект или добиться его реализации, утрачивает свой суверенитет и становится частью чужого национального или цивилизационного проекта в качестве колонии, протектората, неравноправного союзника и т.д. Общественно-политический проект, как предназначение и наиболее общая цель пути развития социально-исторического организма, когда он ясно сформулирован и выполняется, дает возможность всем социальным группам, политическим и общественным организациям, гражданам четко обозначенный ориентир, достижение которого составляет для них высший смысл коллективного существования. Это, в свою очередь, позволяет широким массам, научному и экспертному сообществам принимать участие в разработке этого проекта и мобилизации всего общества на его реализацию. Таким образом, функция управления не является исключительной привилегией аппарата публичной власти. Эта функция, также как и другие объективные функции государства разделяются между верховной властью, аппаратом публичной власти и всем обществом. Однако роль верховной власти и государственного аппарата при реализации этой функции является решающей. Более того, выполнение этой функции обеспечивает эффективность действия трех других объективных функций государства.

Все сказанное дает возможность определить общую, генеральную функцию организации публичной власти и ее основной части — государственного аппарата — в государственно организованном обществе. Такой общей функцией будет публичное (государственное) управление всеми общественно значимыми делами в государстве.

Достижение целей государства обеспечивается деятельностью всей публичной власти. Из них вытекают ее функции и полномочия. В указанном аспекте сама публичная власть предстает как основополагающая функция государственно организованного общества, которую следует рассматривать в ракурсе его способности, поддерживать и постоянно воспроизводить политический статус государствообразующего народа, гарантировать ему достойное место среди других народов как основных субъектов исторического процесса. Определить же эту функцию можно как процесс воспроизводства и жизнедеятельности государства посредством управленческой деятельности его верховной власти, как последней решающей инстанции и всего аппарата публичной власти, что обеспечивает государственно организованному обществу поддержание, сохранение и воспроизводство собственной системной целостности.

Управление выступает как функция всей системы публичной власти государства: всех ее уровней, звеньев и органов. В ее осуществлении принимают участие различные общественные объединения и движения, религиозные организации, СМИ, неправительственные организации (НПО, НКО), группы интересов (давле-

ния), причем не только легальные и официальные, но и неформальные, закрытые и конспиративные организованные группы, выступающие посредниками между различными фракциями господствующего класса, его промышленными и финансовыми структурами и органами государственной власти, принимающими публично значимые решения, либо находящимся к ним в оппозиции. Причем, помимо национальных заинтересованных групп на территориях различных государств, действуют в настоящее время группы давления, выражающие интересы зарубежных стран, мировых экономических и финансовых центров, транснациональных корпораций и т.д. Но, именно система публичной власти государства выступает как самая значимая и полномочная структура, имеющая своим главным функциональным назначением управление общественными делами в полном объеме, проведение в жизнь интересов господствующих классов или всего общества в целом. Все остальные институты — политические партии, общественные движения и организации, конфессиональные структуры и СМИ — вращаются вокруг государственного аппарата, пытаются взять его под свой контроль, оказать на него известное влияние, получить большинство в представительных органах общегосударственного или местного уровня, провести на значимые государственные и муниципальные должности своих ставленников.

Центральное место в системе публичной власти занимает государственный аппарат. Отличительной чертой государственного аппарата является организация и осуществление им публичного управления в форме политико-правового господства. «Господство является тем критерием, который отличает государственную власть от всех других общественных властей» [10, с. 416]. Господство заключается в деятельности институционализированной государственной власти, на принципах легальности (законности). Легальность есть разновидность легитимности, заключающаяся в соответствии основных управленческих действий, практик и процедур действующему законодательству. Исходя из этого, понятие господства включает в себе понятие правового порядка, основанного на монопольном праве аппарата государственной власти применять законное физическое принуждение (насилие) по отношению к гражданам государства.

Функция управления связана со всей жизнедеятельностью государства по осуществлению его целей. Но сама эта функция выступает не целью, а задачей публичной власти, которая задана ей самим существованием социально-политического организма, его целями и функциями. В данном случае задача выступает и как решение проблемных ситуаций, возникающих в процессе управленческой деятельности, и в более широком понимании — как некое порученное дело: то, что нужно выполнять, исполнять постоянно, непрерывно и вне зависимости от того, существуют ли на настоящий период времени какие-то проблемы, требующие срочного решения, или нет. В последнем случае управление реализуется, как поддержание нормального устойчивого функционирования всех отраслей и сфер социально-политического организма и контроль за состоянием дел в них.

Управленческая деятельность аппарата публичной власти государства требует определенной функциональной специализации его отдельных звеньев и органов в соответствии с объективно существующими отраслями и сферами общественной жизни, нуждающимися во властно-управляющем воздействии. Эти отрасли и сферы являются объектами (предметами ведения) такого воздействия со стороны аппарата публичной власти государства и выступают критерием (основанием)

выделения и классификации его функций. В соответствии с ними, **функции аппарата публичной власти** представляют собой такие объективно необходимые направления управленческой деятельности, без которых общество не может нормально существовать и развиваться. Они устойчиво сложились в определенных сферах и отраслях общественной жизни и требуют согласованных управленческих решений и действий всех составных частей государственного механизма.

Структура любой функции аппарата публичной власти представляет собой единство следующих элементов: а) наименование функции, ее обозначение верховной властью и закрепление в нормативной форме за государственным аппаратом, отдельными его уровнями и звеньями, органами местного самоуправления целей и задач, которые должны быть достигнуты и решены в результате их деятельности; б) фактическая деятельность органов публичной власти по реализации целей и задач, поставленных перед ними; в) формы, методы, способы, средства, приемы этой деятельности.

Исходя из основных сфер жизнедеятельности общества, нуждающихся в управляющем воздействии со стороны аппарата публичной власти, можно выделить следующие функции, осуществляемые им: управление экономикой и ее различными отраслями — промышленностью, сельским хозяйством, финансами, строительством, торговлей, ценообразованием, энергетикой, транспортом, фискальной деятельностью, пользованием землей и другими природными ресурсами и др.; управление информацией и связью, стандартами и эталонами, геодезией и картографией; управление социальной защитой населения и здравоохранением, образованием, наукой и культурой; управление внешней политикой и международными отношениями; управление обороной и безопасностью; управление охраной правопорядка и т.д.

То есть все направления и виды деятельности публичной власти, которые в теории государства и права принято называть функциями государства, на самом деле выступают как функции государственного аппарата (или шире — аппарата публичной власти). По своему содержанию они представляют собой деятельность по управлению со стороны всей системы публичной власти отдельными отраслями и сферами общественной жизни и могут быть классифицированы по самым различным основаниям: на внутренние и внешние; основные и неосновные (вспомогательные); экономические, социальные, культурные, административно-политические и др. При универсальности деятельности государственной власти научное притязание на их общеобязательную классификацию практически невозможно. Эти сферы и отрасли, во-первых, чрезвычайно многочисленны, а во-вторых, могут быть весьма изменчивы и разнообразны. Их перечисление может составить только предмет чисто описательной дисциплины, изучающей какое-то конкретное государство в определенный исторический период его существования, но не может быть общим предметом исследования общей теории государства.

По своему характеру функции аппарата публичной власти — это основные направления его деятельности по решению целей и задач, поставленных перед ним верховной властью государства. Общими целями управленческой деятельности всего аппарата публичной власти, заданными ему объективно, является достижение необходимой степени консолидации, институционализации и адаптации государственно организованного общества, или, иными словами, реализация на практике органических функций государства и надлежащего функционирования всего государственного организма. Но для того, чтобы обе-

спечить их реализацию, необходимо разделение управленческой деятельности на относительно обособленные специальные отрасли управления, представляющие собой некоторый постоянный круг заданий, который верховная государственная власть вынуждена очертить и закрепить за отдельными уровнями, звеньями и органами государственного аппарата и местного самоуправления, в результате чего верховная власть проникает во все сферы и отрасли общественной жизни.

Из этого вытекает, что, занимаясь одним и тем же видом деятельности — управлением государственно организованным обществом — верховная власть и подчиненный ей и производный от нее аппарат занимают в этом процессе различное местоположение, играют разные роли и обладают далеко не неодинаковыми компетенцией и статусом.

С организационно-правовой точки зрения верховная власть представляет собой последнюю инстанцию в иерархической системе организации государственной власти, высший властный центр в государстве, наделенный правом принимать окончательные решения по всем вопросам общегосударственного значения [11, с. 63]. Функции верховной власти прямо и непосредственно производны от целей, задач и функций государства. Они никем не устанавливаются, но объективно задаются всем ходом исторического развития, внешними и внутренними условиями их существования, наличными народными силами и возможностями их реализации, интересами различных социальных слоев и групп населения. Задача верховной власти — правильно осознать их и верно сформулировать в программно-идеологических и нормативных установках, а также воплотить в жизнь с помощью создаваемого ею управленческого аппарата и широких народных масс в их интересах.

Функции верховной власти надлежит рассматривать в двух аспектах: а) с точки зрения ее социально-политического назначения, роли и места в государстве и системе публичной власти; б) с точки зрения основных направлений ее деятельности по реализации своего назначения, их видов и форм [11, с. 73].

Функции верховной власти вытекают также из символического образа (архетипа) суверенной власти, сложившегося в религиозно-мифологических представлениях и политических традициях древности. Именно мифология и теология заложили основы светского, собственно научного осмысления практически всех сторон государственно-правовой действительности. Сила и глубина религиозно-мифологических образов и символов осознано или на подсознательном уровне оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на формы организации и порядок осуществления верховной государственной власти [12, с. 10]. Эти образы и символы не умерли в результате секуляризации общественного сознания и многих сторон социальной жизни. Более того, появившееся в XVIII в. учение о народном суверенитете, в соответствии с которым всякая власть исходит от народа, представляет собой не что иное, как перевернутую секуляризованную разновидность идеи Божественного права: прежнее теологическое утверждение о том, что суверенные властные полномочия даются Богом, возвращаются на землю и заменяются принципом, согласно которому имманентным источником верховной власти и полномочий является «суверенный народ». Поэтому, по мысли К. Шмитта: «...все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия» [13, с. 57].

Исходя из вышесказанного — **первая функция верховной власти** — это **учреждение государства**, которая корреспондирует аналогичной функции творения,

осуществляемой Верховными Богами по отношению ко всему макрокосму. Верховная власть консолидирует различные этнические группы в национальную социокультурную целостность, превращая их в единый государствообразующий народ и придавая ему политический статус (начальный этап реализации функции консолидации). Тем самым верховная власть конституирует государство, определяет его формы, утверждает и учреждает социальные, политические, экономические и правовые институты; она открывает и формулирует основной нравственно-религиозный и правовой закон социальной жизни народа и придает, в соответствии с этим законом жизненной организации народа, относительно законченные политико-правовые формы (функция институционализации). На основе этого закона формируется национальная политико-правовая традиция, соответствующая внутренним и внешним условиям существования государствообразующего народа, его общим почвенным идеалам, ценностям, верованиям, обычаям, нравам, сочетающегося с ними (функция адаптации).

В процессе и после учреждения государства **второй**, с точки зрения последовательности **функцией верховной власти является управление государственно организованным обществом, как единым целостным организмом**. Содержание управления, осуществляемого верховной властью, можно рассматривать как процесс подготовки и принятия ею цепи последовательных политических решений и организационной деятельности по их проведению в жизнь в целях поддержания существующего состояния государственно-организованного общества или по его изменению, переводу в новое, более совершенное состояние. Это означает рассмотрение и решение любого вопроса общественной жизни высшими органами и другими (неофициальными и неинституализированными) субъектами верховной власти с точки зрения укрепления политического единства государства, консолидации общества, их адекватной адаптации к внутренним и внешним условиям существования. Поэтому то управление, которое осуществляет **верховная власть** правильно назвать **политическим управлением, или политическим руководством**.

Именно в аспекте разделения публичного управления на политическое руководство государством в целом, осуществляемое исключительно верховной властью, и подчиненную и поднадзорную ей административную и юрисдикционную деятельность по отношению к отдельным отраслям, сферам и объектам, гражданам и их группам, которой по поручению и под контролем верховной власти занимаются все остальные органы публичной власти, и проявляется сущностное и содержательное различие их управленческого труда.

В связи с этим, возникает необходимость выяснения соотношения таких понятий, как государственная политика и публичное (государственное) управление. По этому поводу существуют различные, в том числе, прямо противоположные, точки зрения [14, с. 76–80; 15, с. 30–38; 16, с. 54–55]. Соглашаясь в целом с тем, что политику нельзя жестко отделять от управления, и с тем, что она есть лишь разновидность или часть государственного управления в его широком понимании, как деятельность всего аппарата публичной власти [16, с. 55; 17, с. 156–157], следует все-таки отдавать отчет, что политика (политическое руководство) является не простой, обыкновенной частью управленческой деятельности, а ее сущностной основой [18, с. 7–8].

Совершенно ясно, что функция политического управления заключается прежде всего в разработке и принятии важнейших управленческих решений

стратегического характера по отношению ко всему обществу или его важнейшим отраслям и сферам, причем не всегда обязательно в форме законов, но и в форме актов верховного управления, принимаемых главой государства или высшим органом исполнительной власти. Законодательная деятельность составляет только часть функции политического управления. В его осуществлении принимают участие все органы, составляющие верховную власть в государстве: высший представительный орган, глава государства, правительство, в некоторых государствах с однопартийной системой или монополюсно доминирующей партией — органы высшего партийного руководства.

Поэтому в настоящее время, реальным принципом организации и деятельности системы публичной власти является принцип ее разделения на верховную (политическую), административную и юрисдикционную. Прямое участие верховной власти в реализации общего полномочия управления государством постоянно проявляется в том, что она несет на себе задачи все направляющей и контролирующей силы, определяющей основные направления политики государства, формирующей систему, структуру и компетенцию различных подразделений государственного механизма. Ее прямыми обязанностями являются: формирование аппарата публичной власти, определение общих принципов и направлений его деятельности, распределение функций и полномочий между различными его уровнями, звеньями и органами; подбор и расстановка кадров, проведение реорганизационных мероприятий; контроль; принятие важнейших политических решений.

Таким образом, осуществляя политическое управление обществом **верховная власть играет роль политического центра — места принятия важнейших стратегических решений**, имеющих прямое отношение к самому образованию, существованию и преобразованию (реформированию) государственного аппарата. В принятии таких решений и состоит назначение верховной власти, откуда вытекают ее полномочия на общее, политическое руководство государственноорганизованным обществом, построение государственного аппарата и управление его деятельностью. В отношении государственного аппарата, всех его уровней, звеньев и органов верховная власть создает то, что называется режимом управления, ее роль здесь заключается, в первую очередь, по словам Л.А. Тихомирова: «...в управлении управительными силами, их направлении, их контроле, суде над ними, изменении их персонала и устройства» [19, с. 543]. Задачи административной и юрисдикционной властей, их органов и т.д. заключаются в осуществлении, реализации данного режима, применении в своей практической деятельности общих принципов, правил и решений, установленных актами верховной власти.

Деятельность верховной власти по осуществлению политического управления позволяет ей играть также **функцию-роль верховного судьи, социально-политического арбитра в государстве и обществе** и обладать для этого соответствующим статусом, включающим в себя уникальные, ей одной принадлежащие прерогативы действовать в случае необходимости надправовыми и незаконными формами и средствами, т.е. правомочием действовать по усмотрению, исходя из сложившейся ситуации, иметь и использовать дискреционные полномочия. Именно поэтому Б.Н. Чичерин называет верховную власть «верховным судьей всякого права» и верховным судьей «всех других властей» [20, с. 66], а П.Е. Ка-

занский считает ее верховным судьей в судьбах своей державы, в ее исторических стремлениях и национальных задачах [21, с. 221].

Эта статусная роль относится не только к абсолютным (самодержавным) монархиям, где монарху принадлежит вся полнота верховной власти. В конституционных монархиях или республиках, где верховная власть, ее полномочия и прерогативы разделены между несколькими высшими органами, ими и избирательным корпусом, один из этих субъектов, при решении конкретного вопроса, обычно наделяется правом быть последней инстанцией, иметь последнее решающее слово, принимать окончательное решение. Так, в разногласиях между двумя палатами парламента по поводу содержания законопроекта окончательное слово принадлежит нижней палате, которая может преодолеть возражения верхней простым (Германии, Бельгии, Австрии, Индии) или квалифицированным (в России) большинством голосов. При разногласиях между парламентом (его нижней палатой) и правительством в странах с парламентарной и полупрезидентской формой правления последнее слово принадлежит главе государства. В случаях введения чрезвычайного положения окончательное решение принимает глава государства (Франция) или верхняя палата парламента (Россия) и т.д. И всегда оценка сложившейся ситуации и принятие решения зависят исключительно от усмотрения соответствующего уполномоченного органа. При этом, быть судьей в оценке политической ситуации и разногласиях других государственных органов, оценке их конкретных действий, либо деятельности в целом, за какой-то период времени, в том числе, и других высших органов, есть одна из важнейших суверенных прерогатив.

Исходя из статуса верховной власти как высшего, крайнего центра принятия наиболее важных решений, касающихся всего общественного организма или его отдельных, важнейших частей и элементов, ее функции всегда первичны, носят постоянный характер, из них вытекают направления деятельности и предметы ведения всех других уровней, звеньев и органов государственного механизма. Основная работа верховной власти состоит здесь не в личном управлении, а в том, чтобы привлечь на управленческую работу все силы, имеющиеся для этого в государстве, должным образом скомбинировать их и следить за общим ходом запущенной таким образом государственной машины, контролировать ее ход. При этом верховная власть, как власть универсальная, сохраняет за собой возможность непосредственного принятия на себя любой управленческой задачи и функции, а также право принятия любого решения при ее осуществлении. Из сферы контроля и прямого воздействия верховной власти не может быть изъята ни одна отрасль или сфера управления, ни одно действие нижестоящих структур. Но непосредственное участие верховной власти в управлении ограничено самой природой государственно-властной деятельности, требующей разделения труда в государственном аппарате. Из-за физической невозможности управлять всеми делами государства (общества) из одного центра и развивается система подчиненной, передаточной власти, ее производных, вторичных структур, уполномочиваемых верховной властью на отправление вполне определенных задач и функций в рамках своей компетенции. Но наиболее важные вопросы, касающиеся существования и жизнедеятельности всего государственноорганизованного общества, принципиальные для всего государства и полномочия по их решению, должны оставаться ради сохране-

ния и обеспечения внешней независимости и самостоятельности государства, в ведении органов верховной власти. Круг этих вопросов определяется самой верховной властью на каждом историческом этапе развития того или иного конкретного государства. В совокупности эти вопросы, предметы ведения и полномочия по их решению составляют исключительную компетенцию верховной власти.

Библиографический список

1. *Грачев Н.И.* Функции государства как социально-политического организма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 16–27.
2. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
3. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49 т. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 23. 907 с.
4. *Аубакирова И.У.* Современная евразийская модель государственного управления: политико-правовое измерение. М.: ИКД Зерцало-М, 2016. 416 с.
5. *Мамут Л.С.* Государство в ценностном измерении. М.: НОРМА, 1998. 48 с.
6. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: курс лекций. М.: Омега-Л, 2010. 525 с.
7. *Охотский Е.В.* Теория и механизмы современного государственного управления: в 2 ч. М.: Юрайт, 2019. Ч. 1. 367 с.
8. *Файоль А.* Общее и промышленное управление. М.: Журнал «Контроллинг», 1992. 112 с.
9. *Солонько И.В.* Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. М.: Концептуал, 2011. 304 с.
10. *Елинек Г.* Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 752 с.
11. *Грачев Н.И.* Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.: ООО «Книгодел», 2009. 468 с.
12. *Грачев Н.И.* Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества: Древний мир. Средневековье. Новое время. М.: ЛЕНАНД, 2018. 336 с.
13. *Шмитт К.* Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 2002. С. 7–98.
14. *Володенков С.В.* Соотношение политики и управления в системе регулирования современных общественных отношений // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 5. С. 76–80.
15. Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. Ч. I. 381 с.
16. *Понкин И.В.* Теория публичного управления: учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration. М.: Буки Веди, 2017. 728 с.
17. *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права: в 3 т. М.: НОРМА, 2002. Т. 1: История, Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. 673 с.
18. *Rabin J., Bowman J.S.* Introduction: Politics and Administration // Woodrow Wilson and American Public Administration, N.Y; Basel, 1984. 344 p.
19. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб.: А/о «Комплект», 1992. 680 с.
20. *Чичерин Б.Н.* Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. 536 с.
21. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора. М.: ФонДИВ, 2007. 600 с.

References

1. *Grachev N.I.* Functions of the State as a Socio-political Organism // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 1 (114). P. 16–27.
2. *Parsons T.* The System of Modern Societies. M: Aspect Press, 1997. 270 p.
3. *Marx K.* Capital. Criticism of Political Economy. T. I. Book.I. Process of Production of Capital // Marx K., Engels F. Compositions. Vol. 23. M.: State Policy, 1962. 907 p.
4. *Aubakirova I.U.* The Modern Eurasian Model of Government: Political and Legal Dimension. M.: IKD Zercalo-M, 2016. 416 p.
5. *Mamut L.S.* State in the Value Dimension. M.: NORMA, 1998. 48 p.
6. *Atamanchuk G.V.* Theory of Public Administration: a course of lectures. M.: Omega-L, 2010. 525 p.
7. *Okhotski E.V.* Theory and Mechanisms of Modern Public Administration. In 2 parts. Part 1. M.: Yurayt Publishing House, 2019. 367 p.
8. *Faiole A.* General and Industrial Management. M.: Journal «Controlling», 1992. 112 p.
9. *Solonko I.V.* Phenomenon of Conceptual Power: Social and Philosophical Analysis. M.: Conceptual, 2011. 304 p.
10. *Elinek G.* The General Doctrine of the State. SPb.: Legal center Press, 2004. 752 p.
11. *Grachev N.I.* State Sovereignty and Forms of Territorial Organization of the Modern State: Basic Laws and Trends. M.: OOO «Knigodel», 2009. 468 p.
12. *Grachev N.I.* Origin of Sovereignty: Supreme Power in the Worldview and Practice of State-construction of the Traditional Society: Ancient World. Middle Ages. New Time. M.: LENAND, 2018. 336 p.
13. *Schmitt C.* Political Theology. Four Chapters to the Doctrine of the Sovereignty // Schmitt C. Political Theology. Collection of works M.: «KANON-PRESS-TS», 2002. P. 7–98.
14. *Volodenkov S.V.* Ratio of Policy and Management in the System of Regulation of Modern Social Relations // Problem Analysis and Public Management Design. 2011. No. 5. P. 76–80.
15. Public policy and Management: textbook in 2 parts. Concepts and Problems of Public Policy and Management, edited by L.V. Smorgunov. M: «Russian political encyclopedia» (ROSSPEN), 2006. 381 p.
16. *Ponkin I.V.* Theory of Public Administration: textbook for master's degree and Master of public administration programs. M.: Buki Vedi, 2017. 728 p.
17. *Starilov J.N.* Course of General Administrative Law: in 3 vol. 1 M.: NORM, 2002. History, Science. Object. Standards. Subjects. 673 p.
18. *Rabin J., Bowman J.S.* Introduction: Politics and Administration // Woodrow Wilson and American public Administration, N.Y.; Basel, 1984. 344 p.
19. *Tikhomirov L.A.* Monarchic Statehood. SPb.: A / o «Set», 1992. 680 p.
20. *Chicherin B.N.* General State Law. M.: Mirror, 2006. 536 p.
21. *Kazanski P.E.* The Power of the All-Russian Emperor. M.: FondIV, 2007. 600 p.

УДК 321

Е.С. Дорофеева, А.В. Чекмарева

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР В СФЕРЕ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В 60–80-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Введение: в современных условиях особую роль играет выстраивание основных направлений государственной политики в отношении молодежи, позволяющей мобилизовать новое поколение для решения новых задач, связанных с обновлением экономической сферы общества. В статье проанализирован и обобщен опыт профессионально-технического образования в СССР 60–80-х гг. XX столетия. При этом подчеркивается, что в данной системе целенаправленно осуществлялась не только подготовка молодежи к трудовой деятельности, но и во многом решались социальные и культурные проблемы. **Цель:** выявить основные направления государственной политики СССР, в области трудового обучения и воспитания молодежи в 60–80-е гг. XX в., определить действенные рычаги государственного управления в сфере профессионально-технического образования, проследить взаимосвязь государственного воздействия и общественной инициативы. **Методологическая основа:** представлена общенаучными методами: историческим, цивилизационным, аналитическим, диалектическим. **Результаты:** доказано, что правовые основы подготовки и воспитания квалифицированных кадров для производства обеспечили высокие показатели кадровой политики. Отмечено, что государственные рычаги управления, в 60-е гг. тесно связанные с профсоюзами, в 1970–80-е гг. стали усиливаться. Авторы отмечают, что в начале 1980-х гг. в управленческих структурах преобладали запросы на гибкое развитие производства в СССР, однако государственные структуры не отреагировали на предложения специалистов. **Выводы:** в рассматриваемый период основные направления государственной политики СССР в сфере трудового обучения молодежи пришли в противоречие с реальными потребностями производства и возможностями государственного финансирования. Курс на повышение общеобразовательного уровня учащихся профтехучилищ оказался расточительным и не всегда оправданным, как с точки зрения запросов производства, так и возможностей учащихся. Администрирование в переводе учебных заведений на базу среднего образования привело к размыванию профессиональных ориентиров, к перегрузкам учащихся. Авторы полагают, что совершенствование правовых основ государственной политики трудового обучения и воспитания молодежи в современных условиях концептуально должно осуществляться по следующим направлениям: партнерство государства — производственная сфера — общественные структуры. **Ключевые слова:** государственная политика, молодежная политика, обучение, воспитание, профтехобразование, кадровая стратегия.

© Дорофеева Елена Степановна, 2019

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, политологии, социологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anastasiya-chekmareva@yandex.ru

© Чекмарева Анастасия Валерьевна, 2019

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anastasiya-chekmareva@yandex.ru

© Dorofeeva Elena Stepanovna, 2019

Doctor of historical sciences, Professor, professor of the History, political science, sociology and service department (Saratov State Law Academy)

© Chekmareva Anastasiya Valeryevna, 2019

Doctor of law, Associate professor, professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

E.S. Dorofeeva, A.V. Chekmareva

**THE MAIN DIRECTIONS OF THE USSR STATE POLICY
IN THE SPHERE OF LABOR TRAINING AND EDUCATION
OF YOUTH IN THE 60–80 OF THE XX CENTURY**

Background: under present conditions a special role is played by the formation of the main directions of state policy with respect to young people who want to mobilize a new generation to solve new problems associated to the renewal of the economic sphere of society. The article analyzes and summarizes the experience of vocational education in the USSR 60-80-ies of XX century. At the same time, it is emphasized that in this system not only the preparation of young people for work was purposefully carried out, but also social and cultural problems were largely solved. **Objective:** to identify the main directions of the state policy of the USSR of labor training and education of youth in the 60-80s of the XX century, to determine the effective levers of public administration in the field of vocational education, to trace the relationship of state influence and public initiative. **Methodology:** general scientific methods: historical, civilizational, analytical, dialectical have been used in research. **Results:** it is proved that the legal basis of training and education of qualified personnel for production provided high rates of personnel policy. It is noted that the state levers of management, in the 60s are closely associated with trade unions, in the 1970-80s began to strengthen their trade unions. The authors note that in the early 1980s, management structures were dominated by requests for flexible development of production, but government agencies did not respond to the proposals of specialists. **Conclusions:** during the period under review, the main directions of the state policy of the USSR in the field of labor training of young people came into conflict with the real needs of production and the possibilities of state funding. The course to improve the General level of vocational school students was wasteful and not always justified, both from the point of view of the demands of production and the opportunities of students. Administration in the transfer of educational institutions to the base of secondary education has led to the erosion of professional guidelines, to overload students. The authors believe that the improvement of the legal basis of the state policy of labor training and education of young people in modern conditions should be conceptually carried out in the following areas: partnership of the state — production sphere — social structures.

Key-words: public policy, youth policy, training, education, vocational education, personnel strategy.

Современное российское государство формирует политические и правовые основы вовлечения молодежи в производственную сферу, укрепляя таким образом экономический и социальный потенциал страны. Однако стихийные процессы, происходящие в обществе, во многом тормозят выстраивание системы подготовки квалифицированных кадров адекватной времени. Сокращение в 1990-е гг. рабочих кадров, банкротство предприятий, отсутствие социальной поддержки этого явления привело к девальвации роли труда, трудового обучения и воспитания. Кадровый кризис в промышленности диктует необходимость осмысления исторического опыта страны в целях использования его положительных аспектов.

В 60–80-е гг. прошлого столетия профессионально-техническое образование в СССР представляло собой специализированную сферу деятельности общества, в которой осуществлялась не только подготовка молодежи к трудовой деятель-

ности, но и во многом решались ее социальные, культурные проблемы. Процесс обеспечения производства квалифицированными кадрами — государство взяло под контроль. Государственная политика в области профессионального образования предполагала планирование подготовки рабочей силы заданного уровня квалификации, обеспечивала финансирование, трудоустройство — распределение, контроль за условиями адаптации на производстве. Правовые основы подготовки и воспитания рабочей силы во многом определялись не государством, а правящей партией. Основные стратегические задачи в области подготовки рабочих применительно к рассматриваемому периоду были определены решениями XXII съезда КПСС (1961 г.). Согласно его решениям подготовка рабочих в школе была признана не оправдавшей доверия. Обучение на производстве допускалось лишь по профессиям, требующим начального образования со сроком до 6 месяцев. Профессионально-технические учебные заведения предназначались для подготовки рабочих по наиболее сложным профессиям. Срок обучения профессии составлял от одного года до трех лет. Перед многими органами власти были поставлены задачи упорядочения сети профтехобразования в зависимости от развития производства, укрепления материально-технической базы обучения, жилищно-бытового устройства молодежи.

Следует иметь в виду, что к середине 1960-х гг. стали укрепляться технократические тенденции решения задач подготовки и воспитания рабочей силы. Наиболее полно она материализовалась в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении роли Государственного Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию и подготовке квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства», принятом в 1966 г. Для него характерно упорядочение структуры центральных и местных органов руководства профтехобразованием, определение их основных функций, решение вопросов подготовки и переподготовки кадров.

Повышение роли государства в определении кадровой стратегии особо проявилось в признании прерогативы союзно-республиканского государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию, вместе с тем, повышалась и роль подведомственных организаций.

В 1960-е гг. начала закладываться основа взаимодействия органов государства с профсоюзами. Так, перечень профессий и специальностей, по которым должна была осуществляться подготовка рабочих на производство, предварительно согласовывался с ВЦСПС, а также с государственным Советом Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. Только после этого перечень профессий утверждался Государственным Комитетом Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию.

О взаимодействии Совета Министров и ВЦСПС свидетельствует совместная работа над подготовкой нормативных документов. Так, в 1968 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению подготовки и повышению квалификации рабочих непосредственно на производстве». Данное постановление предусматривало создание на предприятиях необходимой учебно-производственной базы для подготовки рабочих. В целях улучшения качества обучения молодых рабочих предусматривалось развитие учебно-курсовых комбинатов, учебных цехов, лабораторий, полигонов.

Было также предложено сформировать отделы производственно-технического обучения рабочих при министерствах и ведомствах.

В составлении нормативных документов, обеспечивающих четкое выполнение государственной политики в сфере труда, особую роль играл Государственный комитет по профтехобразованию. Еще в 1950-е гг. он разработал типовое положение о подготовке и повышении квалификации рабочих непосредственно на производстве. В этом документе были определены цели и задачи, организационные принципы, основные формы подготовки рабочих, предложения по совершенствованию учебного процесса. На данной правовой основе была разработана инструкция о проведении квалификационных экзаменов, методические рекомендации по организации контроля за учебным процессом, по повышению квалификации преподавателей и инструкторов.

Нормативная документация государственных структур позволила принять соответствующие решения профсоюзных органов. В апреле 1969 г. Президиум ВЦСПС принял специальное постановление «О задачах профсоюзов в области подготовки квалифицированных рабочих непосредственно на производстве». В нем были определены задачи профсоюзных органов по улучшению качества подготовки рабочих и участию в объявленном ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ Всесоюзном общественном смотре состояния подготовки и повышения квалификации рабочих на производстве [1, с. 524–527].

Предусматривалось расширение подготовки рабочих в профтехучилищах, сокращалась подготовка на производстве, развивалось наставничество над молодыми рабочими, уделялось большое внимание закреплению молодежи на производстве.

Таким образом, государственная политика в сфере подготовки рабочих кадров в конце 1960-х гг. стала подкрепляться общественным участием в лице профсоюзов и комсомола. Основу кадровой стратегии применительно к подготовке рабочих в 1960–70-е гг. составляла идея устранения узкоремесленного подхода к обучению молодых рабочих. Учебные заведения профтехобразования стали рассматриваться как основа роста интеллектуализации труда. Особое внимание уделялось совершенствованию качества рабочей силы, повышению уровня не только профессионального, но и общего образования. Постановка такой задачи вытекала из новых потребностей производства. В конце 1960-х гг. до 50% рабочих ведущих профессий в химической промышленности, черной металлургии, радиоэлектронике, авиации, ракетной и ядерной отраслях должны были иметь среднее образование [2, с. 309–317].

Для достижения цели высокого качества обучения молодежи в профтехучилищах было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профтехобразования». Оно положило начало постепенному преобразованию действующих учебных заведений в училища с трех- и четырехлетним сроком обучения с тем, чтобы оканчивающие такие училища выпускники имели среднее образование. И тогда и сейчас в оценке данного преобразования нет однозначного ответа. Мы склонны поддержать мнение о том, что внедрение в профтехучилища общего среднего образования явилось преждевременной мерой. Оно отражало лишь незначительную часть запросов в производстве, а осуществлялось в достаточно широком объеме. К тому же в ходе реализации данной идеи применялись волевые методы, что зачастую приводило к погоне за количественными показателями. Число средних ПТУ росло быстрыми темпами, число учащихся резко возросло. Если в 1970–1971 учебном

году было 500 учебных заведений с числом учащихся 180 тыс., то в 1975–1976 учебном году — 2 700 с 1 276 000 учащихся. В 1981–1982 учебном году было уже 4 600 средних ПТУ, в которых обучалось 2 244 000 учащихся. За годы 9-й и 10-й пятилеток число средних ПТУ возросло в 7,5 раз, а количество учащихся в них увеличилось более чем в 14 раз [3, с. 403]. Количественные параметры отнюдь не отражали качества подготовки рабочих. В погоне за общим образованием снижалось качество профессионального обучения. Далеко не все учащиеся были готовы к овладению общим образованием в силу целого ряда причин: дети не имеют достаточной мотивации для получения образования и дальнейшей реализации в профессии.

Вопреки мнению сложившемуся в современных условиях о том, что административно-командная система советского периода сковывала общественную инициативу, хотелось бы подчеркнуть, что правящая партия и государственные структуры использовали методы взаимодействия с обществом для определения стратегии и решения задач подготовки квалифицированной рабочей силы. Вскоре после XXV съезда КПСС, где были определены новые задачи в совершенствовании системы подготовки молодых рабочих, состоялось Всесоюзное совещание работников государственной системы профтехобразования [4, с. 14]. По предложению работников профтехучилищ расширился список сложных специальностей, по которым производственное обучение проводилось в малых учебных группах по 12–15 человек, что создавало возможность более глубокого овладения рабочей профессией. Улучшилась взаимосвязь с базовыми предприятиями. Они выделяли для учащихся самостоятельные участки, цехи для прохождения практики.

Государственная политика трудового обучения и воспитания молодежи осуществлялась не только в общесоюзном формате. Значимое место занимали отраслевые проблемы. В деле совершенствования профессионального обучения молодых рабочих-строителей особую роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 января 1979 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных кадров и закреплению их в строительстве» [5, с. 646–647]. В нем подчеркивалась важность задачи по обеспечению строительства постоянными квалифицированными специалистами. Система профтехобразования была объявлена приоритетной и более перспективной по сравнению с другими формами трудового обучения молодежи. Под влиянием такого направления кадровой политики на местах, в частности в Поволжье, базовые предприятия стали выплачивать учащимся строительных ПТУ не 30%, а 50% суммы, заработанной ими за время производственной практики [6]. Это повышало заинтересованность подростков в получении строительных профессий, способствовало их социальной защищенности.

Отраслевая государственная политика давала свои результаты. В 1972–1975 гг. 9488,6 тыс. выпускников профтехучилищ было направлено в различные отрасли народного хозяйства [7, с. 268]. В 1982 г. государственная система профтехобразования располагала 7378 учебными заведениями с числом учащихся 3 714 000 человек [8, с. 2]. Ежегодно в ПТУ получали профессию около 2 млн человек. Вырос и удельный вес молодежи, пришедшей из ПТУ на производство. Если в 1960-е гг. молодежь, прошедшая обучение в профтехучилищах, составляла одну треть юношей и девушек, пришедших на производство, то в 10-й пятилетке две трети молодого поколения в экономике страны были выпускниками ПТУ [9, с. 52].

В 1970-е гг. директивные указания сверху предписывали обязательность общеобразовательной подготовки молодых рабочих в объеме средней школы. Формирование средних профтехучилищ превратилось в определенную кампанию, в ходе которой ускоренными темпами создавались средние профтехучилища и училища на базе 10-летнего образования — технические училища (ТУ). Совершенно игнорировалось то обстоятельство, что не все предприятия были готовы дать выпускникам профтехучилищ работу, соответствующую уровню общего образования. Не учитывались и демографические факторы, в результате чего молодежь, поступающая в учебные заведения профтехобразования, представляла собой в основном отсев из школ, что затрудняло на практике осуществление идеи обеспечения общего среднего образования в профтехучилищах. Этим порождалось стремление педагогов к завышению действительного уровня общего образования. В областях Поволжья нажимные методы в обеспечении общего образования молодых рабочих обеспечили высокий уровень выпускников со средним образованием, чем в целом по РСФСР, где на 3541 училище приходилось 2936 средних ПТУ, т.е. 82,9%. Вместе с ТУ они составили 85,9%. К концу 1970-х гг. из общего числа учащихся 43573 выпускника данного региона одновременно с профессией получили среднее образование, что в два раза больше, чем в период 1971–1975 гг. [10, с. 266]. Такой рост числа выпускников со средним образованием в Поволжье обусловлен не столько нажимными методами, сколько потребностью производства в регионе. Здесь было достаточно мощных базовых предприятий, где требовалась высококвалифицированная сила. Кроме того, базовые предприятия оказали серьезную поддержку материального характера для преобразования учебных заведений. Немалую роль в развитии среднего образования сыграли партийные и профсоюзные организации.

Вместе с тем в погоне за общим средним образованием наблюдался спад профессионализма. Это связано прежде всего со старением оборудования, на котором обучались молодые люди. На каждое учебное заведение приходилось менее 4 мастерских вместо 7–9 по нормативам [11]. В целом ряде отраслей продолжал оставаться устойчивым спрос на неквалифицированную и малоквалифицированную рабочую силу. На предприятиях, где не было необходимости в рабочих со средним образованием, выпускникам профтехучилищ поручалась малоквалифицированная работа. В эти же годы стала складываться диспропорция между запросами производства по перечню профессий и практикой набора в учебные заведения, господствовал принцип: «план любой ценой». Государственная политика подготовки рабочих стала давать сбой. Денежных средств, выделяемых из госбюджета, на развитие ПТУ было недостаточно. С 1970 по 1986 гг. доля расходов в бюджете сократилась с 11 до 8%. Оборудование, которое базовые предприятия передавали профтехучилищам, нередко было морально и физически устаревшим, материально-техническая база продолжала оставаться слабой. Жесткая централизация в выработке кадровой стратегии, сложившаяся практика обязательности для нижестоящих организаций решений, принятых в высших эшелонах власти, не оставляла возможности изменения существующего положения вещей. Не использовались в полную меру в 1970–80-х гг. и такие принципы кадровой стратегии, как ориентация на приоритетные отрасли, учет региональных особенностей, ориентация учебных заведений на подготовку рабочих широкого профиля. В начале 1980-х гг. в управленческих структурах профтехобразования стали преобладать тенденции к созданию условий более

гибкого реагирования на запросы развивающегося производства, в числе задач рассматривались повышение уровня профессионализма учащихся, овладение смежными профессиями. Была предпринята попытка более детально проанализировать зарубежный опыт и складывающуюся региональную практику [12]. Обращение к зарубежному опыту показало, что в США, например, в рамках федеральной политики происходит процесс углубления межштатных отношений. Широкое распространение здесь получила подготовка кадров для сферы услуг [13, с. 67]. Выбор приоритетов в экономике с ориентацией на национальные интересы характерен для Японии и Южной Кореи. Правовые основы трудового обучения молодежи в Германии являли собой образец регионального подхода и учета приоритетов отраслевого развития экономики. В целом ряде стран были разработаны специальные законодательства, отражающие интересы молодежи. В Германии — закон о благоденствии молодежи, в США — об образовании и трудоустройстве молодежи. В Испании с 1973 по 1989 гг. была принята целая серия законов: о правах молодежных организаций, о профессиональной подготовке, о полномочиях политики по делам молодежи, о гарантиях прав молодежи во время производственной практики и др. [14, с. 18]. В Ирландии государство стимулировало прием молодых рабочих. Если предприятие принимало более 10–15 рабочих, оно могло рассчитывать на налогово-дотационную помощь государства. При этом если предприятие заинтересовано в высоком уровне образования, то оно должно перечислять 0,1% от общей суммы налога с прибыли. Если же предприятие не могло обеспечить высококвалифицированную подготовку, то сумма налога с прибыли составляла 1%. Тем самым создавались благоприятные условия для подготовки кадров высокой квалификации. При этом государство брало на себя от 30 до 80% всех расходов на профессиональную подготовку и повышение квалификации рабочих [15, с. 2].

Стратегический курс на повышение общеобразовательного уровня учащихся профтехучилищ оказался расточительным и не всегда оправданным как с точки зрения запросов производства, так и интересов и возможностей учащихся. Страна стала отставать по подготовке кадров для сферы услуг [16, с. 160]. Научные разработки ученых в системе профтехобразования, предложения практиков по совершенствованию обучения и воспитания молодежи в профтехучилищах оказались невостребованными властными структурами. Не в полной мере использовались региональные особенности подготовки рабочей силы. В Волгоградской, Саратовской и Астраханской областях, вместе взятых, наблюдалась тенденция к повышению качества знаний как профессионального, так и производственного цикла. Если в 1975–1976 гг. успеваемость по профессиональному циклу составляла 92,4%, то к 1979–1980 гг. — 99,7%. Еще лучше были показатели по производственному обучению, где успеваемость все годы составляла 100%, а качество знаний повысилось с 64,1% в 1975–1976 гг. до 81,5% в 1979–1980 гг. [17]. Что же касается общеобразовательных дисциплин, то их показатели росли менее значительно. За отмеченный период успеваемость выросла с 95,1% до 98,7%, а качество знаний повысилось с 8,8% до 11,8%. Администрирование в переводе учебных заведений на базу среднего образования привело к размыванию профессиональных ориентиров, к перегрузкам учащихся.

В современных условиях, когда наконец осознана необходимость преодоления кадрового кризиса в стране, полезно избежать ошибок прошлого, а также использовать положительный опыт как собственной страны, так и зарубежных

государств. Формируя новую правовую основу трудовой подготовки молодежи, следует заимствовать практику государственного влияния в данной сфере. Важно осмысленно, а не фанатично подходить к использованию зарубежного опыта. Так, американские аналитики уже в начале 1980-х гг. пришли к выводу о необходимости усиления государственного влияния на подготовку рабочей силы: «Лидирующей нацией будет та, которая создаст наиболее эффективную систему школ и колледжей, чтобы максимально развить интеллектуальный потенциал своих молодых граждан» [18, с. 5]. На наш взгляд для России более приемлема японская система подготовки рабочих кадров. Там особое внимание уделяется не индивидуализму, как в Америке, а коллективизму, воспитанию высокой, почти религиозной заботы о качестве выпускаемой продукции. Высоко ценится принадлежность фирме, надежность в работе, склонность к кооперации, высокий дух коллективизма [19, с. 55]. Современные социологические исследования в России показывают, что в обществе растет запрос на государственное управление в развитии человеческого капитала, на социальную поддержку. Кроме того, жизненные ценности, нормы поведения чаще всего связываются с честным трудом, добросовестной работой [20, с. 42–43].

Предстоит большая и напряженная работа по формированию сознания современной молодежи в духе уважения к труду. Если в советское время в 1960–1970-е гг. ценность интересной работы у молодежи была на первом месте, то теперь она — на четвертом [21, с. 38]. Согласимся в этой связи с мнением Н.В. Бусыревой о том, что в современных условиях рабочая профессия должна стать престижной, для чего необходимо воссоздавать (с теми или иными поправками) разрушенную советскую систему подготовки, привлечения и закрепления кадров в промышленности [22, с. 19].

Совершенствование государственной политики трудового обучения и воспитания молодежи в современных условиях, на наш взгляд, концептуально должно осуществляться по следующим направлениям: как партнерство государства, системы образования, производственной сферы, общественных структур. Главная цель такого единения — рост производства и качество молодежного ресурса в нравственном, профессиональном и социальном выражении. Особое место в новой правовой основе должны занять источники финансирования профессиональной подготовки молодежи. Опыт многих стран показывает, что это могут быть: целевые государственные облигации, специальные вклады на поддержку молодежи, отраслевое финансирование, вклады предприятий, отчисления от производственной практики.

Библиографический список

1. Справочник партийного работника. М.: Политиздат, 1969. Вып. 9. 575 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1971–1973. Т. 7. 765 с.
3. Народное хозяйство СССР. 1922–1982. М.: Финансы и статистика, 1982. 624 с.
4. Всесоюзное совещание работников государственной системы профтехобразования. М.: Высшая школа, 1979. 66 с.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1977–1979 гг.). М.: Политиздат, 1979. Т. 12. 765 с.
6. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 113. Оп. 107. Д. 30. 111 с.
7. Булгаков А.А. Профессионально-техническое образование в СССР на современном этапе. М.: Высшая школа, 1977. 310 с.

8. Профессионально-техническое образование. 1982. № 6.
9. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. 256 с.
10. ЦСЦ РСФСР. Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981. 406 с.
11. *Батышев С.* Рабочая карьера // Правда. 1989. 15 декабря.
12. Архив Госпрофобра РФ. Ф. 1. Оп. 33. Д. 9. Л. 33.
13. США. Экономика. Политика. Идеология. 1993. № 7.
14. Социалистический труд. 1991. № 9.
15. Альманах «Профессионал». 1991. № 6.
16. Американская промышленность в 80-е годы: проблемы структурной перестройки: реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1987. 206 с.
17. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 7. Д. 126. Л. 34; ГАСО. Ф. 2141. Оп. 14. Д. 816. Л. 14; Центр документации новейшей истории Куйбышевской области (ЦДНИКО). Ф. 656. Оп. 14. Д. 156. Л. 47.
18. Суд над системой образования: стратегия на будущее: [Сборник: пер. с англ.] / под ред. У.Д. Джонстона; науч. ред. пер. Е.В. Эйдман. М.: Педагогика, 1991. 260 с.
19. *Григорьев О.И.* Капитализм и рабочий класс на пороге XXI века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1996. 209 с.
20. *Горшков М.К.* Средний класс как отражение экономической и социальной модели современного развития России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 35–44.
21. *Семенов В.Е.* Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.
22. *Бусырева Н.В.* Дефицит кадров в условиях социальной трансформации российского общества // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Березники, 2008. 312 с.

References

1. The Handbook of the Party Worker. Moscow: Politizdat, 1969. Issue. 9. 575 с.
2. Decisions of the Party and the Government on Economic Issues. Moscow: Politized, 1971–1973. Vol. 7. 765 p.
3. National Economy of the USSR. 1922–1982. М.: Finance and Statistics, 1982. 624 p.
4. All-Union Meeting of Employees of the State System of Vocational Education. М.: Higher school, 1979. 66 p.
5. Party and Government Decisions on Economic Issues (1977-1979). Moscow: Politizdat, 1979. Vol. 12. 765 p.
6. Centre of the Contemporary History of the Saratov Region Documentation (CDNIS). F. 113. Op. 107. D. 30.111 p.
7. *Bulgakov A.A.* Technical and Vocational Education in the USSR at the Present Stage. М.: Higher school, 1977. 310 p.
8. Vocational and Technical Education. 1982. No. 6.
9. Materials XXIV Congress of the CPSU. Moscow: Politizdat, 1981. 256 p.
10. CSC OF THE RSFSR. National Economy of the RSFSR in 1980. Statistical Yearbook. М.: Finance and statistics, 1981. 406 p.
11. *Batyshev S.* Working Career // Pravda. 1989. 15 Dec.
12. Archive Coprophobia of the Russian Federation. F. 1. Op. 33. D. 9. L. 33.
13. USA. Economy. Policy. Ideology. 1993. No. 7.
14. Socialist Labor. 1991. No. 9.
15. Almanac «Professional». 1991. No. 6.
16. American Industry in the 80s: Problems of Structural Adjustment: Abstract Collection. М.: INION, 1987. 206 p.

17. CANISO. F. 594. Op. 7. D. 126. L. 34; the JI-AP. F. 2141. Op. 14. D. 816. L. 14; Centre of Documentation of the Newest History of the Kuibyshev Region (CANICO). F. 656. Op. 14. D. 156. L. 47.
18. The Trial of the Education System: a Strategy for the Future: [Collection: lane.] / ed. by W. D. Johnston; Scientific. ed. transl. by E. V. eydman. M.: Pedagogy, 1991. 260 p.
19. *Grigoriev O.I.* Capitalism and the Working Class at the Threshold of the XXI Century. L.: Publishing House of LSU, 1996. 209 p.
20. *Gorshkov M.K.* Middle class as a reflection of economic and social model of modern development of Russia // Sociological researches. 2015. No. 1. P. 35–44.
21. *Semenov V.E.* Value Orientations and Problems of Education of Modern Youth. Sociological researches. 2007. No. 4. P. 37–43.
22. *Busyreva N.V.* Shortage of Personnel in the Conditions of Social Transfer of the Russian Society // Regional, Socio-cultural, Political and Economic Pocesess: Experience and Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Berezniki, 2008. 312 p.

УДК 321.01

Д.И. Артемова

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТА РФ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Введение: развитие гражданского общества должно быть основано на принципе субсидарности, т.е. на взаимном доверии и ответственности структур власти и общества. Граждане лучше ориентируются в основных вопросах права, за счет повышения активности и заинтересованности в получении правовых знаний, навыков. Ведь правовой нигилизм является одной из причин роста преступности среди несовершеннолетних лиц. **Цель:** проанализировать правовую природу и особенность преступности несовершеннолетних, определить меры по ее устранению или стабилизации на примере Пензенской области. **Методологическая основа:** общенаучный метод всеобщего познания, системно-правовой, формально-правовой анализ, опрос. **Результаты:** при стабильной социально-экономической и общественно-политической ситуации в регионе в рассматриваемый период зарегистрирован рост подростковой преступности. **Выводы:** первопричиной противоправного поведения подростка являются неблагоприятные социальные условия. Семейное неблагополучие, в т.ч. социальное, приводит к нарушению детско-родительских отношений, ведет к формированию у ребенка различных психологических комплексов и проблем, способствует безнадзорности, что в итоге приводит к криминализации поведения несовершеннолетнего. **Ключевые слова:** социальное развитие региона, несовершеннолетние лица, правовая норма, преступление, защита прав и свобод человека и гражданина.

D.I. Artyemova

**SOCIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION
SUBJECT, AS AN INDICATOR OF JUVENILE DELINQUENCY
(FOR EXAMPLE PENZA REGION)**

Background: the development of civil society should be based on the principle of subsidiarity, i.e. mutual trust and responsibility of the structures of power, society and business structures. Citizens are better guided in the basic issues of law, by increasing activity and interest in obtaining legal knowledge and skills. After all, legal nihilism is one of the reasons for the growth of crime among minors. **Objective:** to analyze the legal nature and peculiarity of juvenile delinquency, identifying measures to eliminate or stabilize it on the example of the Penza region. **Methodology:** general scientific method of general cognition, system-legal, formal-legal analysis, survey. **Results:** the author of the article states that with a stable socio-economic and socio-political situation in the region in the period under review, an increase in juvenile crime has been recorded. **Conclusions:** the root cause of the illegal behavior of a teenager is disadvantaged social conditions. Family break-ups including social result in disruption of the parent-child relationship and lead to the formation of the child's various psychological complexes and problems that contributes to child neglect, which ultimately leads to the criminalization of juvenile behavior.

Key-words: social development of the region, minors, civil society, legal norm, crime, protection of human and civil rights and freedoms.

Высокий уровень социального развития населения субъектов РФ является приоритетной целью деятельности органов государственной власти.

Пензенская область не является исключением. Здесь также принимаются меры по снижению социальной напряженности в обществе, повышению уровня защиты социально не защищенных граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, которая объективно нарушает их жизнедеятельность и которую они не могут преодолеть самостоятельно, а также по обеспечению безопасности, т.е. созданию системы гарантий защиты жизни, здоровья, имущественных и иных прав граждан¹.

Пензенская область представляет собой типичный усредненный субъект РФ. Если говорить образно, то можно предложить следующую выкладку: общую площадь страны и общее количество жителей поделить на число субъектов федерации, то полученные средние показатели будут равняться площади и количеству жителей анализируемой области. Для Пензенской области характерны стандартные социально-экономические проблемы государства, а также вызванное ими состояние преступности вообще и несовершеннолетней преступности, в частности.

Здесь следует отметить, что одним из дестабилизирующих факторов жизнеспособности общества, здоровья социума и социального развития региона как целостного организма является преступность несовершеннолетних лиц.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в период с января по ноябрь 2018 г. на территории России зарегистрировано 1 841 284 преступления, что на 79 535 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-4,1%).

¹ См.: Закон Пензенской области от 4 сентября 2007 г. № 1367-ЗПО «О стратегии социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 года)» // Пензенские губернские ведомости. 2007. № 31, с. 57.

Снижение количества зарегистрированных преступлений отмечается в 58 регионах страны — рост в 27. Так, увеличивается число преступлений в Ленинградской, Пензенской, Тульской, Новосибирской областях, Удмуртской Республике. Преступность среди несовершеннолетних по России снизилась на 3,9%².

Преступность несовершеннолетних сегодня является одной из ключевых проблем российского общества [1]. Ежегодно возрастают количественные показатели подростковой преступности, она приобретает групповой и организованный характер. В частности, в Пензенской области за 9 месяцев 2018 г., каждое четвертое преступление совершено подростками в группах со сверстниками (в 2016 г. — каждое четырнадцатое), каждое девятое — в группах со взрослыми (в 2016 г. — каждое шестое).

В настоящее время возникла острая необходимость в разработке научной концепции, позволяющей синтезировать накопленные знания и создать целостную систему нормативного регулирования, направленную на оптимизацию правового положения несовершеннолетних.

Можно отметить, что ежегодно возрастают количественные показатели подростковой преступности, она приобретает групповой и организованный характер³.

По итогам 1 полугодия 2018 г. на территории Пензенской области зарегистрирован рост подростковой преступности на 14,9%. Из общего числа преступлений, совершенных подростками на территории региона, 20% (в 2017 г. — 23%) составляют тяжкие и особо тяжкие преступления, при этом количество преступлений указанной категории осталось на уровне 2017 г. В указанном году изменилась их структура: значительную часть тяжких преступлений, совершенных подростками, составляли угоны автотранспорта, тогда как в 2018 г. 50,0% таких преступлений связаны со сбытом наркотиков⁴. В структуре подростковой преступности противоправные посягательства против собственности составляют 79,3% (69 преступлений), против здоровья населения и общественной нравственности — 5,7% (5 преступлений), против жизни и здоровья — 6,9% (6 преступлений).

Анализ причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними преступлений, позволяет сделать вывод о том, что первопричиной противоправного поведения подростка являются условия семейного воспитания, нестабильная экономическая ситуация, связанная со снижением реальных доходов населения, ростом цен на большинство товаров и услуг [2].

Семейное неблагополучие, в том числе социальное, приводит к нарушению детско-родительских отношений, ведет к формированию у ребенка психологических комплексов и проблем, способствует безнадзорности, что в итоге приводит к криминализации поведения несовершеннолетнего.

Основной причиной совершения несовершеннолетними повторных преступлений является отсутствие у них страха перед уголовным наказанием в связи с тем, что при совершении несовершеннолетним преступления впервые, в судебном

² См.: О состоянии преступности в Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1521582/> (дата обращения: 28.12.2018).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁴ См.: Заместитель руководителя следственного управления В.В. Фомин провел рабочую встречу с Уполномоченным по правам человека в Пензенской области и ответственным секретарем Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав региона. URL: <http://penza.sledcom.ru/news/item/1286692/> (дата обращения: 28.12.2018).

заседании судьями практически не принимается во внимание характеристика подростка и условий воспитания. Основным критерием, который учитывается при назначении наказания, является возраст подростка и отсутствие у него судимости.

В качестве условий, способствующих совершению подростками преступлений, следует отметить недостаточную эффективность деятельности учреждений и ведомств по ранней профилактике правонарушений несовершеннолетних, слабой организации досуговой занятости, а также правовой нигилизм определенной части подростков и их родителей.

Анализ оперативной обстановки в среде, сложившийся на территории Пензенской области, позволяет сделать вывод о том, что на текущий период отмечается рост подростковой преступности.

Сотрудниками Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пензенской области, территориальных органов внутренних дел во взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений, участковыми уполномоченными полиции в рамках осуществления мероприятий по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних реализуется комплекс мер по профилактике повторной преступности несовершеннолетних.

Так, например, с целью предупреждения правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков, сотрудниками территориальных отделов внутренних дел с несовершеннолетними и их родителями осуществляется разъяснительная работа о вреде употребления наркотиков, а также о юридических последствиях совершения противоправных деяний в указанной сфере, во взаимодействии с представителями субъектов системы профилактики и молодежными общественными объединениями проводятся рейды по местам концентрации молодежи. В городах и районах области, начиная с 2017 г., организована форумная кампания «Полиция за здоровый образ жизни!» в рамках которой ежемесячно в одном из муниципальных образований, проводится мероприятие с участием представителей Управления министерства внутренних дел⁵.

За 2018 г. количество несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, снизилось на 41,9% (с 31 до 18).

В целях повышения эффективности мер по профилактике повторной преступности на территории региона 29 июня 2017 г. УФСИН России по Пензенской области и УМВД России по Пензенской области подписан совместный приказ № 504/1131, утвердивший регламент взаимодействия филиалов ФКУ УИИ УФСИН России по Пензенской области и территориальных отделов внутренних дел на районном уровне по предупреждению преступлений и иных правонарушений среди лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества. В настоящем регламенте конкретизированы сроки, объем и порядок взаимного информирования субъектов взаимодействия при осуществлении индивидуальной профилактической работы с осужденными к различным мерам наказания⁶.

В целях предотвращения совершения осужденными подростками, не вставшими на путь исправления, повторных противоправных деяний, сотрудниками

⁵ См.: Управление МВД России по Пензенской области. URL: <https://58.мвд.рф/news/item/13080009> (дата обращения: 24.06.2018).

⁶ См.: УФСИН России по Пензенской области. URL: <http://www.58.фсин.рф/structure/fku-iii/index.php?month=3&year=2013> (дата обращения: 20.12.2019).

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав подготовлено и направлено в уголовно-исполнительную инспекцию 4 ходатайства, из них 2 — на продление испытательного срока при условном осуждении, 1 — о вменении дополнительных обязанностей, 1 — об отмене условного осуждения на реальное отбытие наказания. По результатам рассмотрения 2 ходатайства удовлетворены судом, 2 находятся на рассмотрении.

Взаимодействие с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в целях социальной адаптации лиц, совершивших преступления, антиобщественные действия, осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁷, ведомственными нормативно-правовыми актами. Особое внимание уделяется выявлению причин и условий, способствующих совершению несовершеннолетними противоправных деяний, и принятию мер по их устранению как на районном, так и на региональном уровне. Факты совершения противоправных деяний несовершеннолетними рассматриваются на заседаниях Совета профилактики в региональном министерстве образования. Поведение подростков, совершивших преступления, обсуждаются на заседаниях районных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Вместе с тем в сфере предупреждения правонарушений несовершеннолетних имеется ряд вопросов, разрешение которых позволит повысить эффективность деятельности субъектов профилактики. В этой связи необходимо внести соответствующие коррективы в организацию работы по предупреждению имущественных преступлений, противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, профилактике «пьяной» преступности среди несовершеннолетних, повысить эффективность индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также ранее совершившими преступления⁸.

Вовлечение несовершеннолетних в сферу уголовно-процессуальных правоотношений ставит вопрос предупреждения преступности лиц [3], не достигших 18 лет, в ряд первоочередных задач общества и государства. Отечественное законодательство, регламентирующее судопроизводство в отношении несовершеннолетних, в соответствии с международными правовыми актами, определяющими особенности расследования и рассмотрения дел указанной категории, преследует цель создания наиболее благоприятных условий для установления причин преступления, поиска оптимально эффективных мер воздействия с учетом конкретных данных о личности несовершеннолетнего для достижения социальной реабилитации его в обществе.

В качестве вывода можно отметить следующее.

Во-первых, преступность несовершеннолетних — важнейший показатель социального развития страны в целом и отдельного региона в частности. Пензенская область — типичный субъект РФ, поэтому исключением не является.

Во-вторых, рост преступности несовершеннолетних иллюстрирует объективные и субъективные факторы негативного характера: кризисные явления

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

⁸ См.: Деятельность комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. URL: http://kdn.pnzreg.ru/info_kdn (дата обращения: 29.12.2018).

в экономике, низкий уровень правовой культуры, нивелирование института семьи, отсутствие должной реакции соответствующих государственных и муниципальных органов.

В-третьих, применительно к Пензенской области нельзя говорить с сугубо отрицательной тенденции, власти и общество стремятся к оптимизации проблем асоциального поведения несовершеннолетних граждан.

В-четвертых, в целях решения задач по снижению подростковой преступности, борьбы с алкоголизацией и наркотизацией несовершеннолетних, предупреждения детской безнадзорности и беспризорности на территории региона действует многоуровневая система профилактики правонарушений. К проведению предупредительной работы привлекаются институты гражданского общества и населения. Вопросы, касающиеся сферы предупреждения правонарушений несовершеннолетних обсуждаются на межведомственных совещаниях различного уровня, на системной основе осуществляется информационное взаимодействие между субъектами системы профилактики, практикуются межведомственные выезды в муниципальные образования со сложной оперативной обстановкой среди несовершеннолетних.

В-пятых, установление взаимосвязи между состоянием социально-экономического развития конкретного субъекта РФ и уровнем преступности несовершеннолетних представляется важной и сложной проблемой, нуждающейся в теоретическом изучении и научном осмыслении.

Библиографический список

1. *Мондохонов А.Н.* Преступность несовершеннолетних — социальная формула противодействия // *Законность*. 2018. № 12. С. 14–18.
2. *Куринова И.А.* Защита прав несовершеннолетних нормами современного Российского законодательства // *Наука и школа*. 2015. № 8. С. 45–48.
3. *Тихая Л.С.* О некоторых аспектах деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России* 2016. № 7. С. 14–17.

References

1. *Mondokhonov A.N.* Juvenile Delinquency — Social Formula of Counteraction // *Legality*. 2018. No. 12. P. 14–18.
2. *Kurinova I.A.* Protection of Minors by the Modern Rules of the Russian Law // *Science and school*. 2015. No. 8. P. 45–48.
2. *Tikhaya L.S.* On Some Aspects of the Work of the Commissions on Juvenile Affairs and Protection of Their Rights // *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia* 2016. No. 7. P. 14–17.

УДК 343.8

В.В. Мамчун, М.В. Баранова

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ПРАВОТВОРЧЕСКОГО РИСКА

Введение: опережающее правотворчество — инновационный правотворческий инструмент, применение которого представляет деятельность особого риска. И риск и опережающее правотворчество в юридической науке традиционно рассматриваются вне связи друг с другом, что не отражает реальных потребностей как самой науки, так общественной практики и диктует необходимость их комплексного исследования. **Цель:** анализ соотношения опережающего правотворчества и риска. **Методологическая основа:** диалектический и метафизический подходы, позволившие рассмотреть опережающее правотворчество и риск одновременно как относительно самостоятельные и в то же время взаимосвязанные правовые феномены; анализ и синтез, предоставившие возможность раскрыть природу и особенности исследуемых явлений; метод имитационного моделирования, используемый при построении моделей опережающего правотворчества как процесса юридического конструирования и социального проектирования будущего, а также его социально-правовых последствий. **Результаты:** показано отличие опережающего правотворчества от актуального, аргументирована его связь с неопределенностью, альтернативностью, вероятностью, случайностью, обоснован его противоречивый характер. **Выводы:** риск составляет одну из важнейших сторон сущности опережающего правотворчества, что дает основание рассматривать последнее как специфическую и уникальную форму правотворческого риска.

Ключевые слова: правотворческий риск, актуальное правотворчество, опережающее правотворчество, правовое отражение, нормативная модель, юридическое конструирование, моделирование, прогнозирование, социальное проектирование, неопределенность, альтернативность, вероятность, случайность, противоречивость.

V. V. Mamchun, M. V. Baranova

ADVANCED LAW-MAKING AS A FORM OF LAW-MAKING RISK

Background: advanced law-making is an innovative law-making tool, the use of which represents an activity of special risk. Both risk and advanced lawmaking in legal science are traditionally considered out of the connection with each other, what does not reflect the real needs of both science and public practice and necessitates their comprehensive study. **Objec-**

© Мамчун Владимир Вячеславович, 2019
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права (Юридический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых); e-mail: vladimir_mamchun@mail.ru

© Баранова Марина Владимировна, 2019
Студентка пятого курса юридического факультета (национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского); e-mail: m-phototasck.baranova@yandex.ru

© Mamchun Vladimir Vyacheslavovich, 2019
Candidate of law, Associate professor, associate professor of the theory and history of state and law department (Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs); e-mail: vladimir_mamchun@mail.ru

© Baranova Marina Vladimirovna, 2019
Fifth-year student of the Law faculty (Nizhny Novgorod State National Research University named after N.I. Lobachevsky)

tive: to analyze the correlation priority of law-making and risk. Methodology: dialectical and metaphysical approaches that allowed to consider the advanced lawmaking and risk as a relatively independent and as an interrelated legal phenomena; analysis and synthesis, which provided an opportunity to reveal the nature and characteristics of the phenomena under study; simulation method used in the construction of models of advanced lawmaking as a process of legal construction and social design of the future, as well as its social and legal consequences. Results: the results showed a difference of priority of law-making from the actual argued its connection with uncertainty, choice, probability, randomness, justified his contradictory nature. Conclusions: risk is one of the most important aspects of the nature of advanced lawmaking, which gives reason to consider the latter as a specific and unique form of lawmaking risk.

Key-words: law-making risk, current law-making, anticipatory law-making, legal reflection, regulatory model, legal design, modeling, forecasting, social projection uncertainty, alternativeness, probability, chance, inconsistency.

В человеческой деятельности нет областей, абсолютно и полностью свободных от риска. Это суждение вполне справедливо и для правотворчества.

Риск присутствует при конструировании юридических норм и издании нормативно-правового акта независимо от того, осознается ли он законодателем, учитывается ли в процессе принятия правотворческого решения. Будучи следствием неопределенности, объективно существующей в общественных отношениях, в позитивном праве и в правосознании он выступает фактором, нередко определяющим судьбу правового регулирования на конкретном участке социальной практики.

Он связывается с выбором альтернатив и исчислением различных исходов их реализации, с одновременным существованием различных вероятностей, характеризующих достижение целей, которые ставит перед собой законодатель, издавая тот или иной нормативный правовой акт.

При этом вряд ли верно связывать с риском создание каждого нормативного правового акта. В разных видах правотворчества степень риска (рискоемкость) и «концентрация» риска в процессе создания нормативных правовых актов, а соответственно, характер их последствий различны. В этой связи обращает на себя внимание опережающее правотворчество, особенно его сопряженность с риском. Специфика риска в нем обусловлена, в первую очередь, его особенностями, что и обнаруживается при сопоставлении с другими проявлениями правотворческой активности. Однако здесь мы сталкиваемся с существенными затруднениями, обусловленными практикой использования термина «опережающее» применительно к различным видам правотворческих ситуаций.

Можно условно констатировать «типичную» разновидность правотворчества субъектов РФ по вопросам совместного ведения с РФ [1, с. 9–12; 2, с. 34–36; 3, с. 26–28; 4, с. 13–17; 5, с. 38–41] и практику издания нормативных указов Президента РФ¹. По общему правилу законы и иные нормативно-правовые акты субъекта принимаются в соответствии с федеральными законами (ч. 2 ст. 76 Конституции РФ), а следовательно, после их издания. Из этого правила предусмотрено исключение, позволяющее субъектам осуществлять собственное

¹ См.: Сазонова Е.С. О возможности замещения норм федеральных законов положениями указов Президента РФ. URL: <http://rusrand.ru/analytics/o-vozmojnosti-zamescheniya-norm-federalnyh-zakonov-polojeniyami-ukazov-prezidenta-rf> (дата обращения: 21.01.2019).

правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов [6, с. 59–67, 7, с. 325–329] в случае необходимости оперативного решения возникающих в регионе социально-экономических, политических, экологических и иных проблем первостепенной значимости².

Сходным образом объясняется «опережающий» характер нормативных указов Президента РФ: «В форме указов Президента Российской Федерации осуществляется опережающее закон оперативное управление», — пишет, например, М.Е. Труфанов [7, с. 328]. Учитывая, что эти указы носят подзаконный характер, т.к. согласно ст. 90 Конституции РФ они не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам, обычный порядок предполагает их принятие после издания федеральных законов. В данном случае «законозамещающий» порядок, именуемый опережающим, также носит исключительный характер (хотя такая практика и была весьма распространена в период 1992–1998 гг.).

Вторая разновидность ситуаций, определяемых как опережающее правотворчество, связана с использованием законодателем опережающего отражения, когда создаваемые им юридические нормы основываются не на сложившейся социальной практике, а содержат модели новых, отсутствующих в реальной действительности отношений. В этом случае дихотомической парой понятию опережающего правотворчества является понятие «актуальное правотворчество», в основе которого лежит актуальное отражение, т.е. отражение уже сложившихся общественных отношений, требующих модификации и оптимизации путем придания им соответствующей юридической формы.

Вполне закономерным является вопрос о том, как соотносятся друг с другом проявления правотворчества, квалифицируемые как «опережающие», но выделяемые по различным основаниям. Поскольку дихотомия предполагает исключение третьего, то не может быть обоснованным применение одного и того же термина, к явлениям, выделяемым на основе разных критериев. Не стремясь переломить существующую тенденцию в терминологической практике и не претендуя на окончательное разрешение проблемы адекватности термина соответствующему понятию, на локальном уровне в рамках настоящей работы считаем возможным исходить из следующего. Правотворчество субъектов РФ по предмету совместного ведения с РФ, осуществляемое до издания федерального закона, и «законозамещающее» правотворчество Президента РФ — это более оперативный по сравнению с федеральным законодательством способ нормативно-правовой регламентации, применяемый в случаях возникновения острой потребности в правовом регулировании определенных отношений при отсутствии федерального закона. Отсюда более точным было бы называть такое правотворчество не опережающим, а оперативным, поскольку об опережении в данном случае вести речь можно только с большой долей условности и оговорками. Поэтому в вопросе о том, какое правотворчество является опережающим, методологическим ориентиром для нас выступает позиция В.М. Баранова, который связывает предмет опережающего правотворчества с имеющимся уровнем юридически значимой деятельности. По его мнению, об «опережающем правотворчестве можно гово-

² См.: Федеральный закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005.

ритель тогда, когда нормодатель регламентирует новые стороны, этапы, процессы этой деятельности» [8, с. 281].

Разделяя эту позицию и признавая ее наиболее продуктивной для целей настоящей работы, оговоримся, что в дальнейшем, рассматривая сопряженность правотворческого риска с опережающим правотворчеством, термином «опережающее правотворчество» мы будем обозначать правотворческие ситуации, связанные с опережающим отражением. Это позволит не только избежать терминологической путаницы, но и квалифицировать такие его проявления как актуальные либо как опережающие.

Специфику опережающего правотворчества предопределяет предмет правового отражения. Непосредственный результат опережающего правотворчества представляет собой инновационную нормативную модель общественных отношений, не имеющих аналогов в существующей социальной практике, опережающие достигнутый в конкретно-исторической ситуации уровень социально-экономического развития. Это тот случай, когда правовое развитие опережает социально-экономическое.

Ставший аксиомой в отечественной правовой науке тезис, согласно которому уровень развития права не может быть выше уровня социально-экономического развития общества, основывается на закономерной связи права как особой юридической формы и опосредуемых этой формой регулируемых правом общественных отношений (экономических, политических, социальных и иных). Право и предмет его отражения находятся в жесткой взаимосвязи, которая придает общественным отношениям урегулированность, а праву — способность быть средством их нормативного регулирования. Именно на этой связи основывается устоявшееся в теории права представление о синхронности динамики правотворчества и регламентируемых им общественных отношений.

Вполне обоснованно считается, что правотворчество представляет собой реакцию на актуальное состояние общественных отношений, выразивших потребность в правовом регулировании, либо же находится в состоянии «догоняющего», когда общественные отношения, требующие урегулирования, развиваются и протекают более динамично, чем бюрократизированная и консервативная правотворческая деятельность. В этом случае будущее (как результат реализации созданного нормативно-правового акта) определяется прошлым и настоящим, т.к. у законодателя есть возможность «заглянуть» в будущее, опираясь на прошлое и настоящее. Это реакция законодателя на сформировавшуюся, вызревшую и артикулированную, т.е. проявившую себя с достаточной остротой и определенностью, уже осознанную доктринальным, профессиональным и массовым правосознанием как «предправовую» социальную потребность в нормативной правовой регламентации определенного участка (области) жизни общества. Такая потребность составляет объект правотворческого познания, а также предметную основу юридического конструирования при создании нормативного правового акта. Содержанием последнего становится юридическая модель, оптимизирующая и модернизирующая сложившиеся общественные отношения на основе выявленных закономерностей общественного развития.

Для понимания сущности опережающего правотворчества существенное значение имеет то, что отражение в праве — это такое отражение, которое, по словам А.Д. Урсула, является стороной причинной связи. Именно это и просматривается во взаимосвязи права и предмета его отражения. В данном случае мы имеем

дело не просто с отражением как воспроизведением существенных черт одного явления в другом, а именно с взаимоотражением, т.е. отражением, основанным на взаимодействии [9, с. 177]. Причем оно носит обратный, по сравнению с актуальным правотворчеством характер, где реальный объект становится основанием для отражения в создаваемой нормативной модели³. В опережающем правотворчестве это проявляется как обратное преобразующее отражение: вначале создается нормативная модель, отражающая еще не существующий объект, а затем, в процессе ее реализации, объект отражения становится фактом объективной реальности. Создавая акт опережающего правотворчества, субъект, конструирует принципиально новые общественные отношения. При этом он не может опереться ни на опыт стихийного саморегулирования, которого еще нет, ни на опыт регламентации смежных общественных отношений в силу отсутствия таковых в отечественной правовой системе.

На вопрос о том, можно ли считать заимствование в правотворческой практике опыта правового регулирования из других правовых систем опережающим правотворчеством, следует ответить утвердительно. Реципируемые нормативные модели связаны с принципиально иными экономическими, социальными, идеологическими, этническими, культурно-историческими, природно-географическими и другими обстоятельствами. Попытки отвергать или игнорировать влияние этих факторов на процессы правового регулирования непродуктивны и, как показывает отечественный правовой опыт, чреваты существенными негативными последствиями. Поэтому в рамках опережающего правотворчества законодатель не просто копирует готовую регулятивную схему, а на ее основе разрабатывает, по существу, принципиально новую, адаптированную к российским правовым, экономическим, политическим, культурно-историческим и иным реалиям. В результате этого появляется модель, не только не имеющая аналогов в отечественной социально-правовой практике, но и нетождественна реципируемому образцу.

В опережающем правотворчестве будущее определяет настоящее и прошлое. В отличие от актуального правотворчества, здесь правотворческая ситуация связана с тем, что сама проблема, его детерминирующая, еще окончательно не вызрела и не проявилась. Еще не выявлены и не познаны закономерности, на основе которых предстоит выстраивать нормативно-правовую регламентацию общественных отношений. Проблема, требующая издания правотворческого акта, еще не существует как факт социальной действительности: она находится в потенциальном виде, а варианты ее развития носят вероятный характер. Намечались лишь тенденции и возможные векторы вероятного движения общественных отношений. Возможное будущее полно разных вариантов социальной практики. Это обуславливает специфику предмета правотворческого познания, которым становится не только настоящее, но и прошлое, рассматриваемое, однако, под углом зрения существования определенных потенциалов желаемого варианта будущего. Законодатель анализирует прошлое не как таковое, взятое просто во взаимосвязи с настоящим, а пытается обнаружить «ростки» конструируемого будущего и проследить их динамику в настоящем.

³ Предвидя возражения о том, что и в актуальном отражении возможны элементы опережения, обратим внимание на то, что принципиальным различием между рассматриваемыми явлениями служит наличие самого объекта правового отражения.

Задача законодателя состоит в том, чтобы в процессе опережающего правотворчества посредством анализа разных вариантов будущего обнаружить наиболее оптимальный, по которому и инициировать социальное развитие посредством созданной нормативной модели.

Издавая нормативно-правовой акт, опережающий существующий уровень социально-экономического и политического развития, законодатель одновременно создает проект общественных отношений, которой должен предопределить их дальнейшее развитие. Создаваемая нормативная модель опирается не на устоявшуюся социальную практику, а на правотворческий прогноз, который носит вероятностный характер и отличается проблемностью верификации. Наряду с вероятностью, на основе которой строится процесс юридического конструирования общественных отношений, существует и вероятность того, что дальнейшее общественное развитие пойдет по иным вариантам, отличающимся от содержащегося в акте опережающего правотворчества.

Правотворческому риску присущи такие черты, как атрибутивность, ситуативность, противоречивость, связь с неопределенностью, альтернативностью, вероятностью и опасностью. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что эти черты в полной мере присущи и опережающему правотворчеству. Это позволяет не только констатировать факт сопряженности опережающего правотворчества с риском, но и показать различие риска в нем и в актуальном правотворчестве.

Говоря о риске как атрибуте правотворческой деятельности, мы подразумеваем, что он не имеет самостоятельного бытия в качестве некой обособленной и независимой от действий субъектов правотворчества сущности, а является его неотъемлемой характеристикой (свойством). Вместе с тем риск является атрибутом не всех процессов создания нормативно-правовых актов, а только тех, в которых возникает соответствующая правотворческая ситуация.

Ситуация риска возникает только тогда, когда правотворческое решение принимается в условиях неопределенности. Далеко не во всех процессах актуального правотворчества присутствует неопределенность и возникают ситуации риска. В то время каждая ситуация опережающего правотворчества связана с разрешением, преодолением неопределенности и, следовательно, атрибутом каждой ситуации опережающего правотворчества является правотворческий риск.

Неопределенность представляет собой сложное, многоаспектное явление, которое в социальной, в том числе и юридической, практике может принимать различные формы [10, с. 153–165; 11, с. 18–26; 12, с. 83–84; 13, с. 4–12; 14, с. 32–44; 15, с. 5–12; 16, с. 99–108].

В ситуации правотворческого риска неопределенность характеризует в первую очередь состояние правового мышления субъектов, связанное с отсутствием достаточных оснований для вынесения истинного суждения по ряду существенных вопросов, возникающих в процессе создания нормативного правового акта. Следует принимать во внимание то, что ее истоки, содержание и формы проявления различны. По этой причине в правотворчестве она не может рассматриваться исключительно как субъективное явление.

Применительно к правотворчеству представления о связи риска и неопределенности не укладываются в линейную схему: неопределенность — риск. Дело в том, что неопределенность выступает не только фактором, но и следствием риска. Неопределенность объекта правотворческого воздействия, а также неопреде-

ленность, возникающая под влиянием различных факторов в самом процессе правотворчества, трансформируется в правотворческий риск, который, в свою очередь, модифицирует уже в новую неопределенность. В правореализующей практике эта неопределенность, характеризующая результаты реализации созданного нормативно-правового акта, преобразуется в новый правотворческий, интерпретационный, правоприменительный и правореализующий риски.

Неопределенность может существовать независимо от правотворческих процессов и выступать основанием для их инициации, а может создаваться самим субъектом в процессе подготовки и принятия нормативного правового акта и посредством него. Как результат действия случайных факторов она возникает в процессе разработки нормативно-правового акта либо же образуется при его реализации в силу обстоятельств, которые в момент принятия правотворческого решения не могли быть охвачены правотворческим предвидением.

Она может выступать в качестве: меры информации (качественной и количественной), определяющей ее достоверность, полноту, актуальность, ясность, достаточность, избыточность; наличия у законодателя различных альтернатив и связанной с этим вариативностью выбора; стохастичности социальных и экономических процессов, оказывающих влияние на сферу права (т.е. их непредсказуемости в силу нелинейности, неустойчивости развития); нечеткости, расплывчатости процессов и явлений, в отношении которых осуществляется нормативно-правовая регламентация; недостаточной однозначности самой нормативно-правовой регламентации, в соответствии с которой и на основе которой законодатель принимает решение, обусловленной как высокой степенью обобщенности правовых предписаний [14, с. 32–44; 15, с. 5–12], так и технико-юридическими дефектами [17, с. 22–23; 18, с. 94 – 97; 13, с. 4–12; 20, с. 83–85; 21, с. 53–62; 22, с. 46–54; 23, с. 151–154]; неоднозначности качественного и количественного состава последствий реализации правовых предписаний как результата действия факторов неизвестной природы, не предвиденных и не прогнозируемых при разработке нормативного правового акта.

Весьма существенную роль в ситуациях риска играет и личностная неопределенность, связанная с особенностью личности субъектов и участников правотворческого процесса. А.Д. Урсул пишет: «Поскольку объективная неопределенность отображается в знании, то в этом смысле она становится по своей форме субъективной неопределенностью. Помимо такой формы субъективной неопределенности, существуют и другие формы, которые уже обусловлены не объектом и поэтому имеют не объективное, а чисто субъективное содержание. Это могут быть, например, ошибки, ложные образы, заблуждения» [10, с. 160]. При этом он ссылается на Ф. Бэкона, который подметил, что причинами заблуждений могут быть антропоморфные представления, личные предпочтения, симпатии или антипатии, неправильно понятые значения слов, некритическое, конформистское отношение к чужим мнениям [10, с. 160].

Эти соображения вполне применимы и по отношению к правотворческой деятельности. Она характеризуется полусубъектным составом, где каждый ее участник является носителем различных политических убеждений, интересов, научных парадигм, концепций, субъективных предпочтений, обладает разным уровнем профессионализма, правовой культуры, жизненным и профессиональным опытом.

В связи с этим, несмотря на презюмирование у субъекта правотворчества таких качеств, как гражданственность, профессионализм, добросовестность, личная и политическая беспристрастность, нельзя отрицать влияния этих факторов на генерирование неопределенности и возникновение ситуаций риска в правотворчестве.

Различие неопределенности в разных ситуациях правотворческого риска связано и с тем, что именно является объектом-носителем неопределенности. В качестве такового может выступать и объект правотворческого воздействия, который вследствие его регламентации нормами права становится предметом правового регулирования создаваемого нормативно-правового акта, сами методы правового регулирования, правовые средства, порядки правового регулирования, применяемые к этому объекту, и юридическая техника как инструмент воплощения избранного инструментария правового воздействия в нормативном правовом акте.

Объектом-носителем неопределенности выступает сам нормативный правовой акт как выражение принятого в ситуации риска правотворческого решения. В нем риск правотворческого акта трансформируется в неопределенность последствий. Кроме того, неопределенность может быть связана с воздействием случайных факторов на отношения, которые уже стали предметом правового регулирования. В этом случае нормативно-правовой акт, не содержащий ранее неопределенности, также становится ее носителем, поскольку заключенная в нем модель нормативно-правовой регламентации уже не способна урегулировать изменившиеся общественные отношения.

В опережающем правотворчестве степень неопределенности значительно выше, чем в ситуациях риска в актуальном правотворчестве. Значительно шире и ее предметная сфера. Причиной этого является отмеченная выше специфика предмета правового отражения. В отличие от актуального, в опережающем правотворчестве неопределенность в отношении будущего объекта правового воздействия невозможно снизить до приемлемых величин посредством апробированных правотворческой практикой познавательных инструментов: она объективно всегда будет выше.

В актуальном правотворчестве анализу подвергаются реально существующие и уже в определенной степени урегулированные нормами, в т.ч. и правовыми, общественные отношения. У субъекта имеется возможность отбора наиболее типичных поведенческих образцов, применительно к которым можно использовать моделирование правового воздействия с применением различных вариантов юридического инструментария и спрогнозировать наиболее вероятные варианты действия созданной нормативной модели и связанные с ними социальные последствия. На основе этих прогнозных оценок становится возможным избрать тот вариант нормативно-правовой регламентации, который является наиболее оптимальным. Степень достоверности может быть достаточной для того, чтобы полученное знание, необходимое для принятия правотворческого решения, могло считаться истинным.

В актуальном правотворчестве неопределенность и риск связываются главным образом с использованием соответствующего юридического инструментария в процессе создания нормативных моделей, а также с поиском наиболее адекватных исследуемой социальной ситуации вариантов правового воздействия. Кроме того, неопределенность является результатом детерминирующего воздействия

на процессы реализации принятого нормативно-правового акта случайных факторов, а также факторов неизвестной природы, т.е. таких, которые при его разработке не могли быть охвачены правотворческим предвидением.

Несколько иначе обстоит дело в ситуации опережающего правотворчества. Получение истинного знания в этой ситуации невозможно, поскольку еще нет самого объекта правового воздействия. Это, в свою очередь, усложняет использование при создании нормативного правового акта таких технико-юридических инструментов, как моделирование и прогнозирование. В опережающем правотворчестве моделируется воздействие не на сам объект (он еще не существует), а на его логический заместитель, модель, которая описывает наиболее существенные свойства этого объекта и дает возможность с определенной (большей или меньшей) долей вероятности спрогнозировать поведение этого объекта вследствие применения определенных методов правового регулирования и соответствующих правовых средств.

Вероятностный характер знания о будущем объекте усложняет и производные процессы моделирования, в частности имитацию взаимодействия создаваемой нормы с уже существующими нормами. Это принципиально важно, т.к. создаваемые нормы встраиваются в уже существующую систему и не должны нарушать сложившихся в ней иерархических и функциональных связей и зависимостей. Формируется также модель юридических последствий создаваемых норм. Эта и другие модели составляют основание для построения прогноза функционирования создаваемых норм в процессе правового регулирования.

Создание нормативной модели, независимо от того, идет ли речь о нормах-моделях или же об объединяющей их модели – нормативно-правовом акте, невозможно без моделирования процессов правореализации. Законодатель должен поставить себя на место правоприменителя, интерпретатора и непосредственного адресата правовой нормы и воссоздать процессы с их участием. На этой основе уже осуществляется прогнозирование социальных последствий действия нормативного правового акта. Его результаты становятся основанием для принятия соответствующего правотворческого решения, связанного с выбором определенной альтернативы. В опережающем правотворчестве прогнозы отличаются слабой верифицируемостью, т.е. трудностью оценки достоверности прогноза. Основная проблема прогнозирования и последующего выбора соответствующей альтернативы при принятии правотворческого решения заключается в высокой степени неопределенности прогнозных оценок.

Значительный вклад в генерирование неопределенности и соответственно риска вносят также факторы, действие которых проявляется во влиянии на процессы выбора альтернатив при принятии правотворческого решения, производные от многовариантности общественного развития. В данном случае предполагается выбор альтернатив при принятии правотворческого решения.

И в опережающем правотворчестве, и в ситуациях риска в актуальном решении принимается на альтернативной основе. При этом имеются существенные отличия как в содержании, так и в количестве альтернатив.

Альтернативы в актуальном правотворчестве лежат в области юридического конструирования, в то время как в опережающем — в первую очередь в области социального проектирования и только во вторую — в сфере юридического конструирования.

В актуальном правотворчестве объект правотворческого воздействия уже существует, а поскольку к одному и тому же общественному отношению возможно применение различных комбинаций способов правового воздействия и правовых средств, то задача законодателя состоит в подборе адекватного этому объекту оптимального инструментария правового регулирования.

Различные варианты правового воздействия связаны с разными вариантами социальных последствий. Соответственно риск в актуальном правотворчестве как следствие выбора определенной альтернативы выражается в возможности возникновения в правореализующей практике ситуаций, связанных с отклонением поведения субъектов от созданной нормативной модели, различающихся степенью, содержанием и социальной полезностью.

Иначе дело обстоит в опережающем правотворчестве. Его субъекту приходится сталкиваться с двумя типами альтернатив. Первый тип образуют социальные альтернативы как варианты будущего. Речь идет о характере и содержании общественных отношений, возникновение которых потенциально возможно. Вторым типом альтернатив являются варианты урегулирования спроектированных общественных отношений. Здесь задача выбора многократно усложняется. Нужно не просто регламентировать общественные отношения. Необходимо, чтобы создаваемая нормативная модель обеспечивала развитие общественных отношений по варианту, соответствующему созданному социальному проекту. Это обуславливает сложность выбора и значительно большее, по сравнению с ситуациями риска в альтернативном правотворчестве, количество возможных социальных последствий. Сами последствия могут быть как прямыми, так и опосредованными, возникающими в дальней перспективе. Общественные отношения не дискретны, а теснейшим образом взаимосвязаны, и, следовательно, определенный вариант урегулирования одной проблемы в отдаленной перспективе способен породить негативные последствия для решения других.

Риск в опережающем правотворчестве связан не только с возможностью возникновения в процессах правореализации ситуаций отклонений от нормативной модели (как негативных, так и позитивных), но и с возможностью наступления других последствий, не планируемых законодателем. Таким последствием может быть возможность отклонения от объективно-закономерного варианта общественного развития самой нормативной модели, а также возможность ее негативного воздействия на другие общественные отношения, в т.ч. и новые, возникающие уже после ее создания.

Сам процесс выбора соответствующей альтернативы испытывает влияние определенных обстоятельств, которые усиливают уже существующую неопределенность. Среди основных факторов нужно назвать организационный, личностный, политический.

Влияние организационного фактора наглядно иллюстрирует деятельность Государственной Думы РФ. Значительная часть законотворческой работы находится за гранью законодательного процесса в Государственной Думе, т.к. в порядке законодательной инициативы, в рамках одноименной стадии вносится уже готовый законопроект. Это с одной стороны упрощает, а с другой — усложняет работу законодателя. Наличие готового законопроекта не освобождает законодателя от необходимости его анализа и оценки. Законопроект — это не только юридический документ, это еще и социальный проект, нормативная модель общественных отношений, призванная оказывать позитивное социально-

преобразующее воздействие на общественную жизнь. Поэтому, рассматривая законопроект, прежде чем вынести по нему решение, законодатель должен, образно говоря, пройти путь, уже пройденный разработчиком законопроекта.

Оценка рассматриваемого законопроекта предполагает определение параметров будущего предмета правового регулирования, исследование его восприимчивости к соответствующему правовому воздействию, подбор комбинации методов правового регулирования, правовых средств, правовых режимов, анализ результатов юридического конструирования регулируемых отношений и единого регулятивного комплекса — нормативно-правовой акта, моделирование и прогнозирование, оценка технико-юридической стороны созданного акта. В определенных случаях необходима корректировка созданных нормативных моделей, что обуславливает повторное моделирование взаимодействия с другими нормами и процессов правореализации, и прогнозирование социальных последствий. Очевидно, что такая работа объективно требует значительного времени.

Между тем за два с половиной десятилетия деятельности высшего законодательного органа в России сформировалась практика чрезвычайно интенсивного законотворчества. Так, если в 1996 г. Государственная Дума рассмотрела 419 законопроектов и приняла 258 законов⁴, в последующие годы наблюдается устойчивый рост. К 2018 г. он составил уже 1234 законопроекта и 576 законов соответственно⁵.

Получается, что в 2018 г. за время, отведенное на законодательную деятельность Думы (пленарные заседания, заседания Совета Государственной Думы, работа комитетов и комиссий, фракций в Государственной Думе)⁶, с учетом выходных и праздничных дней, депутаты рассматривали по 7,5 законопроекта и принимали по 3,5 закона в день. Очевидно, что при такой интенсивности законотворческой работы осуществить весь необходимый комплекс правотворческих действий и операций, необходимых для принятия качественного и социально-адекватного закона, весьма затруднительно. Неудивительно, что срок стабильности законодательства (срок, в течение которого в тот или иной кодекс, закон не вносятся изменения) в последние годы сокращается⁷.

При такой интенсивности законодательного процесса у депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации формируется отношение к законопроекту только как к тексту, в котором нужно что-то «прописать», а при необходимости внести коррективы, «прописав» другое, не осознавая при этом возможности вреда от такого законотворчества или просто игнорируя ее. По словам С.М. Миронова, очень часто профильные комитеты, представляя тот или иной закон палате и давая свои заключения, используют такие формулировки:

⁴ См.: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=2&v=1996> (дата обращения: 11.02.2019).

⁵ См.: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=7&v=2018> (дата обращения: 11.02.2019).

⁶ См.: Распорядок работы Государственной Думы на осеннюю и весеннюю сессии 2018. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://sozd.duma.gov.ru/planning_document/C8E01220-8943-4C73-9FCF-288DD51D49DB (дата обращения: 11.02.2019).

⁷ См.: Железнова М. Как ограничить скорость законодателя. Поправки в КоАП принимаются в среднем каждые 10 дней, в Налоговый кодекс — каждые две недели. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/13/677279-ogranichit-skorost> (дата обращения: 15.02.2019).

«Коллеги, мы прекрасно понимаем, что закон несовершенно, есть шероховатости, определенные погрешности. Но лучше давайте мы сейчасотрегулируем нормы и права той сферы правоотношений, которая вообще неотрегулирована, а потом, вдогонку, внесем необходимые изменения. Пускай норма начнет действовать в большей части правоотношений, а мы потом подправим» [24, с. 8].

Однако, как свидетельствует правоприменительная практика, нередко между «отрегулируем» и «подправим» нормы, содержащие неопределенность, приводят к последствиям, наступления которых законодатель вряд ли желал, хотя и мог спрогнозировать⁸. Думается, что такое отношение мало способствует снятию неопределенности при выборе альтернатив и минимизации риска при принятии правотворческого решения. Трудно представить себе, например, авиационного конструктора, который бы публично заявил: «Создаваемый нами самолет несовершенно и его эксплуатация сопряжена с возможностью катастроф, однако лучше мы запустим в серию его сейчас, чтобы он летал по маршруту, по которому вообще не летают самолеты, а потом, вдогонку подправим дефекты!» С сожалением приходится констатировать, что метод проб и ошибок становится основным инструментом федерального законодателя в регламентации общественных отношений.

Для возникновения неопределенности в опережающем правотворчестве весьма существенно и влияние на процессы выбора альтернатив политических факторов, например лоббирования, политической конъюнктуры, электоральных интересов, фракционной дисциплины депутатов. Очень оперативно, например, принимаются законы, проекты которых вносятся президентом и правительством. Это произошло, в частности, с Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»⁹, проект которого был внесен Правительством РФ в Государственную Думу 16 июня 2018 г., а уже 3 октября подписан и опубликован.

В то же время другие законопроекты нередко «теряются» в недрах законодательного органа, и их «рассмотрение» длится годами. Так произошло с проектом «закона о законах»¹⁰, о необходимости принятия которого уже много лет говорят юристы [25, с. 79–87; 26, с. 88–93; 27, с. 7–22]. Он, судя по всему, еще долго не дождется «своего» законодателя.

В опережающем правотворчестве неопределенность тесно связана с вероятностью и случайностью.

При риске в правотворчестве вероятность характеризует как сами исходы принимаемых правотворческих решений, выступая показателем степени реализуемости одного из них, так и возможности, возникающие в процессе его действия,

⁸ См., например: Федотова А. Двухсечка за троллинг. Чем могут обернуться для россиян их репосты и лайки в соцсетях. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/08/13/repost/> (дата обращения: 15.01.2019); Куликов В., Пичурина В. Возмущение и наказание. Жительницу Урала осудили за репост видео с мучением ребенка. URL: <https://rg.ru/2016/11/16/reg-urfo/zhitelnicu-urala-osudili-za-repost-video-s-mucheniem-rebenka.html> (дата обращения: 30.11.2018); Куликов В. Собака лайка. Верховный суд России защитил граждан от уголовной ответственности за лайки и репосты. URL: <https://rg.ru/2018/09/20/vs-rf-zashchitil-grazhdan-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-lajki-i-reposty.html> (дата обращения: 34.11.2018); Студента арестовали на трое суток за репост фото со свастикой из музея Второй мировой войны. URL: <https://www.currenttime.tv/a/29426052.html> (дата обращения: 20.02.2019).

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 41, ст. 6190.

¹⁰ См.: Гаганов А. «Закон о законах»: 20 лет в ожидании чуда. URL: <http://rusrand.ru/analyt-ics/zakon-o-zakonah-20-let-v-ozhidanii-chuda> (дата обращения: 30.11.2018).

понимаемые как последствия его реализации. Учитывая, что правотворческое решение — это нормативно-правовой акт, который содержит, как правило, не одну норму, а более или менее широкую их общность, связанную единством цели правового регулирования, то и количество возможностей значительно превышает единицу. Здесь необходимо указать на то, что последствий — как позитивных, так и негативных, может быть множество.

Кроме того, даже в том случае, когда акт содержит одну норму (новую, или изменяющую, или отменяющую существующую) нужно принимать во внимание то, что она «встраивается» в уже существующую систему. Последствия, стало быть, могут связываться не только с действием самой нормы, но и с ее влиянием на другие, а также с оказанием влияния на характер последствий этих норм.

Факт существования различных вероятностей в ситуациях правотворческого риска не следует воспринимать как допущение равновероятности возникновения положительных и отрицательных социальных последствий, как равновозможность различных по социальной значимости и полезности событий. Эти последствия носят разнородный характер, а следовательно различается и степень их вероятности. Более возможными, то есть обладающими большей степенью вероятности, являются планируемые, желаемые законодателем последствия, в то время как нежелательные, вероятность возникновения которых значительно ниже, являются менее возможными, хотя и допустимыми. Соотношение этих вероятностей выступает показателем степени риска: чем выше вероятность наступления позитивных социальных последствий (предполагаемых и желаемых) и, ниже вероятность негативных (допускаемых, но нежелательных), тем ниже риск, и наоборот.

Нужно принимать во внимание, что правотворческий риск характеризуют не только те вероятности, которые охватываются правотворческим предвидением, но и те, которые будучи результатом действия факторов, генерирующих случайность, в это число не входят. Тем не менее, эти обстоятельства могут оказывать влияние на процессы реализации правовых норм, приводя как к негативным, так и позитивным, не предполагаемым законодателем последствиям для субъектов права, что также может быть интерпретировано в качестве правотворческого риска.

В актуальном правотворчестве риск связывается главным образом с существованием таких непредвидимых и, поэтому, не принятых во внимание при разработке нормативно-правового акта вероятностей. В опережающем же — субъект осознает сам факт существования различных вероятностей, в том числе и тех, которые не охватываются предвидением при анализе исходов принятых правотворческих решений, хотя и оперирует только теми, которые в конкретной правотворческой ситуации можно выявить и исчислить. Значительно больше и само количество вероятностей, которыми приходится оперировать при разработке и принятии нормативно-правового акта по сравнению с актуальным правотворчеством, где существует возможность полного и всестороннего изучения будущего предмета правового регулирования и сведения количества вероятностей к минимуму.

Кроме того, различается и соотношение между позитивными и негативными вероятностями. В опережающем правотворчестве, по сравнению с актуальным, в силу большей степени неопределенности значительно выше вероятности воз-

никновения последствий, не предполагаемых при создании определенной нормативной модели, а значит выше и степень риска.

Вероятность как черта риска сопряжена со случайностью. Как пишет А.Д. Урсул, вероятность «это не только количественная мера возможности наступления события, но и количественная мера степени его случайности» [10, с. 22].

Правотворчество — неотъемлемая часть социальной практики, в которой случайность играет важную роль. Применительно к сфере права случайность понимается как «непредвиденное, нетипичное стечение обстоятельств в сфере государства и права, происходящее с малой степенью вероятности и не обусловленное сущностью права» [28, с. 74]. Случайность рассматривается как противоположность закономерности [29, с. 10], в то время как последняя как раз и является необходимым условием создания социально-адекватного нормативно-правового акта. Традиционно считается, что при создании нормативно-правового акта у законодателя имеется возможность контролировать случайность: «...в процессе правотворчества следует учитывать и контролировать случайные возможности, предотвращать их превращение в действительность или, по крайней мере, использовать их временно, ограниченно и в интересах правового регулирования соответствующих общественных отношений» [30, с. 288].

Действительно, познанная закономерность позволяет оказывать влияние на социальные процессы, минимизируя действие случайных факторов. Вместе с тем право не в состоянии полностью вытеснить случайность из общественной жизни, поскольку она коренится в самой ее природе. Даже в случаях, когда нормативная модель создается на основе актуального отражения и когда у субъекта имеется возможность познания необходимости, лежащей в основе отношений, образующих объект правотворческого воздействия, это не гарантирует невозможности влияния на процесс правореализации случайных факторов. Случайность, как справедливо отмечает Л.А. Расстригин, «не пассивна, она активно вмешивается в жизнь, путая планы и создавая возможности» [31, с. 7].

Несмотря на противопоставление случайности закономерности в юридической науке, в основе ее понимания лежит представление о ней как о непознанной закономерности. Вот что пишет об этом Ю.Ю. Ветютнев: «С какой бы настойчивостью мы ни стремились провести различие между случайностью и закономерностью, все равно между ними сохраняется принципиальное единство: случайность так или иначе остается особым проявлением закономерности» [28, с. 74]. Следовательно, случайность характеризует меру нашего незнания о соответствующей закономерности. Случайными являются события непредвиденные и не учитываемые законодателем при создании нормативной модели.

В опережающем правотворчестве значительно выше не только уровень неопределенности, но и степень связи со случайностью, в то время как возможности законодателя по контролю влияния случайности на объект правотворческого воздействия, значительно сужены. Связано это с отмеченными ранее особенностью предмета правового отражения и более ограниченными возможностями правотворческого познания по отношению к социальным закономерностям, на основе которых должен функционировать объект этого отражения. В опережающем правотворчестве сама закономерность еще не существует как таковая. Она еще не проявилась в тенденциях, поскольку сами тенденции существуют только в виде потенций определенных возможностей. Создавая акт опережающего правотворчества, законодатель стремится оказать влияние на реализацию определенных

возможностей, на их переход из потенциального состояния в действительное. Однако наряду с этим, переход действительности в возможность способен реализоваться и через случайность — другую закономерность, не познannую при создании нормативно-правового акта. В этом смысле можно утверждать, что опережающее правотворчество — это правотворчество в условиях конкуренции различных возможностей. Случайность, по справедливому замечанию А.П. Альгина, является «инструментом превращения возможности в действительность, при котором в данных условиях имеется несколько различных возможностей, способных превратиться в действительность» [11, с. 77–78]. Акт опережающего правотворчества выступает альтернативным случайности инструментом превращения возможности в действительность. Следовательно, связь со случайностью является объективным условием опережающего правотворчества

Опережающее правотворчество противоречиво. Практика отечественного опережающего правотворчества весьма обширна для того, чтобы подтвердить справедливость этого вывода. Это обстоятельство, как правило, или игнорируется, или, как минимум, на нем не акцентируется внимание, поскольку здесь действительность входит в противоречие с устоявшимся представлением о невозможности достижения правом, по сравнению с регулируемым им общественными отношениями, более высокого уровня развития. Между тем это объективный факт, о существовании которого свидетельствует правотворческая практика последних двух с половиной десятилетий. Конституция и создаваемые на ее основе нормативно-правовые акты моделировали по существу отношения, не имевшие аналогов в предшествующей социально-экономической и политико-правовой практике в условиях социализма. Как пишет С.М. Шахрай, один из авторов текста действующей Конституции: «Мы первые написали конституцию, которая из хаоса перемен построила новое общество и государство»¹¹.

Разрабатывавшаяся и принимавшаяся в условиях экономического и политического кризиса Конституция стала не простой редакционной заменой конституции РСФСР 1978 г., а масштабным юридическим проектом социальной трансформации, который предусматривал изменение социально-экономического уклада российского общества, реформатирование его политической организации и принципиально новую систему власти в государстве. Поэтому вполне можно согласиться с приведенным выше тезисом о том, что Конституция РФ 1993 г. действительно создала новое общество и государство. Однако, как свидетельствуют четвертьвековая практика их функционирования, последствия этого социального проекта весьма неоднозначны.

Не перечисляем в рамках настоящей статьи все достоинства и недостатки Конституции, которые достаточно подробно освещены в юридической печати, и не приводя перечня всех ее как позитивных, так и негативных последствий, укажем на то, что смысл права, а, следовательно, и Конституции состоит как раз в том, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность общества. Основным критерием успешности является состояние социальной сферы. Здесь, с одной стороны, вполне можно говорить о достижениях. Так, только за юбилейный 2018 г. общее состояние самых богатых людей в России выросло на 5,4% или

¹¹ Шахрай С.М. «Конституция из хаоса построила новое общество». URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2013/12/131211_shakhray_interview (дата обращения: 12.01.2019).

25% млрд долларов, а само количество долларовых миллиардеров увеличилось с 96 до 106 [32].

С другой стороны, имеются основания и для пессимизма. В 2015 г., например, на долю 1% населения приходился 71% всех активов физических лиц [33, с. 12]. Если в 2016 г. децильный коэффициент (соотношение доходов 10%-той самой богатой и 10%-той самой бедной групп населения) составил 15,6¹², то уже в 2018 г., он стал одним из самых высоких в мире и приближаясь к 17 единицам [34].

Имеются основания утверждать, что противоречивость входит в число существенных черт опережающего правотворчества. В зависимости от условий его применения оно способно обеспечить рост общественного прогресса. Результатом его использования может стать прорыв в социальном развитии, решение нерешаемых ранее политических, религиозных, межнациональных, демографических проблем, скачок в экономическом развитии, увеличение национальных богатств, повышение благосостояния людей и др.

Одновременно оно способно трансформироваться в средство социального регресса, использование которого может привести к социальной катастрофе, способствуя росту политической, социальной, классовой, межэтнической напряженности в обществе, к демографическому, культурному, экономическому или экологическому кризису, к скатыванию на более низкую цивилизационную ступень развития.

Эти два противоречивых начала составляют самостоятельный пласт связей в рискованной сущности опережающего правотворчества и делают его использование в социальной практике делом особой социально-политической и собственно юридической значимости.

В заключение отметим следующее. Опережающее правотворчество — это не только специфическая разновидность правотворчества. Оно представляет собой сложнейший правотворческий феномен, который не просто связан с риском — он сам и есть правотворческий риск в чистом виде. Риск составляет одну из важнейших сторон его сущности, что позволяет рассматривать опережающее правотворчество как специфическую и уникальную форму правотворческого риска.

Библиографический список

1. Степанова М.В. О практике «опережающего» правотворчества субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения // Законодательство и экономика. 2008. № 6. С. 9–12.
2. Платонов В.М. Об опережающей роли законодательства субъектов РФ // Современное право. 2009. № 9. С. 34–36.
3. Зайналов К.Ш. К вопросу об опережающем правовом регулировании по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Современное право. 2012. № 4. С. 26–28.
4. Кириенко Г.С. О некоторых теоретических аспектах опережающего правотворчества субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 12. С. 13–17.
5. Галоян А.Р. Опережающее правотворчество субъектов Российской Федерации: общие подходы, сфера гражданских инициатив // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 38–41.

¹² См.: Доходы российских граждан — сравнение с миром. URL: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/04/issledovanie-ier_dohody-grazhdan.pdf (дата обращения: 18.01.2019).

6. *Окуньков Л.А.* Указы Президента РФ и проблемы их совершенствования // Законодательство. 2000. № 12. С. 59–67.
7. *Труфанов М.Е.* Нормативно-деятельностная природа норм административного права // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 325–329.
8. *Баранов В.М.* Достоинства и недостатки Отчета Федерального Собрания России о 20-летнем развитии отечественного законодательства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (125). С. 279–282.
9. *Урсул А.Д.* Природа информации: философский очерк. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. 231 с.
10. *Урсул Д.А.* Проблема информации в современной науке (философские очерки). М.: Наука, 1975. 287 с.
11. *Альгин А.П.* Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. 187 с.
12. *Диев В.С.* Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 83–84.
13. *Власенко Н.А.* Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. 2006. № 7. С. 4–12.
14. *Власенко Н.А.* Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44.
15. *Власенко Н.А., Назаренко Т.Н.* Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5–12.
16. *Мамчун В.В.* Неопределенность как условие риска в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4. С. 99–108.
17. *Власов А.А., Наумычева А.В.* К вопросу о понятийных противоречиях в российском законодательстве о лицензировании // Современное право. 2001. № 8. С. 32–44.
18. *Скляров С.* Неопределенность понятия и однозначность нормы // Правосудие в Восточной Сибири. 2002. № 1–2 [5, 6]. С. 94–97.
19. *Назаренко Т.Н.* Неопределенность в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
20. *Солоухина С.В.* Терминологическая неадекватность и понятийная неопределенность как факторы риска в правоприменении // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2007. № 3. С. 83–85.
21. *Головина С.Ю.* Терминологическая неопределенность в трудовом праве: причины возникновения и пути устранения // Правоведение. 2010. № 2. С. 53–62.
22. *Белоконь Н.В.* Юрико-лингвистическая неопределенность: содержание понятия // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2012. № 1. С. 46–54.
23. *Родионова О.Н.* Юрико-лингвистическая неопределенность юрико-лингвистической неопределенности // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 151–154.
24. Мониторинг правового поля и правоприменительной практики. Парламентские слушания. Вып. 2. М.: Изд-во Совета Федерации, 2003. 104 с.
25. *Лукьянова Е.А.* Закон о законах // Законодательство. 1999. № 11. С. 79–87.
26. *Тихомиров Ю.А., Рахманина Т.Н., Хабибулин А.Г.* Закон о нормативных правовых актах — актуальная повестка дня // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 88–93.
27. *Бошно С.В.* Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы // Право и современные государства. 2015. № 2. С. 7–22.
28. *Ветютнев Ю.Ю.* О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 72–78.
29. *Шундигов К.В.* Фактор случайности в правовой жизни общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2 (51). С. 8–14.
30. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.

31. *Растрюгин Л.А.* Этот случайный, случайный, случайный мир. М.: Молодая гвардия, 1974. 208 с.
32. *Березина Е.* Капитал-лист. В России выросло количество долларовых миллиардеров // Российская газета. 2018. 19 апр.
33. *Гавриленко В.И.* «Human security» как новая модель социального государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 11–15.
34. *Зорькин В.* Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 окт.

References

1. *Stepanova M.V.* On the Practice of «Advanced» Law-making Entities of the Russian Federation on Issues under Joint Jurisdiction of the Russian Federation and Its Regions // the Legislation and economy. 2008. No. 6. P. 9–12.
2. *Platonov V.M.* On the Advanced Role of Legislation of the Russian Federation Subjects // Modern Law. 2009. No. 9. P. 34–36.
3. *Zaynalov K.S.* On the Issue of Legal Regulation of the Advance on Issues under Joint Jurisdiction of the Russian Federation and Its Regions // Modern Law. 2012. No. 4. P. 26–28.
4. *Kiriyenko G.S.* Some Theoretical Aspects of Advancing Lawmaking of the Russian Federation // Government and Local Self-government. 2012. No. 12. P. 13–17.
5. *Galoyan A.R.* Advancing Lawmaking of the Russian Federation: Common Approach, the Scope of Civil Initiatives // Constitutional and municipal law. 2016. No. 5. P. 38–41.
6. *Okounkov L.A.* Presidential Decree and the Problems of Their Perfection // Legislation. 2000. No. 12. P. 59–67.
7. *Trufanov M.E.* Regulatory-activity Nature of Administrative Law // Society and Law. 2012. № 3 (40). P. 325–329.
8. *Baranov V.M.* Advantages and Disadvantages of the Report of the Federal Assembly of Russia on 20 Years of Development of the Domestic Legislation // Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the MOI of Russia. 2014. № 1 (125). P. 279–282.
9. *Ursul A.D.* The Nature of the Information: the philosophical essay. Chelyabinsk Chelyabinsk State. Acad. Culture and the Arts, 2010. 231 p.
10. *Ursul A.D.* Information Problem in Modern Science. (Philosophical Essays). М.: Science, 1975. 287 p.
11. *Algin A.P.* Risk and Its Role in Public Life. М.: Thought, 1989. 187 p.
12. *Diev V.S.* Risk and Uncertainty in Philosophy, Science, and Management. // Bulletin of the Tomsk State University. 2011. № 2 (14). P. 83–84.
13. *Vlasenko N.A.* Uncertainty in the Law: Concept and Ways of Research // the Russian justice. 2006. No. 7. P. 4–12.
14. *Vlasenko N.A.* Uncertainty in the Law: Nature and Forms of Expression // Magazine of the Russian right. 2013. No. 2. P. 32–44.
15. *Vlasenko N.A., Nazarenko T.N.* Uncertainty in the Law: Concept and Form // State and Law. 2007. No. 6. P. 5–12.
16. *Mamchun V.V.* Uncertainty as a Risk Condition in Law // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2011. No. 4. P. 99–108.
17. *Vlasov A.A., Naumycheva A.V.* On the Question of the Conceptual Contradictions in the Russian Legislation on Licensing // Modern Law. 2001. No. 8. P. 32–44.
18. *Sklyarov S.* Uncertainty Concepts and Unambiguous Rules // Justice in Eastern Siberia. 2002. No. 1–2 [5, 6]. P. 94–97.
19. *Nazarenko T.N.* Uncertainty in the Russian Law: extended abstract of diss. ... cand. of law. Moscow, 2006. 23 p.
20. *Soloukhina S.V.* Terminological and Conceptual Inadequacy of Uncertainty as Risk Factors in the Enforcement // «Black Holes» in the Russian Legislation. Law Journal. 2007. No. 3. P. 83–85.

21. *Golovin S.Y.* Terminological Ambiguity in Law: Causes of and Ways to Eliminate. //Jurisprudence. 2010. No. 2. P. 53–62.
22. *Belokon N.V.* Juridiko-linguistic Uncertainty: Content of the Concept // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2012. № 1. P. 46–54.
23. *Rodionov O.N.* Legal and Linguistic Uncertainty Legal and Linguistic Uncertainty // Russian legal journal. 2015. No. 4. P. 151–154.
24. Monitoring of the Legal Framework and Practice. Parliamentary hearings. Vol. 2. M.: The Federation Council, to 2003.104 p.
25. *Lukyanova E.A.* Law of the Laws // Legislation Act. 1999. No. 11. P. 79–87.
26. *Tikhomirov Y.U., Rakhmanina T.N., Khabibulin A.G.* Law on Normative Legal Acts - an Actual Agenda // Journal of Russian law. 2006. No. 5. P. 88–93.
27. *Boshno S.V.* The Law on Normative Legal Acts: Past, Present and Future // Law and modern state. 2015. No. 2. P. 7–22.
28. *Vetyutnev Yu.Yu.* About Legal Contingency and Legal Chaos // Journal of the Russian law. 2003. No. 7. P. 72–78.
29. *Shundikov K.V.* Factor of Randomness in the Legal Life of Society // Legal policy and legal life. 2013. № 2 (51). P. 8–14.
30. *Kerimov D.A.* Methodology of Law (Object, Function, Philosophy of Law Issues). M.: Avanta +, 2001. 560 p.
31. *Rastrigin L.A.* This Casual, Casual, Casual World. M.: Young Guard, 1974, 208 p.
32. *Berezin E.* Capital Sheet. Number of Dollar Billionaires in Russia Has Grown. // Ros. newspaper. 2018. April 19.
33. *Gavrilenko V.I.* «Human security» as a New Model of the Welfare State // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2017. №6 (119). P. 11-15.
34. *Zorkin V.* Letter and Spirit of the Constitution // Ros. newspaper. 2018. 9 October.

УДК 35.071; 340.130.53.

К.В. Чилькина

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В ТАМОЖЕННЫХ ПРОЕКТАХ И ЗАМЕТКАХ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА РАДИЩЕВА

Введение: современная государственная внутренняя политика в такой непростой сфере реализации государственного закона, как деятельность таможенных органов испытывает традиционные нагрузки, характерные для этого вида государственного управления на протяжении, по крайней мере, трехсотлетней истории развития российской государственности. При решении современных проблем обеспечения законности в данных отраслях управления следует учитывать накопленный исторический опыт правового регулирования. Цель: анализ таможенных проектов и записок (политико-правовых трудов) А.Н. Радищева с целью выявления средств укрепления законности в деятельности российской таможенной службы. Методологическая основа: использованы методы системного анализа, историко-правовой,

© Чилькина Ксения Владимировна, 2019
Кандидат юридических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: BaryshkovaK@rambler.ru
© Chilkina Kseniya Vladimirovna, 2019
Candidate of law, Professor of the State and law history department (Saratov State Law Academy)

сравнительно-правовой. Результаты: по итогам анализа таможенных проектов и записок А.Н. Радищева выявлены политико-правовые инструменты, способствующие укреплению законности, сокращению числа правонарушений в сфере деятельности органов российской таможни. Выводы: практическая деятельность и политико-правовые труды (взгляды) А.Н. Радищева на рубеже XVIII–XIX вв. и в дальнейшем выступали одним из оснований совершенствования государственной политики и российского законодательства в сфере деятельности таможни.

Ключевые слова: история государства и права России, история политико-правовой мысли, А.Н. Радищев, российская таможенная политика, принцип законности, профилактика преступлений.

K. V. Chilkina

THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CUSTOMS PROJECTS AND NOTES OF ALEKSANDR NIKOLAEVICH RADISHCHEV

Background: modern state domestic policy in certain areas of the implementation of state law (customs activities) is experiencing traditional pressures characteristic of this type of government over at least three hundred years of Russian statehood development. When solving modern problems of ensuring legality in these branches of government, one should take into account the accumulated historical experience of legal regulation. **Objective:** to analyze the customs projects and notes (political and legal works) of A.N. Radishchev in order to identify the means of strengthening the rule of law in the activities of the Russian customs service. **Methodology:** methods of system analysis, historical and legal, comparative legal have been used in the research. **Results:** based on the analysis of customs projects and notes A.N. Radishchev identified political and legal instruments that contribute to strengthening the rule of law, reducing the number of offenses in the sphere of activities of the Russian customs authorities. **Conclusions:** practical activities and political and legal works (views) A.N. Radishchev at the turn of the XVIII-XIX centuries and in the future they were one of the grounds for improving the state policy and Russian legislation in the field of customs.

Key-words: history of state and law of Russia, history of political and legal thought, A.N. Radishchev, Russian customs policy, the principle of legality, crime prevention.

Принцип законности содержится и раскрывается сегодня в первую очередь на конституционном уровне в ст. 15 Конституции РФ. Данной статьей провозглашается, во-первых, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ. Во-вторых, органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы. Таким образом, принцип законности означает необходимость соответствия всех законов местного уровня, подзаконных правовых актов, а также действий всех физических и юридических лиц Конституции РФ, как основному закону государству, ядру его правовой системы.

На сегодняшний день деятельность российской таможни не свободна от определенных проблем обеспечения законности [1], имеющих место в россий-

ской практике государственного управления в период развития российского государства уже три столетия назад.

Специалисты отмечают, что в истории Российского государства с самых начал его основания нарастала потребность в едином, основном государственном законе [2]. Соборное уложение 1649 г. стало первым печатным изданием законодательного акта общего характера [2, с. 438]. Уже в конце XVII столетия согласно российскому праву должностные лица и судьи должны были соблюдать государственный закон [2].

Следующим этапом развития теоретического и правового развития принципа законности был период правления Петра I. Во многих указах этого монарха утверждается и раскрывается принцип законности [2, с. 439–443]. Екатерина II продолжала расширять принцип законности. Речь идет уже не просто о восприятии государственного закона всеми слоями общества как единственного источника регулирования отношений и правопорядка, но и об ответственности должностных лиц. Екатерина стремилась организовать на принципе законности все сферы государственного и местного управления, в процессе работы Уложенной Комиссии над сводом законов Российской империи она предложила «выделить виды узаконений, главенствующую роль отдав законам» [2, с. 444]. К концу XVIII в. «российская верховная власть не только декларирует принцип законности, но и на законодательном уровне определяет механизмы его реализации, обеспечивает законодательную подготовку чиновничества и усиливает ответственность за игнорирование указанного требования» [2, с. 446]. В этих условиях Александр Николаевич Радищев продолжительное время возглавлял Санкт-Петербургскую таможенную — одно из ведущих государственных учреждений.

А.Н. Радищев известен в первую очередь как литератор — автор произведений с критикой современной ему России («Путешествие из Петербурга в Москву», ода «Вольность» и др.). В отечественной историографии не много работ, посвященных политико-правовым взглядам А.Н. Радищева. Во-первых, следует отметить ряд работ середины прошлого века, среди которых диссертация В.С. Покровского «Радищев как политический мыслитель XVIII в.» [3], где речь идет, прежде всего, о крепостном праве, о социальных, исторических, политических взглядах мыслителя, о влиянии на его творчество Французской буржуазной революции. В 1952 г. в Киеве была защищена диссертация А.Б. Дубровиной «Политические и правовые взгляды А.Н. Радищева» [4]. В 1950-е годы в советской печати было опубликовано несколько статей, освещающих политико-правовые взгляды и деятельность А.Н. Радищева [5; 6; 7]. В 1981 г. была опубликована статья П.С. Грацианского о конституционных воззрениях А.Н. Радищева [8].

Новый этап исследований трудов А.Н. Радищева с политико-правовых позиций начался в 2000-х гг. В основном, в качестве предмета исследования анализируются правовые взгляды А.Н. Радищева [9; 10; 11; 12].

Однако в российской историографии не освещены его гражданско-правовые взгляды, тогда как и они, наряду с уголовно-правовыми позициями мыслителя, представляются весьма актуальными.

А.Н. Радищев пять лет (1766–1771 гг.) обучался праву в Лейпцигском университете, и помимо его литературной деятельности особое значение имеют его правовые взгляды. По возвращении в Санкт-Петербург в 1771 г. он несколько лет проработал в качестве военного прокурора (обер-аудитора) при штабе Петербургского главнокомандующего. В 1777 г. поступил в Коммерц-коллегию,

управляющую торговлей и промышленностью, а в период с 1780 по 1790 гг. он работал в Петербургской таможне, впоследствии возглавив ее. Таким образом, он занимался не только хозяйственной, но и административной юридической деятельностью, вопреки мнению некоторых российских авторов [13, с. 50]. Об этом позволяет говорить анализ политико-правовых трудов А.Н. Радищева, и результатом его деятельности в период с 1780 по 1790 гг. были труды о законодательстве, разработанные проекты законов.

Санкт-Петербургская портовая таможня в конце XVIII в. занимала лидирующее место среди таможенных учреждений России, причем объем морской торговли в этот период значительно превосходил объемы сухопутной, быстро происходила специализация кадрового состава таможен [14, с. 27, 29]. В этих условиях от служащих таможни требовалось знание законодательства, комплексный подход в решении текущих вопросов. В процессе работы он составил несколько проектов с предложениями реформировать таможенное дело и содействовать более успешной реализации государственного закона. В числе этих трудов были и проект основного закона государства (труд «О разделении Уложения российского»), и проект гражданского кодекса (уложения), исследованию роли которых в российской специальной литературе посвящено несколько работ.

Одним из значимых законопроектных работ А.Н. Радищева был проект нового генерального таможенного тарифа. Действовавший ранее тариф 1767 г., хотя и принят ввиду «несоответствия потребностям экономики», он был составлен без надлежащих правил и отличался разными пошлинами на уцененные товары. По нему запрещался ввоз хлебного вина, французской водки, иностранной соли, бархата, тафты, парчи, шелковой бахромы, шелковых лент, галунов, мехов, а также мышьяка и некоторых других ядов. Налагался запрет на отпуск (вывоз) золота и серебра в монетах, слитках и деле, леса, пороха, селитры, пряжи льняной и накатной из чистой и чесаной пеньки, пакли. Высокой пошлиной был обложен итальянский шелк [15, с. 160].

В Проекте нового генерального таможенного тарифа А.Н. Радищев предложил новый алфавитный способ каталогизации товаров, который способствовал бы сокращению числа сговоров между купцами и таможенниками: он предлагает выделять в качестве самостоятельных позиций каталога товаров, перевозимых через границу, распространенные и востребованные виды товаров (например: чулки, перчатки, рукавицы и пр., тогда как согласно действовавшему тарифу чулки относили к товарам, производимым из шелка, а завозили в Россию не только шелковые, но и другие чулки) [16]. Купцы ради экономии предлагали работникам таможни за определенную мзду приписать товар к тем позициям, которые были обозначены в каталоге. Радищев предлагал сделать каталог более подробным, что бы каждая статья касалась общего представления о ввозимом товаре, в этой статье специальными пунктами были выделены виды данных товаров, к общей статье был дан комментарий, чтобы определить пошлину на все неизвестные товары подобного качества, обозначенные статьей тарифа.

Новый алфавитный каталог товаров должен был сократить расход времени на таможенное оформление товаров и число таможенных преступлений. В государственном тарифе 1782 г. был изменен порядок расположения товаров в описи — наименования были расположены в алфавитном порядке [17], как то и предлагал Радищев.

Чиновник отмечает также, что при оформлении товаров следует буквально воспринимать закон, а не толковать его, следует исключить из описания товаров комментарии, не отражающие его сущности (например, в каких емкостях товары содержатся и пр.), следует исключить из практики налогообложения разные по величине пошлины с одного и того же товара. В целях соблюдения закона Радищев предлагал изменить подход, имевший место в действующем тарифе 1766 г., согласно которому вновь ввозимые неизвестные ранее товары причислялись к уже записанным в тарифе. «Всякое уподобление остается в воле судящаго о вещи, а закон тем совершеннее бывает, чем меньше в суде на произвол судящаго оставляется, и чем больше судия имеет волю или способ полагать решения по своему благоизобретению, а чем меньше имеет он власти или способность умствовать и давать вещам виды по понятию своему, тем вящая положена будет пристрастиям его преграда, и тем меньше он поползнуться возможет на корыстолюбие, ибо все к тому пути у него отъяты» [16, с. 54]. Таким образом, принцип законности А.Н. Радищев видел и в том, чтобы в государственном законе (в различных подзаконных актах) обозначать виды товаров, их качества, каждому товару назначать только ему предписанную пошлину, что должно способствовать сокращению судебного произвола. В целях введения в действие нового тарифа, чиновник предложил издать общее для всех предписание, «чтобы о новых товарах давали знать в главное начальство с приложением образцов оных товаров» [16, с. 55].

Следующим объектом внимания Радищева был вопрос об определении тары, в которой содержится товар, перевозимый через границу. В современной ему практике товар на таможне выкладывался из тары (если было возможно) и определялся самостоятельным весом, но этот процесс занимал много времени (и не всегда можно было выложить товар и определить его вес). Купечество в основном указывало только вес самого товара без тары, а на таможне товар взвешивали с тарой, что приводило к проблемам в налогообложении. Было предложено установить ориентировочные размеры и вес тары, характерной для перевозимого товара, установить на нее отдельную пошлину, указать чуть завышенный тариф на нее, т.к. не было единообразия тары. Таким образом, таможенные отправления станут быстрее и легче. Радищев предложил дифференцировать товары по их необходимости: предметы роскоши считать вместе с упаковкой, на дорогие необходимые товары вес тары вообще не облагать налогом, «ибо малая прибавка в весу делает в товаре высокой цены большую разницу» [16, с. 56].

Предлагалось ввести новые принципы налогообложения товаров, перевозка которых была связана с риском их порчи (например, посуда). В данном случае пошлину надо было взыскивать по количеству (поштучно) перевозимого, а не по стоимости целого груза. Такой подход к налогообложению исключил бы злоупотребления таможенников, которые часто оформляли, как лом, целый товар и по сговору с купцом облагали его меньшим налогом.

Также Радищевым были выявлены разногласия тарифов 1757 и 1766 гг., приводившие к несоразмерному таможенному обложению.

В докладе Императору о Гостином дворе Санкт-Петербурга А.Н. Радищев обосновывал необходимость постройки таможенных пакгаузов и погребов, хранение товаров в которых способствовало бы сокращению злоупотреблений [18]. В качестве источника финансирования данных складских помещений предлагалось повысить налог на Гостиный двор Санкт-Петербурга, поскольку данный налог не соответствовал получаемым собственниками и арендаторами помещений Гостиного двора доходам.

В годы правления Екатерины II активно развивалась пограничная государственная служба [19], и Радищева привлекали в качестве эксперта в вопросах укрепления государственной границы. Утверждение принципа законности следует и в реакции Александра Николаевича на доклад генерал-губернатора П.Б. Пассека, который в своей деятельности противоречил Указу Екатерины II 1782 г. «Об учреждении особой таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потайного провоза товаров». Согласно ст. 4 данного Указа было обозначено, что на границе каждые десять верст должны были находиться (должны быть устроены специальные дома) два объездчика для контроля за границей. Генерал-губернатор Пассек сообщал, что он «места пребывания объездчиков и их жилище назначает не чрез десять верст одно от другаго, ... но в тех местах, где есть дорожки и тропинки, и там, где есть на белорусской или польской стороне при границе местечки или селения» [20, с. 60].

В «Примечаниях на доклад директора Петербургской таможни Г.Ю. Даля» Радищев подробно описывал те злоупотребления таможенников, которые имели место до принятия нового таможенного тарифа 1782 г., (введен в действие в 1883 г.) и после введения данного тарифа также предложил ряд мер, служащих укреплению законности и противодействию преступности в их числе — коллегиальное участие таможенников в клеймении товара, его отвесе и счете, комиссионная подпись документов, чтобы в месте оформления товаров повозки были опечатаны с правом вскрытия данных печатей городничими и земскими судами только тех местностей, где есть таможни. Предлагалось также предоставить городничим и нижним земским судам право досмотра всех лиц, сопровождающих груз [21].

Огромное количество контрабанды, попадавшей на территорию Российского государства, вызвало ужесточение условий пропуска многих товаров через российско-польскую границу. Указом Екатерины II 1789 г. был запрещен экспорт и импорт различных товаров «сухим путем через таможни, в наместничествах Екатеринославском, Могилевском, Киевском и Полоцком». Одним из авторов данного законопроекта был А.Н. Радищев [22].

Спустя короткое время, уже в правление Александра I, активно стало развиваться законодательство, регламентирующее деятельность таможенных и пограничных учреждений [23]. Многие из принятых в дальнейшем законодательных актов реализовывали предложения А.Н. Радищева по организации таможенного дела. Уже в последние годы жизни, когда Радищев из ссылки был возвращен ко Двору и включен в состав комиссии по систематизации российского законодательства, он создал ряд законопроектов, где учитывались особенности российской системы управления (в частности, ограниченная монархия признавалась им в качестве оптимальной формы правления), предшествующий опыт государственной службы. Закон, по мнению А.Н. Радищева, принимается для того, чтобы граждане, проживающие в обществе, знали, в чем состоят их права и обязанности, ... что дозволено и что запрещено... [24, с. 146]. Закон государственный подлежит изменению в силу меняющихся условий жизни народа, однако «законодатель мудрый, не убоясь препятствий и трудностей от частных людей, неистовых самолюбцев, презрив негодования некоторых для пользы миллионов, сокрушит неясности прежних узаконений, низвергнет ненависть чиновостояния разделяющие, воздвигнет закон для всех единый, в действии своем, неминуемый, в изречениях неумолимый, который обнажит всем начальную цель общества и

незыблем водрузится в сердца всех сограждан» [24, с. 147]. Среди средств, используемых государственной властью в укреплении законности, мыслитель выделял: воспретительные (императивные), побуждающие (стимулирующие), предупредительные (профилактические) [24, с. 151]. Все законопроекты А.Н. Радищева были пронизаны идеей соблюдения государственного закона, основанного на естественном праве народа: «Закон положительный не истребляет, не долженствует истреблять и неможен всегда истребить закона естественного».

Безусловно, можно говорить о том, что литератор, государственный служащий, военный служащий, юрист Александр Николаевич Радищев на всех этапах жизненного пути следовал принципу законности, был убежденным сторонником государственного закона. Анализ его политико-правовых трудов, в частности таможенных проектов и заметок, дает нам представление об актуальности, глубине и принципиальности этих работ. К числу форм реализации принципа законности, согласно трудам А.Н. Радищева, можно отнести упорядочение действующего законодательства, его унификацию, расширение контрольных полномочий государственных органов в отдельных сферах регулирования общественных отношений (в том числе в таможенном деле), распространение коллегиального начала в производстве отдельных процессуальных мероприятий с целью сокращения злоупотреблений служащих (освидетельствование и отправка грузов с таможни), техническое и содержательное упорядочение реестров товаров с целью повышения качества работы отдельных государственных учреждений (таможни), требование буквального соблюдения закона, сокращающее действие субъективного фактора в регулировании общественных отношений.

Библиографический список

1. Агамагомедова С.А. Проблемы административно-правового регулирования ведомственного контроля деятельности таможенных органов в современный период // Административное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 23–30.
2. Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начала XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 436–451.
3. Покровский В.С. Радищев как политический мыслитель XVIII века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1945. 563 с.
4. Дубровина А.Б. Политические и правовые взгляды А.Н. Радищева: дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1952. 46 с.
5. Покровский С. Юридические труды А.Н. Радищева // Советское государство и право. 1954. № 2.
6. Солодкин И.Н. Уголовно-правовые воззрения А.Н. Радищева // Вопросы уголовного права и процесса. Ученые записки Ленинградского университета. 1956. № 202. С. 23–49.
7. Кабатов В.А. Новое исследование о государственно-правовых взглядах А.Н. Радищева (Покровский С.А. Государственно-правовые взгляды Радищева. М.: Госюриздат, 1956. 310 с.) // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 126–133.
8. Грацианский П.С. Конституционные воззрения А.Н. Радищева // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 107–114.
9. Водолого М.В. Вопросы уголовного права в творчестве А.Н. Радищева (общая характеристика) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 152–158.
10. Есина О.А. Александр Николаевич Радищев как основоположник Российской уголовной статистики: Межрегиональная конференция, посвященная 60-й годовщине празднования Дня прав человека: тезисы докладов. Вып. 7. Волгоград: Изд-во Волгоградской академии МВД России, 2011. С. 84–86.

11. *Илюхин А.В., Смоляров М.В.* Идея наказания в воззрениях К.Г. Лангера, А.Н. Радищева, И.С. Лопухина: историко-правовой аспект // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей. Курск, 2013. С. 13–19.
12. *Смоляров М.В.* Основные политико-правовые и пенитенциарные воззрения Екатерины II, А.Н. Радищева // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 26–28.
13. *Макогоненко Г.П.* А.Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1949. 196 с.
14. *Балковская В.Г.* Становление портовых таможен России (XVI–XVIII вв.) // Вестник Российской таможенной академии. 2011. № 3. С. 24–30.
15. *Кисловский Ю.Г.* История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / под общ. ред. А. Е. Жерихова. М: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. 592 с.
16. *Радищев А.Н.* [Проект нового генерального таможенного тарифа] // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 49–58.
17. Тариф 1782 г. для всех Портов и пограничных Таможен Российской империи, кроме Астрахани, Оренбурга и Сибири // ПСЗ РИ. Т. XLV. Книга тарифов.
18. *Радищев А.Н.* [Записка о Гостином дворе] // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 68–72.
19. *Аванесов С.Б.* Исследование таможенной политики и таможенного дела в России в 18–19 века // Наука и современность. 2013. № 22. С. 235–242.
20. *Радищев А.Н.* [О таможенных обрядах]: I. Отзыв о докладе белорусского генерал-губернатора Пассека // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 59–63.
21. *Радищев А.Н.* [О таможенных обрядах]: II. [Примечания на доклад директора Петербургской таможни Г.Ю. Даля] // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 63–66.
22. *Радищев А.Н.* Проект доклада о запрещении провоза товаров иностранных чрез пограничные к Польше лежащая таможни // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 73–86.
23. *Кайданов Н.И.* Систематический каталог делам Департамента внешней торговли, хранящимся в Архиве Департамента таможенных сборов и других бывших учреждений по части промышленности и торговли, хранящимся в Архиве Департамента таможенных сборов: Тут же: Дополнения к Каталогу делам Департамента внешней торговли. 1877 г.
24. *Радищев А.Н.* О законоположении // А.Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952).

References

1. *Agamagomedova S.A.* Problems of Administrative and Legal Regulation of Departmental Control over the Activities of Customs Authorities in the Modern Period // Administrative and municipal law. 2017. No. 2. P. 23–30.
2. *Kodan S.V.* Genesis of Legislative Consolidation of the Principle and Regime of Legality in the Activities of Public Administration in Russia (XVII – early XX century) // Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. Issue. 12. P. 436–451.
3. *Pokrovsky V.S.* Radishchev as a Political Thinker of the XVIII century: dis. ...of cand. of law. M., 1945. 563 с.
4. *Dubrovin B.A.* Political and Legal Views of A. N. Radishchev: dis. ... of cand. of law. Kiev, 1952. 46 p.
5. *Pokrovsky S.* Legal Works of A.N. Radishchev // Soviet state and law. 1954. No. 2.
6. *Solodkin I.N.* Criminal-legal Views of A. N. Radishchev // Questions of criminal law and procedure. Scientific notes of Leningrad University. 1956. No. 202. P. 23–49.

7. *Kabatov V.A.* New Study on State-legal Views of A. N. Radishchev. (Pokrovsky S.A. State-legal views of Radishchev. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 310 p.) // Soviet state and law. 1958. No. 8. P. 126–133.
8. *Gratsianskiy P.S.* Constitutional Views of A. N. Radishchev // Soviet state and law. 1981. No. 4. P. 107–114.
9. *Vodolaga M.V.* Criminal Law Matters in the Works of A. N. Radishchev (General characteristics) // Actual problems of Russian law. 2008. No. 2. P. 152–158.
10. *Esina O.A.* Alexander Nikolaevich Radishchev as the Founder of Russian Criminal Statistics: Interregional conference dedicated to the 60th anniversary of the celebration of human rights Day: abstracts. Issue. 7. Volgograd: Publishing house of Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2011. P. 84–86.
11. *Ilyukhin A.V., Smolyarov M.V.* Idea of Punishment in the Views of K.G. Langer, A.N. Radishchev, I.S. Lopukhin: Historical and Legal Aspect // Criminal law in the evolving society: problems and prospects: collection of scientific articles. Kursk, 2013. P. 13–19.
12. *Smolyarov M.V.* Main Political, Legal and Penitentiary views of Catherine II, A.N. Radishchev // Legal science. 2014. No. 3. P. 26–28.
13. *Makogonenko G.P.* A.N. Radischev. Essay of Life and Creativity. M.: Goslitizdat, 1949. 196 p.
14. *Balkova V.G.* Formation of Port Customs of Russia (XVI–XVIII centuries). Bulletin of the Russian Customs Academy. 2011. No. 3. P. 24–30.
15. *Kislovsky Yu.G.* History of Customs Affairs and Customs Policy of Russia. 3-e Izd. / under the General editorship of A. E. Zherihov. M: RUSINA-PRESS, 2004. 592 p.
16. *Radishchev A.N.* [Draft of the New General Customs Tariff] // A.N. Radishchev. Complete works. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938–1952. Vol. 3 (1952). P. 49–58.
17. Tariff of 1782 for All Ports and Border Customs of the Russian Empire, except Astrakhan, Orenburg and Siberia. T. XLV. Book of Tariffs.
18. *Radishchev A.N.* [Note on the Gostiny Dvor] // A. N. Radishchev. Complete works. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938–1952. Vol. 3 (1952). P. 68–72.
19. *Avanesov S.B.* Study of Customs Policy and Customs Affairs in Russia in the 18th–19th Century // Science and modernity. 2013. No. 22. P. 235–242.
20. *Radischev A.N.* [About the Customs and Rites]: I. Review of the report of the Belarusian Governor-General of PASAKA // A.N. Radischev. Complete works. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938–1952. Vol. 3 (1952). P. 59–63.
21. *Radischev A.N.* [About the Customs and Rites]: II. [Notes on the report of the Director of the St. Petersburg customs G. Y. Dahl] // A.N. Radischev. Complete works. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938–1952. Vol. 3 (1952). P. 63–66.
22. *Radishchev A.N.* Draft Report on the Prohibition of the Carriage of Foreign Goods through the Border to Poland Attached Customs // A. N. Radishchev. Complete works. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938–1952. Vol. 3 (1952). P. 73–86.
23. *Kaidanov N.I.* So. Systematic Catalogue of the Affairs of the Department of Foreign Trade, Stored in the Archives of the Department of Customs Duties and Other Former Institutions in the Field of Industry and Trade, Stored in the Archives of the Department of Customs Duties: Here: Additions to the Catalogue of the Affairs of the Department of foreign trade. One thousand eight hundred seventy seven
24. *Radishchev A.N.* About the Law Statute // A.N. Radischev. Full collection of works. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1938–1952. Vol. 3 (1952).

УДК 340.1

М.Ю. Горбунова

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПООЩРЕНИЙ В ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение: в современной России все большее значение приобретают позитивные юридические средства: дозволения, льготы, поощрения. В то же время существуют определенные технико-юридические правила, соблюдение которых является необходимым условием эффективного использования регулирующего потенциала данных юридических средств, максимально полной защиты прав и свобод личности. **Цель:** определение места и роли поощрений в механизме правового регулирования, обоснование необходимости исследования технико-юридического их оформления. **Методологическая основа:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, логический метод, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований. **Результаты:** формулируется определение технико-юридического оформления поощрений в праве как совокупности требований правотворческой и правоприменительной юридической техники установления и реализации поощрительных норм. **Выводы:** благодаря правильному оформлению поощрений в нормативно-правовом материале, грамотному их применению выявляется предназначение и ценность права как социального регулятора. Научное осмысление технико-юридической стороны вопроса будет способствовать улучшению качества законодательного закрепления поощрительных норм, что позволит повысить эффективность данного юридического средства и механизма правового регулирования в целом.

Ключевые слова: поощрение, правовые поощрения, правовые стимулы, правовые ограничения, юридическая техника, технико-юридическое оформление.

M. Yu. Gorbunova

TECHNICAL AND LEGAL REGISTRATION OF INCENTIVES IN LAW: THE CONCEPT AND THE NEED FOR RESEARCH

Background: positive legal means such as permits, benefits, incentives have become more and more important in modern Russia. At the same time there are some technical and legal rules that should be observed for effective using of regulative potential of these legal means, maximum protection of personal rights and freedoms. **Objective:** determination of the place and role of incentives in the mechanism of legal regulation, justification of the need of technical and legal registration research. **Methodology:** dialectic, abstraction, analysis, synthesis, deduction methods, logical, legalistic, intersectoral legal research ones were used in the study. **Results:** the definition of technical and legal registration of incentives in law as a set of requirements of law-making and law enforcement legal technique of establishment and implementation of incentive rules has been formulated. **Conclusions:** due to the correct design of incentives in the regulatory material, their competent application reveals the purpose and value of law as a social regulator. Scientific understanding of the

© Горбунова Марианна Юрьевна, 2019

Аспирант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mg612@yandex.ru

© Gorbunova Marianna Yurievna, 2019

Post-graduate student, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

technical and legal side of the issue will help to improve the quality of legislative consolidation of incentive rules, which will improve the effectiveness of this legal instrument and the mechanism of legal regulation in general.

Key-words: *encouragement, legal encouragements, legal stimuluses, legal restrictions, legal technique, technical-legal design.*

В последние годы в нашей стране наметилась очевидная смена приоритетов в правовом регулировании: упорядочивающее воздействие права в настоящее время служит таким ценностям как свобода, демократия, права личности. В этой связи в противовес главенствующим определенное время запретам и иным ограничениям все более активно используются стимулирующие средства воздействия — дозволения, льготы и, безусловно, поощрения. Еще Р. Иеринг подчеркивал тот факт, что «любые ограничения в конечном счете служат барьерами для развития, в то время как правильно установленные поощрения — источником прогресса» [1, с. 122].

Особенностью воздействия на субъекта посредством поощрения является то, что он не принуждается (обязывается), а побуждается к определенному поведению, заинтересовывается достижением полезного результата. Воля личности при этом находится в таком состоянии, что она (личность) свободна выбрать поощряемое «улучшенное» поведение (либо не выбрать его), в первом случае имея возможность получить некие блага (награды, льготы) при достижении запланированного результата [2, с. 88].

Значимость поощрений в механизме правового регулирования неоднократно подчеркивалась в научной литературе. Так, А.В. Малько акцентирует внимание на том, что при помощи поощрений достигаются такие общественно значимые цели, достичь которые иными юридическими средствами не представляется возможным [3, с. 208].

Поощрения формируют побудительные мотивы правомерного поведения. Однако правомерное поведение неоднородно как в своей мотивационной основе, так и в отношении его значимости для общества. Как справедливо отмечают В.В. Кожевников и В.В. Попова, оно не перестает быть таковым, даже если мотивировано страхом перед наказанием, собственными узкоэгоистическими интересами или же автоматическим следованием господствующей модели поведения [4, с. 49]. Поощрения же направлены на стимулирование не просто правомерного, но именно правоактивного (социально активного) поведения, которое можно назвать высшим уровнем правомерного поведения.

Иногда поведение такого уровня характеризуют именно через его связь с поощрениями. Например, А.А. Бондарев говорит о таком виде правомерного поведения, как поведение, особенно полезное для общества и им поощряемое [5, с. 32]. При этом поощрения не только стимулируют правомерное, позитивное поведение, а также достижение сверхрезультатов у того субъекта, непосредственно к которому они направлены, но и мотивируют иных субъектов к аналогичному поведению. В этой связи, как справедливо указывает Н.Г. Богатырева, они позитивно влияют не только на отдельных субъектов, но и на общество в целом [6, с. 226].

Значение поощрений распространяется дальше моделирования вариантов поведения. Дело в том, что психологическое восприятие поощрительной нормы

на уровне сознания личности связано с ее внутренними мотивами, ценностями установками, одновременно оказывая на них обратное влияние. В этом плане поощрения опосредованно задействуются в формировании и эволюции ценностных установок, устойчивых правовых идеалов, образующих основу правосознания личности [7, с. 232].

Заслуженное (поощряемое) поведение является взаимовыгодным как для поощряемых, так и для государства [8, с. 25–32]. Удельный вес и эффективность управленческого воздействия поощрений в обществе выступает своеобразным маркером уровня его развития и социальной зрелости. Кроме того, поощрения служат инструментом стимулирования приоритетных направлений социально-экономического развития.

Несмотря на все вышеперечисленные аспекты повышенной значимости поощрений в современном обществе, приходится констатировать, что правовой и управленческий потенциал поощрений в целом используется не в полной мере. И в определенной степени это связано с несовершенством технико-юридической стороны оформления поощрений в праве.

Поощрения закрепляются в юридических нормах особого вида — поощрительных нормах, которые обладают определенной спецификой по сравнению со всеми иными юридическими нормами. Главная структурная особенность ее заключается в «слиянии» гипотезы и диспозиции [9, с. 46]. В этой связи структура поощрительной нормы является двухчленной, включая в себя в качестве обязательных элементов гипотезу и санкцию. Первую образует заслуга, как основание применения поощрения — определенный набор элементов (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), характеризующих необходимое или желательное поведение. Вторая, санкция — предусматривает благоприятные последствия для субъектов за данное поведение [10, с. 8].

Итак, другой важнейшей особенностью поощрительных норм является наличие одноименной, т.е. «поощрительной», санкции. Понятием «поощрительная санкция» обозначаются закрепленные в юридических нормах меры осуществляемого посредством права воздействия, применяемые субъектом, установившим данные нормы, в качестве которого чаще всего (но не обязательно) выступает государство, к заслужившему данную меру посредством достижения положительных общественно значимых результатов [11, с. 8].

Несоблюдение технико-юридических требований в конструировании поощрительных норм нивелирует положительный потенциал, закладываемый в данное юридическое средство, создает многочисленные трудности в процессе правоприменения, в результате оказывая стопорящее воздействие на развитие соответствующих общественных отношений.

В частности, по мнению специалистов, важнейшее значение для повышения эффективности как поощрений, так и депоощрений имеют такие технико-юридические особенности, как условия подачи и движения правовой информации, степень конкретности (абстрактности) предписаний, соблюдение четкости в закреплении иерархии заслуг для применения мер поощрения и т.д. [12, с. 224–236]. Действительно неполная, некачественная или несвоевременная правовая информированность личности об имеющихся у них возможностях получить те или иные блага, льготы, преимущества за определенное поведение, не способна оказать желательного побуждающего воздействия на граждан [13, с. 106–110].

Средства юридической техники способствуют раскрытию ресурсов всех средств механизма правового регулирования и претворению в жизнь заложенных идей законодателя [14, с. 3–4]. Благодаря правильному оформлению поощрений в нормативно-правовом материале, грамотному их применению и выявляется предназначение и ценность права как социального регулятора.

Таким образом, технико-юридическое оформление поощрений в праве представляет собой совокупность требований правотворческой и правоприменительной юридической техники установления и реализации поощрительных норм, соблюдение которых является необходимым условием эффективного использования регулирующего потенциала данного юридического средства, максимально полной защиты прав и свобод личности, повышения социальной ценности права.

В общей теории права проблема технического оформления поощрений, по нашему мнению, не отражена на должном уровне. Между тем, научное осмысление именно технико-юридической стороны вопроса будет способствовать улучшению качества законодательного закрепления норм, стимулирующих правомерное поведение, последовательному претворению их в жизнь, что позволит повысить эффективность данного юридического средства и механизма правового регулирования в целом.

Библиографический список

1. *Иеринг Р.* Избранные труды: в 2-х т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. Т. 1. 618 с.
2. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1972. 258 с.
3. *Малько А.В.* Льготная и поощрительная политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 233 с.
4. *Кожевников В.В., Попова В.В.* Поощрительные нормы права и социально активное поведение // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1 (48). С. 49–52.
5. *Бондарев А.А.* Правомерное поведение субъектов правоотношений: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. 99 с.
6. *Богатырева Н.Г.* Заслуга как основание поощрения // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4. С. 224–232.
7. *Тихомиров Ю.А.* Законы, стимулы, экономика. М.: Юридическая литература, 1989. 272 с.
8. *Шабалева О.А.* Ценность и значение поощрительных норм в механизме правового регулирования // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 25–32.
9. *Волкова В.В.* О понятии и содержании поощрительных норм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-2. С. 44–47.
10. *Попова В.В.* Поощрительные нормы современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 27 с.
11. *Дьяченко Е.В.* Поощрения как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 31 с.
12. *Баранов В.М.* Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника) / В.М. Баранов, А.Г. Чернявский, И.В. Девяшин, Д.А. Пешехонов. М.: Инфра-М, 2017. 448 с.
13. *Осипов Р.А.* Роль правовой информированности в формировании и развитии правосознания личности // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 3. С. 106–110.
14. *Толмачев В.В.* Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.

References

1. *Iering R.* Selected Works. In 2 v. SPb.: Yuridicheskiy Center Press, 2006. V. 1. 618 p.
2. *Gorshenev V.M.* Ways and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society. M.: Yurid. lit., 1972. 258 p.
3. *Malko A.V.* Preferential and Encouraging Policy. SPb.: Yuridicheskiy Center Press, 2004. 233 p.
4. *Kozhevnikov V.V., Popova V.V.* Encouraging Norms of Law and Social Active Behavior // Psychopedagogics in Enforcement Bodies. 2012. № 1 (48). P. 49–52.
5. *Bondarev A.A.* Legitimate Behavior of Subjects of Legal Relations : textbook. Orel: OrYI MVD of Russia, 2009. 99 p.
6. *Bogatyreva N.G.* Merit as the Basis of Encouragement // Questions of Russian and international law. 2017. V. 7. № 4. P. 224–232.
7. *Tikhomirov Y.A.* Laws, Incentives, Economics. M.: Yurid. lit., 1989. 272 p.
8. *Shabaeva O.A.* Value and Meaning of Encouraging Rules in it the Mechanism of Legal regulation // Siberian legal bulletin. 2012. № 2. P. 25–32.
9. *Volkova V.V.* On the Notion and Essence of Encouraging Rules // Historic, philosophical, politic and legal sciences, culturology, arts. Questions of theory and practice. 2011. № 2–2. P. 44–47.
10. *Popova V.V.* Incentive Standards of the Modern Russian Law: extended abstract of dis. ... of cand. of law. Omsk, 2015. 27 p.
11. *Dyachenko E.V.* Incentives as Positive Sanctions of a Legal Norm: General theoretical Aspect: extended abstract of dis. ... of cand. of law. Krasnodar, 2011. 31 p.
12. *Baranov V.M.* De-encouragement According to the Russian Law (doctrine, practice technique) / V.M. Baranov, A.G. Chernyavskiy, I.V. Devyashin, D.A. Peshekhonov. M.: Infra-M, 2017. 448 p.
13. *Osipov R.A.* Role of Legal Knowledge in the Forming and Development of Legal Awareness of a Personality // Legal policy and legal life. 2015. № 3. P. 106–110.
14. *Tolmachev V.V.* Technical-legal Means of Establishing and Realization of Prohibition in the Russian (questions of theory and practice) : extended abstract of dis. ... of cand. of law. Saratov, 2014. 26 p.

УДК: 340.114.5

А.Ю. Ягудина

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ПРАВОВОГО КОНФОРМИЗМА

Введение: в науке теории государства и права отсутствует единое понимание категории правового конформизма и его видов. Выделение разновидностей правового конформизма способствует пониманию сущности данного явления, его положительных и отрицательных черт, факторов, влияющих на его возникновение, динамику и уровень развития. Исследование данной темы может послужить выработке средств поддержания позитивных качеств данного явления и борьбы с его негативным проявлением. **Цель:** определить критерии классификации видов правового конформизма,

© Ягудина Ания Юсуповна, 2019
 Аспирант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
 e-mail: aniya.yagudina@mail.ru
 © Yagudina Aniya Yusupovna, 2019
 Post-graduate student, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

характеристика их особенностей. **Методологическая основа:** совокупность методов научного познания, основное место среди которых занимает диалектический метод. Также используются анализ, функциональный и сравнительный методы. **Результаты:** выявлены основания разделения правового конформизма на виды. Дано краткое описание правового конформизма. **Выводы:** правовой конформизм как объективно существующее явление правовой жизни общества подразделяется на разные виды. Они имеют свои особенности, влияющие на выбор противоправного или правомерного поведения людей.

Ключевые слова: правовой конформизм, мотив, правомерность, противоправность, поведение, индивид, группа, уровень конформизма.

A. Yu. Yagudina

CLASSIFICATION OF LEGAL CONFORMISM TYPES

Background: in the science of the theory of state and law there is no common understanding of the category of legal conformism and its types. Selection of varieties of legal conformism contributes to the understanding of the essence of this phenomenon, its positive and negative features, factors affecting its occurrence, dynamics and level. The study of this topic can serve as a means to maintain the positive qualities of this phenomenon and to combat its negative manifestation. **Objective:** to determine the criteria for the classification of types of legal conformism, to characterize their features. **Methodology:** a set of methods of scientific knowledge, the main place among which is the dialectical method. Analysis, functional and comparative methods are also used. **Results:** the grounds of separation of legal conformity in species have been identified. A brief description of legal conformism has been given. **Conclusions:** legal conformism as an objectively existing phenomenon of the legal life of society is divided into different types. They have their own characteristics affecting the choice of illegal or lawful behavior of people.

Key-words: legal conformism, motive, legitimacy, wrongfulness, behavior, individual, group, level of conformism.

Под конформизмом принято понимать приспособленчество, пассивное принятие существующих порядков, готовность соглашаться с общепринятыми мнениями и взглядами несмотря на внутреннее неприятие. Конформизм возникает в условиях несовпадения интересов между группой и индивидом. Для его разрешения человек принимает точку зрения группы.

Разновидностью конформизма является правовой конформизм. Под ним понимают такую форму юридического поведения, при которой человек в результате реального или воображаемого давления группы демонстрирует согласие с мнениями, установками, нормами группы или общества с целью удовлетворения личных интересов. Поведение субъекта не соответствует его внутренним убеждениям. Мы считаем, что конформизм в той или иной мере присущ каждому человеку. Это его социально-психологическая характеристика и в этом смысле он нейтрален. Позитивное или негативное значение правовой конформизм приобретает в зависимости от выбора человеком той группы, ценности которой он разделяет и согласует свои действия, т.е. от самого человека зависит вид правового конформизма.

Выделяют разные виды правового конформизма.

Прежде всего, правовой конформизм подразделяется на правомерный и противоправный. Под правомерным конформизмом следует понимать поведение, соответствующее требованиям юридических норм, осуществляемое в форме действия или бездействия, при котором субъект не критически относится к правовым нормам и юридически значимым последствиям своего поведения, не желая при этом отстаивать свои собственные принципы и индивидуальные установки. Он имеет устойчивую интеллектуальную и психологическую зависимость от общепринятых идеалов, мнений, образцов поведения, следует нормативному порядку. Конформистское правомерное поведение подчинено общему мнению. Его в полной мере характеризуют такие признаки, как приспособленчество и пассивное принятие существующего порядка вещей.

В свою очередь, под противоправным конформизмом понимают поведение, не соответствующее требованиям юридических норм, осуществляемое в форме действия или бездействия, когда субъект не критически относится к требованиям правовых норм и юридически значимым последствиям своего поведения, не обладает собственными принципами и индивидуальными установками, но имеет устойчивую интеллектуальную и психологическую зависимость от мнений и образцов поведения, принятых в криминальной среде. Здесь индивид соотносит себя с асоциальными группами.

В первом случае мы говорим о конформистском правомерном поведении субъектов права, во втором — о неправомерном. Правосознание первой категории лиц отличается равнодушием к праву, его принципам. В основе их правосознания лежит потребительское отношение к праву, его социальному назначению. Прагматизм правомерного конформиста выражается в том, что он ищет пробелы и противоречия в праве с целью безнаказанного их использования. Вторая группа конформистов является носителем правового нигилизма, негативно-отрицательного, неуважительного отношения к праву и закону. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, как правовое отчуждение, выражающееся в отторжении права, стремлении обойтись без него [1, с. 75]. Негативный правовой конформизм порождает правовую десоциализацию общества [2, с. 21–44].

Если правомерный конформизм предполагает принятие лицом как групповых, так и общественных (общегосударственных) ценностей и норм, в том числе правовых, то противоправный конформизм означает признание ценностей и норм (понятий), принятых в группе и противостоящих общественным (общегосударственным).

Правовой конформизм подразделяется на индивидуальный и групповой. Правовой конформизм обеспечивает человеку безопасность в обществе, оправдывает его нежелание нести ответственность за собственные поступки, позволяет не обосновывать собственную позицию. Индивидуальный правовой конформизм в той или иной мере присущ каждому: индивид или уже взаимодействует с какой-либо социальной группой, или стремится примкнуть к ней.

На формирование индивидуального правового конформизма оказывает влияние групповое давление, т.е. воздействие установок, норм, ценностей и поведения группы. Человек стремится к согласованию своего поведения с поведением группы. Имеет значение такая характеристика группы, как законопослушание.

Правовой конформизм индивида может относиться как к группе, так и к обществу в целом. В последнем случае нормы и ценности, в отношении которых человек проявляет себя как конформист, часто являются правовыми. Это

особенно заметно в тоталитарных и авторитарных государствах. Здесь конформизм личности связан с избеганием социально-негативных последствий. Таким способом психологически человек как бы снимает с себя ответственность за результаты своих действий.

Исходя из понимания конформизма как поведения, подчиняющегося групповому давлению, человек преследует свои узкоэгоистические цели. Но все же трудно согласиться с выделением таких мотивов, как корысть, эгоистические стремления, карьеристские соображения, т.к. они полностью поглощаются конформистской мотивацией. Представляется не совсем корректным определение конформистского поведения и как пассивного соблюдения требований правовых норм. Поведение человека может представлять собой и активные действия, но вызываться при этом конформистской мотивацией.

При групповом конформизме друг с другом взаимодействуют социальные группы в целом. Групповой конформизм в описываемом смысле опирается на чувство коллективизма как результат «сознательной солидарности личности с оценками и задачами коллектива» [3, с. 208]. Коллектив как социальная общность складывается из похожих людей, которые часто не осознают, что они стали его частью, но действуют и мыслят одинаково. Группа может быть небольшой, но социально значимой для индивида (семья, секта) или представлять собой общество (тоталитарное или демократическое государство). Состав группы неоднороден, в ней всегда есть лица, осуществляющие контроль за поведением членов группы, в том числе и их высказываниями.

Группы могут быть как малые, так и большие. Примером малой группы выступает семья, большой — политическая партия. Конформизм может проявляться на глобальном уровне и при взаимодействии больших групп, оказывая влияние на различные сферы общественной жизни.

Видами правового конформизма выступают рациональный и мотивационный правовой конформизм. При рациональном правовом конформизме мнение человека изменяется потому, что он был переубежден. Здесь происходит изменение когнитивной структуры личности. При мотивационном конформизме человек лишь демонстрирует изменения, побуждаемые иными мотивами.

Правовой конформизм разделяется на: добровольный правовой конформизм и правовой конформизм «по приказу». На формирование добровольного правового конформизма влияют такие причины, как боязнь быть отвергнутым группой, потерять ее одобрение. В таком случае человек осознанно избирает конформистскую позицию, преследуя собственные интересы.

Конформное правовое поведение «по приказу» представляет собой автоматическое подчинение субъекта команде лица, обладающего властным авторитетом. Психологической основой такого поведения является уверенность человека в том, что отдающий приказ имеет на это право. При этом человек устраняется от собственной оценки содержания приказа. Он перекладывает ответственность за свое поведение на лицо с более высоким статусом.

Виды правового конформизма различают в зависимости от ситуации. Человек воспринимает ситуацию, в которой он оказался, не объективно, а субъективно. Известно, что «внушающее влияние мнения случайно собравшихся людей на индивида проявляется в большей степени, чем влияние мнения организованного коллектива, к которому данный индивид принадлежит» [4, с. 31]. Поведение субъекта в случайной группе определяется тем местом, которое он осознанно

или непреднамеренно выбирает для себя. Примыкая к какой-либо группе, человек избирает приспособленческую, конформистскую позицию для облегчения реализации своих интересов. Опираясь на опыт коллектива и принимая те ценности, которые приняты в нем, в сложившейся ситуации, исходя из реакции коллектива, индивид бессознательно, но избирательно реагирует на мнение каждого. Можно говорить о возрастании степени правового конформизма у людей, оказавшихся в случайной группе, в отличие от тех, кто входит в группу, обладающую общими целями и задачами деятельности и связанными с ними ценностными ориентациями.

На уровень правового конформизма влияет та обстановка, в которой оказался человек: в условиях внешней опасности в группе наблюдается усиление конформизма, при благоприятных внешних условиях уровень конформности у большинства членов группы снижается [5, с. 35].

Уровень правового конформизма меняется и в зависимости от возраста.

Это объясняется тем, что у подростков конформные реакции выше, чем у взрослых. С возрастом эта реакция уменьшается и становится постоянной с 15–16 лет [7, с. 390]. Правовой конформизм женщин выше, чем у мужчин. В то же время, если обсуждаемая проблема близка женщинам, то конформность мужчин и женщин становится одинакова [6, с. 103].

Таким образом, на возникновение разных видов и степень правового конформизма влияют разные факторы: самоидентификация человека с конкретной социальной группой; индивидуальное восприятие идей и мнений группы; когнитивно-эмоциональное восприятие идей и мнений, господствующих в группе; ситуация, в которой оказался человек, его возраст и др.

Библиографический список

1. *Варламова М.В.* Правовой нигилизм в постсоветской России: понимание, истоки, следствия // Драма российского закона. 1996. С. 73–87.
2. *Бондарев А.С.* Правовой нигилизм — форма правовой антикультурной личности // Вестник Пермского университета. Сер. юридические науки. Пермь, 2001. Вып. 2. С. 3–13.
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 375 с.
4. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. 255 с.
5. *Андрюченко Е.В.* Социальная психология: учебное пособие для студ. высших педагогических учебных заведений / под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
6. *Хлабыстова Н.В., Хохлов Д.С.* Социальное влияние: конформизм и конформность личности // Ежеквартальный рецензируемый, реферированный научный журнал «Вестник АГУ», 2016. Вып. 2 (179). С. 102–107.
7. *Сопиков А.П.* Влияние группы на поведение члена этой группы // XVII Международный психологический конгресс. М., 1966. 390 с.

References

1. *Varlamova M.V.* Legal Nihilism in Post-soviet Russia: Understanding, Sources, Consequences // Drama of the Russian law. М.: «Legal book», 1996. P. 73– 87.
2. *Bondarev S.* Legal Nihilism — a Form of Legal Anti-cultural Personality // Bulletin of the Perm University. Ser. The faculty of law. Sciences. 2001. Vol. 2. P. 3–13.
3. *Andreeva G.M.* Social Psychology. М.: Aspect Press, 1999. 375 p.
4. *Petrovsky A.V.* Person. Activity. Collective. М.: Politizdat, 1982. 255 p.

5. *Andrienko E.V.* Social Psychology: textbook for students of higher pedagogical institutions / Under the editorship of V.A. Slastenin. M.: Publishing center «Academy», 2000. 264 p.

6. *Khlabystova N.V., Khokhlov D.S.* Social Influence: Conformism and Conformity of the Individual. Quarterly, reviewed scientific journal «Bulletin of ASU», 2016. Issue 2 (179) P. 102–107.

7. *Sopikov A.P.* Group Influence on the Behavior of a Member of this group // XVII international Congress of psychology. M., 1966. 390 p.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.72/.73

И.Н. Плотникова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Введение: вопросы, касающиеся юридической природы экономической свободы личности как ценности российского конституционализма являются малоизученными в отечественном правоведении. **Цель:** исследование сущности и содержания экономической свободы личности в системе ценностей российского конституционализма, ее нормативного воплощения. **Методологическая основа:** формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** предлагается авторская дефиниция понятия «ценности российского конституционализма»; определяется понятие экономической свободы личности в системе ценностей российского конституционализма, ее содержательное наполнение. **Выводы:** экономическая свобода личности является составной частью общей свободы индивида, как состояние, гарантированное от неправомерного вторжения, принуждения или ограничения сверх той степени, которая необходима для защиты и поддержания самой свободы; как ценность российского конституционализма экономическая свобода воплощается, прежде всего, в принципах: свободы экономической деятельности, признания и защиты частной собственности, свободы труда, выбора рода деятельности и профессии.

Ключевые слова: конституционализм, ценности, экономическая свобода личности, частная собственность, труд, предпринимательство.

I.N. Plotnikova

ECONOMIC FREEDOM AS A VALUE OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Background: questions relating to the legal nature of the economic freedom of the individual as a value of Russian constitutionalism are poorly studied in domestic law. **Objective:** to study the nature and content of the economic freedom of the individual in the value system of Russian constitutionalism, its normative embodiment. **Methodology:** formal legal, system-structural, comparative legal research methods. **Results:** the article proposes the author's definition of the concept "values of Russian constitutionalism"; defines the concept of economic freedom of the individual in the value system of Russian constitutionalism, its meaningful content. **Conclusions:** "economic freedom of the individual" is an integral part of the general freedom of the individual, as a condition guaranteed from unlawful invasion,

© Плотникова Инна Николаевна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: innap17@mail.ru

© Plotnikova Inna Nikolaevna, 2019

Candidate of law, Associate professor of the Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

coercion or restriction beyond the degree necessary to protect and maintain freedom itself. Being the value of Russian constitutionalism, economic freedom is embodied, primarily, in the following principles: freedom of economic activity, recognition and protection of private property, freedom of work, choice of occupation and profession.

Key-words: *constitutionalism, values, economic freedom of the individual, private property, labor, entrepreneurship.*

Категории «конституционализм», «конституционные ценности» являются предметом исследований российской науки конституционного права относительно недавно.

Конституционализм — явление сложное и многогранное, рассматриваемое в конституционном праве России на современном этапе его развития в историческом, политико-правовом, социальном, идеологическом, социокультурном, философском и других аспектах. Вопросам конституционализма, его понятию и сущности, повышенное внимание отечественными учеными стало уделяться в постсоветский период, в особенности, после принятия Конституции РФ 1993 г. Одним из первых исследователей данного феномена являлся профессор И.М. Степанов, которым «конституционализм» был заявлен как новое направление в науке [1, с. 30–31]. Явление «конституционализм», по мнению И.М. Степанова, «объемлет собой теорию конституции, теорию и практику конституционного развития той или иной страны, мирового сообщества в целом»; «в узком смысле, под конституционализмом понимается: система знаний о фундаментальных политико-правовых ценностях демократии, их составе, формах выражения, методах и степени реализации» ... «система представлений об общедемократических, общецивилизационных политико-правовых ценностях государственно организованного общества» [2, с. 3–4].

В.Т. Кабышев и Т.М. Пряхина отмечают, что «конституционализм, это не только правление в рамках конституции, это, прежде всего, система ценностей, идей и взглядов на характер политико-правовой организации государства, философия юридического мировоззрения, основанного на постулатах правового государства» [3, с. 32].

И.А. Кравец полагает, что «конституционализм, это не только нормативная система и правовая реальность»; «он опирается на определенные ценности как неотъемлемую часть правосознания личности и правовой культуры в целом». Взаимосвязь российского конституционализма и правовой системы осуществляется, в том числе, через раскрытие принципов российского конституционализма [4, с. 6; с. 145–220]. Известный правовед, судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь, считает, что «конституционализм» является одной из философско-правовых категорий, призванных «отражать важнейшие (универсальные) ценности современной цивилизации, которые в концентрированном виде проявляются в закономерностях демократической организации общества и государства на основе баланса власти, собственности и свободы, признания и защиты прав и свобод человека, верховенства права» [5, с. 26].

Несмотря на то, что по содержанию и объему понятия «конституционализм» имеются различные точки зрения. Например, конституционализм — «система знаний о фундаментальных политико-правовых ценностях» [2, с. 3–4]; система ценностей, идей и взглядов на характер политико-правовой организации госу-

дарства [3, с. 32]; система защиты *ценностей* — основа «конституционализма», «конституционализм» опирается на определенные ценности, отражает, воплощает их и т.д.) (курсив наш. — *И.П.*).

Интерес к изучению феномена конституционных ценностей возник в начале XX в., данная категория активно разрабатывается российскими государствоведами. В связи с этим, подчеркивается важность аксиологического переосмысления конституционализма [6, с. 9–10].

Как пишет Н.С. Бондарь, конституционные ценности представляют собой не только аксиологический, но и гносеологический, онтологический эквивалент философии современного конституционализма [5, с. 170]. По мнению В.В. Мамонова, «конституционные ценности — это *Конституция*, закрепленные в ней *цели*, к достижению которых стремятся государство, общество и поддерживаемые большинством граждан, определяющие стратегические направления развития страны» [7, с. 127].

О.А. Абрамова полагает, что систему конституционных ценностей в Российской Федерации можно толковать как определенное *единство норм-принципов и норм-целей*, охватывающее экономический фундамент конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, их равную защиту, политический плюрализм и т.д., при этом, она уточняет, что конституционные ценности связывают собственно юридическое и морально-этическое содержание принципов формирования нового правопорядка и государства. [8, с. 24–25]. И.А. Карасева приходит к выводу, что «конституционные ценности» это *блага*, воплощенные в различных юридических формах (нормах-принципах, правах и свободах, иных нормах наиболее общего характера), закрепленные в конституции и выводимые из ее содержания путем официального толкования» [9, с. 16], отмечая, что конституционные ценности не идентичны конституционным нормам и принципам, они лишь находят в них свое воплощение. По убеждению Е.И. Ключко, данные ценности представляют собой «некие *идеи, ориентиры, идеалы*, имеющие положительную значимость для всего народа и являющиеся основой, базисом общественного и государственного развития; они находят свое правовое выражение либо в нормативных величинах наиболее высокого абстрактного уровня — общих принципах права, конституционных принципах, декларациях, конституционных презумпциях, либо закрепляются непосредственно в Конституции при помощи конституционных норм» [10, с. 120].

На наш взгляд, *ценности российского конституционализма* возможно определить как основополагающие *идеалы, ориентиры, приоритеты* политико-правового состояния и конституционного развития общества и государства, значимые личные, экономические, политические и социальные блага, в их конституционной коннотации, обеспечивающие достойное существование индивида и определяющие смысл его бытия.

Некоторые ученые выделяют: ценностно-нормативистский подход (исходя из того, что конституционная ценность воплощается в содержании конституционной нормы) и ценностно-объектный подход (согласно которому, конституционной ценностью следует признавать конкретные объекты конституционных норм, если они полезны для личности). При этом утверждается, что конституционные ценности заключаются во всех конституционных нормах и во всех их объектах [11, с. 9–11]. Считаем необходимым поддержать суждение о том, что «не все институты и процессы, закрепленные в Конституции РФ, следует рассматривать

в качестве конституционных ценностей»; «статус конституционных необходимо признать лишь за жизненно важными ценностями, без которых немислима жизнь человека, сохранение государственности, развитие общества по пути прогресса» [7, с. 128]. Не являются «ценностью» регламентарные нормы Конституции РФ (например, согласно ст. 99 ч. 3, первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат).

В связи с этим, актуализируются проблемы: разграничения понятий «конституционные ценности» и «ценности конституционализма», категорий «ценности» и «принципы»; выявления состава, иерархии конституционных ценностей. Полагаем, что понятия «конституционные ценности» и «ценности конституционализма» — схожи по смыслу, но несовпадающие полностью. Феномен ценностей в современном конституционализме «проявляется в трех основополагающих измерениях: а) сама по себе Конституция как ценность; б) получающие прямое закрепление в нормах и институтах Конституции ценности; в) имплицитно выраженные конституционные ценности как результат практической конституционно-судебной аксиологии» [12, с. 2].

Представляется возможным уточнить данную позицию. Согласимся с тезисом, что в системе ценностей современного российского конституционализма Конституция РФ является самостоятельной ценностью. Далее идут ценности, получившие закрепление в преамбуле Конституции РФ. В нормах-принципах, нормах-целях, положениях о правах и свободах и иных конституционных нормах, в нормах международного права, ратифицированных Россией международных договорах.

Что касается соотношения понятий «принципы» и «ценности», «то, грань между конституционными ценностями и принципами настолько тонка, что часто данные понятия применяются как взаимозаменяемые» [13, с. 37–38]. Ценности — более абстрактные, неопределенно-предметные оценочные понятия, нежели принципы, различаемые по степени их конкретизации, это отмечают и зарубежные ученые [14, с. 137]. Посредством конституционного закрепления, ценности трансформируются в конституционные идеи-принципы и обретают формально-юридическую нормативность, в результате их восприятия личностью, социальными группами, обществом в целом, становятся элементом их конституционного правосознания и демократической культуры [12, с. 2].

Конституционный Суд РФ в процессе конституционно-судебной аксиологии прибегает к понятиям: «конституционные ценности», «конституционно значимые цели и ценности», «фундаментальные принципы», «общеправовые принципы», «конституционные принципы», «требования», вкладывая в них разный смысл.

В Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П Конституционный Суд признал, что действующее уголовно-правовое регулирование валюты как предмета таможенных правоотношений, ч. 1 ст. 188 УК РФ не согласуется с конституционными принципами *верховенства права и правового государства*, а также с *общеправовыми принципами соразмерности, справедливости и равенства*, не отвечает требованиям ст. 1, 19 и 55 (ч. 3) Конституции РФ, ведет к несоразмерному ограничению конституционного права собственности¹.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4.

В связи с рассмотрением дела «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», Суд подчеркнул, что вмешательство государства в отношения собственности (в том числе связанные с осуществлением не запрещенной законом экономической деятельности) не должно нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, «в целях обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, исходя из фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства»².

В Постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „ПАГ”»³, Судом указано, что применительно к праву частной собственности, свободе экономической деятельности, допускается возможность их ограничения федеральным законом, если такие ограничения базируются на *общих принципах права*, отвечают требованиям *равенства и справедливости*, являются адекватными, соразмерными *конституционно значимым целям и ценностям* необходимым для их защиты.

В связи с изложенным, возникает вопрос о юридической силе и иерархическом соотношении *фундаментальных, общеправовых и конституционных* принципов, выявленных Конституционным Судом РФ в результате его герменевтической деятельности (к примеру, принцип *верховенства права* это — *конституционный* или *фундаментальный* принцип? Какова между ними разница в их содержательном наполнении? Или они фактически употребляются как синонимы?).

Относительно иерархии конституционных ценностей в научной литературе высказываются различные точки зрения.

В.И. Крусс указывает, что особую значимость и нормативно-регулирующее воздействие имеют положения конституционной *преамбулы, ценностно-идентифицирующее* значение — большинство положений 1 и 2 главы Конституции и некоторые положения других глав [15, с. 189–191]. В.Д. Зорькин определяет что власть, свобода, закон и верховенство права, которые, находясь в сопряжении, определяют в юридическом аспекте социум. «В определенном смысле Конституция есть выражение основных юридических ценностей, таких, как права и свободы человека; верховенство права, справедливость и равенство; демократическое, федеративное, правовое и социальное государство; разделение властей, парламентаризм; правовая экономика» [16, с. 3–9]. В.Е. Чиркиным обоснованно выделяются «общечеловеческие ценности» (жизнь, свобода, справедливость, мир в обществе и между народами, общее согласие и др.), «базовые конституционные ценности» (провозглашенные в преамбуле и в 1 главе, частично — в иных главах Конституции РФ), «иные ценности, относящиеся к определенным сферам общественной жизни» (единство экономического пространства и др.) [17, с. 1518–1522].

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 ноября 2017 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца первого части 2 статьи 2, абзаца третьего части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым „Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым” в связи с жалобами обществ с ограниченной ответственностью „Дайвинг-Центр „Соляриус”, „Промхолдинг” и „Формат-ИТ”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 1.

³ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

Отметим, что базовые конституционные ценности, прежде всего, выражаются в преамбуле и первых двух главах Конституции РФ.

Генезис свободы базируется на либеральной идеологии, в ее «негативном» понимании (индивид свободен в той мере, в какой другой человек или сообщество — не мешает, не препятствует или противодействует его действиям). Однако «свобода» не может быть абсолютной, неограниченной, она должна соотноситься с возможностями иных лиц. В противном случае, может наступить социальный хаос и коллапс [18, с. 129–131].

В Конституции России понятие «свобода» рассматривается и как общефилософский принцип и как высшая конституционная ценность в Государстве и закрепляется в ст. 2.

Корреспондируют данной норме и положения ч. 2 ст. 6 Основного Закона, согласно которой каждый гражданин РФ обладает всеми конституционными правами и свободами, несет равные обязанности, а также в ст. 17 определяется признание и гарантирование прав и свобод в России согласно принципам и нормам международного права, а также — ст. 22, согласно которой каждый имеет право на свободу.

Термин «свобода» употребляется и при провозглашении основных принципов конституционного строя России: свободы экономической деятельности, свободы перемещения услуг, товаров и финансовых средств.

Понятие «свобода» применяется в тексте Конституции России как аналог термина «субъективное право» в целях обозначения отдельных прав личности, которые имеют определенные особенности в своем содержании (ст. 28, 29, 44 и др. Конституции РФ). Это более широкие границы возможностей выбора действий индивидом; отсутствие регулирования конкретного поведения человека.

Что касается экономической свободы личности, то, заметим, что данный вопрос является малоисследованным в научной литературе.

Видный российский ученый конца XIX в., профессор М.И. Свешников утверждал, что человеку в сфере своей экономической деятельности и создания условий своего благосостояния «должен быть гарантирован от неправильного вторжения государственной власти в область, подлежащую его непосредственному распоряжению» [19, с. 146–157]. В числе видов экономической свободы он предусматривал: свободу передвижения, как такой элементарный вид свободы в государстве, без которого человек не может правильно развивать все свои силы, право собственности, которое предполагает полную свободу индивида в распоряжении принадлежащим ему имуществом, а также — свободу труда.

Лауреат Нобелевской премии по экономике М. Фридман указывает, что «экономическое устройство играет двоякую роль в развитии свободного общества. С одной стороны, свобода экономических отношений сама по себе есть ... часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода является самоцелью. С другой стороны, экономическая свобода — это необходимое средство к достижению свободы политической» [20, с. 25], «необходимое условие гражданской и политической свободы» [20, с. 15], именно «рынок обеспечивает экономическую свободу» [20, с. 39].

В своем послании 3 июля 1987 г. об экономическом билле и о правах Америки Р. Рейган подчеркнул, что без экономической свободы не может быть и политической свободы. И в связи с тем, что деятельность американского правительства за последние годы оставила гражданам меньше контроля над их экономической

жизнью, экономический билль о правах должен гарантировать гражданам четыре основных свободы: свободу работать, свободу наслаждаться плодами своего труда, свободу владеть и контролировать свою собственность, свободу участвовать в свободном рынке⁴.

Исследовательский центр Heritage Foundation (США), проводящий ежегодный (в течение 25 последних лет) анализ экономической свободы (в 2019 г. — по 186 государствам), определяет экономическую свободу как фундаментальное право каждого человека контролировать свой труд и имущество, свободно работать, производить, потреблять и инвестировать любым удобным для них способом⁵.

В.И. Красс считает, что «биномное ядро» конституционной свободы состоит из различного числа элементарных (по отношению к ней) компонентов — конституционных прав и в процессе конституирования фундаментальных связей личности и государства, категория свободы должна использоваться как общее, родовое, а значит и более емкое понятие, нежели конституционное право» [21, с. 278]. Экономическая свобода личности, по его мнению, определяет наличие таких полномочий, как права на работу по найму, предпринимательскую деятельность, творчество, иную экономическую деятельность, государственную службу, деятельность в духовной сфере.

Понимание «экономической свободы» как ценности российского конституционализма связано с ее «негативным» концептом. *В общефилософском дискурсе экономическая свобода личности является составной частью общей свободы индивида, как состояние, гарантированное от неправомерного вторжения, принуждения или ограничения сверх той степени, которая необходима для защиты и поддержания самой свободы.* При этом, экономическая свобода личности воплощается главным образом в принципах: свободы экономической деятельности (ст. 8 ч. 1 Конституции России), признания и защиты частной собственности (ст. 8 ч. 2, ст. 9 ч. 2 Основного Закона), свободы труда, выбора рода деятельности и профессии (ст. 37 ч. 1 Конституции РФ).

Что касается иных положений ст. 8 Основного Закона о поддержке конкуренции, единстве экономического пространства, свободном перемещении финансовых средств, услуг и товаров, полагаем, что данные принципы составляют содержание принципа *свободы экономической деятельности*. Их указание в качестве самостоятельных принципов конституционного строя, возможно отнести к текстовым дефектам Конституции РФ.

Принцип свободы экономической деятельности находит свое выражение и в иных нормах Конституции РФ (ст. 34 — о праве личности на осуществление предпринимательской деятельности и иной экономической деятельности, ст. 74 ч. 1 — о недопущении установления таможенных границ, пошлин, сборов для свободного перемещения финансовых средств, товаров и услуг, ст. 75 ч. 2 Конституции РФ — о защите устойчивости рубля).

Принцип признания и защиты частной собственности конкретизируется в нормах ст. 35 и 36 Конституции РФ об охране, гарантиях частной собственности, праве на землю и правомочиях частного собственника.

⁴ См.: Американский экономический билль о правах. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/070387b> (дата обращения: 09.02.2019).

⁵ См.: 2019 INDEX of economic freedom. URL: <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения: 09.02.2019).

Свобода труда, выбора рода деятельности и профессии, выступает неотъемлемым элементом экономической свободы человека, поскольку является основой существования индивида. Труд, как целесообразная деятельность, направлена на превращение материальных и интеллектуальных ресурсов в нужный для личного или общественного потребления продукт, способствует самоопределению личности, оказывает влияние на осознание ее места в обществе, определение социальной роли и статуса. Возможность пользоваться социальными благами, право на свободный выбор рода деятельности и профессии, состоит как в удовлетворении материальных *биологических* потребностей, так и в материальных *социологических* потребностей индивида (потребности в труде как созидательной, преобразовательной деятельности, необходимой для жизнедеятельности любой личности). В целях реализации своих правомочий свободы труда каждый вправе работать по найму, создать свое собственное предприятие и производить товары, оказывать услуги в качестве индивидуального предпринимателя, стать участником хозяйственного общества или товарищества, осуществлять деятельность в системе государственной службы.

Именно *частная собственность* и *свобода труда* являются необходимыми предпосылками и гарантиями реализации свободы экономической деятельности. Свобода труда и предпринимательства, право частной собственности могут относиться как к экономическим, так и неотъемлемым личным правам и свободам человека, поскольку являются правами и свободами первого поколения (право собственности) и производными от них в сфере экономической жизни (свобода труда и предпринимательства), что отражается и в конституционной практике многих зарубежных государств. Представляет интерес регламентация основных прав и свобод в ст. 18 «Предпринимательство и право на труд» Конституции Финляндии 1999 г., согласно которой, каждый человек имеет право, в соответствии с законом получать свой доход путем найма на работу, либо открыть свое предприятие. Что касается Конституции Бразилии 1988 г., то, положения о свободе осуществления труда, ремесла и профессии, праве частной собственности, содержатся в гл. I «О личных и коллективных правах и обязанностях» разд. II.

Понимание ценности «экономическая свобода личности» невозможно также без научного осмысления универсальных принципов, составляющих фундамент Основного Закона России, к которым относятся: положения Преамбулы Конституции РФ о добре и справедливости, обеспечения благополучия и процветании России; нормы ст. 2 Основного Закона о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства; о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7); возложение обязанности соблюдать Конституцию на органы государственной власти, органы местного самоуправления (ст. 15); нормы о признании и гарантировании прав и свобод в России согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17), положения о равенстве всех (ст. 19).

Ключевое значение имеют и положения ч. 3 ст. 55, о том, что права и свободы личности могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности государства и обороны страны, а также — ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, закрепляющие принципы пропорциональности, соразмерности, обеспечения частных и публичных интересов.

Все эти общие положения проецируются на сферу экономической свободы личности, требуют дальнейшего научного анализа, разработки теоретических и практических предложений для наиболее полного и релевантного воплощения конституционных ценностей в правотворческой и правоприменительной деятельности российского государства, гарантировании условий и средств реализации экономических прав и свобод.

Библиографический список

1. *Степанов И.М.* Грани российского конституционализма (XX век) // Конституционный строй России. М., 1992. Вып. I. С. 30–47.
2. *Степанов И.М.* Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. М.: Манускрипт, 1996. 108 с.
3. *Кабышев В.Т., Пряхина Т.М.* Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2. С. 32–41.
4. *Кравец И.А.* Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск: ООО «Изд-во ЮКЭА», 2002. 360 с.
5. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и конституционно-судебная практика. 2-е изд., перераб. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 528 с.
6. *Кочетков В.В.* Особенности заимствования и развития конституционных ценностей в российской юриспруденции // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 9–19.
7. *Мамонов В.В.* Конституционные ценности современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 125–132.
8. *Абрамова О.К.* Конституционные ценности как особая форма выражения права // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 24–25.
9. *Карасева И.А.* Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.
10. *Клочко Е.И.* Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2015. № 2. С. 115–124.
11. *Пермиловский М.С.* Основы конституционной аксиологии: диалектика ценности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 7. С. 8–12.
12. *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.
13. *Сухарева О.О.* Принцип правовой определенности в системе ценностей и принципов, установленной Конституцией Испании 1978 г. // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 16. С. 36–40.
14. *Thomas Puig P.M.* Valores y principios constitucionales // Parlamento y Constitución. Anuario. 2001. № 5. P. 129–143.
15. *Крусс В.И.* Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
16. *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3–14.
17. *Чиркин В.Е.* К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1517–1522.
18. *Берлин Исайя, Дворкин Рональд, Ролз Джон и др.* Современный либерализм; пер. с англ., предисл. Л.Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. 248 с.
19. *Свешников М.И.* Очерк общей теории государственного права. СПб.: К.Л. Риккер, 1896. 331 с.

20. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
 21. Крусс В.И. Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юрист, 2003. 672 с.

References

1. *Stepanov I.M.* The Verge of Russian constitutionalism (XX century) // The constitutional system of Russia. Issue I. М., 1992. P. 30–47.
2. *Stepanov I.M.* Lessons and Paradoxes of Russian constitutionalism. М.: Essay, 1996. 108 p.
3. *Kabyshchev V.T., Pryakhina T.M.* Theoretical Problems of Russian Constitutionalism // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 1995. № 2. P. 32–41.
4. *Kravets I.A.* Formation of Russian Constitutionalism (problems of theory and practice). М., Novosibirsk: LLC “Publishing house of YUKA”, 2002. 360 p.
5. *Bondar N.S.* Judicial Constitutionalism: Doctrine and Constitutional Judicial Practice. 2nd ed., Revised. М.: Yur. Norma, SIC INFRA-M, 2016. 528 p.
6. *Kochetkov V.V.* Features of Borrowing and the Development of Constitutional values in Russian Jurisprudence // Russian legal journal. 2016. N 1. P. 9–19.
7. *Mamonov V.V.* Constitutional Values of Modern Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. № 4 (93). P. 125–132.
8. *Abramova O.C.* Constitutional Values as a Special Form of Expression of Law // Constitutional and municipal law. 2013. N 12. P. 24–25.
9. *Karaseva I.A.* Competition of Constitutional Values in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the constitutional Courts of Foreign countries: extended abstract of dis. ... of cand. of law. М., 2014. 30 p.
10. *Klochko E.I.* Approaches to the Definition of the Concept of “Constitutional values” in the theory of Constitutional Law of Russia and Foreign Countries // RUDN Bulletin, Legal Sciences series. 2015. No. 2. P. 115–124.
11. *Permilovskiy M.S.* Basics of Constitutional Axiology: the Dialectics of Values // State power and local self-government. 2018. N 7. P. 8–12.
12. *Bondar N.S.* Constitutional Values — the Category of the Law in Force (in the context of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation) // Journal of constitutional justice. 2009. № 6. P. 1–11.
13. *Sukhareva O.O.* The Principle of Legal Certainty in the System of Values and Principles Established by the Constitution of Spain in 1978 // Constitutional and municipal law. 2008. N 16. P. 36–40.
14. *Thomas Puig P.M.* Valores y principios constitucionales // Parlamento y Constitucion. Anuario. 2001. N 5. P. 129–143.
15. *Kruss V.I.* The Theory of Constitutional Use. М.: Norma, 2007. 752 p.
16. *Zorkin V.D.* Value Approach in the Constitutional Regulation of Rights and Freedoms // Journal of Russian law. 2008. N 12. P. 3–14.
17. *Chirkin V.E.* To the Question of the Value of the Russian Constitution of 1993 // Actual problems of Russian law. 2013. N 12. P. 1517–1522.
18. Berlin Isaiah, Dworkin Ronald, Rolls John, and others; Transl. from Eng. Modern Liberalism; preface by L.B. Makeeva. М.: House of intellectual books; Progress-Tradition, 1998. 248 p.
19. *Sveshnikov M.I.* Essay on the General Theory of the State Law. SPb.: K.L. Ricker, 1896. 331 p.
20. *Friedman M.* Capitalism and Freedom / Trans. from English М.: New Publishing, 2006. 240 p.
21. *Kruss V.I.* The Right to Entrepreneurial Activity — the Constitutional Powers of the Individual / Ed. by S.A. Avakyan. М.: Yurist, 2003. 672 p.

УДК 342.4

А.В. Шиндина

**К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

***Введение:** развитие качественного нормотворческого процесса посредством введения самостоятельной профессии «норморайтер». **Цель:** анализ современного состояния нормотворческого процесса, выявление влияния роли норморайтеров на качество подготавливаемых нормативных актов. **Методологическая основа:** в статье используются общенаучные и специальные юридические методы. Статистический метод позволил выявить тенденцию к увеличению количества принимаемых нормативных актов на уровне субъектов РФ. С помощью сравнительного метода установлено наиболее приемлемое наименование предполагаемой профессии. **Результаты:** определена необходимость разработки специального профессионального направления в нормотворческой деятельности. **Выводы:** задача качественного обеспечения проводимых в современной России преобразований требует дополнительной специализации при подготовке профессионалов в нормотворческом процессе.*

***Ключевые слова:** нормотворчество, норморайтер, правовое государство.*

A. V. Shindina

**ON THE PROBLEM OF INCREASING THE EFFICIENCY
OF THE NORM-SETTING PROCESS IN MODERN RUSSIA**

***Background:** the development of quality in the lawmaking process through the introduction of an independent profession “normorayter”. **Objective:** analysis of the current state of the law-making process, identifying the impact of the role of lawmakers on the quality of regulations. **Methodology:** the article uses general scientific and special legal methods. The statistical method has allowed to reveal a tendency to increase the number of adopted legal acts of constituent entities of the Russian Federation. By means of a comparative method the most acceptable name of the supposed profession is established. **Results:** the necessity of development of a special professional direction in law-making activity has been defined. **Conclusions:** the task of quality assurance of the reforms carried out in modern Russia requires additional specialization in the training of professionals in the law-making process.*

***Key-words:** rulemaking, law-making, normorayter, rule of law.*

Одним из показателей развития правового государства является качество принимаемых парламентом нормативных правовых актов. Анализ сложившейся правоприменительной практики (как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ) позволяет сделать вывод о том, что низкий уровень подготавливаемых законопроектов препятствует эффективной реализации качественного правового обеспечения проводимых в стране преобразований.

© Шиндина Анна Владимировна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: iz1@ssla.ru
© Shindina Anna Vladimirovna, 2019
Candidate of law, Associate professor, the Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

На региональном уровне мы наблюдаем постоянное увеличение количества выпускаемых правовых актов: в 2010 г. субъектами РФ было подготовлено порядка 519 тыс. актов, а в 2017 г. их количество выросло до 1 млн 267 тыс.¹

Статистика законодательного процесса на федеральном уровне (Государственная Дума, Федеральное Собрание РФ) отличается от региональной: раньше в нижнюю палату российского парламента вносилось большое количество законопроектов (например, в 2012 г. — 1589; в 2014 г. — 1690), но из них были приняты (одобрены) Государственной Думой не более 20–30% (в 2012 г. — 337; в 2014 г. — 555). Это говорит о недостаточной проработке законопроектов.

В настоящее же время тенденция следующая: за 2018 г. всего было внесено на рассмотрение в Государственную Думу 1167 законопроектов; из них 567 были приняты (одобрены) Государственной Думой². Получается, что только 48% законопроектов были утверждены.

Снижение уровня подготавливаемых актов заметно влияет на общее качество законов РФ. Подтверждением этого выступает статистика Генеральной Прокуратуры РФ: только за первое полугодие 2017 г. при анализе регионального законодательства выявлено 94 тыс. законов и постановлений, противоречащих федеральному законодательству.

С нашей точки зрения, существует причинно-следственная связь между квалификацией специалистов, стоящих у истоков нормотворчества, результатом нормотворческой деятельности. Первостепенной задачей видится выявление основных причин, влияющих на качество данного процесса. Выделим из них лишь некоторые наиболее важные:

отсутствие практической возможности подготовки уникальных специалистов в области нормотворчества;

отсутствие регламентации государственных служащих в области нормотворческой деятельности;

отсутствие карьерного роста государственных служащих в области нормотворческой деятельности.

Вопрос о введении уникальных специалистов в области нормотворчества был впервые озвучен профессором В.М. Барановым [1, с. 18]. Актуальность идеи подчеркивается и пресс-секретарем Генеральной Прокуратуры РФ А.И. Куренным: «Основными причинами нарушения закона в области нормотворчества остаются недостаточный уровень квалификации, нехватка кадров».

Стоит отметить, что современная высшая юридическая школа не готовит профессионалов в области нормотворческой/правотворческой/законодательской деятельности. Хотя в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (квалификация «бакалавр»)³ Министерством науки и высшего образования РФ, что выпускник должен обладать такими профессиональными умениями в области нормотворческой деятельности, чтобы участвовать в разработке нормативно-правовых актов в соответствии с видом своей профессиональной деятельности (отметим, что в п. 4.3. указанного стандарта отдельно выделен вид профессио-

¹ См.: Обзор практики ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по состоянию на 25 октября 2017 г.

² См.: URL: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=7&v=2018> (дата обращения: 17.01.2019).

³ См.: URL: www.fgosvo.ru (дата обращения: 21.01.2019).

нальной деятельности «нормотворческая»). Таким образом, на самом высоком уровне предусмотрено наличие у выпускников высшей школы умений в области нормотворчества. Но каким образом студенты смогут получить необходимые навыки нормотворческой работы на практике? В учебных планах направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция мы найдем в интересующем нас аспекте только дисциплину «Юридическая техника». Безусловно, наличие только указанной дисциплины в образовательном процессе не позволит выпускникам по окончании обучения успешно справиться с нормотворческой работой. В связи с этим мы предлагаем разработать отдельную учебную программу для подготовки высококомпетентных специалистов в этой области.

Но даже если представить, что Министерство науки и высшего образования Российской Федерации введет образовательный стандарт «Норморайтер», то вполне обоснованным будет вопрос: как мотивировать абитуриентов на освоение столь узкой специальности? Ведь диплом юриста-бакалавра «открывает двери» во все силовые органы, суды всех уровней и т.п. Как в 17–18-летнем выпускнике средней школы не просто увидеть будущего творца законов, но и убедить его в этом предназначении? И результаты экзаменов по каким дисциплинам в рамках ЕГЭ абитуриенту необходимо представлять в приемную комиссию вуза?

Обоснованным видится предложение помимо предусмотренных стандартом обязательных экзаменов по истории России и обществознанию ввести экзамен по литературе.

Кроме того, с учетом узкого профиля предполагаемой профессии немаловажным является вопрос о количестве подготавливаемых специалистов.

Как профессионал, норморайтер найдет свое предназначение в основном в государственной и муниципальной службе. Введение этой профессии оправдывает себя только в том случае, если изначально придать ей высокий статус — как в должностном, так и в социальном аспектах. В настоящий момент государственные и муниципальные служащие, занимающиеся нормотворческой работой, даже не входят в группу «ведущих». Таким образом, у служащих отсутствует возможность карьерного роста в нормотворческой деятельности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о наименовании будущих специалистов. Уже сейчас учеными ведется активная дискуссия о том, какое наименование будет наиболее приемлемым для современного российского общества. Например, Т.В. Протопова в своей работе «Воплощение идеи человеческого достоинства при подготовке норморайтеров» [2, с. 466] отмечает, что «norma» и «writer» означает — писать законы, а мы хотим получить специалиста, не просто «пишущего», а «создающего». Далее она подчеркивает: «При подготовке нормативного правового акта идет речь о творчестве, выраженном в изложении идеи в тексте в точном лаконичном виде с учетом принципов права, проводя предварительный анализ соответствия будущих норм действующему законодательству. В этой связи новых специалистов можно обозначать как нормотворец». Иной точки зрения придерживается профессор М.В. Баранова в работе «Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры» [3, с. 460], отмечая, что уже прижилась такая профессия, как «спичрайтер».

На наш взгляд, в условиях глобализации наименование «норморайтер» будет способствовать однозначному пониманию смысла предполагаемой профессии.

С учетом обозначенного круга вопросов, полагаем, что норморайтер как субъект профессиональной деятельности должен развиваться в среде уже практикующих специалистов в сфере нормотворчества. Как представляется, к профессии «норморайтер» применимы следующие требования: обязательное наличие высшего юридического образования, стаж работы по профессии (юрист, юрисконсульт и т.п.), наличие безупречной репутации.

Специализацию юристов в области нормотворческой деятельности предлагаем реализовывать посредством получения дополнительного профессионального образования. Таким образом, можно избежать излишнего количества подготавливаемых специалистов. Анализируя практикоприменяемость норморайтеров, стоит отметить, что множество специалистов разрабатывают локальные акты в сфере здравоохранения, ЖКХ, транспорта, строительства и т.п. Таким образом, универсальное базовое образование норморайтера не позволит решить вопрос персонифицированного подхода к норморайтеру. Одним из вариантов решения указанной проблемы, на наш взгляд, станет разработка программ дополнительного образования специально для регламентации той или иной сферы общественной деятельности.

Отметим, что вопрос о подготовке норморайтеров является дискуссионным. Очевидно, что для его решения необходимы, как минимум следующие меры: детальная проработка концепции развития норморайтерства, как самостоятельной сферы деятельности, полный анализ рынка труда для указанных специалистов и, конечно, выявление уровня заинтересованности государства в таких специалистах.

Библиографический список

1. Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16–29.
2. Протопова Т.В., Орлова С.В., Дробышевский Д.С. Воплощение идеи человеческого достоинства при подготовке норморайтеров // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 466–467.
3. Баранова М.В. Норморайтер — новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 460–463.

References

1. Baranov V.M. Normaliter as a Profession // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 6 (119). P. 16–29.
2. Protopov T.V., Orlova S.V., Drobyshevsky D.S. The Embodiment of the Idea of Human Dignity in the Preparation of Normalities // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2018. № 2 (42). P. 466–467.
3. Baranova M.V. Normorayter — a New Competence Model of a Specialist in the Field of Legal Culture // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (42). P. 460–463.

УДК 342.4

Д.В. Абдрахманов

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИИ:
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ДЛЯ ПОИСКА
ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ

Введение: в статье рассматриваются вопросы развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности в России с точки зрения конституционных ценностей, являющихся правовой основой для регулирования данных отношений. Конституционные ценности должны обеспечивать баланс между развитием информационного общества и обеспечением информационной безопасности.

Цель: проанализировать взаимодействие между конституционными ценностями, на которых основывается развитие информационного общества и обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства. **Методологическая основа:** диалектический, аксиологический, формально-юридический. **Результаты:** рассмотрено соотношение развития информационного общества с обеспечением информационной безопасности.

Показано существующее соотношение между конституционными ценностями, отвечающими за развитие информационного общества, и обеспечение информационной безопасности. **Выводы:** большее внимание уделяется обеспечению информационной безопасности, которое порой осуществляется вопреки развитию информационного общества. В связи с этим необходим адекватный выбор между конкурирующими конституционными ценностями. Он должен быть основан на справедливости, экономической целесообразности, эффективности и пропорциональности.

Ключевые слова: информационное общество, информационная безопасность, конституционные ценности, Конституция РФ, конкуренция конституционных ценностей.

D. V. Abdrakhmanov

INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT AND INFORMATION
SECURITY IN RUSSIA: CONSTITUTIONAL VALUES FOR
THE SEARCH FOR THE GOLDEN MEAN

Background: the article deals with the development of the information society and ensuring information security in Russia from the point of view of the constitutional values, which are the legal basis for regulating these relations. Constitutional values should balance the development of the information society and ensure information security. **Objective:** to analyze the interaction between the constitutional values on which the development of the information society and the information security of the individual, society and the state are based. **Methodology:** dialectical, axiological, formal-legal methods of research. **Results:** the correlation between the development of the information society and the

© Абдрахманов Денис Вадимович, 2019

Старший преподаватель кафедры теории государства и права, конституционного и административного права юридического института (Южно-Уральский государственный университет); e-mail: abdench@gmail.com

© Abdrakhmanov Denis Vadimovich, 2019

Senior lecturer of the Theory of state and law, constitutional and administrative law department, of the Law Institute of South (Ural State University)

provision of information security has been considered. The existing correlation between the constitutional values responsible for the development of the information society and ensuring information security has been shown. Conclusions: at the moment, more attention is paid to ensuring information security, which is sometimes carried out contrary to the development of the information society. In this regard, an adequate choice is required between competing constitutional values. This choice should be based on the principle of equity, the economic principle, the principle of efficiency and the principle of proportionality.

Key-words: *information society, information security, constitutional values, Constitution of the Russian Federation, competition of constitutional values.*

Из диалектики нам известно, что одной из движущих сил развития бытия является закон единства и борьбы противоположностей. Проявление закона единства и борьбы противоположностей можно увидеть в развитии информационного общества в России. Информационное общество, находясь в постоянной динамике, включает в себя большое количество противоположностей, которые, с одной стороны, являются неотъемлемыми атрибутами информационного общества как социального явления, а с другой стороны, вступают в конфликт между собой. Исследователи обращают наше внимание на различные социальные и культурные противоречия в информационном обществе. Например В.П. Прытков и А.С. Лебедев выделяют обострение в информационном обществе проблемы, связанной с распространением большого количества недостоверной информации, проблему безработицы, связанной с внедрением в производство информационных технологий, проблему соотношения реального и виртуального и т.д. [1, с. 12–19]. Имманентно присущими информатизации общественных отношений являются угрозы информационной безопасности. Они возникают ровно в тех сферах, в которых внедряются информационные технологии. Расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы, — справедливо отмечается в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации¹. В целях нейтрализации угроз информационной безопасности в области обороны страны, государственной и общественной безопасности, в экономической сфере, в науке, технологиях и образовании, а также в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства, государством реализуются меры, направленные на нейтрализацию угроз информационной безопасности. Принимаемые меры нередко вступают в конфликт с развитием информационного общества. Обеспечивая информационную безопасность, государство так или иначе накладывает определенные ограничения на свободу использования и внедрения информационных технологий, что в конечном счете выступает сдерживающим фактором в развитии информационного общества и сказывается не в интересах рядовых пользователей информационных технологий.

Таким образом, в развитии информационного общества и одновременном обеспечении информационной безопасности необходимо сохранение баланса, своего рода «золотой середины». Представляется, что правовой основой для данного баланса может и должна являться Конституция РФ, в которой заложена определенная система ценностей.

¹ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г. № 646) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

Ответ на вопрос: возможно ли сосуществование информационного общества и информационной безопасности, невозможен без обращения к содержанию и анализу понятий «информационное общество» и «информационная безопасность».

В мае 2017 г. в законодательстве Российской Федерации впервые появилось официальное понятие информационного общества. Речь идет о принятой 9 мая 2017 г. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, в соответствии с которой информационное общество — это общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан². Приведенное понятие нуждается в дополнительной расшифровке и дополнении. Можно выделить следующие характеристики информационного общества:

во-первых, это реально существующее и постоянно эволюционирующее, развивающееся общество, в котором значимую роль в основных сферах общественной жизни играют информационные технологии. При этом, процессу развития присуща тенденция усиления роли информационных технологий, т.е. процесса информатизации различных общественных отношений. Информатизированность общественных отношений является их специфической особенностью в информационном обществе;

во-вторых, это общество, в котором процесс информатизации различных общественных отношений привел к усилению значимости информации и знаний, которые претендуют на роль основы общества в социально-экономическом плане. Усиление значимости информации и знаний в информационном обществе приводит к количественным и качественным преобразованиям в различных сферах общественной жизнедеятельности;

в-третьих, это общество, в котором информационные технологии, информация и знания используются преимущественно в целях достижения определенных благ, удовлетворения личных и социальных потребностей;

в-четвертых, это общество, которое так или иначе стремится к экстерриториальности. В информационном обществе процесс обмена информацией перестает иметь территориальные, пространственные и даже временные границы.

Таким образом, ключевую роль в современном обществе играют информация и информационные технологии, которые проникают практически во все сферы жизнедеятельности и оказывают на них преобразующее воздействие. Естественно, что информационные технологии и информация могут быть использованы не только в целях достижения определенных благ, но и в целях нанесения ущерба личности, обществу и государству. Потенциально возможное использование информационных технологий и информации в целях нанесения ущерба принято называть угрозами информационной безопасности. В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации информационными угрозами признаются совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба объективно значимым потребностям личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы. Отсюда, логичным образом, выводится понятие информационной безопасности, под которой понимается состояние за-

² См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утверждена Указом Президента РФ 9 мая 2017 г. № 203) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

щищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Возможно ли обеспечение информационной безопасности в условиях развития информационного общества и развития информационных технологий? Если конкретизировать данный вопрос и спросить, можно ли каким-либо образом в принципе исключить нанесение ущерба личности, обществу и государству в информационной сфере, то очевидно, на него следует ответить отрицательно. На наш взгляд, идея информационного общества без проявления информационных угроз утопична настолько, насколько утопична идея общества без правонарушений. Когда речь идет об обеспечении информационной безопасности, то целесообразнее говорить не о создании «безопасного» информационного общества как некоего идеального состояния, а о достижении максимально возможного уровня защищенности личности, общества и государства от информационных угроз. Таким образом, обеспечение информационной безопасности как состояния защищенности не исключает возможность развития информационного общества как такового, однако, указанное развитие не должно пересекать интересы личности, общества и государства. Вместе с тем и обеспечение информационной безопасности не должно чрезмерно сдерживать развитие информационного общества, которое также выгодно для интересов личности, общества и государства. Реализация обозначенных условий сосуществования информационного общества и информационной безопасности возможна в определенной системе правовых координат, основу которой составляют конституционные ценности.

Рассмотрение системы конституционных ценностей применительно к информационному обществу и информационной безопасности невозможно без обращения к существу понятия конституционной ценности. Поскольку в рамках статьи невозможно детальное исследование категории конституционных ценностей, полагаем нужно обратиться к работам ведущих конституционалистов, посвященных исключительно этому вопросу.

В конституционно-правовой доктрине выделяются несколько подходов к пониманию конституционных ценностей. Во-первых, под конституционными ценностями можно понимать основополагающие *правовые принципы* и иные нормы общего характера, определяющие приоритеты развития и защиты общественных отношений в различных сферах жизни, закрепленные в Конституции и (или) выводимые из ее содержания путем официального толкования [2, с. 75]. Во-вторых, можно рассматривать конституционные ценности как универсальные и приоритетные *социальные принципы*, формализованные в основном законе и (или) исходящие из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающие наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости [3, с. 12]. В-третьих, конституционные ценности можно отождествлять с некими *целевыми установками*. В этом плане конституционные ценности определяют идеи, цели, принципы и институты, сформулированные в результате конституционного правотворчества или осуществления конституционного правосудия и закрепленные в конкретных нормативно-правовых актах или

судебных решениях конституционного характера, являющиеся руководящей основой поведения большинства субъектов конституционных правоотношений [4, с. 32]. В-четвертых, под конституционными ценностями можно понимать *цели государства и общества*, достижение которых является необходимым условием для существования, функционирования и развития человека в определенном социально-историческом контексте [5, с. 155].

На наш взгляд, категория конституционных ценностей достаточно многогранна для определения ее сути. Некоторые конституционные ценности могут быть определены и охарактеризованы с точки зрения всех обозначенных подходов. Например, известно, что в соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Очевидно, что обеспечение реализации прав и свобод человека можно рассматривать и как общий правовой принцип, и как целевую установку для субъектов конституционных правоотношений, и даже как цель государства и общества. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства, и именно эти права и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Таким образом, в определении понятия конституционных ценностей целесообразно воздержаться от их характеристики с точки зрения одной из функций, которую они выполняют.

В связи с изложенным, можно согласиться с А.А. Кондрашевым в том, что ценность — понятие многомерное, оно охватывает различные измерения и уровни социального бытия общества, как находящиеся в сфере конституционно-правового воздействия, так и вне этого воздействия. При этом нужно учитывать, что ценность — это не просто цель или некое абстрактное аксиологическое начало, это реальный инструмент правового воздействия, это мерило действий любого государственного органа, должностного лица [6, с. 8]. На наш взгляд, на сущность конституционной ценности точно указан Н.С. Бондарь, говоря о том, что ценностная значимость присуща не только Конституции РФ в целом, но и конкретным нормам Основного Закона: в этом случае они (конкретные нормы Конституции РФ) являются отражением фактически сложившихся и юридически признанных представлений о социальных приоритетах и наиболее оптимальных моделях обустройства общественной и государственной жизни, о соотношении ценностей власти и свободы, равенства и справедливости, рыночной экономики и социальной государственности и т.д. [7, с. 167]. Именно на расстановке определенных приоритетов и строится правовое регулирование общественных отношений. При этом важно отметить, что конституционные ценности находят свое выражение не только непосредственно в тексте Конституции РФ, но и в результатах отправления конституционного правосудия. Среди конституционных ценностей, сгенерированных Конституционным Судом РФ, можно отметить такие как: справедливость, правовая определенность, стабильность публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений и т.д. Что касается конституционных ценностей, получивших свое закрепление непосредственно в тексте Основного Закона, то в основном они сосредоточены в гл. 1, 2 Конституции РФ: человек, его права и свободы (высшая ценность), конституционные основы государства и общества (демократический политический режим, федеративное государственное

устройство, республиканская форма правления, правовое, социальное, светское государство, государственный суверенитет, идеологическое многообразие, единство экономического пространства, многообразие форм собственности и т.д.).

Рассмотрев вопрос о конституционных ценностях как таковых, возможно перейти к рассмотрению их правового воздействия на общественные отношения, возникающие в рамках развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности. Следует отметить, что сами стратегические документы, посвященные информационному обществу и информационной безопасности, задают определенные ценностные установки. Как в Стратегии развития информационного общества, так и в Доктрине информационной безопасности эти ценностные установки выражены в определенной системе национальных интересов и приоритетов.

В качестве национальных интересов Стратегия развития информационного общества выделяет: развитие человеческого потенциала; обеспечение безопасности граждан и государства; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления; повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; формирование цифровой экономики³.

Доктрина информационной безопасности в качестве национальных интересов в информационной сфере выделяет обеспечение и защиту некоторых конституционных прав и свобод человека и гражданина; обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры; развитие в Российской Федерации отрасли информационных технологий и электронной промышленности; доведение до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации и ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире; содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной в частности на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве⁴.

Логика стратегических документов такова, что информационное общество должно развиваться с учетом интересов информационной безопасности личности, общества и государства, да и правовой основой Стратегии развития информационного общества, в частности, является более ранний документ — Доктрина информационной безопасности. Вместе с этим, несмотря на некую согласованность стратегических документов в развитии информационного общества и обеспечении информационной безопасности на практике происходит постоянная конкуренция между конституционными ценностями, отвечающими за развития информационного общества, с одной стороны, и обеспечение информационной безопасности — с другой.

Для начала следует выделить конституционные ценности, без реализации которых развитие информационного общества в России представить было бы

³ См. п. 21 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утверждена Указом Президента РФ 9 мая 2017 г. № 203) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

⁴ См. п. 8 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ 5 декабря 2016 г. № 646) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

по крайней мере затруднительно. С учетом приведенных характеристик информационного общества можно выделить несколько конституционных ценностей, способствующих его развитию. Это, прежде всего идеологическое многообразие и свобода информации.

Под идеологическим многообразием можно понимать состояние общественной жизни, основанное на признании за личностью идеологической свободы и неприкосновенности и представляющее собой равную конкуренцию идеологических концепций в обществе [8, с. 3]. Исходя из того, что по своей сути идеология представляет собой информацию, очевидно значение конституционного принципа идеологического многообразия для информационных отношений: идеологическое многообразие является предпосылкой к информационному многообразию, особенно в общественно-политической сфере. Понятно, что в случае установления той или иной государственной идеологии информационное многообразие будет возможно исключительно в рамках идеологии, допускаемой государством, и это негативно скажется на развитии информационного общества.

Без реализации принципа идеологического многообразия достаточно сложно представить реализацию принципа свободы информации, который является важнейшей конституционной ценностью, отвечающей за развитие информационного общества. Свобода информации представляет собой правовой принцип, обобщающий ряд конституционных прав и свобод в информационной сфере: свободу массовой информации, право на информацию, свободу слова и право на доступ к информации. Несомненно, от реализации указанных прав и свобод зависит уровень развития информационного общества. Как справедливо отмечает А.А. Чеботарева, информационные права, их содержание, объем и гарантированный государством механизм защиты — те критерии, которыми можно «измерить» современные процессы формирования информационного общества и построения электронного государства [9, с. 51].

Безусловно, принципы идеологического многообразия и свободы информации являются не единственными конституционными ценностями, отвечающими за развитие информационного общества. Среди конституционно-правовых основ информационного общества можно выделить и иные ценности, без реализации которых было бы сложно представить существование современного информационного общества в России. В их числе демократический политический режим, единство экономического пространства, светское государство и т.д. В данном случае речь идет о конституционно-правовых основах не только информационной, но и иных сфер информационного общества: политической, социально-экономической и духовной. В связи с этим, справедлива точка зрения Т.А. Поляковой, которая обращает внимание на определенное совпадение информационного общества с гражданским обществом: «Важно отметить, что принципы гражданского общества в значительной степени совпадают с принципами информационного общества: приоритет прав человека в его взаимоотношениях с обществом и государством, свободу человека в экономической, личной и духовной жизни, идеологическое многообразие, политический плюрализм и многопартийность, открытость гражданского общества, его вовлеченность в мировое сообщество и другие» [10, с. 174–175].

С конституционными ценностями, отвечающими за развитие информационного общества, конкурируют конституционные ценности, отвечающие за обеспечение информационной безопасности. С учетом того, что Доктрина информацион-

ной безопасности выделяет информационную безопасность личности, общества и государства, к данным конституционным ценностям можно отнести принцип государственного суверенитета, а также ряд конституционных прав и свобод.

На наш взгляд, принцип государственного суверенитета занимает центральное место среди конституционных ценностей, отвечающих за информационную безопасность не только государства, но и личности, и общества, в целом. К данному выводу несложно прийти, обратив внимание на ключевое значение принципа государственного суверенитета в информационной сфере. Дело в том, что реализацию национальных интересов в информационной сфере сложно представить в государстве, которое не обладает суверенитетом. Обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере — крайне непростая задача, при реализации которой необходимо обеспечивать баланс с конституционными ценностями, отвечающими за развитие информационного общества. Здесь следует отметить, что обеспечение государственного суверенитета и развитие информационного общества возможны, если речь идет о национальном, а не о глобальном информационном обществе. В последнем случае обеспечение государственного суверенитета и развитие глобального информационного общества — практически взаимоисключающие задачи. Справедлива точка зрения главного научного сотрудника ИГП РАН, профессора Г.Г. Шинкарецкой; противоречие между концепциями государственного суверенитета и глобального информационного общества — одно из реальных и весьма острых. «Дело в том, что глобальное информационное общество понимается как свободное пространство, где происходит свободное циркулирование информации. В то время как концепция государственного суверенитета исходит из полновластности и самостоятельности государства, которое обладает территориальным верховенством», — отмечает Г.Г. Шинкарецкая [11, с. 175].

Если рассматривать национальное информационное общество, то обеспечение государственного суверенитета не должно препятствовать развитию информационного общества на национальном уровне. Однако, в условиях стремительного развития информационного общества и усиливающихся угроз информационной безопасности общества и государства, нередко меры, которые предпринимаются в целях обеспечения суверенитета в информационной сфере, оказывают негативное влияние на развитие информационного общества. Достаточно показательным примером могут служить меры, которые предпринимаются в России в рамках противодействия использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета. Известно, что в последнее время увеличилось количество уголовных дел за распространение информации в социальных сетях, преимущественно в социальной сети «ВКонтакте». Не вдаваясь в детали конкретных уголовных дел, можно сказать, что некоторые из них свидетельствуют о системных проблемах в реализации принципа свободы информации. Например, отсутствие достаточной правовой определенности в диспозиции ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» позволяет применить ее равным образом как к члену радикальной националистской организации, так и к человеку, осуществившему репост неудачной шутки. Очевидно, что применение уголовного законодательства в репрессивных целях в сети Интернет крайне негативно скажется на развитии информационного общества, основанного на демократических ценностях. В этой связи обоснованным, на наш

взгляд, представляется проект федерального закона, направленный на конкретизацию состава преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно законопроекту, уголовному преследованию будут подлежать не любые действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а лишь совершенные с применением насилия или с угрозой его применения и (или) лицом с использованием своего служебного положения либо организованной группой⁵. Представляется, что принятие данного законопроекта снизит риски необоснованного применения уголовного законодательства, ограничивающего принцип свободы информации.

С принципом свободы информации, помимо принципа государственного суверенитета в конкуренцию вступают также некоторые конституционные права и свободы, призванные обеспечить информационную безопасность личности. В их числе: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), а также запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ). Примером данной конкуренции может служить реализация так называемого «права быть забытым», которое ограничивает право на свободное распространение информации. Анализ законодательного закрепления «права быть забытым» позволяет прийти к выводу, что оно носит абсолютный характер и чрезмерно расширяет конституционное право на неприкосновенность частной жизни и конституционный запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. На наш взгляд, в целях обеспечения принципа свободы информации «праву быть забытым» нужно предать относительный характер: его реализация должна быть связана не с субъективным желанием заявителя «быть забытым», а с нарушением его прав и законных интересов [12, с. 65]. Аналогичный пример можно привести с законодательной дефиницией понятия «персональные данные», т.е. практически любую информацию, даже косвенно относящуюся к субъекту персональных данных. Чрезмерно широкое толкование понятия на практике приводит к отнесению к персональным данным так называемой обезличенной информации, распространение которой должно допускаться без какого-либо согласия. Только в случае корректного понимания персональных данных обеспечивается оптимальный баланс между конституционным правом на неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну и правом на свободное распространение информации.

Приведенные примеры показывают, что конституционные ценности, отвечающие за развитие информационного общества, «проигрывают» в конкуренции с конституционными ценностями, отвечающими за обеспечение информационной безопасности. Причиной этого может являться как осознанный выбор федерального законодателя, так и несовершенство юридической техники, выражающееся в отступлении от принципа правовой определенности и склоняющее правоприменителя в пользу обеспечения информационной безопасности, а не развития информационного общества. Развитие информационного общества и обеспечение информационной безопасности должны гармонично сочетаться друг с другом. Достижение данной гармонии на уровне информационного законодательства возможно в случае адекватного выбора между конкурирующими конституци-

⁵ См.: Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/495566-7> (дата обращения: 24.08.2018).

онными ценностями. Выбор должен осуществляться при помощи применения различных принципов, выработанных в доктрине и практике конституционного права: справедливости, экономического принципа, эффективности и пропорциональности. Можно согласиться с точкой зрения И.А. Карасевой, что выбор приоритетных конституционных ценностей требует применения всех указанных принципов в совокупности [2, с. 85]. Думается, что вопрос о конкуренции конституционных ценностей в современном информационном обществе в России не должен разрешаться как-то по-другому.

В результате рассмотрения конституционных ценностей как некоего инструмента для поиска золотой середины между развитием информационного общества и обеспечением информационной безопасности можно прийти к следующим выводам. Во-первых, развитие общества в России может и должно обеспечивать информационную безопасность личности, общества и государства. В то же время обеспечение информационной безопасности не должно чрезмерно сдерживать развитие информационного общества в России. Во-вторых, правовой основой для обеспечения согласованности в развитии информационного общества и обеспечении информационной безопасности являются конституционные ценности. В-третьих, среди основных конституционных ценностей, отвечающих за развитие информационного общества, выделяются принципы идеологического многообразия и свободы информации. К основным конституционным ценностям, отвечающим за развитие информационного общества, относятся принцип государственного суверенитета, а также права человека и гражданина, обеспечивающие информационную безопасность личности, в частности право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), а также запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ). В-четвертых, существующее законодательство Российской Федерации и практика его применения показывают, что большее внимание уделяется обеспечению информационной безопасности, которое порой осуществляется вопреки развитию информационного общества. В-пятых, для обеспечения золотой середины между развитием информационного общества и обеспечением информационной безопасности в рамках изменений, вносимых в законодательство Российской Федерации, необходим адекватный выбор между конкурирующими конституционными ценностями, основанный на принципе справедливости, экономическом принципе, принципе эффективности и принципе пропорциональности.

Библиографический список

1. *Прытков В.П., Лебедев А.С.* Социальные и культурные противоречия информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 12–19.
2. *Карасева И.А.* Конкуренция конституционных ценностей в правоприменительной практике России и зарубежных государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 75–85.
3. *Ереклинцева Е.В.* Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.
4. *Алексеев А.П.* Ценности в российском конституционном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 30–35.
5. *Пермиловский М.С.* Конституционно-ценностное содержание права на благоприятную окружающую среду // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 154 (4). С. 155–157.

6. *Кондрашев А.А.* Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.
7. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 544 с.
8. *Кононов К.А.* Институциональная природа идеологического многообразия // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 22. С. 2–7.
9. *Чеботарева А.А.* Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод // Юридический мир. 2015. № 1. С. 49–53.
10. *Полякова Т.А.* Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 438 с.
11. *Полякова Т.А., Жарова А.К.* Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 1 (59). С. 172–188.
12. *Абдрахманов Д.В.* Правовая определенность как гарантия реализации конституционно-правовых основ информационного общества в Российской Федерации // Юрист. 2018. № 7. С. 59–70.

References

1. *Prytkov V.P., Lebedev A.S.* Social and Cultural Contradictions of the Information Society // Theory and practice of social development. 2014. Vol. 13. P. 12–19.
2. *Karaseva I.A.* The Competition of Constitutional Values in the Law-enforcement Practice of Russia and Foreign States // Comparative constitutional review. 2014. Vol. 4. P. 75–85.
3. *Ereklyntseva E.V.* Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia: extended abstract of dis. ... cand. of law. Chelyabinsk, 2010. 25 p.
4. *Alekseev A.P.* Values in the Russian Constitutional Law // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. Vol. 1 (32). P. 30–35.
5. *Permilovsky M.S.* Constitutional-value Content of the Law to the Favorable Environment // Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Series: The humanities. 2012. Vol. 154 (4). P. 155–157.
6. *Kondrashev A.A.* Constitutional Values in the Modern Russian State: on Conflicts and Devaluations // Constitutional and municipal law. Vol. 1, P. 6–13.
7. *Bondar N.S.* Judicial Constitutionalism in Russia in the Light of Constitutional Justice. М.: Norma, Infra-M, 2011. 544 p.
8. *Kononov K.A.* Institutional Nature of Ideological Diversity // Constitutional and municipal law. 2007. Vol. 22. P. 2–7.
9. *Chebotareva A.A.* Theory-legal Problems of Legislative Maintenance of Information Rights and Freedom // The legal world. 2015. Vol. 1. P. 49–53.
10. *Polyakova T.A.* Legal Support of Information Security in Constructing the Information Society in Russia: dis. ... of doct. of law. М., 2008. 438 p.
11. *Polyakova T.A., Zharova A.K.* Scientific seminar «Problems of Information Law and Information Security» // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 1 (59). P. 172–188.
12. *Abdrakhmanov D.V.* Legal Certainty as a Guarantee of the Implementation of the Constitutional and Legal Foundations of the Information Society in the Russian Federation // Jurist. 2018. Vol. 7. P. 59–70.

УДК 342.9

С.Б. Аникин, Н.И. Петрыкина

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО И ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Введение: представлен обзор выступлений участников II Международной научно-практической конференции «Современное административное и финансовое право», посвященной памяти Заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора И.И. Веремеенко; состоявшейся 22 марта 2019 г. в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России. **Цель:** осветить основные точки зрения и научные позиции авторов научных докладов и выступлений по некоторым актуальным вопросам современного административного и финансового права. **Методологическая основа:** системный анализ. **Результаты:** выявлены основные позиции участников конференции по некоторым проблемным вопросам современного административного и финансового права. **Выводы:** в статье проанализированы и обобщены различные точки зрения ученых-правоведов и других участников конференции по заявленной теме, предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования в сфере современного административного и финансового права.

Ключевые слова: право, административное право, финансовое право, современные вопросы, безопасность, контроль, надзор.

S.B. Anikin, N.I. Petrykina

SOME ACTUAL QUESTIONS OF MODERN ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

Background: the article presents an overview of the participants' speeches of the II International scientific and practical conference "Modern administrative and financial law", dedicated to the memory of Honored lawyer of Russia, doctor of law, Professor

© Аникин Сергей Борисович, 2019

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anikinsb@yandex.ru

© Петрыкина Наталия Ивановна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России); e-mail: npetrykina@yandex.ru

© Anikin Sergey Borisovich, 2019

Doctor of law, Associate professor, professor of the Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

© Petrykina Natalya Ivanovna, 2019

Candidate of law, Associate professor of the Administrative and financial law department (Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia)

I.I. Veremeenko, held on March 22, 2019 in the Moscow state Institute of international relations (University) of the Russian foreign Ministry. Objective: to highlight the main points of view and scientific positions of the authors of scientific reports and presentations on some topical issues of modern administrative and financial law. Methodology: of system analysis. Results: the main positions of the conference participants on some problematic issues of modern administrative and financial law have been revealed. Conclusions: the article analyzes and summarizes the different points of view of legal scholars and other participants of the conference, offers recommendations for improving legal regulation on some topical issues of modern administrative and financial law.

Key-words: law, administrative law, financial law, modern issues, security, control, supervision.

22 марта 2019 г. в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России состоялась II Международная научно-практическая конференция «**Современное административное и финансовое право**», посвященная памяти Заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора **Ивана Ивановича Веремеенко**. Конференция была организована кафедрой административного и финансового права МГИМО МИД России, основателем и первым заведующим которой являлся И.И. Веремеенко.

Профессор И.И. Веремеенко (27 марта 1938 г. — 14 октября 2013 г., Москва, Российская Федерация) — известный советский и российский юрист-правовед, специалист по административному праву. Иван Иванович является автором ряда знаковых работ по административному праву, актуальность которых сохраняется по сегодняшний день. Наиболее значимыми среди них являются монографии: «Административно-правовые санкции» (М.: Юридическая литература), «Механизм административно-правового регулирования. Понятие и структура», «Реализация механизма административно-правового регулирования», учебники в соавторстве: «Административное право СССР», «Административное право РФ», «Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях».

В работе научно-практической конференции приняли участие представители юридических вузов и научно-исследовательских институтов России (МГЮА им. О.Е. Кутафина, Юридический институт РУДН, Саратовская государственная юридическая академия, Уральский государственный юридический университет, Факультет экономики и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Московский университет МВД им. В.Я. Кикотя, Институт государства и права РАН, Всероссийская академия внешней торговли).

Конференцию открыл декан Международно-правового факультета МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор **Г.П. Толстопятенко**. Он особо отметил роль И.И. Веремеенко в становлении кафедры административного и финансового права, Иван Иванович не только возглавлял кафедру более пятнадцати лет, но и заложил научно-педагогическую основу современной научной школы административного и финансового права МГИМО.

Далее выступили главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», доктор юридических наук, профессор **А.С. Дугенец**; кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Уральского государственного юридического университета **С.Д. Хазанов**; заведующий кафедрой административного и финансового права МГИМО МИД России, кандидат юридических наук, доцент

И.А. Гончаренко. После перерыва участники конференции продолжили дискуссию в рамках секций административного права и финансового права.

Предлагаем вашему вниманию обзор некоторых докладов, прозвучавших в ходе конференции.

Профессор А.С. Дугенец посвятил свое выступление истории научного сотрудничества с И.И. Веремеенко. Он подчеркнул, что И.И. Веремеенко был не только видным ученым-административистом, но и прекрасным научным наставником.

Заведующий кафедрой административного права Уральского государственного юридического университета С.Д. Хазанов в своем выступлении затронул вопросы качества и фактической эффективности контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти, проблемы несовершенства правового регулирования в этой области, отсутствия необходимого баланса в обеспечении публично-правовых интересов государства и интересов частного бизнеса в данной сфере.

Выступление заведующего кафедрой административного и финансового права МГИМО МИД России И.А. Гончаренко было посвящено последним веяниям в правоприменительной практике Федеральной налоговой службы России. Деятельность данного ведомства была рассмотрена выступающим с критических позиций. В частности, были отмечены участвовавшие в последнее время факты привлечения Федеральной налоговой службой подразделений Росгвардии к участию в выездных налоговых проверках, что, по мнению И.А. Гончаренко, требует нормативного обоснования.

В рамках работы секции административного права обсуждались самые разные вопросы административного права и законодательства — от дидактических основ преподавания современного административного права до внедрения цифровых технологий в практику государственного управления.

Профессор кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии **С.Б. Аникин** рассказал о проблеме использования термина «безопасность» в административном праве. Он подчеркнул, что многозначность и противоречивость этого термина сказывается отрицательно как на качестве нормативных актов, в тексте которых он используется, так и на правоприменительной практике.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института РУДН **М.А. Штатина** посвятила свой доклад предмету и особенностям института административной юстиции в зарубежных странах.

Доклад доцента кафедры общей теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России **Е.А. Рыжковой** был посвящен новеллам административного права Франции в контексте последних политических изменений в данной стране.

М.А. Штатина отметила в своем докладе значительный вклад профессора И.И. Веремеенко в развитие науки административного права. **С.Б. Аникин** и **Е.А. Рыжкова** начали свои выступления со слов благодарности И.И. Веремеенко за оказанную им научную и педагогическую поддержку в становлении их как ученых.

В рамках работы секции финансового права были заслушаны доклады доцента кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина **А.В. Карташова**, представителей сектора финан-

сового, налогового, банковского и конкурентного права Института государства и права РАН о других, последних тенденциях развития науки и практики финансового права. С ярким эмоциональным докладом выступила профессор кафедры административного и финансового права МГИМО МИД России Г.В. Петрова.

УДК 342.9

А.И. Стахов

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ВО ВНЕСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ В ХОДЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА

Введение: в настоящее время сформировалась иная, чем в советский период, система административно-деликтных правоотношений в сфере осуществления органами исполнительной власти государственного контроля и надзора за деятельностью юридических и физических лиц, что насуточно требует поиска новых подходов к пониманию административно-принудительных мер, применяемых во внесудебном и судебном процессуальном порядках. **Цель:** поиск соответствующих Конституции РФ подходов к пониманию административно-принудительных мер, применяемых во внесудебном и судебном процессуальном порядках, разработка научно обоснованных направлений и форм развития и систематизации внесудебного и судебного порядков применения мер административно-правового принуждения в ходе государственного контроля и надзора, осуществляемого за юридическими и физическими лицами. **Методологическая основа:** использованы различные методы исследования, основными из которых являются диалектический, системный, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический, формально-логический, анализ и синтез. **Результаты:** выделены и подвергнуты сравнительному анализу внесудебный и судебный административно-процессуальные порядки применения мер административно-правового принуждения в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, соответствующие им виды административно-деликтных ситуаций, что в совокупности позволило выделить и структурировать современное административно-деликтное процессуальное законодательство Российской Федерации, а также построить систему административных и судебно-административных дел, которые возникают с контрольно-надзорными и административно-юрисдикционными ситуациями. Выработаны научно обоснованные предложения, направленные на дифференцированное развитие, а также систематизацию внесудебного и судебного административно-процессуальных порядков применения мер административно-правового принуждения в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. **Выводы:** в настоящее время в Российской Федерации сформировался массив федерального

© Стахов Александр Иванович, 2019

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса им. Н.Г. Салищевой, заведующий отделом административно-правовых исследований (Российский государственный университет правосудия); e-mail: alexander-stakhov@ya.ru

© Stakhov Aleksandr Ivanovich, 2019

Doctor of law, Professor, head of the Administrative law and procedure department named after N.G. Salishcheva, head of the Administrative and legal research department (Russian State University of Justice)

законодательства, в котором выделяются два исторически обособленных вида административного деликта, выявляемых органами исполнительной власти, иными административно-публичными органами в ходе государственного контроля и надзора: 1) административнонаказуемые деяния — административные и иные правонарушения, влекущие за собой применение карательных (компенсационных) мер административного принуждения. Административно-принудительные меры, применяемые в целях противодействия данным деликтам, логично считать административно-наказательными мерами; 2) нарушения обязательных требований — противоправные деяния физических и юридических лиц, которые официально не признаваемые административными правонарушениями, но влекущие за собой применение во внесудебном административно-процессуальном порядке комплекс превентивно-пресекательно-восстановительных мер. Административно-принудительные меры, применяемые в целях противодействия данным деликтам, являются контрольно-надзорными мерами.

Ключевые слова: административное принуждение, государственный контроль, государственный надзор, административная юрисдикция, юридические лица, индивидуальные предприниматели, контрольно-надзорные мероприятия, административно-процессуальное законодательство, административно-процессуальный порядок, административно-деликтная ситуация, внесудебный порядок, судебный порядок, административное дело, судебно-административное дело.

A.I. Stakhov

ADMINISTRATIVE AND COERCIVE MEASURES APPLIED IN EXTRAJUDICIAL AND JUDICIAL ADMINISTRATIVE PROCEDURE IN THE COURSE OF STATE CONTROL AND SUPERVISION

Background: at present, compared with the Soviet period, a new system of administrative and tort legal relations in the sphere of state control and supervision of the legal entities and individuals activities by the Executive authorities, which urgently requires the search for new approaches to the understanding of administrative and coercive measures applied in extrajudicial and judicial procedures, has been formed. **Objective:** search for appropriate approaches to the Constitution of the Russian Federation to the understanding of administrative and coercive measures used in extrajudicial and judicial procedures, the development of research-based areas and forms of development and systematization of extrajudicial and judicial procedures for the application of measures of administrative and legal coercion in the course of state control and supervision carried out for legal and natural persons. **Methodology:** various research methods were used, the main of which are dialectical, systemic, comparative legal, comparative historical, formal logical, analysis and synthesis ones. **Results:** identified and subjected to comparative analysis of extrajudicial and judicial administrative procedural order of administrative enforcement measures against legal entities and individual entrepreneurs, their respective types of administrative and tort situations, which together allowed to identify and structure the modern administrative and tort procedural legislation of the Russian Federation, as well as to build a system of administrative and judicial-administrative cases that arise from administrative-tort situations related to control and Supervisory and administrative-jurisdictional situations. Scientifically substantiated proposals aimed at differentiated development, as well as the systematization of extrajudicial and judicial administrative procedural procedures for the application of measures of administrative and legal coercion against legal entities and individual entrepreneurs have been developed. **Conclusions:** at present the Russian Federation has formed an array of Federal legislation, which distinguishes two historically separate

types of administrative tort, identified by the Executive authorities and other administrative and public bodies in the course of state control and supervision: 1) administrative and punishable acts — administrative and other offenses involving the use of punitive (compensation) measures of administrative coercion. Administrative and coercive measures used to counteract these torts, are logically considered administrative and punitive measures; 2) violations of mandatory requirements — illegal acts of individuals and legal entities that are not officially recognized as administrative offenses, but entail the use of extrajudicial administrative procedure a set of preventive, precluding and restorative measures. Administrative coercive measures used in order to counteract these offences are regulatory, supervising measures.

Key-words: *Administrative coercion, state control, state supervision, administrative jurisdiction, legal entities, individual entrepreneurs, control and Supervisory measures, administrative procedural legislation, administrative procedural order, administrative-tort situation, extrajudicial order, judicial order, administrative case, judicial-administrative case.*

С позиции отечественной доктрины административного права применение мер административно-правового принуждения традиционно связывается с административным проступком (административным правонарушением), административным деликтом [1, с. 60–69; 2, с. 86–95; 3, с. 52–61]. Такой подход исторически сложился в советское время в специальной литературе и соответствовал положениям ст. 2 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г.).

Наряду с мерами административной ответственности в советской административно-правовой науке выделялись иные административно-принудительные меры, применение которых связывалось с пресечением или предупреждением административных проступков (административных правонарушений), обеспечением общественной безопасности [1, с. 60–68]. При таком подходе в советской теории административного принуждения выделялась группа административных взысканий (мер административной ответственности) и группа иных мер административного принуждения [4, с. 166–173], в т.ч., к примеру, меры административного пресечения [2, с. 166–173], меры административного обеспечения [5, с. 299–301].

В условиях действия норм советских конституций, на основании которых сформировалась централизованная система органов государственной власти, состоящая из высших органов государственной власти и органов государственного управления (органы общего управления делами государства и органы, создаваемые для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления)¹, вопрос о соотношении внепроцессуального и процессуального порядков применения административно-принудительных мер не привлек внимание советских исследователей.

В настоящее время под воздействием принципов и норм Конституции РФ сформировалась иная система административно-деликтных правоотношений в сфере

¹ См., например: гл. 8 Конституции (Основного Закона) РСФСР (принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ»; ст. 104, 113, 122 Конституции (Основного Закона) Российской Федерации — России (принятой ВС РСФСР 12 апреля 1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15, ст. 407; гл. 3 Конституции (Основного Закона) РСФСР (утв. Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СУ РСФСР. 1925. № 30, ст. 218; ст. 51–55 Конституции (Основного Закона) РСФСР (утв. Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // СУ РСФСР. 1937. № 2, ст. 11.

осуществления органами исполнительной власти государственного контроля и надзора за деятельностью юридических и физических лиц, что насуточно требует поиска новых подходов к пониманию административно-принудительных мер во внесудебном и судебном процессуальном порядках. В этой связи предлагается обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, меры административной ответственности применяются в условиях конституционного признания самостоятельности функционирования органов исполнительной власти и органов судебной власти (ст. 10 Конституции РФ), а также самостоятельности органов местного самоуправления (ст. 132 Конституции РФ), провозглашения приоритета прав и свобод человека и гражданина в деятельности исполнительной власти и местного самоуправления, обеспечения их правосудием (ст. 2, 18 Конституции РФ), закрепления гарантии защиты государством частной и государственной собственности равным образом (ст. 8 Конституции РФ) посредством применения органами исполнительной власти и судами норм административно-процессуального законодательства, разделенного с административным законодательством (ст. 72 Конституции РФ), соответственно, во внесудебном порядке и в ходе осуществления правосудия в форме административного судопроизводства (т.е. в специальном судебном административно-процессуальном порядке) (ст. 118 Конституции РФ).

Во-вторых, на смену Кодексу РСФСР об административных правонарушениях, принятому в прошлом столетии, в 2001 г. пришел Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в котором субъектами административно-деликтных отношений признаются физические и юридические лица, привлекаемые к административной ответственности как во внесудебном, так в судебном процессуальном порядках, различия которых проведены в КоАП РФ, АПК РФ. При этом начиная с 2001 г. возникло и активно развивается законодательство о государственном контроле и надзоре, осуществляемом органами исполнительной власти за деятельностью юридических и физических лиц. В настоящее время центральное место в данном законодательстве занимает Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 27 декабря 2018 г.)².

В-третьих, Конституция РФ и КоАП РФ не предусматривают взаимосвязь административно-деликтных процессуальных правоотношений с государственным управлением. Ст. 72 Конституции РФ и ст. 1.1. КоАП РФ, по сути, устанавливают взаимосвязь современных административно-деликтных процессуальных правоотношений с составной частью административного и административно-процессуального законодательства Российской Федерации, которая называется законодательством об административных правонарушениях. Все меры государственного принуждения, предусмотренные КоАП РФ, взаимосвязаны между собой в единый комплекс административно-принудительных мер, который применяется в процессуальном порядке уполномоченными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, а также некоторыми организациями, наделенными соответствующими отдельными

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6249; 2018. № 53, ч. I, ст. 8437.

полномочиями (далее — административно-публичными органами), а также судами исключительно в рамках одной и той же категории административных дел — об административных правонарушениях, и нацелен на то, чтобы компенсировать вред, причиненный административным правонарушением, посредством карательных, обременительных для правонарушителя последствий имущественного, личного, правового характера. Такого рода административно-принудительные меры логично называть административно-карательными или административно-наказательными. При этом, если процессуальный порядок применения административно-наказательных мер, урегулированный АПК РФ, в полной мере соответствует ст. 10, 118 Конституции РФ, то процессуальный порядок применения данных мер, установленный КоАП РФ, соответствует ст. 10, 118 Конституции РФ лишь отчасти — в части предоставления физическим и юридическим лицам возможности пересмотра в судах постановлений и иных решений административно-публичных органов по делам об административных правонарушениях.

В-четвертых, из анализа действующего публичного законодательства Российской Федерации следует выделить применяемые во внесудебном процессуальном порядке административно-наказательные меры, основаниями которых являются противоправные деяния (действия, бездействия) физических и юридических лиц, официально не признаваемые административными правонарушениями, но влекущие за собой возникновение административно-процессуальных правоотношений с обязательным участием административно-публичного органа. По сути, административно-процессуальные правоотношения такого рода урегулированы административными процедурами, которые определяют внесудебный административно-процессуальный порядок применения контрольно-надзорными органами компенсационных (карательных, обременительных) мер государственного принуждения в целях обеспечения исполнения физическими и юридическими лицами норм отдельных отраслей современного федерального законодательства. К противоправным деяниям такого рода относятся, например, так называемые «налоговые правонарушения» (ст. 106 НК РФ (первая часть)) и «нарушения кредитной организацией федеральных законов, нормативных актов или предписаний Банка России, установленных обязательных нормативов»³. К числу компенсационных (карательных, обременительных) мер государственного принуждения, применяемых в целях обеспечения исполнения норм налогового или банковского законодательства, по сути, относятся налоговые санкции в виде денежных взысканий (штрафов) в размерах, предусмотренных гл. 16 и 18 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) (ст. 114 НК РФ (первая часть)), и взыскание с кредитной организации штрафа⁴. Важно отметить, что выделяемые меры применяются правоохранительными органами в ходе того или иного вида государственного контроля и надзора за юридическими и физическими лицами (налогового, банковского), осуществляемого в соответствии с административными процедурами, которые закреплены не в КоАП РФ, а в федеральных

³ См. ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8440.

⁴ См. ч. 1 ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8440.

законах, регулирующих отдельные виды контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти (в частности НК РФ, ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)'). Подчеркивая карательный характер выделяемых мер государственного принуждения, законодатель называет их ответственностью (к примеру, в НК РФ налоговые санкции в виде денежных взысканий (штрафов) признаются в качестве меры ответственности за совершение налогового правонарушения (ст. 114 НК РФ (первая часть)). Очевидно, что при описанных законодательных приемах не следует отождествлять такие меры, как «налоговые санкции» или «взыскание с кредитной организации штрафа» с такой мерой административной ответственности как «административный штраф», но вполне логично рассматривать данные меры государственного принуждения в качестве специальных видов административно-наказательных мер, применяемых в административно-процессуальном порядке. При этом необходимо подчеркнуть, что основанием применения таких специальных видов административно-наказательных мер являются не признаваемые административными правонарушениями: 1) противоправные деяния физического или юридического лица, которое выделенные в федеральном законе в качестве отдельных видов правонарушений, связанных с необходимостью установления вины (например, налоговое правонарушение); 2) противоправные деяния физического или юридического лица, выделенные в федеральном законе в качестве нарушения норм отдельных отраслей законодательства, не связанных с необходимостью установления вины (например, нарушение банковского законодательства); 3) противоправные деяния физического или юридического лица, выделенные в федеральном законе в качестве нарушения законного требования административно-публичного органа (например, предписания Банка России).

В-пятых, важно подчеркнуть, что противоправные деяния, официально не признаваемые законодателем административными правонарушениями, но влекущие за собой применение контрольно-надзорными органами административно-принудительных мер в административно-процессуальном порядке, по общему правилу, выявляются на территориях, в зданиях, сооружениях и помещениях, принадлежащих юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на праве частной собственности. По выявленным фактам противоправных деяний такого рода к проверяемым лицам во внесудебном административно-процессуальном порядке применяются меры государственного принуждения, которые имеют не карательный, а превентивно-пресекающе-восстановительный характер. Административно-принудительные меры, применяемые в целях государственного контроля и надзора за деятельностью юридических и физических лиц, направлены на предупреждение, выявление и пресечение выделяемых в федеральных законах различных противоправных деяний, совершаемых указанными лицами, не признаваемых административными правонарушениями, а также направлены на восстановление правового положения, нарушенного данными противоправными деяниями. К примеру, такими противоправными деяниями являются: «бюджетное нарушение» (ст. 306.1. БК РФ), «нарушение антимонопольного законодательства»⁵, «нарушение обязательных требований»⁶,

⁵ См. ст. 39 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8440.

⁶ Ст. 2, 8.2., 10, 13.2., 16, 17 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249.

«нарушение лицензионных требований», «грубое нарушение лицензионных требований»⁷. Превентивными мерами, на мой взгляд, являются так называемые меры профилактики нарушений обязательных требований⁸, а пресекаательно-восстановительными мерами, которые применяются в связи с перечисленными правонарушениями, являются: 1) меры бюджетного принуждения (в том числе, например, бесспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации; бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации, и др.) (ст. 306.2. БК РФ); 2) выдача предписаний по делу о нарушении антимонопольного законодательства⁹; 3) выдача юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований либо предписания об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения и (или) о проведении мероприятий по предотвращению причинения вреда¹⁰; 4) приостановление и аннулирование лицензии¹¹. Административно-процессуальный порядок применения данных мер государственного принуждения урегулирован разнообразными административными процедурами, которые закреплены в многочисленных федеральных законах, регулирующих различные сферы и специализированные направления государственного контроля и надзора, и поэтому применяются за рамками производства по делам об административных правонарушениях, но в рамках разнообразных контрольно-надзорных мероприятий. В обобщенном виде выделяемую группу превентивно-пресекаательно-восстановительных мер, применяемых во внесудебном административно-процессуальном порядке в ходе государственного контроля и надзора за деятельностью юридических и физических лиц, предлагается называть контрольно-надзорными мерами, а совокупность федеральных законов и иных нормативных правовых актов, в которых закреплены административные процедуры, определяющие данный порядок, считать административно-процессуальным законодательством о государственном контроле и надзоре. Центральное место в структуре данного законодательства занимает Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹² (далее — ФЗ

⁷ См. ст. 19 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19 ст. 2716; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424.

⁸ См. ст. 8.2. Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8437.

⁹ См. ст. 50 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8440.

¹⁰ См. ст. 17 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8437.

¹¹ См. ст. 20 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19 ст. 2716; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249.

№ 294). Более подробно данное законодательство выделяется и структурируется в современной административно-правовой литературе [6; 7].

Суммируя изложенное, можно сделать обобщающий вывод о том, что в настоящее время в Российской Федерации сформировался массив федерального законодательства, в котором выделяются два исторически обособленных вида административного деликта: 1) административные и иные правонарушения, влекущие за собой применение карательных (компенсационных) мер административного принуждения. Такого рода административные деликты предлагается называть административно-наказуемыми деяниями. Соответственно административно-принудительные меры, применяемые в целях противодействия данным деликтам, логично считать административно-наказательными мерами; 2) противоправные деяния физических и юридических лиц, которые официально не признаются административными правонарушениями, но влекущие применение во внесудебном административно-процессуальном порядке комплекса пресекаательно-восстановительных мер. Данные административные деликты предлагается в обобщенном виде называть «нарушениями обязательных требований», а административно-принудительные меры, применяемые в целях противодействия данным деликтам, считать контрольно-надзорными мерами.

Совокупность юридических фактов, связанных с готовящимися, совершаемыми или совершенными административными деликтами и влекущих необходимость возбуждения и разрешения во внесудебном и судебном административно-процессуальном порядке соответствующего административного дела, возникающего из отношений государственного контроля и надзора, будет логичным называть административно-деликтными ситуациями. Соответственно массив федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих административно-процессуальные порядки применения административно-наказательных мер и контрольно-надзорных мер, предлагается выделить из общей структуры современного административно-процессуального законодательства в качестве административно-деликтного процессуального законодательства.

Из анализа сформировавшегося в России административно-деликтного процессуального законодательства можно сделать вывод, что в КАС РФ, АПК РФ и КоАП РФ закреплены, систематизированы административно-процессуальные нормы, регулирующие судебный порядок применения мер административного принуждения по делам, возникающим из выделяемых административно-деликтных процессуальных ситуаций: 1) процедуры разрешения дел о нарушениях обязательных требований, а именно: об оспаривании контрольно-надзорных действий (бездействия), предписаний и иных решений контрольно-надзорных органов, а также дела об аннулировании лицензий; 2) процедуры разрешения дел об административных правонарушениях, а именно: дел о привлечении к административной ответственности, дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности.

Следует подчеркнуть, что в сформировавшемся законодательстве о государственном контроле и надзоре и КоАП РФ закреплены административно-процессуальные нормы, на их основе образованы процедуры, регулирующие внесудебный порядок применения мер административного принуждения по делам, возникающим из административно-деликтных процессуальных ситуаций в ходе государственного контроля и надзора, а именно: 1) по делам о предупреждении,

выявлении и пресечении нарушений обязательных требований, восстановлении нарушенного правового положения; 2) по делам об административных правонарушениях, выявляемых в ходе государственного контроля и надзора.

В целях дальнейшего развития положений ст. 8, 10, 18, 72, 118 Конституции РФ будет логичным выдвинуть предложение о необходимости установления обособленных, но функционально взаимосвязанных: 1) систематизированного внесудебного административно-процессуального порядка применения мер административного принуждения по делам, связанным с контрольно-надзорными мероприятиями, и делам, связанным с административно-юрисдикционными мероприятиями; 2) систематизированного судебного административно-процессуального порядка разрешения дел о нарушениях обязательных требований и дел об административных правонарушениях, выявляемых в ходе государственного контроля и надзора за юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Кроме того, предлагается разработать и ввести в практику контрольно-надзорных органов утверждаемые Правительством РФ перечни обязательных требований, нарушение которых влечет безусловное привлечение к административной ответственности. Признать, что нарушение иных обязательных требований влечет за собой применение пресекательно-восстановительных мер, если иное не установлено Федеральным законом.

Выдвинутые предложения могут быть реализованы лишь в результате коренной модернизации действующего КоАП РФ посредством разработки и принятия в обозримом будущем коррелирующих между собой кодифицированных федеральных законов: 1) Кодекса Российской Федерации (Федерального закона) «Об административном контрольно-надзорном производстве»; 2) Кодекса Российской Федерации «Об административном (внесудебном) производстве по делам об административных правонарушениях», или иначе Кодекса административной юрисдикции Российской Федерации; 3) Единого кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Очевидным результатом предлагаемого развития административно-деликтного процессуального законодательства станет принятие Кодекса Российской Федерации об административной ответственности, который займет достойное место в структуре административного законодательства, формирующегося из материальных норм современного административного права.

Эффективным средством систематизации судебного административно-процессуального порядка применения мер административного принуждения в ходе государственного контроля и надзора является разработка Пленума Верховного Суда РФ «Вопросы судебной практики рассмотрения административных дел, возникающих из отношений государственного контроля (надзора)». В данном Пленуме Верховного Суда Российской Федерации будет логичным внести определенность в применении судами общей юрисдикции и арбитражными судами отдельных норм ФЗ № 294, КоАП РФ, АПК РФ в целях обеспечения единообразия и устранения конкуренции судебных решений по делам, возникающим из отношений государственного контроля (надзора), а также исключения необоснованного административного принуждения физических и юридических лиц, выступающих участниками данных дел.

Библиографический список

1. *Еропкин М.И.* О классификации мер административного принуждения // Вопросы административного права на современном этапе. М.: Госюриздат, 1963. С. 60–68.
2. Советское административное право: учебник / под ред. В.И. Поповой, М.С. Студеникиной. М.: Юридическая литература, 1988. 319 с.
3. *Шергин А.П.* Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. М.: Наука, 1994. С. 52–65.
4. *Власов В.А., Студеникин С.С.* Советское административное право. М.: Госюриздат, 1959. 565 с.
5. *Петров Г.И.* Советское административное право. Часть общая. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 320 с.
6. *Стахов А.И.* Административно-процессуальные формы деятельности органов государственного контроля и надзора. М.: Российский государственный ун-т правосудия, 2017. 176 с.
7. *Стахов А.И.* Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора // Российское правосудие. 2019. С. 109–112.

References

1. *Eropkin M.I.* Classification of Measures of Administrative Coercion // Questions of Administrative Law at the Present Stage. M.: Gosyurizdat, 1963. P. 60–68.
2. Soviet Administrative Law: textbook / edited by V.I. Popova, M.S. Studenikina. M.: Legal literature, 1988. 319 p.
3. *Shergin A.P.* Problems of Administrative and Tort Law // State and law. M.: Science, 1994. P. 52–65.
4. *Vlasov V.A., Studenikin S.S.* Soviet Administrative Law. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 565 p.
5. *Petrov G.I.* Soviet Administrative Law. Common part. L.: Leningrad University Publ., 1966. 320 p.
6. *Stakhov A.I.* Administrative-procedural Forms of Activity of State Control and Supervision Bodies. M.: Russian State University of Justice, 2017. 176 p.
7. *Stakhov A.I.* Actual Problems of Harmonization of Judicial Reform with the Reform of State Control and Supervision // Russian justice. 2019. P. 109–112.

УДК: 340.1

Ю.Б. Масыгина

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Введение: статья рассматривает правовые формы организации местных органов власти. **Цель:** показать различные модели формирования и взаимодействия органов местного самоуправления как варианты правовых форм. **Методологическая основа:** используется анализ источников и литературы, догматический метод при

© Масыгина Юлия Борисовна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии); e-mail: masyagina.iul@yandex.ru
© Masyagina Julia Borisovna, 2019
Candidate of law, associate professor of the Theory of state and law department (Smolensk branch of the Saratov State Law Academy)

определении правовой формы. **Результаты:** выявлены три основные правовые формы организации органов местного самоуправления. **Выводы:** третья правовая форма в наибольшей степени выявляет возможность воздействия главы региона на формирование органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные органы власти, глава местного самоуправления.

Yu. B. Masyagina

LEGAL FORMS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
BODIES ORGANIZATION

Background: the article deals with the legal forms of organization of local authorities. **Objective:** to show the various models of the formation and interaction of local governments as legal forms. **Methodology:** analysis of scientific sources and literature, the dogmatic method in determining the legal form. **Results:** three main legal forms of organization of local governments have been identified. **Conclusions:** the author of the research states that the third legal form mostly reveals the possibility of the impact of the head of the region on the formation of local governments.

Key-words: local government, municipal authorities, head of the local government.

Местное самоуправление в РФ является дискуссионным и противоречивым правовым институтом в рамках государственного механизма и политической системы России. Не до конца ясным представляется место и роль местного самоуправления в системе государственного управления. С одной стороны Конституция РФ ясно указывает, что местное самоуправление отделено от государства, а органы местного самоуправления — самостоятельная система управления. Изучая компетенции местного самоуправления, изложенные в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.)¹ (далее — ФЗ № 131), нельзя не заметить, что решение этих вопросов невозможно без осуществления функций самого государства. Достаточно привести пример с осуществлением образовательной деятельности муниципальными образовательными учреждениями.

В последние два десятилетия данный политический институт претерпевает постоянные изменения. Это связано с тем, что возникает постоянное противоречие между декларируемым принципом приоритета прямых форм демократии в организации местного самоуправления и реально существующим положением.

После принятия ФЗ № 131 само определение местного самоуправления стало более реальным, т.к. в нем появились два элемента. Местным самоуправлением является не только самостоятельная деятельность населения, но и деятельность органов местного самоуправления. Фактически именно вторая часть данного определения действительно работает.

Большинство муниципальных образований, а их в Смоленской области более трехсот, пошли по пути отказа от выборов главы муниципального образования. Организация местного самоуправления предполагает несколько вариантов

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822; 2018. № 53, ч. I, ст. 8482.

устройства органов местного самоуправления. Постановление Конституционного Суда РФ² от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» говорит, что законами субъектов РФ может быть предусмотрен альтернативный или единственно возможный вариант порядка формирования органов местного самоуправления. По этому поводу в Смоленской области никакого закона не предусмотрено, значит мы руководствуемся ФЗ № 131.

Данный закон предусматривает три варианта взаимодействия представительных, исполнительных органов власти с главой местного самоуправления, т.е. предполагает альтернативу в возможности формирования местных органов власти. В учебной и монографической литературе эти варианты формирования органов местного самоуправления никак не обозначаются. Мы предлагаем назвать данные варианты правовыми формами. Правовая форма — это объективно выраженная и устойчивая связь между составляющими право элементами (частями), а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации.

Итак, данное определение предполагает создание в праве внутренних и внешних правовых форм. Для различных вариантов формирования системы местного самоуправления для нас в большей степени актуальна внутренняя правовая форма, хотя внешняя правовая форма тоже присутствует, но во взаимосвязи государства и местного самоуправления. Нас сейчас интересует именно системы, возникающие в различных видах муниципальных образований (которые, кстати, тоже можно назвать правовыми формами).

Взаимодействие органов государства и органов местного самоуправления не предполагает вмешательства государственных органов субъекта РФ в формирование системы создаваемых органов местного самоуправления. В то же время главам региона, конечно, не безразлична деятельность этих органов на территории субъекта. В ФЗ № 131 сравнительно недавно установлена возможность влияния губернатора на назначение главы муниципального образования.

Деятельность, которую осуществляют органы местного самоуправления, взаимодействие исполнительных, представительных органов с главой местного самоуправления выступают правовой формой существования муниципальных органов власти.

Первая правовая форма наиболее соответствует идеалам прямой демократии. В этом случае глава местного самоуправления наряду с представительным органом местного самоуправления избирается населением на муниципальных выборах. При этом избранный глава, либо входит в состав представительного органа муниципального образования и исполняет полномочия его председателя, либо возглавляет местную администрацию. В последнем случае возникает подвид первой правовой формы «сильный мэр», а система, в которой выбранный глава стал председателем представительного органа местного самоуправления,

² См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

может быть названа «слабый мэ́р», и это второй подвид первой правовой формы. В данном случае местную администрацию будет возглавлять назначенный по контракту чиновник, и контролировать его деятельность будет весь состав депутатов, а не избранный народом председатель представительного органа.

Вторая правовая форма наименее финансово затратная, и ее используют большинство муниципальных образований. На прямых выборах избирается только представительный орган местного самоуправления, и ему население делегирует все свои полномочия. Данный орган назначает по контракту главу местной администрации и весь состав исполнительного органа местного самоуправления, должность главы муниципального образования совпадает с должностью председателя представительного органа местного самоуправления.

Третья правовая форма появилась в законодательстве сравнительно недавно. Данная форма выражена стремление глав регионов влиять на назначения глав муниципальных образований, т.к. кандидатов на конкурс выдвигает сам глава субъекта Федерации. Эта правовая форма представляет собой по федеральному законодательству избрание представительным органом местного самоуправления главы муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса.

Конкурс и решение конкурсной комиссии в определенной мере продиктована главой региона. В полномочия главы муниципального образования входит обязанность возглавлять местную администрацию. Но состав и структуру местной администрации утверждает представительный орган местного самоуправления по представлению главы муниципального образования. Таким образом, глава муниципального образования подотчетен и подконтролен населению муниципального образования и представительному органу местного самоуправления.

Данная правовая форма подчеркивает двойственность подчинения главы местного самоуправления. Это правовая форма наиболее удобна для контроля органами власти субъекта РФ, но в наименьшей степени может контролироваться населением муниципального образования. Глава муниципального образования подконтролен населению. Население не избирало главу муниципального образования, никак не могло повлиять на решение конкурсной комиссии. В данной правовой форме глава муниципального образования скорее подотчетен главе региона, но тот, в свою очередь, может влиять на главу муниципального образования только через представительный орган местного самоуправления.

Данное положение вещей связано с низкой избирательной активностью населения муниципального образования, т.к. в обратном случае население должно было потребовать либо местного референдума по внесению изменений в Устав муниципального образования, либо прямых выборов Главы муниципального образования.

Таким образом, изучение различных правовых форм организации местного самоуправления является важной частью предмета муниципального права РФ и нуждается в дальнейшем рассмотрении.

УДК 342.951

С.М. Рукавишников

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФОРМЫ ВИНЫ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫМ АНТИМОНОПОЛЬНОМУ ОРГАНУ

Введение: в статье анализируется правоприменительная практика, связанная с привлечением должностных лиц к административной ответственности за нарушения законодательства РФ в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Актуальность тематики обусловлена отсутствием единообразного подхода со стороны территориальных управлений Федеральной антимонопольной службы России по вопросу необходимости установления формы вины лица, привлекаемого к административной ответственности, при рассмотрении некоторых категорий дел об административных правонарушениях. **Цель:** анализ правоприменительной практики территориальных управлений Федеральной антимонопольной службы России по рассмотрению дел об административных правонарушениях и выработка рекомендаций по ее совершенствованию. **Методологическая основа:** формально-юридический подход, методы описания и эмпирического анализа. **Результаты:** проведенное исследование дает основание утверждать, что неустановление в ходе производства по делу об административном правонарушении формы вины должностного лица не позволяет антимонопольному органу учесть все обстоятельства при назначении меры ответственности, а также несет в себе риск отмены постановления о назначении административного наказания по формальным основаниям. **Вывод:** рекомендовано во всех случаях устанавливать в ходе производства по делу об административном правонарушении форму вины должностного лица.

Ключевые слова: форма вины, административное правонарушение, административная ответственность, антимонопольный орган, правоприменительная практика.

S.M. Rukavishnikov

ABOUT ESTABLISHMENT OF THE FORM OF GUILT IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES WITHIN THE JURISDICTION OF THE ANTIMONOPOLY BODY

Background: the article analyzes the law enforcement practice associated with bringing officials to administrative responsibility for violations of the legislation of the Russian Federation in the field of procurement for state and municipal needs. The relevance of the topic is due to the lack of a uniform approach on the part of the territorial administrations of the Federal Antimonopoly Service of Russia on the need to establish the form of guilt of a person brought to administrative responsibility when considering certain categories of cases of administrative offenses. **Objective:** to analyze the law enforcement practice of the territorial administrations of the Federal Antimonopoly Service of Russia in cases of administrative offenses and development of recommendations for its improvement. **Meth-**

© Рукавишников Сергей Михайлович, 2019
Преподаватель кафедры конкурентного права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: s.rukavishnikov2013@yandex.ru
© Rukavishnikov Sergey Mikhailovich, 2019
Lecturer of the Competition law department (Saratov State Law Academy)

odology: formal legal approach, methods of description and empirical analysis. Results: the study suggests that the failure to establish in the course of proceedings on an administrative offense the form of guilt of an official does not allow the Antimonopoly authority to take into account all the circumstances in the appointment of a measure of responsibility, and also carries the risk of cancellation of the decision on the appointment of administrative punishment on formal grounds. Conclusions: it is recommended to establish the form of guilt of the official in all cases in the course of the proceedings on the administrative offense.

Key-words: *form of guilt, administrative offense, administrative responsibility, anti-monopoly authority, law enforcement practice.*

В последнее время Федеральная антимонопольная служба России (далее — антимонопольный орган) осуществляет контроль за все большим количеством федеральных законов, охватывающих все сферы экономики России. Кроме традиционных направлений, каким является контроль за соблюдением антимонопольного и рекламного законодательства, теперь это еще и контроль законодательства о торговле, в сфере государственного оборонного заказа, регулирования тарифов, осуществления закупок, законодательства об иностранных инвестициях и т.д.

Важнейшую роль в предупреждении и пресечении правонарушений играет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)¹.

По итогам 2017 г. количество дел об административных правонарушениях, возбужденных антимонопольным органом, составило:

- законодательство о торговле — 678;
- законодательство о рекламе — 4600;
- законодательство о закупках отдельными видами юридических лиц — 4387;
- законодательство в сфере регулирования тарифов — 33;
- законодательство в сфере приватизации государственного и муниципального имущества — 1701;
- законодательство в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд — 24005;
- законодательство в сфере государственного оборонного заказа — 3866;
- законодательство в сфере антимонопольного законодательства на финансовых рынках — 67;
- законодательство в сфере антимонопольного законодательства на товарных рынках — 8201².

Таким образом, количественные характеристики административных правонарушений, выявленных антимонопольным органом, насчитывают десятки тысяч, половину из которых составляют дела об административных правонарушениях в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (ст. 7.29, 7.29.3, 7.30, 7.31, 7.31.1, 7.32, 7.32.5 КоАП РФ).

При изучении указанных дел можно прийти к выводу, что форма вины в них может быть любой. Так, с субъективной стороны правонарушение в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд может быть совершено как

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2018. № 47, ст. 7127.

² См.: Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2017 год. URL: <https://fas.gov.ru/documents/658027> (дата обращения: 06.10.2018).

умышленно, так и по неосторожности, поскольку диспозиции частей статей не содержат прямого указания на форму вины.

Это частным образом подтверждается в судебных актах:

«Заявление Малевич <...> об отсутствии в ее деянии состава правонарушения, так как у нее не было умысла, не основано на законе, поскольку, согласно диспозиции части 1.2 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, форма вины может быть любой»³.

Кроме того, для большинства рассматриваемых правонарушений санкция соответствующей статьи является по своему характеру абсолютно-определенной.

Именно в связи с вышеизложенным (большое количество однородных рассматриваемых дел, любая формы вины и абсолютно-определенная санкция) анализ рассмотренных дел об административных правонарушениях свидетельствует о том, что в большинстве случаев антимонопольный орган ограничивается только установлением вины лица, привлекаемого к административной ответственности. Вопрос формы вины должностного лица в совершении вменяемого ему правонарушения не исследуется, и в тексте постановления по делу об административном правонарушении определение конкретной формы вины должностного лица отсутствует.

Пример 1. Правонарушение совершено должностным лицом заказчика, которое в силу своих обязанностей и статуса учреждения, от лица которого оно действует, должно соблюдать требования законодательства о закупках.

<...> виновен в совершении административного правонарушения, установленного ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ, что подтверждается материалами дела⁴.

Пример 2. Признать должностное лицо заказчика <...> за принятие должностным лицом заказчика решения о способе определения поставщика путем осуществления закупок у единственного поставщика на сумму более двух миллионов рублей, в то время как в соответствии с законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок, указанная закупка должна осуществляться конкурентным способом закупок (запрос котировок либо электронный аукцион), виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 7.29 КоАП РФ, и назначить ему наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 (тридцати) тыс. руб.⁵

В то же время в других постановлениях по делам об административном правонарушении, вынесенных должностными лицами антимонопольного органа, вопрос формы вины лица в совершении вменяемого ему нарушения исследуется:

Пример 1. В соответствии со ст. 26.1 КоАП РФ по делу об административном правонарушении подлежат в числе прочих выяснению виновность лица в совершении административного правонарушения, а также обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении.

Одним из элементов состава административного правонарушения является его субъективная сторона, в числе характерных признаков которой имеется вина.

³ См.: Решение Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 22 июня 2011 г. № 12-74/2011 по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении по ч. 8 ст. 7.30 КоАП РФ. URL: <http://resheniya-sudov5.ru/3/34447/> (дата обращения: 05.11.2018).

⁴ См.: Постановление Адыгейского УФАС России об административном наказании по делу об административном правонарушении № АЗ-171/16 от 30 сентября 2016 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 03.11.2018).

⁵ См.: Постановление Брянского УФАС России о назначении административного наказания по делу № 176 об административном правонарушении от 30 марта 2016 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 03.11.2018).

С субъективной стороны правонарушения, предусмотренные ч. 1.4 ст. 7.30 КоАП РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности.

Вина <...> выражена в форме неосторожности⁶.

Пример 2. Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть (ст. 2.2 КоАП РФ).

Действия (бездействие) <...> следует признать виновными, совершенными по неосторожности⁷.

При обращении к трудам ученых-правоведов в области административного и административно-процессуального права по вопросу обязательности установления формы вины мы находим следующее мнение: «Установив событие административного правонарушения и лицо, совершившее противоправное деяние, судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, должны выяснить, виновно ли данное лицо. Для этого необходимо на основе оценки всех обстоятельств дела установить, имелись ли в действиях (бездействии) этого лица умысел или неосторожность» [1, с. 641].

А.Р. Нобель полагает, что системное толкование положений ст. 1.5, 2.1, 2.2, 26.1 КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что вина в совершении правонарушения не может считаться установленной без определения ее конкретной формы у физического лица (ст. 2.2 КоАП РФ).

Далее в своей работе он отмечает, что изучение правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды свидетельствует о том, что неустановление в ходе производства по делу об административном правонарушении формы вины физического лица ... в ряде случаев влекло за собой вынесение постановлений о прекращении производства по делу либо отмену вынесенных решений о назначении административного наказания [2, с. 43].

Приведенные мнения по данному вопросу подтверждают примеры судебной практики⁸.

Однако имеется и противоположная судебная практика: «Доводы жалобы о том, что судами не установлена форма вины арбитражного управляющего в совершении правонарушения в соответствии со статьей 2.2 КоАП РФ, не могут быть приняты во внимание, поскольку применительно к содержанию ст. 14.13 КоАП РФ форма вины не имеет юридического значения»⁹.

Таким образом, можно констатировать отсутствие единообразного подхода со стороны судебных органов при рассмотрении данного вопроса.

⁶ См.: Постановление Челябинского УФАС России о наложении штрафа по делу № 7.30-1.4/76-2018 от 1 февраля 2018 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 03.11.2018).

⁷ См.: Постановление Кемеровского УФАС России о наложении штрафа по делу об административном правонарушении № 539/11-АДМ-2018 от 26 октября 2018 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 03.11.2018).

⁸ См., например: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 20 мая 2009 г. по делу N А31-1243/2009. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2009/14353/> (дата обращения: 05.11.2018); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2010 г. № 17АП-5237/2010-АК. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2010/228682/> (дата обращения: 05.11.2018).

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 10 мая 2017 г. № 306-АД17-4014 URL: <http://legalacts.ru/kodeks/KOAP-RF/razdel-i/glava-2/statja-2.2/> (дата обращения: 05.11.2018).

Следует отметить, что установление формы вины должностного лица необходимо антимонопольному органу при квалификации совершенного противоправного деяния (например, при оценке обстоятельств, отягчающих ответственность за административное правонарушение), а также при назначении меры ответственности.

Если проиллюстрировать данное утверждение примерами из правоприменительной практики (постановления о назначении административного наказания Брянского УФАС России, Алтайского республиканского УФАС России, Мордовского УФАС России)¹⁰, то можно увидеть, что антимонопольным органом в некоторых случаях применяется практика избрания наказания в виде штрафа в размере ниже низшего предела, предусмотренного конкретной статьей КоАП РФ, поскольку в соответствии с ч. 2.2 ст. 4.1 КоАП РФ при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II КоАП РФ, в случае, если минимальный размер административного штрафа для граждан составляет не менее 10 тыс. руб., а для должностных лиц — не менее 50 тыс. руб.

В приведенных примерах все нарушители привлекались к административной ответственности по ч. 11 ст. 7.30 КоАП РФ, санкция которой является по своему характеру абсолютно-определенной и предусматривает применение к должностным лицам административного штрафа в размере 50 тыс. руб. По итогам рассмотрения дел во всех случаях назначено административное наказание в виде штрафа в размере 25 тыс. руб.

Однако форма вины должностного лица указана только в тексте постановления об административном наказании Брянского УФАС России: «Правонарушение совершено по неосторожности по причине незнания требований законодательства РФ о контрактной системе».

Вопрос формы вины должностного лица в совершении вменяемого ему правонарушения исследовался и Алтайским республиканским УФАС России: «Нарушение, допущенное должностным лицом, заместителем начальника отдела финансового, правового и кадрового обеспечения Территориального отдела Росздравнадзора по Республике Алтай, повлекло нарушение установленного государством порядка осуществления закупок у субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций. При этом существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении лица к исполнению своих обязанностей», Мор-

¹⁰ См.: Постановление Брянского УФАС России о назначении административного наказания по делу № 1252 об административном правонарушении от 21 декабря 2015 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 03.11.2018); Постановление Алтайского республиканского УФАС России № 38/з о назначении административного наказания от 24 августа 2018 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 29.09.2018); Постановление Мордовского УФАС России о назначении административного наказания по делу № 165 об административном правонарушении от 30 марта 2018 г. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/> (дата обращения: 29.09.2018).

довским УФАС России отмечено: «Существенная угроза общественным отношениям, интересам государственной политики в области осуществления закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд заключается в пренебрежительном отношении должностного лица заказчика, в отношении которого было возбуждено дело об административном правонарушении, к исполнению возложенных на него обязанностей и к требованиям Закона о контрактной системе»¹¹. Тем не менее форма вины должностного лица в тексте постановлений об административном наказании напрямую не указана.

Вместе с тем установление формы вины должностного лица, привлекаемого к административной ответственности, в виде неосторожности позволило применить к нему такую меру ответственности, при которой наказание, по мнению антимонопольного органа, стало соразмерно допущенному нарушению (снижение размера административного штрафа с 50 тыс. руб. до 25 тыс. руб., т.е. в два раза). Следовательно, форма вины при индивидуализации административного наказания учитывается.

На основании вышеизложенного полагаем, что в целях учета всех обстоятельств при назначении меры ответственности, а также для исключения возможности отмены постановления о назначении административного наказания по формальным основаниям необходимо, в ходе производства по делу об административном правонарушении, во всех случаях устанавливать и указывать в постановлении форму вины должностного лица.

Библиографический список

1. *Бахрах Д.Н., Росийский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 800 с.
2. *Нобель А.Р.* О некоторых вопросах установления вины в совершении административных правонарушений // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 41–43.

References

1. *Bakhrakh D.N., Rossiisky B.V., Starilov U.N.* Administrative Law: Textbook for high school. M.: Norma, 2005. 800 p.
2. *Nobel A.R.* About Some Questions of Establishment of Guilt in Commission of Administrative Offenses // The Bulletin of Vyatka State Humanitarian University. 2014. № 1. P. 41–43.

¹¹ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652; 2018. № 45, ст. 6848.

УДК 342.9

Т.А. Лаптева

ПРЕФЕРЕНЦИИ СУБЪЕКТАМ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Введение: несмотря на то, что проблемы регламентации участия в закупках товаров, работ, услуг субъектов малого и среднего предпринимательства прорабатываются законодателем и органами исполнительной власти уже более десяти лет, правовое регулирование в данной сфере до сих пор не достигло должного уровня. **Цель:** выявление проблем правовой регламентации закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства и предоставляемых им преференций, поиск оптимальных путей их решения. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности к которым относятся: анализ, синтез, дедукция, абстрагирование, формально-юридический, а также иные методы научного познания. **Результаты:** анализ выявленных проблем правовой регламентации закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства и предоставляемых им преференций позволил сформулировать предложения по их решению. **Вывод:** устранению существующих проблем правовой регламентации участия в закупках товаров, работ, услуг субъектов малого и среднего предпринимательства в значительной мере будет способствовать системный подход к правовому регулированию в рассматриваемой сфере и детальная проработка каждого из установленных требований.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства преференции, закупки, заказчик, участник закупки.

Т.А. Lapteva

PREFERENCES TO SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Background: despite the fact that the problems of regulation of participation in the procurement of goods, works and services of small and medium-sized businesses are being worked out by the Legislator and the Executive authorities for more than ten years, the legal regulation in this area has not yet reached the proper level. **Objective:** to identify the problems of legal regulation of procurements from small and medium-sized businesses and the preferences provided to them, to search for the ways for solving them. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, deduction, abstraction, formal-legal, as well as other methods of scientific cognition were used by the author of the research. **Results:** the analysis of the identified problems of legal regulation of procurements from small and medium-sized businesses and the preferences provided to them made it possible to formulate proposals for their solution. **Conclusion:** elimination of existing problems of legal regulation of participation

© Лаптева Татьяна Анатольевна, 2019
Аспирант кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Lapteva Tatyana Anatolievna, 2019
Post-graduate student of the Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

in procurement of goods, works, services of small and medium-sized businesses will greatly contribute to a systematic approach to legal regulation in this area and detailed study of each of the requirements.

Key-words: *small and medium-sized businesses, preference, procurement, contracting authorities, procurement participant.*

Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства (далее — субъектов МСП) через преференции при закупочной деятельности началась в Российской Федерации с 2006 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»¹. Закон обязывал заказчиков, осуществляющих закупки для государственных и муниципальных нужд, за исключением некоторых случаев, осуществлять размещение установленной доли заказов у субъектов малого предпринимательства в соответствии с перечнем товаров, работ, услуг, установленным Правительством Российской Федерации².

С 1 января 2014 г. со вступлением в силу Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³ был дополнен состав лиц, получающих преференции в рамках государственных и муниципальных закупок, изменились требования по объему поддержки субъектов МСП, был отменен перечень товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, размещение заказов на которые осуществляется у субъектов МСП.

С этих пор правовое регулирование порядка предоставления преференций в рассматриваемой сфере регулярно подвергается изменениям: в Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁴ (далее — ПП РФ 1352), которое в настоящее время является основным актом, регламентирующим вопросы участия субъектов МСП в закупках, к настоящему моменту уже внесено более десяти изменений. Изменениям подверглись не только круг заказчиков, обязанных проводить закупки у субъектов МСП, но и сам порядок проведения процедур, расчет объема таких закупок, планирование, отчетность и другие вопросы.

Однако до сих пор существующая система не обеспечивает эффективного взаимодействия субъектов МСП — участников закупочных процедур и заказчиков, а постоянное изменение нормативной базы, как справедливо отмечают некоторые ученые [1, с. 20], а лишь усложняет процесс контрактации между участниками рынка. Это находит свое подтверждение в процессе практического применения норм ПП РФ 1352.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. 1, ст. 3105.

² См.: Постановление Правительства РФ от 4 ноября 2006 г. № 642 «О перечне товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, размещение заказов на которые осуществляется у субъектов малого предпринимательства» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 46, ст. 4793.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 51, ст. 7438.

Так, Постановлениями Правительства РФ от 20 мая 2017 г. № 608⁵ и от 15 ноября 2017 г. № 1383⁶ был значительно расширен состав заказчиков, осуществляющих поддержку субъектов МСП в соответствии с ПП РФ 1352. В частности, в состав заказчиков включены хозяйственные общества, которые указаны в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁷.

В результате может сложиться ситуация, когда, например, общество с ограниченной ответственностью, осуществляющее регулируемый вид деятельности в сфере теплоснабжения, имеющее годовую выручку в размере 500 млн 1 тыс. руб., со среднесписочной численностью в 251 человек⁸. будет обязано поддерживать субъекта среднего предпринимательства с доходом, полученным от осуществления предпринимательской деятельности, до 2 млрд. руб. включительно [2, с. 20].

Кроме того, представляется неурегулированным, в должной мере, вопрос применения заказчиками п. 8 ПП РФ 1352, согласно которому для проведения торгов, или иных способов закупок, предусмотренных положением о закупке, каждый заказчик обязан утвердить соответствующий перечень товаров, работ, услуг, которые будут закупаться только у субъектов МСП.

Формирование таких перечней, на практике, вызывает затруднения и порождает ряд проблем, поскольку у заказчиков отсутствует понимание о том, какие именно группы товаров следует включить в данный перечень и, в последующем, закупать у субъектов МСП. Представляется, что единственным определяющим критерием здесь выступает годовой объем продукции планируемый к закупке. Цель достижения — установленный годовой объем закупок у субъектов МСП.

По нашему мнению, отсутствие понимания и единого подхода к формированию такого перечня может привести к нарушению принципа эффективного использования денежных средств, установленного ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁹, что также ставит под сомнение возможность выполнения условий для своевременного и полного удовлетворения потребностей заказчиков в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

Так, например, заказчиком проводился открытый запрос цен в электронной форме на право заключения договора на поставку комплексированного устройства¹⁰, участниками при этом могли быть только субъекты МСП. В технической части документации был указан конкретный производитель оборудования с возможностью поставки эквивалента.

Однако ограничив круг лиц, участвующих в данной закупке, заказчик исключил возможность участия самого производителя (и вероятно, производителей эквивалента, поскольку изготовление предмета данной закупки предполагает наличие целого комплекса производственных мощностей, оборудования и квалифицированного персонала). Примечательно, что данная закупка была признана

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 23, ст. 3319.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 48, ст. 7214.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571.

⁸ Условие, в соответствии с которым общество с ограниченной ответственностью не является МСП.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571.

¹⁰ См.: Единая торговая электронная площадка. URL: <https://www.roseltorg.ru/past/procedure/АТОМ12081600032> (дата обращения: 16.08.2018).

несостоявшейся, ввиду того, что по результатам ее проведения не было подано ни одной заявки.

Представляется, что отсутствие информации о видах продукции, которые должны быть обозначены в перечне товаров, работ, услуг, закупаемых у субъектов МСП, делает неэффективной систему закупок. Считаем целесообразным разработать критерии, по которым соответствующие товары, работы и услуги могут включаться в такой перечень. В частности, недопустимо проводить закупочные процедуры только у субъектов МСП, если предмет закупки, в силу особого и узкого назначения, не представлен на конкурентном рынке товаров, работ, услуг. Следует также отметить, что наличие или отсутствие таких товаров на рынке, в том числе и среди субъектов МСП, можно было бы установить, проведя соответствующее исследование рынка.

Еще одной нормой, не позволяющей назвать эффективным правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений, является норма, содержащая обязанность декларирования участниками — субъектами МСП своей принадлежности к этой категории субъектов. Причем, если участниками закупки могут выступать только субъекты МСП¹¹, это является условием допуска к процедуре закупки.

Представляется, что данное условие необоснованно и установлено излишне, т.к. содержит в себе лишь формальное основание для отклонения соответствующей заявки. Предложение участника может быть наиболее выгодным с точки зрения качества и цены предлагаемых товаров, работ, услуг. При этом, сомнение в том, относится ли такой участник закупки к субъектам МСП, можно легко устранить, обратившись единому реестру субъектов МСП, ведение которого осуществляется в соответствии с ФЗ от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹². Недопуск же такой заявки не обеспечивает реализацию целей, установленных законодательством о закупках, в частности, уже упомянутых выше принципов эффективного использования денежных средств и своевременного и полного удовлетворения потребностей заказчиков в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности¹³, а также принципа обеспечения конкуренции¹⁴.

Другой нормой, заслуживающей, на наш взгляд, критической оценки и, не позволяющей определить цель ее введения вообще, является диспозитивная норма, предусматривающая право заказчика на утверждение программы партнерства с субъектами МСП.

Согласно п. 15 ПП РФ 1352, заказчик вправе утвердить документ, описывающий комплекс мероприятий, направленных на формирование реестра (перечня) субъектов МСП, поставляющих товары (выполняющих работы, оказывающих услуги) по договорам, заключенным между указанными субъектами и постав-

¹¹ См. например: пп. 8–13, 14.1, 17, а также раздел II Постановления Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 51, ст. 7438.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4006.

¹³ См. п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571.

¹⁴ См. ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

щиком (исполнителем, подрядчиком), заключившим договор с заказчиком, участниками которых может быть неограниченное количество субъектов МСП (программа партнерства), соответствующих установленным требованиям.

В рамках этой программы субъектам МСП, являющимся ее участниками, может быть предоставлена преференция в виде авансирования в размере не менее 30% от суммы договора. Однако предоставление такой преференции является правом, а не обязанностью заказчика и зависит от его воли, а значит — не предоставляет конкретных преимуществ субъектам МСП. Ученые, в этой связи, отмечают, что субъекты МСП не имеют стимулов к участию в программах партнерства [3, с. 18]. С другой стороны, возможность заказчика формировать упомянутый реестр субъектов МСП фактически по своему желанию может привести к злоупотреблению правом со стороны заказчиков, которые получают возможность ставить субъектов МСП, включенных в такой реестр, в более выгодное положение и заранее определять круг поставщиков (исполнителей, подрядчиков).

Нельзя не отметить и очевидную непривлекательность для субъектов МСП условий, созданных Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹⁵, в соответствии с которым окончательный расчет по государственному контракту неразрывно связан с исполнением контракта и направлением государственным заказчиком уполномоченному банку уведомления об исполнении контракта. Данная схема не всегда удобна для крупных исполнителей, об удобстве же ее для субъектов МСП говорить не приходится вообще. Исполнения контракта можно ждать много лет, это значительно превосходит срок жизни мелких компаний. И несмотря на то, что данная проблема была выявлена и озвучена практически одновременно с ужесточением финансовой дисциплины, в сфере государственного оборонного заказа еще в середине 2015 г., вопрос остается нерешенным по сей день.

Считаем, что данный пример, подтверждает отсутствие системного подхода и непоследовательность в определении направлений развития нормативной базы, регламентирующей отношения в сфере участия субъектов МСП в закупках товаров, работ, услуг.

Проведенный анализ ПП РФ 1352 позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на то, что расширение свободы предпринимательства было определено важнейшим экономическим и общественно значимым вопросом¹⁶, а проблемы регламентации участия в закупках товаров, работ, услуг субъектов МСП прорабатываются законодателем и органами исполнительной власти уже более десяти лет, правовое регулирование в данной сфере до сих пор не достигло должного уровня. Сложности, возникающие при практическом применении ПП РФ 1352, делают вопросы поиска вариантов стабилизации нормативной базы и ее обновления как никогда актуальными. Необходим системный подход к определению направления развития нормативной базы и детальная проработка каждого из установленных законодателем и органами исполнительной власти требований.

¹⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7600.

¹⁶ См.: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Библиографический список

1. *Беляева О.А.* Особенности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в корпоративных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 20–23.
2. *Трефилова Т.Н., Еленцова А.М.* Сравнительный анализ законодательства о закупках у субъектов малого предпринимательства // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2017. № 49. С. 15–27.
3. *Тасалов Ф.А.* Участие малого и среднего бизнеса в закупках: актуальные проблемы // Конкуренция и право. 2015. № 1. С. 28–32.

References

1. *Belyaeva O.A.* Specificity of Participation of Small and Medium-sized Businesses in Corporate Procurement // Journal of business and corporate law. 2018. № 2. P. 20–23.
2. *Trefilova T.N., Elentsova A.M.* Comparative Analysis of Procurement Legislation for Small Businesses // State Order: management, placement, provision. 2017. № 49. P. 15–27.
3. *Tasalov F.A.* Participation of Small and Medium-sized Businesses in Procurement: Relevant Problems // Competition and law. 2015. № 1. P. 28–32.

УДК 347.91

Т.М. Цепкова, О.А. Бахарева

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ СУДА ПО ДЕЛАМ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ РЕБЕНКА И ЕГО ИСПОЛНЕНИЕ

Введение: усыновление (удочерение) ребенка является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Судебное решение по делам об усыновлении ребенка должно быть законным и обоснованным, содержать четкие, грамотные, юридически правильные формулировки, поскольку от этого зависит его правильное последующее исполнение и реальная защита прав и интересов ребенка. Исполнение решений об усыновлении ребенка иногда встречает некоторые трудности, вызванные, например, нахождением ребенка у других лиц либо состоянием здоровья ребенка. **Цель:** исследование особенностей решений по делам об усыновлении ребенка и порядка его исполнения. **Методологическая основа:** совокупность методов общенаучного, частно-научного познания, в числе которых методы формально-логического, системного анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проанализированы особенности решений об усыновлении ребенка и порядка его исполнения. **Выводы:** усыновление (удочерение) ребенка является приоритетной формой устройства детей, поэтому важно не только вынести законное и обоснованное решение, но и своевременно его исполнить.

Ключевые слова: усыновление (удочерение) ребенка, решение суда, усыновители, дети, немедленное исполнение, судебный пристав-исполнитель.

T.M. Tsepkova, O.A. Bakhareva

SOME PROCEDURAL FEATURES OF THE COURT DECISION ON ADOPTION OF A CHILD AND ITS EXECUTION

Background: adoption of a child is a priority form of placement of children left without parental care. The court decision in cases of adoption of a child must be lawful and justified, contain clear, competent, legally correct wording, since it depends on its correct subsequent execution and the real protection of the rights and interests of the child. The enforcement of decisions on the adoption of a child sometimes encounters some difficulties, such as finding

© Цепкова Татьяна Митрофановна, 2019
Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

© Бахарева Ольга Александровна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.25.09@yandex.ru

© Tsepkova Tatyana Mitrofanovna, 2019
Candidate of law, Professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)
© Bakhareva Olga Aleksandrovna, 2019
Candidate of law, Associate professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

the child with other persons or the child's health. Objective: to study the features of decisions on the adoption of a child and the order of their enforcement. Methodology: a set of methods of general scientific and private-scientific knowledge, including methods of formal-logical, system analysis, synthesis and comparative legal method. Results: peculiarities of the decisions on the adoption of a child and the way of their enforcement have been analyzed in the article. Conclusions: adoption of a child is a priority form of placement of children, so it is important not only to make the legal and reasonable decision, but also to enforce it in a timely manner.

Key-words: adoption of a child, court decision, adoptive parents, children, immediate execution, bailiff.

Усыновление (удочерение) ребенка в соответствии с положениями Конвенции о правах ребенка¹ и семейным законодательством (п. 1 ст. 124 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2017 г.)² является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, основной гарантией соблюдения права каждого ребенка жить и воспитываться в семье. Только в семье могут быть созданы благоприятные условия, необходимые ребенку для полноценного и гармоничного развития личности, а в некоторых случаях и для того, чтобы защитить его от негативного влияния внешнего мира.

Ю.Ф. Беспалов, исследуя вопросы усыновления, рассматривает его в качестве одного из способов защиты прав и интересов ребенка, осуществляемый путем его передачи на воспитание в семью в результате чего «на основании решения суда в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях усыновителя по отношению к усыновленным детям и усыновленные дети по отношению к усыновителям приравниваются к родственникам по происхождению» [1, с. 39].

Судебное решение по делам об усыновлении ребенка должно быть законным и обоснованным, по содержанию быть изложенным грамотно, понятно, полно; иметь юридически правильные формулировки, не допускающие сложных выражений, суждений или оборотов, затрудняющих правильное восприятие (ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.)³. По справедливому замечанию Е.В. Буяновой, мотивировочная и резолютивная части судебного решения имеют особо важное значение [2, с. 165].

Во вводной части, кроме обязательных реквизитов, дополнительно следует указать, что проходило закрытое судебное заседание и перечислить всех присутствующих участвующих в деле лиц: усыновителей, усыновляемого ребенка в возрасте до четырнадцати лет, представителя органа опеки и попечительства, прокурора, переводчика при усыновлении ребенка иностранными гражданами.

В описательной части решения дополнительно может излагаться просьба заявителей-усыновителей (если она заявлялась) об изменении ребенку имени, отчества, фамилии, даты и места рождения, о записи их в качестве родителей усыновляемого, а также мнение ребенка о таких изменениях, если на момент

¹ См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2018. № 1, ч. 1, ст. 22.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2018. № 32, ч. II, ст. 5133.

усыновления ему исполнилось десять лет. Суд может в судебном заседании освободить по просьбе родителя, ранее уплачивавшего алименты, его от такой обязанности в соответствии с п. 2 ст. 137 СК РФ при условии прекращения взаимных личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей.

В мотивировочной части решения отмечается фактическое обоснование судебных выводов, приводятся доказательства, подтверждающие выводы суда и доводы, отвергающие доказательства, либо обстоятельства дела, судом установленные, а также факт того, будет ли усыновление в интересах ребенка или нет, указываются нормы закона, на основе которых вынесено решение. Особенность мотивировочной части решения заключается в том, что в ней указывается о соблюдении или несоблюдении условий усыновления, а также о наличии или отсутствии препятствий усыновлению, приводится характеристика усыновителя, его жилищно-бытовые условия, отмечается, сложились ли взаимоотношения между усыновителями, членами их семьи и ребенком. При усыновлении ребенка, у которого имеются отклонения в физическом и (или) умственном развитии необходимо указать, что усыновителям об этом известно, иначе в случае отмены усыновления они могут сослаться на незнание этого факта, как на основание для обращения в суд.

При усыновлении детей иностранными гражданами обязательно необходимо указать дату, когда ребенок, оставшийся без попечения родителей, был взят на учет, а также сведения о попытках устроить ребенка в семью российских граждан.

Ссылаясь в мотивировочной части на нормы российского законодательства, необходимо указать: на законодательные нормы международного права; нормы государства, гражданином которого является усыновитель; при усыновлении ребенка лицом без гражданства, законодательство государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства на момент подачи заявления об усыновлении.

Резолютивная часть решения содержит окончательные выводы, к которым пришел суд об удовлетворении просьбы заявителя-усыновителя полностью или частично, либо сведения об отказе, а также порядок и срок подачи апелляционной жалобы (представления) на решение суда, который на решение об удовлетворении заявления имеет сокращенный характер и составляет десять дней со дня принятия решения в окончательной форме (ст. 198, ч. 2.1. ст. 274 ГПК РФ). Поэтому эта часть решения имеет важное значение, поскольку от того насколько точно, правильно и понятно она сформулирована, зависит правильность последующего исполнения.

Согласно ч. 2 ст. 274 ГПК РФ, необходимо в решении, удовлетворяющем просьбу об усыновлении ребенка в резолютивной части изложить положение о том, что взаимные права и обязанности между усыновленным ребенком, его будущим потомством и усыновителем, и его родственниками складываются личные неимущественные, имущественные права и обязанности аналогичные, что и между родственниками по происхождению (п. 1 ст. 137 СК РФ), а личные имущественные и неимущественные права, обязанности между родителями и их родственниками утрачиваются (п. 2 ст. 137 СК РФ) кроме случаев, закрепленных п. 3, 4 ст. 137 СК РФ. Так, если суд рассмотрел просьбу родителя и освободил его от уплаты алиментов, то данное обстоятельство, также должно быть отражено в резолютивной части решения суда, поскольку такое решение суда после вступления в законную силу является безусловным обстоятельством к прекращению выплаты алиментов (ст. 440 ГПК РФ).

Таким образом, решение суда по делам об усыновлении ребенка имеет свои особенности, поэтому считаем необходимо дополнить ч. 2 ст. 274 ГПК РФ, закрепив в ней дополнительные требования, предъявляемые к такому решению.

На основании ст. 212 ГПК РФ, если замедление исполнения решения об усыновлении может быть не в интересах ребенка, и в последующем приведет к невозможности исполнения, например в результате срочной госпитализации для проведения курса лечения усыновленному, оперативного вмешательства или если промедление ставит под угрозу жизнь и здоровье ребенка, то по просьбе заявителя такое решение должно подлежать немедленному исполнению⁴. Решение в этом случае должно содержать достоверные и достаточные данные о наличии таких обстоятельств. Обращение же решения к немедленному исполнению, если требуется забрать ребенка в семью из дома ребенка или родильного дома не соответствует требованиям ст. 212 ГПК РФ, поскольку такие основания не могут повлечь невозможность исполнения решения суда. Чтобы избежать путаницы в понимании основания ускорения исполнения решения целесообразно дополнить ст. 211 ГПК РФ пунктом, законодательно предусматривающим немедленное исполнение решения об усыновлении если ребенку необходима срочная госпитализация для проведения курса лечения, оперативного вмешательства и промедление ставит под угрозу его жизнь и здоровье.

Для обеспечения своевременной регистрации усыновления, копия решения суда об усыновлении ребенка, в течение трех дней со дня вступления решения суда в законную силу, отправляется в орган записи актов гражданского состояния по месту вынесения решения для проведения обязательной государственной регистрации усыновления ребенка (ч. 3 ст. 274 ГПК РФ). Регистрация усыновления имеет важное значение для охраны прав и интересов усыновленного, поскольку подтверждает факт усыновления ребенка, и производится органом ЗАГСа по месту вынесения решения об усыновлении или по месту жительства усыновителей по их письменному заявлению на основании вступившего в законную силу решения суда, в соответствии с правилами, содержащимися в главе 5 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в ред. от 27 декабря 2018 г.)⁵ с соблюдением тайны усыновления. Государственная регистрация усыновления может проводиться и без заявления усыновителя (если оно не будет подано в течение месяца со дня усыновления ребенка) на основании решения суда об усыновлении ребенка.

В соответствии с решением суда об усыновлении и в результате регистрации выдается свидетельство об усыновлении. Орган ЗАГС по месту хранения книги записи акта о рождении усыновленного ребенка в соответствии с записью об усыновлении вносит изменения в эту запись или составляет новую, выдает новое свидетельство о рождении ребенка. В целях обеспечения тайны усыновления, ранее составленная запись акта о рождении и выданное ранее свидетельство о рождении аннулируются.

Во исполнение ст. 47 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» законом охраняется тайна усыновления,

⁴См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (в ред. от 17 декабря 2013 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6; 2014. № 2.

⁵См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47, ст. 5340; Российская газета. 2018. 28 дек.

поэтому без согласия усыновителей (усыновителя) работники органов ЗАГС не могут кому-либо выдавать документы или сообщать какие-либо сведения о том, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (одним из родителей) усыновленного ребенка. Все сведения, ставшие известными работнику органа ЗАГС, в связи с государственной регистрацией акта гражданского состояния, являются персональными данными, относятся к категории конфиденциальной информации, имеют ограниченный доступ и разглашению не подлежат, иначе применяются меры ответственности, предусмотренные ч. 2 ст. 139 СК РФ и ст. 155 УК РФ. Таким образом, регистрация усыновления с оформлением соответствующих документов имеет большое значение для обеспечения установленной законом тайны усыновления.

З.З. Алиева справедливо замечает, что основанием для государственной регистрации усыновления со стороны органов ЗАГС является исполнение решения суда об усыновлении [3, с. 18] и только с момента выдачи органом ЗАГС свидетельства об усыновлении, решение суда является исполненным. В результате усыновители могут забрать ребенка из детского учреждения, если он в нем находится.

Вместе с тем, при исполнении решения могут возникнуть трудности, связанные с психологическими особенностями усыновителей и усыновленного ребенка, период привыкания к новым условиям жизни в новой семье может иногда сопровождаться неадекватным поведением ребенка. Возникает необходимость обращения к помощи психолога для урегулирования возникших разногласий.

Отсутствие необходимого механизма контроля за исполнением решений об усыновлении и системы обязательного привлечения помощи психолога может повлечь за собой нарушение прав усыновителей и усыновленных детей, особенно если произошло усыновление иностранными гражданами с переездом усыновленных за пределы Российской Федерации. Поэтому контроль за судьбой усыновленных детей до их совершеннолетия должен осуществляться не только органами опеки и попечительства, но целесообразно возложить его и на судебных приставов-исполнителей с обязательным привлечением психологов. В связи с этим необходимо дополнить ч. 3 ст. 274 ГПК РФ положением о том, что контроль за воспитанием, образованием и содержанием усыновленного ребенка до его совершеннолетия нужно возложить на органы опеки и попечительства и службу судебных приставов с обязательным привлечением психологов.

Таким образом, сам факт вынесения законного и обоснованного решения суда еще не означает, что реальная защита прав ребенка достигнута, поскольку для этого еще необходимо его исполнение, что является показателем эффективности отправления правосудия.

Библиографический список

1. Беспалов Ю.Ф. Усыновление как способ судебной защиты прав ребенка // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 39–41.
2. Буянова Е.В. Процессуальные особенности рассмотрения дел об усыновлении (удочерении) детей и отмене усыновления (удочерения) детей. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. 369 с.
3. Алиева З.З. Процессуальные особенности рассмотрения дел об усыновлении детей российскими гражданами (по материалам правоприменительной практики Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.

References

1. *Bespalov Yu.F.* Adoption as a Way of Judicial Protection of the Rights of a Child // Russian justice. 1997. No. 7. P. 39–41.
2. *Buyanova V.E.* Procedural Peculiarities of Trying Cases on Adoption of Children and the Abolition of Adoption of Children. Orenburg: OOO IPK “Universitet”, 2014. 369 p.
3. *Aliyeva Z.Z.* Procedural Features of Trying Cases on Adoption of Children by Russian Citizens (based on the law enforcement practice of the Republic of Dagestan): extended abstract of dis. ...of cand. of law. M., 2007. 23 p.

УДК 347.453.6

С.А. Филиппов, П.О. Переярина

КАРШЕРИНГ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: статья посвящена анализу услуг по кратковременной аренде автомобиля — каршерингу. Сервис каршеринга стал набирать популярность в России лишь с 2015 г. в крупных и в курортных городах. **Цель:** проанализировать и определить юридическую природу договора каршеринга. **Методологическая основа:** общенаучные методы, анализ нового вида договора. **Результаты:** рассмотрены плюсы данного договора: выгодность каршеринга по сравнению со стоимостью аналогичных услуг такси в крупных российских городах России, доступ к новому виду городской мобильности, рациональная и более интенсивная эксплуатация автомобиля, уменьшение загруженности дорог, сокращение количества вредных выбросов и т.д. **Вывод:** договор каршеринга необходимо относить к смешанным договорам.

Ключевые слова: договор, каршеринг, аренда, прокат, транспортные услуги, сервис.

S.A. Philippov, P.O. Pereyarina

CAR SHARING, AS A NEW PHENOMENON IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the article deals with the analysis of short-term car rental services. Car sharing service began to gain popularity in Russia only in 2015 in large cities and resorts. **Objective:** to analyze and determine the legal nature of the car sharing contract. **Methodology:** general scientific methods, analysis of a new type of contract. **Results:** the advantages of such contracts have been considered: the profitability of car sharing in comparison with the cost of similar taxi services in large Russian cities, access to the new type of urban mo-

© Филиппов Сергей Александрович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: s.filipov85@icloud.com

© Переярина Полина Олеговна, 2019

Студентка института правоохранительной деятельности (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: miss.pereyarina@yandex.ru

© Philippov Sergey Alexandrovich, 2019

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Civil law department (Saratov State Law Academy), 2019

© Pereyarina Polina Olegovna, a student of the Law Enforcement Institute (Saratov State Law Academy)

bility, rational and more intensive operation of the car, reducing road congestion, reducing the amount of harmful emissions, etc. Conclusion: it is necessary to refer the contract of car sharing to the mixed contracts.

Key-words: *contract, car sharing, rent, rental, transport services, service.*

В век прогрессивных технологий появляются не только новые виды техники, происходит открытия в различных научных сферах, но и расширяется сектор потребительских услуг, однако законодательство не всегда успевае за происходящими изменениями.

Широко распространенные в повседневности гражданско-правовые договоры обретаю новые разновидности. Так, одним из ранее неизвестных российскому обществу видов аренды (чего нельзя сказать об Европе и США) является каршеринг.

Каршеринг (carsharing — от англ. «машина» и «делиться») — это новая услуга для российских городов, представляющая собой кратковременную аренду автомобиля, оплачиваемую поминутно (возможны и другие тарифы). Сервис каршеринга стал набирать популярность в России лишь с 2015 г., на сегодняшний день взять в аренду автомобиль по договору кратковременной аренды можно не только в столице, где впервые начало развиваться это направление, но и в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Краснодаре, Уфе, Самаре, Нижнем Новгороде, Грозном, Сочи, Новосибирске и некоторых других городах, преимущественно курортных¹.

Нужно отметить, что на рынке представлено три направления аренды: каршеринг (поминутная аренда машин), карпулинг (попутчики на небольшие расстояния по постоянному маршруту, например путь на работу) и райдшеринг (система попутчиков между населенными пунктами).

При нарастании всеобщей мобильности, расширении самостоятельных путешествий и упрощении пользования электронными устройствами люди активнее пользуются разными вариантами аренды автомобилей. Это ведет к появлению новых форм организации компаний по транспортному обеспечению и прокату машин — заключает И.С. Зырянова [1, с. 156–165].

Транспортные услуги в условиях экономики совместного потребления являются предметом изучения как экономистов, так и юристов. К примеру, проблемами каршеринга в РФ занимались В.Н. Трегубов, И.Д. Котляров, также все чаще, на страницах юридической литературы появляются исследования, посвященные каршерингу среди молодых ученых [2, с. 446–456; 3, с. 78–85].

Актуальность исследуемой темы обусловлена трудностями в понимании сущности и правовой природы данного договора, т.к. на федеральном уровне нормативное регулирование такого вида договора отсутствует. На практике же возникает множество проблем с тем, как защитить себя потребителю такой услуги — ведь договор, заключаемый каршеринговыми компаниями с физическими лицами, содержит много «опасных» пунктов для юридически неграмотного пользователя.

А.В. Мыреев определяет каршеринг как альтернативу передвижению на личном автомобиле в крупных городах, т.е. систему краткосрочной аренды

¹См.: В каких городах есть каршеринг в России? // PRO-CARSHARING.RU. URL: <https://pro-carsharing.ru/articles/v-kakikh-gorodakh-est-karshering-v-rossii/> (дата обращения: 19.11.2018).

автомобиля с поминутной оплатой. Основная идея каршеринга состоит в том, что клиент платит только за время пользования автомобилем. При этом транспортные средства дожидаются клиентов в разных точках города на обычных парковках, а не в специальных пунктах аренды, поэтому взять автомобиль, как и оставить, можно там, где удобно и в любое время суток [4, с. 158–162].

Действительно, при данном виде правоотношений машину не нужно забирать в организации, занимающейся прокатом, и возвращать туда же, так как пользователи сервиса берут для своих поездок по городу любой свободный автомобиль компании-оператора, припаркованный на улице. Специально разработанное мобильное приложение показывает точки в городе, где находится ближайший автомобиль. По окончании пользования транспортным средством клиент оставляет его в удобном для него месте, разрешенном для бесплатной парковки, и оплачивает лишь время поездки и ожидания. Техническое обслуживание, ремонт, страхование, налоги, расходы на топливо ложатся на арендодателя.

Привлекательность такого предложения заключается в том, что в крупных городах гораздо выгоднее взять машину в аренду на несколько часов, нежели пользоваться услугами такси. Однако, проанализировав содержание договоров нескольких наиболее известных компаний в этой сфере (Делимобиль, Belka Car, You Drive), можно обнаружить много юридических коллизий, которые не согласуются с общими положениями об аренде, а также нормами о прокате — ведь именно с ним на первый взгляд больше всего схож каршеринг.

Основным видом деятельности организаций, оказывающих услуги каршеринга (ООО «Каршеринг Россия, АО «Каршеринг», ООО «Яндекс.Драйв», ООО «НТС»), по ОКВЭД является аренда и лизинг легковых автомобилей и легких автотранспортных средств.

Согласно п. 2.1 договору ООО «Каршеринг Россия» (Делимобиль) под предметом договора понимается следующее: Арендодатель обязуется в порядке, определенном Договором, предоставлять Клиенту ТС по его запросу во временное (до 24 часов) владение и пользование (аренда) ТС без оказания услуг по управлению ТС, оказывать услуги по бронированию ТС, а Клиент обязуется пользоваться ТС в соответствии с требованиями (условиями) настоящего Договора и приложений к нему, своевременно оплачивать арендную плату, плату за бронирование, надлежащим образом исполнять иные условия Договора².

Определяя правовую природу данного договора, необходимо обратиться к его преамбуле, где указано, что он не является договором проката и публичной офертой. На основании ст. 428 ГК РФ он является договором присоединения.

Особенностью данного договора является то, что автомобили сдаются в аренду для потребительских целей, как при прокате, однако отсутствие такого признака, как «публичность» исключает определение каршеринга по ст. 626 ГК РФ (договор проката). Но, нужно заметить, что далеко не у всех компаний в договоре определено, что они не являются публичными, так, в договоре АО «Каршеринг» содержится лишь указание на ст. 421 ГК РФ (свобода договора) и ст. 428 ГК РФ (договор присоединения)³.

² См.: Договор Делимобиль (утвержден приказом № ДД-13 от 29 октября 2018 г.). URL: <https://delimobil.ru/docs/dogovordelimobil.pdf> (дата обращения: 05.09.2018).

³ См.: Договор присоединения (утвержден Приказом Генерального директора АО «Каршеринг» № 20180703-02 от 3 июля 2018 г.). URL: <https://belkacar.ru/legal/contract.pdf> (дата обращения: 05.09.2018).

Немало споров на практике возникает из-за отказов каршеринговых компаний в заключении договора с потенциальным клиентом. Например, в Лефортовском районном суде рассматривается дело по иску «каршероведа» Ильяса Равильевича Сетдинова к операторам «каршеринга». Он утверждает, что ограничения по стажу вождения (у разных компаний от 1,5 до 3 лет), необходимого для пользования услугой, незаконны и противоречат самой идее каршеринга — заменить личный транспорт коллективным. По его мнению, ограничения по возрасту могут соответствовать только тем, которые действуют при получении водительского удостоверения. Исходя из этих логичных аргументов с Ильясом заключили договор TimCar, CAR5 и Carlion. У Lifcar и CAR4YOU, где ограничения по стажу изначально нет⁴.

Аргументами в пользу своей точки зрения истец считает отнесение данного договора к договору проката, т.к. в аренду сдается именно движимое имущество, а из части 3 статьи 626 ГК РФ следует, что договор является публичным, т.е. в соответствии с ч. 1 ст. 426 ГК РФ каршеринговые компании не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора.

Соответственно все операторы каршеринга, оказывающие предпочтение одним водителям перед другими, нарушают условия, прописанные в ГК РФ для оказания этих услуг. А занимаются они именно сдачей в аренду автомобилей, исходя из данных, указанных при регистрации юридического лица (код ОКВЭД 77.11)

Иногда операторы каршеринга ссылаются на п. 1 §3, гл. 34, ч. 2 ГК РФ «Аренда транспортного средства без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации», но этот пункт не содержит в себе информации, исключающей действие предыдущих статей. К тому же аренда транспортного средства продолжает оставаться сдачей в аренду движимого имущества. Все условия, противоречащие законодательству, в договоре недействительны согласно ст. 16 Закона «О защите прав потребителей».

Юристы каршеринговых компаний, однако, считают иначе. Так, в ответе на претензию Ильяса Сетдинова к ООО «Каршеринг Россия» с требованием заключить публичный договор проката сказано: «Договор Делимобиль не является договором проката. Договор Делимобиль является смешанным договором, который включает в себя составляющие договора оказания услуг и договора аренды транспортного средства без экипажа. Договор не является публичной офертой и не относится к категории публичных договоров. Указанная выше позиция была неоднократно подтверждена судебными постановлениями по делам, в т.ч. с участием «Каршеринг Россия». Нарушение прав и законных интересов потребителей отсутствуют».

Договоры организаций не обладают важными признаками договора аренды транспортного средства без экипажа на основании того, что в них (за исключением договоров ООО «ЭНИТАЙМ» и ООО «НТС») не соблюдается императивная норма ст. 642 ГК РФ, в которой указано, что аренда осуществляется только без технической эксплуатации транспортного средства. Обязанность арендатора осуществлять текущий и капитальный ремонт (императивная норма ст. 644 ГК РФ) отсутствует в договорах всех Организаций, к тому же противоречит самой

⁴См.: Шеринг-экономика только для опытных. Как я подал в суд на каршеринг // Трушеринг. URL: <https://truesharing.ru/b/10970/> (дата обращения: 06.09.2018).

сути их деятельности — краткосрочной аренде движимого имущества. Кроме этого, договор аренды транспортного средства является реальным договором, т.к. согласно ст. 642 ГК РФ арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство в момент заключения договора, но все Организации не предоставляют арендатору движимое имущество, а только принимают на себя обязательство его предоставить. Таким образом, выборочное использование некоторых признаков договора аренды транспортного средства без экипажа в договорах Организаций можно признать злоупотреблением правом свободы договора с целью получения права не выполнять требования ст. 426, 626 и 628 ГК РФ⁵.

Интересным представляется ответ на претензию АО «Каршеринг» (сервис Belka Car), который построен на утверждении о том, что договор присоединения может быть заключен только путем присоединения к этому договору в целом, что не вызывает сомнений. Но далее следует уточнение: «...Ваша ссылка на то, что договор, заключаемый между компанией АО «Каршеринг» и Пользователем, является договором аренды, является ошибочным». Причем по коду ОКВЭД данная организация занимается как раз арендой легковых автомобилей.

По жалобам Ильаса Сетдинова имеется предписание прокуратуры от 8 августа 2018 г., в которой указано: «По результатам проведенных межрайонными прокуратурами совместно со специалистами Роспотребнадзора проверок выявлены нарушения потребительских прав клиентов операторов каршеринга. В отношении виновных лиц возбуждено 5 дел об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ (включение в договор условий, ущемляющих права потребителя, установленные законодательством о защите прав потребителей)»⁶.

Изучив несколько договоров каршеринга, представляется логичным выделить сильные и слабые стороны такой услуги.

Возможность лично и без посторонних людей ездить за рулем разных автомобилей (не только бюджетной и средней ценовой категории — Kia Rio, Hyundai Solaris, Renault Kaptur, но и премиальных — Mercedes CLA), арендовать машину на короткий срок (несколько минут, полчаса, час и т.д.); выгодность каршеринга по сравнению со стоимостью аналогичных услуг такси в крупных российских городах; отсутствие необходимости платить за техническое обслуживание автомобиля, мойку, ремонт и т.д., как в случае владения личным автомобилем — пожалуй, это основные достоинства активно развивающегося бизнеса для пользователей услуги⁷.

Р.И. Кориненко выделяет такие плюсы как: доступ к новому виду городской мобильности; рациональная и более интенсивная эксплуатация автомобиля; уменьшение загруженности дорог; сокращение количества вредных выбросов. В перспективе ожидается, что автопарки постепенно будут заменять автомобили на электрокары, что существенно повлияет на экологическую обстановку в городе [5, с. 113–117].

Но, в данной сфере существует и ряд недостатков. Проблемой является отсутствие необходимой документации для осуществления деятельности компаний.

⁵ См.: Ильяс Сетдинов // Каршеринг — это прокат. URL: <https://vc.ru/legal/46486-karshering-eto-prokat> (дата обращения: 12.09.2018).

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: «Опасный каршеринг». Что нужно знать, арендуя авто на короткий срок? URL: <http://www.kadrof.ru/articles/28371> (дата обращения: 11.09.2018).

Действительно, погоня за выгодой со стороны владельцев каршеринговых компаний иной раз негативно отражается для пользователя сервисом.

Так, А.А.Уварова и Л.А. Биткова справедливо выделяют следующие проблемы каршеринга как потребительского сервиса: непрозрачность условий использования; вероятность получить поврежденный автомобиль; отсутствие государственного регулирования [6, с. 390–398].

Еще одной проблемой каршерингового сервиса является отсутствие единых реестров, в которых смогли бы сосредоточиться все компании — представители услуг и их абоненты. Данная централизация упростит регистрацию водителей, поскольку придется регистрироваться всего лишь раз, а не в каждой компании по отдельности и в ряде случаев будет возможность выбрать автомобиль, который находится намного ближе [5, с. 113–117].

Кроме того, наиболее серьезным недостатком являются чрезмерно завышенные штрафы за различные нарушения, о которых пользователь (не дочитавший договор до раздела про ответственность) не подозревает.

Перечень нарушений и штрафов зависит от компании например, в Приложении № 3 к договору Делимобиль оставление транспортного средства на газоне влечет за собой наложение штрафа в размере 100 тыс. руб. за каждый выявленный эпизод, передача машины лицу, находящему в состоянии опьянения, либо лицу, не имеющему права на управление транспортным средством — 200 тыс. руб., самовольное отключение или повреждение в ТС трекера — 150 тыс. руб.⁸ Размеры штрафов в других компаниях не сильно отличаются. Представляется, что во многих случаях со стороны компаний происходит злоупотребление правом, запрещенное ч. 1 ст. 10 ГК РФ, т.к. штрафы никак нельзя соотносить с вредом, причиненным Пользователем, а также административными штрафами за аналогичные правонарушения.

В случае ДТП Клиент обязан оплатить каршеринговой компании не только ремонт автомобиля, но и штраф, судебные издержки (в случае, если взыскание штрафа будет происходить через суд), упущенную выгоду, ведь во время ремонта автомобиля он не мог сдаваться в аренду и компания понесла убытки.

Также если у Клиента перестанет работать телефон или интернет на нем в процессе поездки, он не сможет через мобильное приложение завершить аренду со всеми вытекающими последствиями в виде переплат и штрафов. Недостатки этим не ограничиваются, при детальном изучении договора — желание заключать его пропадает, но большинство людей не обладают юридическими знаниями и терпением, чтобы не только прочитать, но и понять текст на нескольких десятках страниц со специфичной терминологией и компании обращают это в свою пользу.

Существование каршеринга объективно вписывается в динамично развивающуюся жизнь людей, но наряду с возможностями, которые он предоставляет, необходимо внимательнее относиться к недостаткам и соблюдать все условия договора, чтобы не допустить наступления ответственности.

Следует признать вопрос спорным об отнесении каршеринга к какому-либо конкретному виду договора, поэтому на основании ч. 3 ст. 421 ГК РФ, верным будет его считать смешанным.

⁸ См.: Договор Делимобиль (утверждена приказом № ДД-13 от 29 октября 2018 г. URL: <https://delimobil.ru/docs/dogovordelimobil.pdf>. Исследование основных параметров, влияющих на развитие каршерингового сервиса в Санкт-Петербурге: сборник докладов: в 3 ч. 2018. С. 113–117.

Все анализируемые договоры относятся к договорам присоединения, поэтому необходимо учитывать, что согласно ч. 2 ст. 428 ГК РФ присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но содержит явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. Это выступает гарантией защиты слабой стороны в договоре — клиента от злоупотреблений со стороны юридического лица, оказывающего услуги кратковременной аренды.

Библиографический список

1. *Зырянова И.С.* Аренда автомобилей как отрасль сервиса: географические и организационные аспекты // Региональные исследования. 2018. № 1 (59). С. 156–165.
2. *Трегубов В.Н.* Интеллектуальные системы поддержки совместного использования автомобилей в городе // Организация и безопасность дорожного движения: материалы X Международной научно-практической конференции: в 2 т. Тюмень: ТИУ, 2017. Т. 1. С. 446–450
3. *Котляров И.Д.* Организация автотранспортного обслуживания на основе коммерческого каршеринга // Мир транспорта. 2016. Т. 14. № 6 (67). С. 78–85.
4. *Мыреев А.В., Хайров Н.М., Абалакин А.А.* Каршеринг в РФ: обзор и исследование нового рынка: сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы, перспективы и направления инновационного развития науки»: в 2 ч. Уфа: Аэтерна, 2016. Ч. 1. С. 158–162.
5. *Кориненко Р.И.* Исследование основных параметров, влияющих на развитие каршерингового сервиса в Санкт-Петербурге: сборник докладов: в 3 ч. 2018. С. 113–117.
6. *Уварова А.А., Биткова Л.А.* Проблема института каршеринга в России // Следующее поколение. 2016. С. 390–398.

References

1. *Zyryanova I.S.* Car Rental as a Branch of Service: Geographical and Organizational Aspects // Regional studies. 2018. № 1 (59). P. 156–165.
2. *Tregubov V.N.* Intelligent Systems to Support the Joint Use of Cars in the City// Organization and road safety: materials of the X International scientific and practical conference: 2 t. Tyumen: TIU, 2017. Vol.1. P. 446–450.
3. *Kotlyarov I.D.* Organization of Road Transport Services on the Basis of Commercial Car-sharing // World of transport. 2016. Vol. 14. № 6 (67). P. 78–85.
4. *Myreev A.V., Khairov N.M., Abalakin A.A.* Car-sharing in Russia: Overview and New Market Research: collection of articles of International scientific-practical conference “Problems, prospects and directions of innovative development of science”: in 2 parts, Ufa: Aeterna, 2016. Part 1. P. 158–162.
5. *Korinenko R.I.* Study of the Main Parameters Affecting the Development of Car-share Service in St. Petersburg: collection of reports: 3 hours 2018. P. 113–117.
6. *Uvarova A.A., Bitkova L.A.* Problem of the Institute of Car Sharing in Russia // Next generation. 2016. P. 390–398.

УДК 347.23

З.М. Суюнова

КОНЦЕПЦИЯ ДОПУСТИМОСТИ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ДОЗВОЛЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННИКА

Введение: статья посвящена проблеме ограничения прав и свобод, основополагающего экономического права человека — права собственности. Принцип соблюдения баланса частно-публичных интересов привел к необходимости создать систему международных стандартов для определения критериев дозволенного вмешательства государства в сфере реализации собственниками своих прав. Широкое толкование общественных интересов на национальных уровнях может привести к повсеместному ущемлению основных экономических прав физических и юридических лиц и к созданию предпосылок для национализации имущества. Отдельное внимание в статье уделено стандартам защиты нарушенного вещного права на международном уровне.

Цель: изучение на базе национального права, международных соглашений, доктрины и практики международных судебных органов теоретических и практических проблем определения критериев дозволенного вмешательства в осуществление прав собственника. **Методологическая основа:** ведущим является сравнительно-правовой метод, позволяющий комплексно рассмотреть определения критериев дозволенного вмешательства в осуществление прав собственника в различных странах и выявить наиболее общие закономерности. Наряду со сравнительно-правовым методом достижение поставленных задач возможно на основе применения методов объективности, от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, эмпирических методов сравнения, описания, интерпретации, теоретических методов формальной и диалектической логики. **Результаты:** сделано заключение о необходимости найти справедливый баланс между интересами общества в целом и правами собственности в частности. **Вывод:** необходимо дальнейшее исследование теоретических вопросов о концепции допустимости и проблемы определения критериев дозволенного вмешательства в осуществление прав собственника, а также о необходимости совершенствования законодательства РФ об основаниях принудительного изъятия, в частности национализации.

Ключевые слова: право собственности, критерий допустимого вмешательства, национализация, общественные интересы, доступность и предсказуемость закона, пределы усмотрения государства.

Z.M. Suyunova

THE CONCEPT OF ADMISSIBILITY AND THE PROBLEM
OF DETERMINING THE CRITERIA OF PERMISSIBLE
INTERFERENCE IN EXERCISING AN OWNER'S RIGHTS

Background: the article deals with the problem of rights' and freedoms' restriction of the fundamental economic human right — the right of property. The principle of the balance of private and public interests has raised the need to create a system of international standards for determining the criteria for permissible intervention of the state in the implementation of the rights by their owners. Broad interpretation of the public interest at the national level can lead to widespread infringement of the individuals and legal entities basic economic rights and to the creation of preconditions for the nationalization of property. Special attention is paid to the standards of protection of the violated property rights at the international level. **Objective:** to study, on the basis of the national law, international agreements, doctrine and practice of international judicial bodies of theoretical and practical problems of determining the criteria for permissible interference in exercising of property rights. **Methodology:** comparative legal method allowing to consider the criteria definitions of the permitted interference in exercising the owner' rights in different countries and to identify the most common patterns their development has been used in the research. Along with the comparative legal method, the achievement of tasks is possible by means of applying methods of objectivity, from the abstract to the concrete and from the concrete to the abstract, empirical methods of comparison, description, method of interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic ones. **Results:** the author of the article has come to the conclusion that it is necessary to find the fair balance between the interests of the society as a whole and owners' property rights. **Conclusion:** it is necessary to keep the further research of the theoretical issues of the concept of admissibility and the problem of determining the criteria for permissible interference in exercising the rights of the owner, as well as the need to improve the legislation of the Russian Federation concerning the grounds of the enforced seizure, in particular nationalization.

Key-words: property right, criterion of permissible interference, nationalization, public interests, accessibility and predictability of the law, limits of state discretion.

Проблема ограничений прав и свобод индивида является одной из ключевых тем международно-правовых исследований в области прав человека. На данном аспекте фокусируются ключевые проблемы взаимодействия международных правовых стандартов защиты прав индивида и национальных правовых систем.

В современных исследованиях достаточно часто отмечается необходимость построения определенной иерархии прав человека. Чаще всего такую иерархию связывают с генетическим критерием, разделяя права человека на «поколения» в зависимости от контекста их закрепления на международном уровне. Иногда акцент делается на различиях в уровнях защиты соответствующих прав. Например, М. Делмас-Марти согласно этому критерию выделяет четыре типа прав человека: права, защита которых является абсолютной; права с квазиабсолютной защитой; права с относительной защитой; права с относительной защитой в рамках ограничений, установленных Европейской конвенцией [1, р. 154–159]. Принадлежность права на уважение собственности к четвертому уровню защиты повышает значимость определения общих принципов допустимости ограничений этого права, в связи с чем Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ,

Суд) как орган, осуществляющий в своей деятельности в том числе и толкование практики применения Европейской конвенции, реализовал принципиально новый подход, определивший более общие принципы общеевропейского «публичного порядка».

В классических цивилистических концепциях XIX – начала XX в. существовало два подхода относительно границ и сущности права собственности. С одной стороны, обосновывался тезис о том, что собственность по своей природе является «неограниченным правом», а ее ограничения возможны только как временные ограничения правами третьих лиц на те же объекты собственности. С другой стороны, немецкие цивилисты XIX в. указывали на фактическую невозможность существования ничем не ограниченного права собственности. Именно этот подход был положен в основу гражданского законодательства, которое формировалось в период укрепления основ «классического» буржуазного общества. Однако ограничения права собственности выводились исключительно из позитивного права, поскольку признавались лишь ограничения, прямо предусмотренные законом.

Уже в начале XX в. такой подход претерпел существенную трансформацию в связи с обоснованием положения о социальной функции собственности. Немецкими цивилистами (Н. Гартманом, Г. Дернбургом и др.) была предложена концепция, в современном обществе собственность имеет определенные «общественные функции», не сводящиеся только к удовлетворению потребностей собственников и других лиц, непосредственно пользующихся собственностью, а свидетельствующие о существовании «общего интереса» в надлежащем использовании собственности. Проявлением такого подхода к роли собственности стало реформирование некоторых принципов гражданского законодательства, включая положение о «собственности, которая обязывает» и др. Дополнительным аргументом стала концепция «социального государства», которая в качестве одного из базовых принципов признает принцип общественного интереса, в конечном итоге им должен руководствоваться и собственник.

Именно этот подход был использован в формировании международно-правового стандарта защиты права на свободное владение имуществом (собственностью). Защита этого права как фундаментального права человека признается объектом международно-правовой защиты как универсальными, так и региональными договорами о правах человека. Наиболее целостным и последовательным считается подход, который применен в Европейской конвенции.

Так, согласно ст. 1 Протокола № 1 не только провозглашается право человека на свободное владение своим имуществом (дословно в официальном русскоязычном переводе — право на уважение своей собственности), но и устанавливается общее правило о вмешательстве государства в полномочия собственника: изъятие имущества или ограничение пользования собственностью возможны только «в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Практика ЕСПЧ в части толкования этого принципа формировалась постепенно, поскольку эта проблематика в значительной степени определялась общим контекстом ситуации в политико-правовом и социально-экономическом развитии европейских стран.

В основе подхода ЕСПЧ лежит принцип subsidiarity его оценки ситуации в стране, поскольку национальные органы (как законодательные, так и судебные) наделены достаточно широкими полномочиями для оценки того, насколько

оправданным является вмешательство государства в полномочия владельца/собственника имущества. Однако это не является препятствием для определения судом адекватности оценки национальными органами наличия оснований для такого вмешательства, поскольку такая оценка должна быть «рациональной».

Например, в решении по делу «Ятридис против Греции» от 25 марта 1999 г.¹ Суд подчеркнул важность оценки законности вмешательства и отметил, что этот вопрос должен быть поставлен в качестве первоочередного, так как при отсутствии законных оснований для такого вмешательства последнее не может быть признано отвечающим требованиям ст. 1 Протокола № 1. Вместе с тем в приведенном перечне стадий оценки это требование стоит последним, поскольку предполагается, что в большинстве дел, прежде всего, выясняется вопрос о том, преследовали ли ограничения легитимную цель и были ли они пропорциональными. При этом под «законом» Конвенция понимает нормативный акт, который должен быть «доступным» (accessible) и «предсказуемым» (foreseeable). Закон также должен соответствовать всем требованиям нормативного акта. «Доступность закона» означает наличие доступа и сведений относительно положений этого закона в обществе и у отдельных лиц. «Предсказуемость» означает возможность предусмотреть определенные действия или последствия, которые могут возникнуть в связи с применением закона.

В целом Суд не дает исчерпывающего определения «интересов общества», формулируя лишь общий подход, который применяется динамично ситуативно при рассмотрении отдельных дел. Отметим некоторые базовые положения такого подхода.

Прежде всего, значимым представляется то, что Суд различает «интересы общества» и интересы государства, указывая на возможность их различий и даже конфликта. Следует руководствоваться именно интересами общества, однако такие интересы требуют рационального обоснования и не могут сводиться, в частности, к «мнению большинства». Государство может принимать «непопулярные» решения, однако они должны быть достаточно обоснованными и адекватно отражать реальные потребности общественного развития (т.е. соответствовать критерию пропорциональности — быть должным средством решения определенной проблемы).

Достаточно показательным в указанном аспекте представляется решение по делу «Джеймс против Соединенного Королевства»², где заявители (собственники недвижимости) жаловались на отсутствие «интересов общества» при изъятии их имущества в пользу арендаторов. Суд не согласился с таким подходом и указал, что принудительный переход права собственности от одного лица к другому может осуществляться с легитимной целью в общественных интересах. Переход права собственности в соответствии с политикой, направленной на укрепление социальной справедливости в обществе, является правомерным и отвечающим общественным интересам.

При этом Суд отметил, что такое толкование может не соответствовать предписаниям национального законодательства. Этот вывод является важным как признание необходимости учитывать не только критерий «легальности» (определенности законом), но и «правомерности» (соответствия принципу справедливо-

¹ Iatridis v. Greece (Case № 31107/96, п. 58, ECHR 1999 II).

² James, Wells and Lee v the United Kingdom (Apps no 25119/09, 57715/09 and 57877/09) ECHR 18 September 2012.

сти и другим базовым принципам права). Такой подход, прежде всего, предполагает анализ правовой ситуации, учитывая содержание интересов общества.

Исходя из соответствия целей и результатов применения правовых мер, должен быть обеспечен справедливый баланс публичных и частных интересов. Это требование дает общий контур границ вмешательства в частные отношения, что отражает определенные взаимосвязи государства и гражданского общества. Государство может в публичных интересах ограничивать право на свободное владение имуществом и свободную реализацию прав собственника, но при этом интересы общества не должны нивелировать интересы частных лиц и/или накладывать на них чрезмерные обременения в результате вмешательства в полномочия владельца.

Вторым важным аспектом применения законодательства о защите права на свободное владение собственностью (уважение собственности) являются границы допустимого (разумного) вмешательства государства во внутренние дела собственника. Если обратиться к российскому законодательству, то право собственности определяется через классическую формулу: собственник может владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в пределах, предусмотренных законом. В целом это соответствует принципам Европейской конвенции, которая признает наличие у государства достаточно «широких пределов усмотрения (самостоятельной оценки)» в реализации своих социально-экономических решений, в результате которых происходит ограничение права на собственность [2]. Это лишает ЕСПЧ возможности оценивать правомерность таких ограничений, что было отмечено в решении дела «Джеймс против Великобритании»: «хотя Суд не может подменить собственной оценкой оценку, данную национальными органами власти, он призван рассмотреть оспариваемое мероприятие в соответствии со ст. 1 Протокола № 1 и таким образом разобраться в фактах, исходя из которых действовали национальные органы власти».

Принцип «пределов усмотрения государства» имеет общее значение для Европейской конвенции в целом, а не только для защиты права собственности. Его формулировка относится к важным предпосылкам эффективного применения Европейской конвенции. Требование о том, что любое изъятие или лишение имущества/собственности должно осуществляться в интересах общества, напрямую содержится в ст. 1 Протокола № 1. Следовательно, любая форма вмешательства в право на свободное владение имуществом/собственностью (независимо от того, какая норма распространяется на объект имущества) должна соответствовать требованиям о наличии законной цели — интересов общества.

Для того, чтобы вмешательство в право на свободное владение имуществом/собственностью считалось допустимым, оно должно служить не только законной цели в интересах общества, но и осуществляться в пределах разумной соразмерности между используемыми инструментами и той целью, на которую направлено любое мероприятие, лишаящее лицо собственности. Разумный справедливый баланс между интересами общества и требованиями соблюдения основных прав человека должен наличествовать в обязательном порядке (см. решение по делу «Агоси против Соединенного Королевства»³).

Иными словами, меры по ограничению права собственности должны быть пропорциональными цели их применения. Чаще всего вмешательство в право

³ Agosi V the United Kingdom: ECHR 24 OCT 1986 (9118/80, (1986) 9 EHRR 1, Series A no. 108.

собственности со стороны государства происходит путем принятия законодательных актов или в случае вынесения незаконного решения суда, тогда как ст. 1 Протокола № 1 запрещает любое неоправданное вмешательство государственных органов во внутренние дела собственника.

Рассматривая вопросы защиты права на свободное владение собственностью, необходимо упомянуть и позицию ЕСПЧ, согласно которой «лишение имущества по второй норме может быть оправданным, только если доказано, помимо прочего, наличие «интересов общества» и «условий, предусмотренных законом». Более того, любое вмешательство во владение имуществом должно соответствовать принципу пропорциональности. Как Суд неоднократно отмечал, должен быть установлен справедливый баланс между интересами общества в целом и требованием защиты основных прав индивида.

В законодательных актах Российской Федерации традиционно закреплялись многочисленные случаи изъятия имущества у собственников. Так, согласно п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) действует следующая норма: «Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производятся:

- 1) обращение взыскания на имущество по обязательствам (ст. 237);
- 2) отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу (ст. 238);
- 3) отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка ввиду его ненадлежащего использования (ст. 239);
 - 3.1) отчуждение объекта незавершенного строительства в связи с прекращением действия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности (статья 239.1);
 - 3.2) отчуждение недвижимого имущества в связи с принудительным отчуждением земельного участка для государственных или муниципальных нужд (изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ст. 239.2);
- 4) выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей, домашних животных (ст. 240 и 241);
- 5) реквизиция (ст. 242);
- 6) конфискация (ст. 243);
- 7) отчуждение имущества в случаях, предусмотренных ст. 239.2, п. 4 ст. 252, п. 2 ст. 272, ст. 282, 285, 293, п. 4 и 5 ст. 1252 настоящего Кодекса;
- 8) обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы;
- 9) обращение по решению суда в доход Российской Федерации денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, в отношении которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии терроризму лицом не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения».

И если большинство вариантов принудительного изъятия имущества у собственника достаточно детализированы и подкреплены правоприменительной практикой, то в плане обеспечения гарантий права собственности проблемным вопросом является национализация имущества. В России до сих пор отсутствует

законодательный акт, которым бы устанавливались правовые основы (основания, условия, порядок и правовые последствия) национализации имущества. Стоит напомнить, что возможность национализации имущества, исходя из принципов международного публичного права, признается одним из элементов суверенитета государства, а, следовательно, не отрицается как возможное основание прекращения права собственности физических и юридических лиц.

Однако, поскольку по общему правилу национализация осуществляется в интересах общественного (публичного) порядка и на возмездной основе, то отсутствие в России законодательства о национализации следует оценивать скорее негативно, поскольку государство фактически не сдерживается нормативными предписаниями относительно процедуры принятия решения о национализации и порядка реализации этого решения. И, что более существенно, не закреплены права и соответствующие гарантии для собственника, чье имущество подлежит национализации. В этой связи ситуация не может характеризоваться иначе как состояние правовой неопределенности.

Библиографический список

1. *Delams-Marty M.* Droits de l homme et conditions de validite dun droit de l experimentation humaine in *Experimentation biomedicale et Droits de l Homme*. Paris: PUF, 1988. P. 154–159.
2. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М.: Норма, 2001. Т. 2. 657 с.

References

1. *Delims-Marty M.* Droits de l homme et conditions de validite du droit de l experimentation humaine in *Experimentation biomedicale et Droits de l Homme*. Paris: PUF, 1988. P. 154–159.
2. European Court of human rights. Selected decisions: in 2 T. М.: Norma, 2001. Vol. 2. 657 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.1

А.Е. Федюнин, В.Ю. Алферов

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: в статье рассматриваются уголовно-правовые и процессуальные проблемы разграничения провокации от легальных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление взятки либо коммерческого подкупа в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности. **Цель:** исследовать проблемы, возникающие при проведении оперативного эксперимента при выявлении взятки либо коммерческого подкупа; провести разграничение между законными действиями оперативных сотрудников и провокацией преступления; дать легальное определение понятия провокации применительно к оперативно-розыскной деятельности на примере проведения оперативного эксперимента. **Методологическая основа:** общелогические и специальные правовые методы — логический, формально-юридический, анализ и обобщение правоприменительной практики. **Результаты:** выработана авторская позиция относительно сущности и правовой природы провокации преступления при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. **Вывод:** если у разрабатываемого лица ранее не было преступного умысла, но при этом происходит целенаправленное побуждение его к совершению преступления, вовлечение иным образом в преступную деятельность с целью последующего привлечения к уголовной ответственности, то такие действия являются провокацией.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, документирование, провокация преступления, взятка, коммерческий подкуп.

© Федюнин Антон Евгеньевич, 2019

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aef@bk.ru.

© Алферов Владимир Юрьевич, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности (Саратовский социально-экономический институт (филиал) «РЭУ имени Г.В.Плеханова»); e-mail: va18343@yandex.ru

© Fedyunin Anton Evgenievich, 2019

Doctor of law, Associate professor, professor of the Criminal procedure department (Saratov State Law Academy)

© Alferov Vladimir Yurievich, 2019

Candidate of law, Associate professor of ther Justice and law enforcement department (Saratov Socio-Economic Institute (branch) "REU named after G.V. Plekhanov")

A.E. Fedyunin, V.Yu. Alferov

**ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF ENCOURAGING
TO COMMIT THE CRIME**

Background: the article deals with the criminal-legal and procedural problems of delimitation of provocation from legal operational-search measures aimed at revealing a bribe or commercial bribery within the framework of the operational search activity. **Objective:** to investigate the problems that arise during an operational-search experiment in detecting bribes or commercial bribery; to draw a distinction between the legal actions of operational personnel and encouraging to commit a crime; to give the legal definition of the concept «provocation» in relation to operational-search activity using the example of conducting an operational-search experiment. **Methodology:** traditional and special legal methods have been used: logical method and formal-legal method, analysis and generalization of law enforcement practice. **Results:** the authors view concerning the essence and legal nature of encouraging to commit the crime in the implementation of operational-search activities has been developed. **Conclusion:** the authors state that in case a person under development has not previously had criminal intent, but at the same time, there is a purposeful motivation of this person to commit a crime, involving him or her in other ways into criminal activity with the intent of further prosecuting, then such actions can be considered a provocation.

Key-words: operative experiment, operative activity, operative-search activity, documenting, provocation of crime, bribe, coercive purchase.

Провокация взятки либо коммерческого подкупа определяется в российском уголовном законодательстве как действие по передаче денег, ценных бумаг, иного имущества или оказанию услуг имущественного характера должностному лицу либо лицу, исполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия, с последующим привлечением лица к уголовной ответственности и созданием искусственных доказательств совершения преступления.

В роли объекта преступного посягательства в данном случае выступают отнюдь не, обеспечивающие законность функционирования органов, осуществляющих правоохранительную деятельность в пределах предоставленных им полномочий. Дополнительным объектом при совершении данного преступления выступают законные интересы личности, государственной, коммерческой, либо общественной организации. В качестве потерпевших от описанного преступления могут выступать должностные лица либо граждане, которые выполняют управленческие функции в общественных, коммерческих и иных организациях.

Объективной стороной провокации взятки или коммерческого подкупа, являются умышленные действия (система действий) направленные на передачу, указанным в законе лицам, без их согласия: денег, ценных бумаг, материальных ценностей либо безвозмездное предоставление им услуг. Отсутствие согласия лица означает, что оно ранее не заявляло требования о передаче ему указанных материальных и иных благ и не давало для этого поводов.

Основной целью совершения рассматриваемого преступления является имитация действий и создание доказательств того, что лицо намеревалось получить деньги или иные материальные блага либо услуги имущественного характера за совершение определенных деяний в интересах дающего, которые указанное

лицо могло совершить исключительно во взаимосвязи с занимаемым указанным лицом служебным положением.

Нравственные и морально-этические аспекты борьбы с преступностью представляют сегодня предмет для научных дискуссий. Правовые механизмы, которые государство применяет для защиты своих интересов, а также прав и свобод граждан, как правило, удовлетворяют нравственным ценностям сложившегося общественного строя, однако, те же самые механизмы могут использоваться и во благо, и во вред, в зависимости от сложившихся обстоятельств. Борьба с преступностью заставляет общество делать ставку на использование адекватных средств, а задачей законодателей является создание правовых механизмов их применения.

Рассмотрение проблемы ответственности за совершение преступления имеет также и прикладное значение, поскольку она очень часто обуславливается ошибками в правовой оценке действий сотрудников оперативных аппаратов. Совершаемые ими действия часто необоснованно принимают за провокацию, исключаящую дальнейшую уголовную ответственность разрабатываемых лиц. В этой связи актуальным для теории и практики оперативно-розыскной деятельности представляется определение допустимых границ оперативной разработки с тем, чтобы эти действия не переходили в провокацию преступления.

О проблеме недопустимости провокации как метода расследования преступлений давно ведутся научные споры. Еще на рубеже XIX–XX вв. в юридических исследованиях по вопросам этической и правовой оценки провокации преступления со стороны государственных органов отмечалось, что ссылка на служебные обязанности при оперативном внедрении не может быть состоятельной, поскольку не существует закона, который может уполномочить кого-либо на подобную инициативу. Ссылка на целесообразность не допускается и в тех случаях, когда агент действовал по приказу начальника, поскольку подобный приказ изначально незаконен [1, с. 349].

Несмотря на то, что проблемы применения провокации для борьбы с преступностью и попытки определения данного понятия неоднократно предпринимались в работах многих отечественных и зарубежных авторов: В.А. Авдеева, В.Г. Авдеева, В.Б. Андреева, С.В. Боженка, К.А. Борисенко, Н.В. Бугаевской, Б.В. Волженкина, Б.Я. Гаврилова, Ф.В. Глазырина, А.Ю. Головина, А.А. Городилова, А.Н. Гусакова, А.М. Жукова, Н.И. Жукова, В.А. Иванова, Н. Капитонова, А.Ф. Кошко, А.П. Кругликова, О.А. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, Ф. Лурье, С.Я. Мальшева, Г. Миллера, А.Н. Мусаткина, А.Б. Нехорошева, И.В. Оржиховского, Н.А. Подольного, В.М. Юрина и др. В российском законодательстве до сих пор не определено понятие «провокация», в связи с этим, на практике, при документировании фактов преступной деятельности возникают проблемы разграничения ее от оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ), оперативный эксперимент, который входит в перечень ОРМ, закрепленный в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 6 июля 2016 г.)¹ (далее — ФЗ «Об ОРД»).

Как правило, в уголовно-правовом контексте под провокацией понимают склонение к совершению преступления. Поэтому в силу ч. 4 ст. 33 УК РФ в качестве подстрекателя, как правило, называют лицо, которое склонило кого

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349; 2016. № 28, ст. 4558.

либо к совершению преступных действий различными путями (угроза, уговор, подкуп и т.д.). Можно сделать вывод о сущности провокации — она состоит в том, что провокатор возбуждает в разрабатываемом лице умысел на совершение преступления, целью которого является последующее привлечение его к уголовной ответственности с использованием искусственно созданных доказательств преступления. Кроме того, цели провокации могут быть и другие, например: вербовка, шантаж, постановка в иную зависимость от провокатора. Сущность провокации особенно важно знать оперативным сотрудникам, поскольку в соответствии с ФЗ «Об ОРД» должностным лицам органов, осуществляющих ОРД, запрещено побуждать, склонять, подстрекать в любой форме разрабатываемых лиц к совершению преступлений (п. 4 ч. 8 ст. 5), иначе говоря — совершать провокацию.

Ученые, исследующие проблемы оперативно-розыскной деятельности и криминологии, сходятся во мнении о недопустимости применения метода провокации для борьбы с преступностью, и особенно, со взяточничеством, поскольку это влечет не предупреждение преступлений, а, напротив, является причиной их совершения [2, с. 17]. Неприемлемыми и уголовно-наказуемыми признаются провоцирующие действия работников оперативных подразделений и сотрудничающих с ними лиц, которые навязывают (подталкивают) разрабатываемых к совершению преступлений.

Например, А.Н. Мусаткин определяет рассматриваемые действия как «недопустимо активное поведение сотрудников» [3, с. 408] и называет их провокацией. Такие действия противоречат задаче правоохранительных органов по предупреждению, пресечению преступлений (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»), заменяя ее незаконным склонением к их совершению [4, с. 548].

На наш взгляд, следует отличать от провокации взятки действительное раскрытие взяточничества, когда оперативные сотрудники разрабатывают лиц, дающих или получающих взятки, не создавая при этом условий или обстановки, способствующей совершению данных деяний.

Следует отметить, что элементы искусственного создания обстоятельств взяточничества (провокация) отсутствуют, если лицо, получившее предложение о передаче ему взятки по инициативе взяткодателя обратилось в следственные органы и согласилось на ее получение (участие в проведении оперативного эксперимента) в целях его разоблачения.

Наряду с отсутствием в законодательстве РФ определения понятия провокации, в настоящее время законодательная трактовка понятия «провокация преступления» так же не получила должного закрепления. Например, словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает объяснение провокации как «предательского поведения, подстрекательство другого человека к действиям, которые могут повлечь тяжелые для него последствия» [5, с. 607].

Некоторыми авторами провокация понимается как один из видов подстрекательства к совершению преступления, иногда ее ассоциируют со всеми действиями, которые могут побудить к его совершению.

Таким образом, провокация от лат., *provocatio* — вызов, действие или последовательность, имеющая своей целью вызвать ответную реакцию или действие (бездействие) провоцируемого. Как правило, она совершается для искусственного создания негативных последствий или обстоятельств для провоцируемого. Субъект, совершающий провокацию, соответственно является провокатором.

В Советском энциклопедическом словаре под провокацией понималось, во-первых, подстрекательство — побуждение отдельных лиц или групп к действиям, которые влекут за собой отрицательные последствия, во-вторых — предательские действия, совершаемые полицейскими агентами [6, с. 1075].

Очевидно, что реализация провокации непосредственно связана с активными действиями подстрекателя — лица, склоняющего свою жертву к совершению преступления путем уговора, подкупа или другим методом. Подстрекатель всегда действует с прямым умыслом, а само подстрекательство может быть реализовано только в отношении лица, свободного в выборе вариантов поведения. В некоторых случаях оно может быть поглощено организацией преступления, если подстрекатель продолжит склонять других лиц к его совершению, руководить подготовкой, а также иными действиями.

Из приведенных примеров видно, что подстрекательство и провокация как виды соучастия не совсем тождественны, поскольку склонение другого лица к совершению преступления не может отразить все формы провокации. Данная проблема приводит к возникновению многих спорных вопросов в теории уголовного и уголовно-процессуального права, а также, в правоприменительной практике, поскольку законодательство России не содержит специальной нормы, которая бы содержала понятие и юридические последствия провокации [7, с. 149].

В международном праве проблема защиты от провокации решается через применение доктрины «*entrapment defence*», гарантирующей обвиняемому право защищаться ссылкой на провокацию со стороны правоохранительных органов, осуществляющих выявление преступлений, и обязанность стороны обвинения — опровергнуть данное утверждение. В тех случаях, когда сторона защиты настаивает на том, что предъявляемые доказательства совершения преступления являются результатом провокации сотрудников правоохранительных органов, задача суда состоит в разграничении неосторожного и преступного поведения. Основная сложность здесь состоит в том, чтобы выяснить, было ли совершено преступление под влиянием побуждения или убеждения со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также того было ли у лица намерение на совершение преступления, до того как оно вступило в контакт с ними.

Результаты научных исследований и правоприменительная практика показывают, что у лица умысел на совершение преступления может возникнуть внезапно, например в результате правомерных действий сотрудников оперативных подразделений [8, с. 79]. В данном случае возникает вопрос: какие действия оперативных сотрудников являются правомерными и по каким критериям следует оценивать их действия при проведении ОРМ?

На наш взгляд, ключевым критерием здесь является «инициатива». Так, если подозреваемый (разрабатываемый) сам просит или вымогает взятку без внешнего вмешательства, т.е. совершает самостоятельные активные действия по ее получению, то последующие действия оперативных сотрудников по его разработке и задержанию с поличным правомерны.

Положение ст. 304 УК РФ предусматривает ответственность только за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. На наш взгляд, данное ограничение является нелогичным, поскольку провокация может иметь место при совершении практически любого умышленного преступления, например сбыта или приобретения наркотических средств или психотропных веществ, изнасилования, убийства, кражи, вымогательства, ряда преступлений экстремистской

и террористической направленности, которые остались за рамками уголовно-правовой регламентации и в отношении которых отсутствуют правовые нормы и соответственно правовые последствия.

Понятие «провокация» ассоциируется в уголовном законодательстве с двумя деяниями: взяточничеством и коммерческим подкупом. Под ними, как правило, понимается целенаправленное и организованное воздействие сотрудников правоохранительных органов на разрабатываемых лиц с целями склонения их к совершению данных деяний либо осуществления иных действий, направленных на преднамеренную фальсификацию доказательственной информации и имитацию преступления. Данные действия выражаются в том, что инициатива передачи взятки изначально происходит от провокатора, который таким образом решил обеспечить привлечение «жертвы» к ответственности по ст. 290, 291 УК РФ.

Если обратиться к практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который систематически рассматривает подобные ситуации [9, с. 589], то можно увидеть, что практически всегда действия, имеющие малейшие признаки провокации, признаются им незаконными [10, с. 537], а приговоры, постановленные с использованием полученных таким образом доказательств подлежащими отмене [11, с. 23]. Согласно сложившейся международной практике, государства берут на себя обязательства по привлечению к уголовной ответственности должностных лиц, совершивших и организовавших провокации [12, с. 444].

На основании изложенного можно констатировать, что отсутствие в действующем законодательстве России понятия провокации преступления и провокации вообще не позволяет должным образом осуществлять оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент», имеющее некоторую внешнюю схожесть с провокацией. Учитывая рассмотренные в работе точки зрения ученых и практиков, исследовавших данную тему, мы полагаем, что провокацией является умышленное воздействие сотрудников правоохранительных органов на лиц или их группы убеждением, обучением, вовлечением иными способами с целью совершения последними преступных действий при условии, что у этих лиц ранее не имелось сформировавшегося умысла на совершение преступления.

Данное определение подтверждается также и правоприменительной практикой в виде постановления ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г., по жалобе Г.А. Ваньяна к Российской Федерации². В данном решении ЕСПЧ прямо указал на наличие в России такого явления, как провокации преступления [13, с. 444].

Как правило, на практике проблема провокации непосредственно связана с оперативно-розыскными мероприятиями «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент». Данная проблема, по нашему мнению, вызвана тем, что ФЗ «Об ОРД» и в иных открытых нормативно-правовых актах не описано содержание данных ОРМ, а также регламент их проведения, что нередко влечет за собой превышение оперативными сотрудниками полномочий и нарушение конституционных прав граждан.

Одним из вариантов раскрытия понятия «оперативный эксперимент» является ст. 26 принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в ноябре 1996 г. Рекомендательного законодательного акта «О борьбе с организованной преступностью». В данном документе оперативным

² См.: Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. «Дело „Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации”» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

экспериментом называется «воспроизведение действий, обстановки или иных обстоятельств противоправного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступных действий, выявления лиц, их готовящих или совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения новых данных о противоправной деятельности»³.

Как видно, оперативный эксперимент заключается в создании контролируемых негласно условий и объектов для преступных посягательств, выявлении и документировании преступной деятельности. При этом разрабатываемое лицо находится в ситуации добровольного выбора в совершении тех или других действий.

С учетом изложенного мы полагаем, что действия могут быть признаны провокационными только в том случае, если лицо, являющееся объектом оперативного эксперимента, примет решение о совершении преступления в результате подстрекательства, а не ранее сформированного собственного преступного намерения.

Практика свидетельствует, что оперативные эксперименты наиболее часто проводятся в отношении лиц, которые вымогают взятки либо осуществляют коммерческий подкуп. В данном контексте важной является резолюция Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 3 декабря 2013 г.)⁴. В п. 34 данного пленума написано: «От преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа».

Рассматриваемый Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что такие действия являются нарушением требований ст. 5 ФЗ «Об ОРД» поскольку согласие лица было получено в результате склонения его к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства оперативных сотрудников умысел на их получение не возник бы и преступление совершено не было.

При осуществлении оперативного эксперимента, инициатива на совершение преступных деяний должна исходить строго от разрабатываемого (проверяемого) лица, а не от сотрудников правоохранительных органов. Во всех остальных случаях, побуждение лица к совершению преступления, на которое у него отсутствовал умысел, с целью последующего привлечения его к уголовной ответственности, представляет собой провокацию. Любые действия, влекущие за собой провокацию преступления, не могут быть признаны правомерными. При этом ЕСПЧ абсолютно справедливо указал, что в качестве оправдания провокации не могут выступать публичные интересы.

В завершение нашего исследования хотелось бы отметить, что сделанные в нем выводы и предложения могут быть использованы в дальнейших исследованиях проблем выявления и раскрытия преступлений с проведением опера-

³ См.: Рекомендательный законодательный акт «О борьбе с организованной преступностью» (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (г. Санкт-Петербург, 2 ноября 1996 г.)). Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ: <http://iacis.ru/upload/iblock/ebd/033.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9; 2014. № 2.

тивного эксперимента, а также будут способствовать соблюдению законности, нравственных норм, защите прав граждан и эффективному применению результатов оперативно-розыскной деятельности при осуществлении доказывания по уголовным делам.

Библиографический список

1. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. / сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.
2. *Иванов В.* Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2001. № 3. С. 16–18.
3. *Мусаткин А.Н.* Об использовании результатов оперативных мероприятий по делам о взятках // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков: материалы конференции, посвященной 40-летию Юридического факультета ДВГУ. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. Ч. 1. С. 405–409.
4. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2013. 1008 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
6. Советский энциклопедический словарь / науч. ред. совет: А.М. Прохоров и др.; гл. ред. С.М. Ковалев. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.
7. *Лопашенко Н.А., Юрин В.М., Нехорошев А.Б.* Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики: сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического семинара 15–18 декабря 1998 г. / под ред. В.М. Юрина, А.Б. Нехорошева, Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во Саратовского юридического ин-та МВД России, 1999. 240 с.
8. *Мальшев С.Я.* Правовая, организационная и тактическая основы оперативного эксперимента (по материалам органов внутренних дел). М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 78–80.
9. Cognitive activity efficiency factors during investigative actions, performed using information and communication technologies / E. Kravets, Yu. Steshenko, A. Likholetov, D. Kairgaliev, D. Vasiliev // Communications in Computer and Information Science. 2014. Vol. 466. 589 p.
10. *Quintieri P.* Admissibility of False Confession Testimony: Know Thy Standard / P. Quintieri, K.J. Weiss // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2005. Vol. 33, n 4. 537 p.
11. *Rossi P.G.* Recommendation without expertso Epistemological implications in the development of screening guidelines // Preventive medicine. 2016. Vol. 83. P. 23.
12. *Stoughton S.W.* Evidentiary Rulings as Police Reform / S.W. Stoughton // University Of Miami Law Review. 2015. Vol. 69 (429). P. 444.
13. *Боженко С., Гаврилов Б.Я.* К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) // Российская юстиция. М.: Юридический мир, 2006. № 5. С. 44–50.

References

1. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law: course of lectures. Common part. In 2 vol. / Comp. and edited by. Zagorodnikov N.I.; RAS. Institute of State and Law. Moscow: Nauka, 1994. Vol. 1. 380 p.
2. *Ivanov V.* Provocation or Lawful Activity? // Criminal law. Moscow: Intel-Synthesis, 2001, No. 3. P. 16–18.
3. *Musatkin A.N.* On the Use of the Results of Operational Activities in Cases of Bribes // Actual problems of the state and law at the turn of the century. Materials of the conference dedicated to the 40th anniversary of the Faculty of Law of the FENU. Vladivostok: Publishing house of the Far East. Univers., 1998, Part 1. P. 405–409.

4. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / Ed. by A.V. Smirnov. St. Petersburg .: Piter, 2013. 1008 p.
5. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological expressions V. V. Vinogradova. 4th ed., Applied. M.: A TEMP, 2006. 938 p.
6. Soviet Encyclopedic Dictionary / Scientific. Ed. advice: A.M. Prokhorov and others; Ch. ed. СМ. Kovalev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. 1600 p.
7. *Lopashenko N.A., Yurin V.M., Nekhoroshev A.B.* Questions of Qualification and Investigation of Crimes in the Sphere of Economy: a collection of scientific articles on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Seminar December 15-18, 1998 / ed. by V.M. Yurin, A.B. Nekhoroshev, N.A. Lopashenko. Saratov: Saratov Journal of Law. in-ta of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 240 p.
8. *Malyshev S.Ya.* Legal, Organizational and Tactical Foundations of the Operational Experiment (based on the materials of the internal affairs bodies). M. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. P. 78-80.
9. Cognitive Activity Efficiency Factors Conducted Using Information and Communication Technologies. E. Kravets, Yu. Steshenko, A. Likholetoy, D. Kairgaliev, D. Vasiliev // Communications in Computer and Information Science. 2014. P. 589.
10. *Quintieri P.* Admissibility of False Confession Testimony: Know Thy Standard / P. Quintieri, K.J. Weiss // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2005. P. 537.
11. *Rossi P.G.* Recommendation without Experts. Epistemological Implications in the Development of Screening Guidelines // Preventive medicine. 2016. P. 83.
12. *Stoughton S.W.* Evidentiary Rulings as Police Reform / S.W. Stoughton // University Of Miami Law Review. 2015. P. 444.
13. *Bozhenok S., Gavrilov B.Ya.* On the Issue of Provocation of Crimes (taking into account the decisions of the European Court of Human Rights) // Russian Justice. M.: Jurid. World, 2006, No. 5. P. 44–50.

УДК 343.97: 343.341

Э.Г. Аниськина, Н.Е. Муллахметова

ОБЪЕДИНЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

***Введение:** криминальная деятельность деструктивных объединений в последние годы не подвергалась комплексному междисциплинарному исследованию. Основные понятия по теме по-разному трактуются в научных источниках, что также за-*

© Аниськина Эвелина Геннадьевна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин (Саратовская государственная юридическая академия (Смоленский филиал); e-mail: evashkredova@mail.ru

© Муллахметова Наталья Евгеньевна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин (Саратовская государственная юридическая академия (Смоленский филиал); e-mail: nati16011978@mail.ru

© Aniskina Evelina Gennadievna, 2019

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Criminal-law disciplines department (Saratov State Law Academy (Smolensk branch)

© Mullakhmetova Natalia Evgenievna, 2019

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Criminal-law disciplines department (Saratov State Law Academy (Smolensk branch)

трудняет поиск оптимальных путей решения проблемы. **Цель:** провести уголовно-правовой и виктимологический анализ криминальной деятельности объединений деструктивного характера. **Методологическая основа:** анализ, синтез, сравнение, формально-юридический метод. **Результаты:** сформулировано определение «объединения деструктивного характера», рассмотрены особенности криминальной деятельности различных объединений, существующих на территории России, приведены факторы, обуславливающие виктимность применительно к такой деятельности, а также предложены меры виктимологической профилактики. **Выводы:** криминальная деятельность деструктивного объединения осуществляется в трех направлениях: в ходе богослужения, других обрядов и церемоний; в процессе обучения и воспитания своих последователей; при разработке концептуальных основ учения (вероисповедания). К мерам виктимологической профилактики деятельности объединений деструктивного характера следует отнести целенаправленную информационную кампанию, а также девиктимизацию тех, кто уже пострадал от вовлечения в деятельность таких объединений.

Ключевые слова: деструктивный культ, секта, объединения деструктивного характера, преступление, виктимизация, виктимологическая профилактика

E.G. Aniskina, N.E. Mullakhmetova

ASSOCIATION OF A DESTRUCTIVE NATURE: CRIMINAL-LEGAL AND VICTIMOLOGICAL ASPECTS

Background: criminal activity of destructive associations in recent years has not been subjected to comprehensive interdisciplinary research. The basic concepts on the topic are interpreted differently in scientific sources. It complicates the search for optimal solutions of the problem. **Objective:** to make the criminal-legal and victimological analysis of associations of a destructive nature criminal activities. **Methodology:** analysis, synthesis, comparison, formal legal methods. **Results:** the definition of the notion of “association of a destructive nature” have been formulated, the features of criminal activities of various associations existing on the territory of Russia have been considered, factors causing the victimization of such activities have been presented, and measures of victimological prophylaxis have been proposed. **Conclusions:** the criminal activity of a destructive association is carried out in three directions: in the process of worship, other rites and ceremonies; in the process of training and educating their followers; in the process of developing a conceptual framework of teaching (religion). Measures of victimological prevention of activities of a destructive nature should include a targeted information campaign, as well as the devictimization of those who have already suffered from involvement in the activities of such associations.

Key-words: destructive cult, sect, associations of destructive character, crime, victimization, victimization prevention.

Статья 28 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на свободу совести и свободу вероисповедания, а в соответствии со ст. 30 Основного закона — каждый имеет право на объединение и свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

Указанные положения, безусловно, являются неотъемлемым атрибутом демократического государства, но есть у них и другая, «оборотная» сторона медали. Значительные перемены экономического, идеологического, правового характера, произошедшие в нашей стране в последние десятилетия, привели к тому, что многие граждане почувствовали себя социально незащищенными,

оказались дезориентированы в выборе жизненных ценностей. Это стало благодатной почвой для появления и распространения на территории нашей страны различных организаций деструктивного характера, которые, скрываясь за внешне привлекательными идеями и безобидными уставными целями, осуществляют разрушительную деятельность. Активная экспансия таких организаций, часто называемых сектами, из-за рубежа в нашу страну началась еще в 1990-е гг. Как отметил еще пятнадцать лет назад в одном из своих выступлений президент Центра религиоведческих исследований А. Дворкин, сейчас Россия переживает второй этап развития этой ситуации. На первом этапе происходило накопление людских ресурсов, и сейчас происходит увеличение активности. К тому же возникают секты собственного «отечественного производства» [1].

Председатель Комитета Госдумы ФС РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений С.А. Гаврилов в 2016 г. отмечал, что в России действуют от 300 до 500 сект, в которых состоят до 800 тыс. чел., при этом основная доля — это молодые люди¹.

Научных работ, посвященных уголовно-правовым аспектам деятельности объединений деструктивного характера, не так уж и много в России. В основном они касаются либо криминальной деятельности религиозных объединений [2; 3; 4], либо в них проводится анализ преступлений, совершенных по религиозному мотиву [5; 6]. За рамками научных исследований остается деструктивная деятельность объединений коммерческой направленности, в частности, работающих по принципу сетевого маркетинга, а также иных структур, не связанных с религиозными культурами (например, АУЕ). Виктимологические аспекты деятельности объединений деструктивного характера изучались отдельными учеными и представлены в ряде опубликованных работ [7]. В них приведены некоторые правила безопасного поведения для потенциальных жертв вовлечения в деятельность деструктивных объединений, а также для близких тех людей, кто уже подвергся виктимизации. В отдельных научных работах акцент делается на психолого-педагогическое направление предупреждения вовлечения в деструктивные секты [8]. Однако отсутствует комплексный подход к решению проблемы, предполагающий разработку соответствующей нормативной базы, а также принятие организационных мер с использованием административного ресурса государства.

Если обратиться к лексическому значению слова «секта», то согласно словарю С.И. Ожегова секта — это: 1) религиозное течение (община), отделившееся от какого-нибудь вероучения и ему противостоящее; 2) группа лиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах (книжн. неодобр.)². Похожее определение дается в словаре Д.Н. Ушакова³. В. Даль определяет секту как братство, принявшее свое, отдельное ученье о вере; согласие, толк, раскол или ересь⁴. Очевидно, что часто данное понятие применяется с неодобрительным оттенком. В материалах судебной практики, например по делам о клевете, тоже можно встретить анализ термина «секта»⁵.

¹ См.: Зыкова Т. Сект-бомба. URL: <https://rg.ru/2016/02/18/sergej-gavrilov-organizatory-sekt-dolzny-proveriatsia-na-ekstremizm.html> (дата обращения: 25.01.2019).

² См.: URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 25.01.2019).

³ См.: URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68974> (дата обращения: 25.01.2019).

⁴ См.: URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=37450> (дата обращения: 25.01.2019).

⁵ См.: URL: <http://www.sektam.net/forum/topic/3015> (дата обращения: 25.01.2019).

Было также много обращений в Европейский Суд по правам человека со стороны членов различных религиозных организаций, например Церкви объединения. В принятых по итогам решениях ЕСПЧ использовались термины «тоталитарная секта», «деструктивный культ»⁶. Отметим, что некоторые религиозные объединения, члены которых жаловались в ЕСПЧ на нарушение их прав, признаны в России экстремистскими (например: Свидетели Иеговы). Таким образом, признание той или иной секты деструктивной может осуществляться через включение ее в список экстремистских организаций либо посредством признания литературы, издаваемой данной организацией, экстремистскими материалами (например, как в случае с Белым братством). Однако не всякая деструктивная секта относится к экстремистским организациям. Если снова обратиться к словарям, то слово «деструктивный» означает «ведущий к разрушению чего-нибудь, неплодотворный»⁷. Как отмечает Е.В. Ильюк, деструктивность секты проявляется в совершении ритуальных убийств, причинении вреда, в т.ч. здоровью (самопричинению вреда); в склонении к суициду; причинении имущественного ущерба, склонению к передаче имущества или денег организации или лидеру организации [9, с. 50]. Однако деструктивный характер секты, по нашему мнению, не всегда связан с криминальной деятельностью. Разрушающее, негативное влияние может осуществляться в рамках закона и выражаться в психологическом воздействии на сознание и психику человека, приводящем впоследствии к искажению его мировоззрения, распаду семейных связей, депрессивным состояниям. И не всегда причинная связь между принадлежностью к секте и деструктивными изменениями личности очевидна, в этом и заключается одна из главных проблем противодействия деятельности таких структур. Тоталитарная (от лат. *totalis* — весь, полный) секта также относится к деструктивным. При этом ее следует понимать как организацию, устанавливающую полный, всеобъемлющий контроль над образом жизни и образом мысли своих членов [10, с. 90].

Также следует пояснить, что секта не обязательно должна существовать в качестве зарегистрированного юридического лица: это может быть и группа единомышленников, придерживающаяся конкретных идеологических приоритетов и взглядов. Мы не ставим своей задачей рассмотреть все известные подобные объединения (это практически невозможно) но отметим, что краткая история и основные направления деятельности наиболее известных деструктивных сект описаны в работе А.Л. Дворкина [11].

Наряду с понятием «деструктивная секта» используется и другое — «деструктивный культ». Лексическое значение слова «культ» — 1) в религии: служение божеству и связанные с этим действия, обряды; 2) перен. преклонение перед кем-чем-нибудь, почитание кого-чего-нибудь⁸. То есть, говоря о культе, следует иметь в виду не организацию, а деятельность, хотя иногда эти понятия отождествляются.

⁶ См., например: решение ЕСПЧ от 30 ноября 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 2512/04 «Патрик Фрэнсис Нолан и К. (Patrick Francis Nolan and K.) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 1; Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. Дело «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве» против Российской Федерации (жалоба № 302/02) // Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 2; Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 января 2007 г. Дело «Кузнецов и другие против России» [Kuznetsov and Others v. Russia] (жалоба N 184/02) // Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 1

⁷ См.: URL: <https://slovar.cc/rus/tolk-enc/1461185.html> (дата обращения: 25.01.2019).

⁸ См.: URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 25.01.2019).

Анализ научных публикаций и судебной практики позволяет выделить признаки тоталитарных сект или деструктивных культов: авторитаризм, иерархичность, применение методов вербовки новых членов с использованием обмана, контроль сознания членов организации, наличие харизматического лидера, использование в деятельности различных психотехник, в том числе гипноза, внушения, вызывающих психологическую дестабилизацию личности, зависимость, изменение сознания, приводящие к асоциальному и саморазрушающему поведению адептов секты (разрыву с родными и друзьями, отказу от жизненно необходимого медицинского вмешательства, от брачных отношений, от имущества и пр.).

Многие исследователи критически относятся к необходимости введения легального определения секты, опасаясь неоправданного его применения. По мнению Р.Н. Муру и А.А. Со, определение термина «секта», не содержащее юридически значимых признаков, носит оценочный характер, а его применение позволит излишне широко трактовать правомерность либо неправомочность деятельности религиозных организаций [12]. Но в этом направлении все же ведется законотворческая деятельность [13].

В Доктрине информационной безопасности, утвержденной Президентом РФ 20 сентября 2000 г., к числу угроз в сфере духовной жизни отнесена возможность нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект⁹. В новой Доктрине, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, уже не упоминается слово «секта», здесь говорится о том, что в деятельность по оказанию информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира, вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий (п. 12 Доктрины информационной безопасности).

Таким образом, использование даже самого термина «секта» без добавления признака деструктивности, уже вызывает неоднозначные трактовки, поэтому в рамках нашего исследования мы предлагаем его заменить на термин более нейтральный: «объединение деструктивного характера». Определения предлагаемого термина также нет в законодательстве, но нормативно определены такие понятия как «общественные объединения» (в ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 20 декабря 2017 г.¹⁰)), «религиозное объединение» (в ст. 6 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 5 февраля 2018 г.¹¹)). Мы же будем использовать термин «объединение» без добавления признака «общественное» по причине возможности деструктивной деятельности и коммерческих организаций. Под объединением будем понимать формирование людей, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, причем оно может быть как оформлено в виде юридического лица, так и представлять собой группу лиц с единой целью и интересами.

⁹ См.: Российская газета. 2000. 28 сент.

¹⁰ См.: Российская газета. 1995. 25 мая.

¹¹ См.: Российская газета. 1997. 1 окт.

Деструктивность — понятие оценочное, и не каждая деструктивная идея или поведение может быть преступным, нас же интересует именно криминальная деятельность деструктивных объединений. При этом стоит отграничивать криминальную активность отдельных членов организаций и групп по своей собственной инициативе на основе мотива религиозной ненависти, фанатизма, идеологической ненависти, от криминальной деятельности самого объединения деструктивного характера, также выражающейся в отдельных преступлениях, совершенных его членами. Чтобы отличить первое от второго, воспользуемся ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», где приводятся следующие признаки религиозного объединения: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Эти сущностные признаки можно взять за основу в любом мировоззренческом объединении, и именно по ним следует определять криминальную деятельность деструктивного объединения. Таким образом, уголовно-противоправная деятельность организаций и групп может обуславливаться и заключаться в следующем: 1) в концептуальных основах учения (в вероисповедании у религиозных объединений); 2) во время совершения обрядов, церемоний и служб; 3) в процессе обучения основам учения, воспитания адептов и вовлечения в объединение. Следовательно, нас будет интересовать преступная деятельность, осуществляемая в этих трех направлениях. На примере отдельных уголовных дел мы рассмотрим деятельность деструктивных объединений.

Итак, первое — криминальные начала самого учения (вероисповедания), они могут выражаться:

1. В обосновании необходимости насилия и даже причинения смерти (ст. 105, 111, 112, 115, 116-117, 125 УК РФ). Примером тому являются сатанисты, в гимне у которых имеется такая строка: «Христианской крови трибуны жаждут»¹². Примеров преступной деятельности (чаще убийств) сатанистов достаточно много¹³.

2. В экстремистских воззрениях (ст. 280, 280.1, 282.2-282.3 УК РФ). Так, местная религиозная организация Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов — Инглингов была признана экстремистской в связи с тем, что «Славяно-Арийские Веды содержат доктринальные утверждения о том, что община инглингов объединяет всех людей с белым цветом кожи. Славяно-Арийские Веды, а также заповеди богов, выполнение которых является обязательным для членов общин, налагают прямой запрет на межрасовые браки. Данное положение заключает в себе идею расового превосходства, пропаганда которого запрещена ст. 29 Конституции РФ»¹⁴.

3. В обмане из корыстных побуждений (ст. 159 УК РФ). Примером тому может быть уголовное дело, возбужденное в отношении Андрея Попова, лидера религиозной организации — секты «Бог Кузя» по ч. 4 ст. 159 УК РФ¹⁵. Согласно сектантскому новоязу, все люди, не принявшие учение Кузи, — «демоны», или по-другому «овощи», «огурцы». Их, по словам Кузи, «можно обманывать, и

¹² См.: Люди погибели. Сатанизм в России: попытка анализа. URL: <http://www.vernost.ru/pogib00.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

¹³ См.: *Хвыля-Олинтер А.* Религиозные культы зла как источник преступности. [URL: <http://www.vernost.ru/pogib03.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ. Дело № 50-Г04-10. URL: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=97738 (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁵ См.: URL: <http://tass.ru/proisshestviya/5222881> (дата обращения: 25.01.2019).

Господь вас за это не накажет». От родственников, не согласных с учением бога Кузи, надо не просто отказываться, как в других сектах, надо заставлять их переписывать на себя недвижимость и обманывать любыми средствами¹⁶.

4. В доведении до самоубийств, склонении и побуждении к ним (ст. 110–110.2 УК РФ). Примеры таких случаев встречались еще в судебной практике советского периода¹⁷.

5. В террористической деятельности (ст. 205-206 УК РФ).

Второе направление преступной деятельности может быть осуществлено во время исполнения религиозных обрядов, церемоний и служб. Чаще всего членами объединения во время обрядов могут быть совершены следующие преступления:

1. Изнасилования, насильственные действия сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ). Так, лидер псевдорелигиозной общины Александр Куренков совершал насильственные действия в отношении несовершеннолетних адептов своей псевдорелигиозной организации Почитатели Калагии¹⁸.

2. Физическое насилие, приводящее к разным последствиям (ст. 105, 111, 112, 115, 116-117, 125 УК РФ). Так, 19 сентября 1999 года 17-летний Алексей Шевалдин и 16-летний Евгений Платов во время совершения «обряда усиления магических способностей» убили Илью Белова в его собственной квартире. Стоявшему на коленях подростку нанесли два удара ножом в живот, затем ударили ритуальным ножом-мечом, а потом ему практически отсекли голову. Убийцы же таким образом надеялись перейти на следующую ступень посвящения¹⁹.

3. Преступления, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228, 228.1, 230 УК РФ). О.В. Старков и Л.Д. Башкатов в работе «Криминотеология» приводят пример интервью одного из членов сатанинской организации: «...Второй целью ритуала было психическое порабощение этих парней посредством приучения их к употреблению наркотиков, что также входило в ритуал» [14].

4. Доведение до самоубийств, склонение и побуждение к ним (ст. 110–110.2 УК РФ). Примером является не состоявшееся массовое самоубийство «белых братьев»²⁰.

И, наконец, третье направление криминальной деятельности объединений деструктивного характера осуществляется в процессе обучения, воспитания и вовлечения в группу. Для этой преступной деятельности характерно чаще всего применение насилия (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117 УК РФ).

Помимо изложенного, на любом этапе деятельности деструктивного объединения, при наличии в действиях членов или руководителей изучаемых групп насилия над гражданами или иного причинения вреда их здоровью, а также при побуждении граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных

¹⁶ См.: Как попасть в секту с православной ярмарки — секта бога Кузи. URL: <http://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/sekta-boga-kuzi/novosti-o-sekte-boga-kuzi/kak-popast-v-sektu-s-pravoslavnoj-yarmarki-sekta-boga-kuzi.html> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1961. № 9.

¹⁸ См.: URL: <https://rg.ru/2017/05/15/reg-ufo/blagodaria-rassledovaniuu-rg-sozdatel-sekty-popal-za-reshetku.html> (дата обращения: 25.01.2019).

¹⁹ См.: URL: <http://ansobor.ru/articles.php?id=154> (дата обращения: 25.01.2019).

²⁰ См.: Хвыля-Олигтер А. Религиозные культы зла как источник преступности. URL: <http://www.vernost.ru/pogib03.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

противоправных деяний должна вменяться ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан»²¹.

Рассматривая виктимологические аспекты деятельности объединений деструктивного характера, следует назвать факторы, которые обуславливают виктимность применительно к вовлечению в нее: это низкая самооценка, активизация чувства вины, различные навязчивые страхи — фобии, повышенная внушаемость; аддиктивность — как склонность к зависимому поведению; слабый тип нервной системы; несовершеннолетний возраст; низкий уровень образования и культуры, снижающий способность критического восприятия информации [8].

Виктимность применительно к рассматриваемым ситуациям обуславливают или усиливают различные формы зависимости: алкогольная, наркотическая, в силу которых также снижается способность критически мыслить, противостоять негативному воздействию. Так, в Докладе уполномоченного по правам человека в РФ за 2016 г. отмечается, что при осуществлении реабилитации лиц, страдающих наркоманией, допускается нарушение прав человека, эксплуатация потребителей наркотиков, в организации реабилитации принимают участие тоталитарные секты, иностранные религиозные организации и миссионеры²².

На процесс виктимизации посредством вовлечения в деструктивные секты влияет социальная незащищенность отдельных граждан, низкий уровень их правовой культуры, образования, наличие психических расстройств, утрата социальных связей, иногда желание быстро обогатиться, самоутвердиться, добиться «личностного роста».

Очевидно, что меры девиктимизации населения в данной сфере необходимы. Прежде всего, это оптимизация законодательного регулирования миссионерской деятельности, а также деятельности религиозных объединений. На пленарном заседании Совета Федерации 29 ноября 2016 г. зампред Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Елена Мизулина выразила предложение своего комитета создать рабочую группу для борьбы с деструктивными сектами, которых, по мнению экспертов, в стране насчитывается порядка 500, и в феврале 2017 года такая рабочая группа была создана и провозгласила о начале своей работы²³.

В п. 82 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²⁴, отмечается, что укреплению национальной безопасности в области культуры способствует обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и

²¹ См.: Житель Красноярского края создал в глухой деревне религиозную организацию. URL: http://www.krsk.aif.ru/society/zhitel_krasnoyarskogo_kraya_soedal_v_gluhoj_derevne_religioznuyu_organizaciyu (дата обращения: 25.01.2019); Создатель секты «Ашрам Шамбалы» с 10 000 адептов, пропагандирующей сексуальные оргии, осужден на 11 лет. URL: <https://pravo.ru/news/view/82367/> (дата обращения: 25.01.2019).

²² См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См.: Парламентская газета. 2016. 29 нояб.; 2017. 13 февр.; 2017. 11 апр.

²⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. II. ст. 212.

межнациональной нетерпимости. Но пока это только общие концептуальные положения, нуждающиеся в конкретизации.

Мерой виктимологической профилактики вовлечения в деструктивные секты должна стать целенаправленная информационная кампания. В соответствии с Приказом Минобрнауки РФ от 1 июля 1999 г. № 58 «О создании Координационного совета по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской православной церкви»²⁵ был создан Координационный совет по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской православной церкви, одним из основных направлений деятельности которого является противодействие осуществляемой в образовательных учреждениях и средствах массовой информации деятельности представителей тоталитарных и деструктивных сект и культов, способствующих разрушению духовного и физического здоровья учащихся и студентов.

Но, чтобы выработать цельную концепцию противодействия деструктивным сектам, необходимо провести глубокое, всестороннее исследование проблемы. И такая работа уже ведется. Так, 28, 29 сентября 2017 г. на Ямале проходила Международная конференция с участием более 200 экспертов из разных стран, итогом которой стала резолюция с рекомендациями по противодействию деятельности деструктивных и псевдорелигиозных организаций, сект и культов [15].

Виктимологическое направление противодействия вовлечению в деструктивные объединения включает также работу с теми, кто уже попал под негативное влияние. Девиктимизация их членов должна способствовать тому, что они не только сами «излечатся», но помогут спасти своих близких, не приведут новых adeptов. В отдельных регионах принимаются концептуальные документы, предусматривающие в числе прочих меры по виктимологической профилактике вовлечения в деструктивные секты. Так, в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 10 июля 2012 г. № 695 «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы»²⁶ указано, что одним из направлений развития, повышения доступности и качества социальных услуг, отвечающих потребностям и укрепляющих ресурсы семей разного типа, должно быть развитие системы помощи для семей, пострадавших от деятельности деструктивных сект.

Учитывая изложенное, мы приходим к следующим выводам:

1) под объединением деструктивного характера следует понимать формирование людей, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, разрушительных по отношению к естественному гармоническому состоянию личности — духовному, психическому и физическому, а также к созидательным традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, вероисповеданиям, порядку и обществу в целом;

2) уголовно-противоправные деяния отдельных членов объединений деструктивного характера следует отличать от криминальной деятельности самой организации. Криминальная деятельность объединения в отличие от преступлений, совершенных отдельными членами, характеризуется тремя направлениями: преступления, совершаемые в процессе богослужения, осуществлении других

²⁵ См.: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8723615910796158428020223&cacheid=9D16B809C6C7BEF9DA5351D39A074B41&mode=splus&base=EXP&n=283569&rnd=80C3A6407C52026B0E313DD7AAA1C41E#2iveyz305rg> (дата обращения: 24.05.2019).

²⁶ См.: Там же.

обрядов и церемоний; преступления, совершаемые в процессе обучения и воспитания своих последователей; преступления, совершаемые на основе концептуальных идей самого объединения. В отличие от изложенного, преступления, совершаемые отдельными членами объединения, не обусловленные вышеперечисленными направлениями, нельзя признать криминальной деятельностью объединений;

3) комплексные психолого-медико-юридические меры по реабилитации жертв объединений деструктивного характера, а также продуманная просветительская работа с потенциальными и реальными их жертвами должны приводить к снижению виктимизации населения.

Библиографический список

1. *Берновская Е.* Социальная инфекция // Российская газета. 2003. 29 окт.
2. *Василенко М.М.* Предупреждение преступлений, совершаемых членами религиозных тоталитарных сект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 260 с.
3. *Демидов А.В.* Религиозные организации деструктивного характера и специфика предупреждения органами внутренних дел их криминальной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 246 с.
4. *Фокин М.С.* Уголовно-правовая характеристика организации религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. 183 с.
5. *Кияткина И.А.* Преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 180 с.
6. *Минеева А.Ф.* Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 198 с.
7. *Телегина Е.Г., Бандурьян М.Г.* Виктимологические основы предупреждения преступлений, совершаемых членами сект // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 43–47.
8. *Мухина Т.К.* К вопросу о профилактике вовлечения молодежи в религиозные секты // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 15. С. 61–65.
9. *Ильюк Е.В.* Деструктивная секта как «психологическая» тюрьма (методы вовлечения и изменения сознания в деструктивных сектах) // Виктимология. 2018. № 1. С. 50–56.
10. *Журлова И.В.* Социально-педагогическая виктимология: курс лекций. Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2010. 172 с.
11. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: ООО Издательство «Христианская библиотека», 2014. 816 с.
12. *Муру Р.Н., Со А.А.* Правовое определение понятия «секта» // Власть. 2009. № 4. С. 85–88.
13. *Петин В.* Правозащитники предложили принять закон против сект // Российская газета. 2015. 8 дек.
14. Криминология: религиозная преступность / Башкатов Л.Д., Старков О.В.; под общ. ред. Старков О.В. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 386 с.
15. *Мационг Е.* На Ямал прибыли эксперты по борьбе с деструктивными культами // Российская газета. 2017. 28 сент.

References

1. *Bernovskaya E.* Social Infection // Rossiyskaya Gazeta. 2003. 29 Oct.
2. *Vasilenko M.M.* Prevention of Crimes Committed by Members of Religious Totalitarian Sects: dis. ... cand. of law. Saratov, 2006. 260 p.

3. *Demidov A.V.* Religious Organizations of Destructive Character and Specifics of the Prevention by Law-enforcement Bodies of Their Criminal Activity: dis. ... cand. of law. M., 2010. 246 p.
4. *Fokin M.S.* Criminal-legal Characteristics of the Organization of Religious Associations that Infringe on the Personality and Rights of Citizens: dis. ... cand. of law. Omsk, 2000. 183 p.
5. *Kiyathkina I.A.* Crimes Committed on the Grounds of Religious Hatred or Enmity: dis. ... cand. of law. M., 2017. 180 p.
6. *Minekaeva A.F.* Religious Hatred or Enmity as a Motive of the Crime: Criminal-legal and Criminological aspects: dis. ... cand. of law. Kazan, 2005. 198 p.
7. *Telegina E.G., Banduryan M.G.* Victimological Bases of Prevention of Crimes Committed by Members of Sects // National security and strategic planning. 2016. № 1 (13). P. 43–47.
8. *Mukhina T.K.* On the Prevention of Youth Involvement in Religious Sects // Siberian pedagogical journal. 2007. No. 15. P. 61–65.
9. *Ilyuk E.V.* Destructive Sect as a «Psychological» Prison (Methods of Involvement and Change of Consciousness in Destructive Sects) // Victimology. 2018. No. 1. P. 50–56.
10. *Zhurlova I.V.* Socio-pedagogical Victimology: a course of lectures. Mozyr: UO MGPU namd after I.P. Shamyakin, 2010. 172 p.
11. *Dworkin A.L.* Sectarianism. Totalitarian Sect. Systematic Study Experience. 3-e ed., revised and suppl. N. Novgorod: publishing House «Christian library», 2014. 816 p.
12. *Muru R.N., So A.A.* Legal Definition of the Concept «Sect» // Power. 2009. No. 4. P. 85–88.
13. *Petin V.* Human Rights Activists Proposed to Adopt the Law against Sects // Rossiyskaya Gazeta. 2015. 8 Dec.
14. Criminology: Religious Criminality / Bashkatov L.D., Starkov O.V.; General editorship by: Starkov O. V. S.Pb.: Law. press center, 2004. 386 p.
15. *Matsiong E.* Experts Combatting Destructive Cults Have Come in the Yamal Region // Russian newspaper. 2017. September 28.

УДК 343.9

В.О. Касимов

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ ЗРЕЛОГО, В ТОМ ЧИСЛЕ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Введение: *зависимость противоправного поведения преступников от их возрастных изменений является одним из малоизученных в российской юридической науке и практике явлений. Его исследование не только чрезвычайно актуально, но и представляет большую сложность как в теоретическом, так и в практическом отношении, что обусловлено широким полем исследовательской деятельности, находящейся на стыке наук — антропологии, возрастной психологии, социологии,*

© Касимов Вадим Олегович, 2019
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и прокурорского надзора (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kasimov_vadim@list.ru
© Kasimov Vadim Olegovich, 2019
Candidate of law, senior lecturer of the Department of criminology and prosecutorial supervision (Saratov State Law Academy)

геронтологии и др. **Цель:** поиск наиболее эффективных мер предупредительного воздействия на лиц, совершающих преступления в зрелом и пожилом возрасте, выявление взаимосвязи возраста и конкретных мер предупреждения, оценка степени их взаимозависимости. **Методологическая основа:** общенаучные и специальные методы исследования проблемы на теоретическом уровне в их взаимообусловленности и взаимосвязи. Применялись логический и системный анализ, формально-юридический метод, метод анализа материалов (исследовались материалы уголовных дел, материалы прокурорских проверок деятельности подразделений органов внутренних дел, материалы печатных изданий), позволивший дать оценку деятельности субъектов предупреждения преступлений, совершаемых различными по возрасту лицами. На эмпирическом уровне использовались статистические методы познания (наблюдение, статистическая классификация). Применяли в работе анкетирование и опрос, способствующих изучению мнений различных категорий респондентов и соотнесению полученных результатов. Среди специально-криминологических методов применялись опрос осужденных к лишению свободы различных возрастов, опрос сотрудников правоохранительных органов, анализ материалов уголовных дел и статистических карт на лицо, совершившее преступление. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно понимания того, что в изменившихся условиях современной действительности всестороннее криминологическое исследование возраста преступника имеет большой предупредительный потенциал, сформулированы меры общего, специально-криминологического, в том числе индивидуального предупреждения преступлений лиц различных возрастных групп, выявлена специфика и особенности воздействия однотипных предупредительных мер на преступников различных возрастных групп. **Вывод:** к основным направлениям предупреждений преступлений лиц пожилого возраста можно отнести: работу с лицами указанного возраста, создание достойных условий для жизни, поддержка, страхование, оказание помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест заключения, подготовка специалистов для работы с данным контингентом.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, возраст преступника, особенности возрастных изменений, зрелый возраст, пожилой возраст, меры предупреждения, общесоциальные меры, специально-криминологические меры.

V.O. Kasimov

FEATURES OF CRIMES PREVENTION COMMITTED BY PERSONS AT A MATURE AGE, INCLUDING ELDERLY PERSONS

Background: the dependence of illegal behavior of criminals on their age-related changes is one of the phenomena little studied in Russian jurisprudence and practice. Its research is not only extremely topical, but it presents great complexity both theoretically and in practice, which is due to the wide field of research activity at the intersection of sciences - anthropology, age psychology, sociology, gerontology, etc. **Objective:** the search for the most effective preventive measures against persons committing crimes in adulthood and old age, identifying the relationship of age and specific prevention measures, assessing the degree of their interdependence. **Methodology:** general scientific and special methods of investigating the problem at the theoretical level in their interdependence and interrelation were used. Logical and system analysis, a formal-legal method, a method of analyzing materials (materials of criminal cases, materials of prosecutor's checks of the activity of subdivisions of internal affairs agencies, materials of printed publications) were used, which made it possible to assess the activity of subjects of crime prevention committed by persons of different ages. At the empirical level, statistical methods of cognition (observation, statistical classification) were used. Widespread use in the work received methods of questioning and

polling, contributing to the study of the views of different categories of respondents and the correlation of the results obtained. Among the special-criminological methods used by interviewing persons of various ages sentenced to imprisonment, a survey of law enforcement officers, an analysis of the materials of criminal cases and statistical cards on the person who committed the crime. Results: the author's position on the understanding that in the changed conditions modern criminological investigation of crime has a great preventive potential, measures of general, special-criminological and individual treatment of people different age groups were formulated, the specificity and peculiarities of the impact of the same preventive measures on criminals of different age groups were revealed. Conclusion: the main directions of crime prevention of elderly persons include: work with persons of the specified age, creation of decent living conditions, support, insurance, assistance to convicts and persons released from prison, training specialists to work with this contingent.

Key-words: *crime prevention, criminal age, age changes, mature age, elderly age, preventive measures, general social measures, special-criminological measures.*

Сегодня комплексное исследование возраста преступника, как самостоятельной криминологической проблемы обусловлено потребностями юридической теории, законодательства и практики борьбы с преступностью. Изучение особенностей преступников зрелого и пожилого возраста, влияющих на характер и интенсивность их преступного поведения, в т.ч. по результатам проведенного опроса 554 лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, позволило прийти к выводу о том, что меры социального предупреждения преступлений, особенно для лиц возраста поздней зрелости и старости, играют не менее важное, а иногда определяющее значение по сравнению со специально-криминологическими. В частности, Н.Г. Иванов пишет о наличии прямой зависимости зрелой преступности от ряда социальных и экономических факторов. «Нужны меры, направленные на создание материального и умственно-нравственного благосостояния народных масс» [1, с. 206]. Таким образом, решение наиболее значимых социальных и экономических проблем имеющих цель — повысить уровень жизни населения, «выровнять» материальный достаток и обеспечить социальную защиту, должно лечь в основу предупреждения преступлений лиц зрелого и пожилого возраста.

Остановим свое внимание на тех мерах, применение которых, с учетом проведенной исследовательской работы, окажет, на наш взгляд, наибольший предупредительный эффект на преступников зрелого и пожилого возраста.

Обеспечение профессионального и семейного благополучия. Профессиональная деятельность и особенно семейные отношения являются для лиц зрелого и пожилого возраста приоритетами в жизни [2, с. 167–170]. Профессиональная продуктивность, согласно позиции Э. Эриксона для зрелой личности — это вклад в развитие и утверждение в жизни будущего поколения [3]. Таким образом, в зрелости возникает уже объединенное образование, интегрирующее результаты развития обоих новообразований предыдущего возрастного периода — семейных отношений и профессиональной компетентности. Отсутствие одного из новообразований непременно ведет к деформации личности в этом направлении, что отражается и на его социальном поведении. Было установлено, что отсутствие у человека социально-значимых результатов (новообразований) и необходимых для нормального полноценного развития личности, легло в основу их противоправного поведения, а также обусловило совершение преступлений из-за несдержанности и жизненных обстоятельств (32%), к которым лица относили

в основном плохие условия проживания, нищете, невозможность найти себя в жизни (36–49 лет)¹. Таким образом, потеря работы, т.е. основной позиции среди приоритетов, характерных для этого возраста, благоприятный фактор для криминального поведения индивида. Именно лица, нигде не работающие на момент совершения преступлений, в возрасте 36–49 лет составляют самую многочисленную группу среди преступников зрелого возраста (60,3%), 50–55 лет (27,4%). Учитывая значимость возрастных групп трудоспособного населения, необходимо на государственном уровне заниматься разработкой и последующей реализацией комплекса мер, ориентированных на развитие доходобразующих компонентов всей системы обеспечения благополучия населения различного возраста, на основе эффективного использования имеющихся в стране ресурсов трудоспособного населения [4, с. 8–11].

Кроме того, полагаем, что необходимо прививать в обществе уважение к лицам зрелого и пожилого возраста. Такое уважение должно в первую очередь исходить от государства: человек после выхода на пенсию должен быть обеспечен государством настолько, чтобы не переходить из среднего класса за черту бедности из-за низкого пенсионного обеспечения, а также иметь законодательно закрепленную возможность трудиться дальше. Применение только правовых средств, заключающихся в сдерживании, не позволяет решить проблему отсутствия должного воспитания и культуры, озлобленности, являющихся следствием неустроенности и неблагополучия.

Учет кризиса «ухода на пенсию» как фактора, способного оказать воздействие на активизацию противоправного поведения. Для лиц зрелого возраста кризис ухода на пенсию (60 лет для женщины и 65 лет для мужчины) в первую очередь сопровождается нарушением привычного уклада жизни, ухудшением как физического, так и психического состояния, человек начинает чувствовать преждевременное психологическое старение, появляется чувство отчаяния и безысходности. Важную роль в этом возрасте играют такие чувства, как доверие, доброжелательность, взаимопомощь и милосердие. В этом отношении мы поддерживаем позицию Ю.М. Антонына о том, что нужен осторожный и внимательный подход к подозреваемому или обвиняемому с учетом возраста и его состояния здоровья даже при избрании меры пресечения [5, с. 20].

Одним из перспективных направлений предупредительного воздействия на зрелую личность является работа с семьей, т.к. главным для человека зрелого возраста становятся семейные отношения [6, с. 77]. Если для преступников несовершеннолетнего и молодого возраста в семейных взаимоотношениях отводится роль опекаемого, то для взрослого человека наиболее значим опыт семьянина и родительства. Несостоятельность в семейной жизни, как пишет О.В. Дарвиш, воспринимается острее, чем в молодости и юности. Социально-демографические исследования показывают, что риск распада семьи максимально велик в первые 5 лет супружества и на границе 45–60 лет, когда люди прожили в браке не менее 15 лет [7, с. 220–230].

Важное декриминализирующее значение может оказать сохранение вовлеченности лиц зрелого и пожилого возраста, как совершивших, так и еще не совершивших преступления (часто привлекавшихся к административной ответствен-

¹Так, например, причинами домашнего насилия в отношении лиц пожилого взрослого со стороны более молодых родственников (детей, внуков) становятся проблемы трудоустройства, воспитания и здоровья, жилищные и финансовые проблемы (неспособность пожилых лиц содержать себя и своих родственников из-за низкой пенсии и др.).

ности), в социальные контакты. Это связано с тем, что отсутствие контактов у лиц пожилого возраста вызывает такие эмоциональные чувства, как упадок духа, пессимизм, беспокойность и страх перед будущим. Когда из рядов ровесников выбывает каждый десятый, найти им замену из молодого поколения достаточно проблематично. К решению этой проблемы давно пришли в Китае и Японии: культура этих стран не вынуждает поколения «шагать плотными однородными возрастными шеренгами», а позволяет сливаться друг с другом и обмениваться опытом. В этих культурах пожилым людям отводится роль патриархов, старейшин [8, с. 317–320].

Поддержка здоровья лиц зрелого и пожилого возрастов как обязательное условие благоприятного социально-экономического климата важна для процветания страны.

Важное место в этой системе мер должно быть отведено снижению смертности взрослого населения [9]. Именно смертность населения в трудоспособном возрасте является индикатором всех негативных явлений и процессов. Демографический перекоп в сторону существенного увеличения лиц возраста поздней зрелости и пожилого возраста, несомненно, является проблемой государственного масштаба и, как нами уже отмечалось, оказывает влияние на увеличение возраста преступности — ее взросление. Перекоп в демографической ситуации и, как результат, социальная напряженность в обществе, порождает повышенную демографическую нагрузку на трудоспособное население, негативно сказывается и на отношении к пенсионерам со стороны лиц трудоспособного возраста, пополняя систему криминогенных факторов. Сложившаяся в обозначенной сфере ситуация способствует росту социальной напряженности и протестной активности в обществе, приводит к возникновению конфликтов между различными возрастными группами населения, проявляющихся в пренебрежительном и плохом обращении (домашнем насилии), в совершении преступлений в отношении лиц пожилого возраста. Анализ судебно-следственной практики показал, что насильственные преступления на семейно-бытовой почве в отношении лиц пенсионного возраста совершаются, как правило, родственниками по таким причинам, как «надоело кормить нахлебника» (46%), «от него нет толку» (13%), «стал обузой» (15%), «раздражает своей никчемностью» (26%). Результаты исследования подтверждают и данные, полученные в 2003 г. О.В. Барсуковой, в соответствии с которыми больше всего преступлений в отношении лиц старше 60 лет, совершают как раз лица трудоспособного возраста в период средней зрелости (30–49 лет — 39,1%) в отношении близких родственников или близко знакомых [10, с. 81–85].

Индивидуальная профилактика лиц зрелого возраста должна включать работу с семьей. У лиц, совершивших преступление и отбывающих наказание, хорошие семейные отношения являются основным мотивом не совершать повторные преступления: как показал опрос, только те лица, которых дома никто не ждет после отбытия наказания, вновь допускают повторное совершение противоправных действий².

Следует отметить меры по коррекции микроклимата осужденных лиц зрелого и пожилого возраста. Как уже отмечалось, в зрелом возрасте и в старости

²Как показало исследование, практически все лица, осужденные за совершение преступлений, в возрасте от 36 до 49 лет на момент совершения состояли в браке (сожительствовали) и имели семью, в отличие от лиц более молодого возраста и после 50 лет (находились в состоянии развода, вдовствовали или никогда не состояли в браке). В возрасте 39–55 лет у большинства осужденных есть дети, в отличие от преступников до 36 лет и после 55 лет (лица, совершившие преступление в пожилом возрасте, были в основном одиночками).

главными новообразованиями являются семья (семейные ценности) и трудовая деятельность, соответственно специально-криминологические меры профилактического воздействия должны максимально касаться профилактики на уровне малых социальных групп осужденных лиц зрелого и пожилого возраста. Для выправления деформации личности зрелого возраста, склонной к противоправной деятельности, наиболее эффективным является коррекция микросреды, в состав которой такая личность входит, и только потом, непосредственное воздействие на поведение самой личности [11, с. 214].

Пользу может принести разработка методических материалов, где описываются способы воздействия на микросреду бывших осужденных. Терапия малых социальных групп должна вводиться в отношении не только пожилых, но и в целом людей зрелого возраста, психически здоровых, но с имеющимися социальными отклонениями от нормального поведения. В ряде зарубежных стран такое групповое терапевтическое воздействие широко применяется, причем иногда снижаются острые вопросы, благодаря активной совместной работе психологов и психиатров могут быть решены именно с его помощью [11, с. 215]. Сущность такой коллективной психологической терапии (тренингов) заключается в установлении отношений между людьми, основанных на открытости, доверии, честности, внимании к испытываемым личностью чувствам по принципу работы «здесь и сейчас».

В ходе проведенного исследования было установлено, что если меры предупреждения преступлений с учетом деяний совершаемых, лицами несовершеннолетнего и молодого возраста, в целом схожи, то меры предупреждения преступности лиц зрелого и пожилого возраста, в зависимости от вида преступлений, отличаются. Так, было установлено, что лицами в возрасте 36–49 лет и 50–55 лет наиболее часто совершаются преступления против собственности, далее идут преступления против здоровья населения и общественной нравственности, преступления против личности, половой неприкосновенности. Однако необходимо учитывать, что в возрасте 50–55 лет преступления также часто совершаются против свободы, чести и достоинства личности. В возрастной группе лиц 56–60 лет наибольшее количество преступлений совершается против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в возрасте 61–65 лет преобладают деяния против здоровья и общественной нравственности, далее — против собственности и против личности, среди лиц старше 66 лет выявлены в основном преступления против здоровья и общественной нравственности. Отдельные исследователи утверждают, что зафиксировано большое количество насильственных преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, лицами в возрасте 70 лет и старше³. Так как к современным преступникам, совершающим преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, все чаще относятся пожилые лица, в основном страдающие психоорганическим синдромом, особое значение в профилактике аномального сексуального поведения следует уделять предупреждению нарушений психосексуального развития. Если риск такого рода преступлений несколько снижается после 49–55 лет, то начиная с 55 лет снова возрастает. Таким образом, отдельной профилактической задачей является выявление и привлечение к лечению лиц потенциально опасных, с высоким риском совершения

³ См.: Особенности организации расследования половых преступлений. URL: <http://criminallaw.uf.nstu.ru/?cat=18> (дата обращения: 14.06.2016).

сексуальных преступлений. К ним прежде всего следует отнести страдающих расстройствами полового влечения такие как: садизм, педофилия, некрофилия, некросадизм, эксгибиционизм и т.п. Эти патосексуальные особенности могут быть выявлены как на доклиническом, так и на клиническом уровне. Причем клинический уровень может как предшествовать стадии докриминальной, так и применяться на криминальной стадии, когда человек уже реализовал свое аномальное сексуальное влечение преступным путем. Поскольку парафилия, как правило, способствует серийному характеру преступной деятельности, то профилактика парафилии в этом случае является, по сути, профилактикой серийных преступлений [12, с. 239]. Таким образом, выбор мер предупреждения преступлений должен учитывать вид совершаемого деяния и использовать имеющийся как в науке, так и в практической деятельности арсенал средств и методов, предлагаемых для предупреждения отдельных видов преступлений.

Предупреждение преступлений лиц зрелых возрастов, в отличие от лиц более молодого возраста, имеет еще одну специфику: чем старше преступник по возрасту, тем слабее на него действуют меры убеждения, принуждения и тем более наличие личного примера в ситуации богатого жизненного опыта преступника. С учетом зрелого возраста наибольший эффект окажет духовная и практическая помощь, заключающаяся в создании бытовых, трудовых, моральных условий для закрепления и сохранения позитивных связей и контактов [13, с. 126].

В зрелом возрасте отношение к совершенному преступлению у мужчин и женщин разное. Осужденные женщины-преступницы зрелого возраста стыдятся и болезненно относятся к нахождению в исправительном учреждении. Чем старше по возрасту женщина, тем больший стыд она испытывает от мысли по поводу предстоящего возвращения на свободу из-за возможного осуждения ее со стороны коллег по работе, соседей, родственников и в большей мере беспокоится за сохранение семейных связей. Как показал опрос, это те женщины, которые совершили убийства или причинили тяжкий вред здоровью в ситуации острейшего конфликта, систематически подвергались в зрелом возрасте насилию со стороны родственников, мужа, сожителя, взрослых детей. Таким образом, в первые месяцы после освобождения женщинам необходимо помогать в трудовом, бытовом устройстве, оказать моральную и материальную поддержку для адаптации к новому статусу. В действительности же около 30% женщин разного возраста лишены такой помощи [14, с. 73].

Возрастные особенности свидетельствуют не только о характере совершенного преступления, но и во многом определяют направленность интересов преступника, предмет посягательства. Установлено, что мотивы, цели и предмет посягательства при совершении хищений не совсем одинаковы у различных возрастов, что также необходимо учитывать в проведении предупредительной работы.

Кроме того, полагаем необходимым акцентировать внимание на процессе выявления психических отклонений у преступников зрелого и пожилого возраста. Это касается деятельности исправительных учреждений, субъектов профилактики и органов дознания и следствия. Опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что сегодня работа по выявлению и учету лиц с психическими заболеваниями, совершивших преступления не проводится в полном объеме.

Так как психологические особенности могут быть по-разному связаны с совершением преступления: то одни играют ведущую роль в выборе способа совершения преступления, другие — способствуют совершению преступления при

неблагоприятном стечении внешних обстоятельств, предполагается, что индивидуальное предупреждение преступного поведения лиц зрелого возраста должно включать в себя всестороннее исследование их личностно-характерологических, психопатологических особенностей и ценностных ориентаций [15, с. 23–24].

С возрастом внимание к своему здоровью становится более осознанным и трепетным. В этой ситуации необходимо, как пишет Т.Д. Марцинковская, обеспечить условия, чтобы человек не уходил в мнимую компенсацию [16, с. 16]. Преувеличение пожилыми своих болезней и немощи для привлечения внимания, получения материальных привилегий часто приводит к одному из самых распространенных в позднем возрасте отклонений — отчуждению и агрессивному поведению, проявлению враждебности, особенно к лицам молодого возраста. Для лиц, не имеющих психических отклонений или имеющих незначительные психические отклонения, важное значение имеет семья. Непонимание родственниками переживаний человека, искаженных болезнью, отношение к его поведению как к капризу, проявлению эгоизма, дискредитация личности больного, отношение к нему как к человеку «второго сорта» нередко провоцируют опасные действия данного лица. Позитивность социальных контактов с близкими позволяет минимизировать его агрессивное поведение.

Основными мерами предупреждения преступности лиц зрелого и пожилого возраста, ведущих антисоциальный образ жизни, являются: установление и изучение (проверка) лиц, поставленных на оперативно-профилактический учет; воздействие на таких лиц после изучения факторов, которые определяют их противоправное поведение; оздоровление микросреды, способствующей возникновению, обострению конфликта, в котором участвовало пожилое лицо; профилактическое воздействие на потенциальных потерпевших лиц, создающих конфликтную ситуацию в целях достижения превентивного виктимологического эффекта; периодическая проверка результатов проведенных индивидуально-профилактических мероприятий.

Следует остановиться и на мерах виктимологической профилактики.

Возраст является ключевым фактором риска в насильственной виктимизации. Как показало исследование, практически всегда жертва и преступник знакомы (рис.).

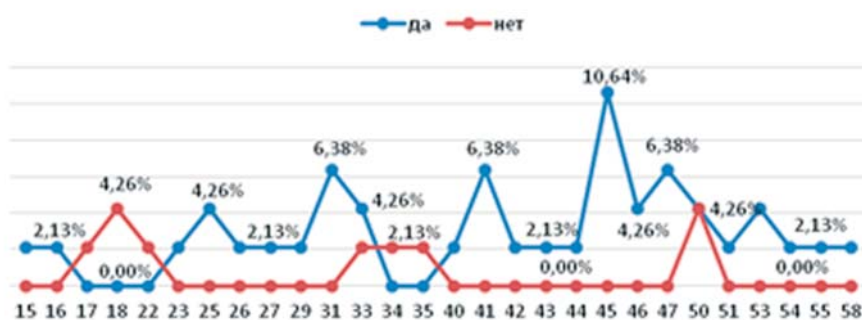

Рис. Знакомство жертвы и преступника до совершения преступления

Исследование показало, что знакомство с потерпевшим в половине совершенных притуплений присуще для лиц 23–33 лет и 40–58 лет. Анализ мотивационной сферы также позволяет говорить о том, что в указанных возрастных группах наиболее частым мотивом преступлений является поведение жертвы.

Также было выявлено, что преступники пожилого возраста первоначально выступали в качестве жертвы другого преступления, но, опасаясь вторичной виктимизации и решив самостоятельно наказать преступника из-за неверия в эффективность деятельности правоохранительных органов, пополнили криминальные ряды. По данным В.В. Вандышева, изучившего более тысячи уголовных дел, вторичное преступное воздействие осуществлялось в отношении 30% жертв преступлений, вследствие чего большинство из них (65,4%) вынужденно предпринимали меры, направленные на противодействие расследованию [17, с. 54]. Сложившаяся ситуация требует проведения широкомасштабной просветительской работы среди населения различных возрастов в важности и целесообразности обращения за помощью в правоохранительные органы.

Важным направлением специально-криминологического предупреждения является профилактика рецидива преступления со стороны лиц зрелого и пожилого возраста. Особое внимание следует уделить предупреждению рецидива преступления, который у лиц разных периодов зрелости имеет разную интенсивность закрепления. Оказать положительное влияние на «закоренелых» рецидивистов гораздо сложнее, — в отличие от лиц, совершивших свое первое преступление в более зрелом возрасте. Для позднего возраста характерно «закрепление» рецидива в том случае, если преступная деятельность началась в несовершеннолетнем и молодом возрасте. Аналогичную ситуацию рассматривает в своем исследовании Т.В. Темаев, выделяя на базе проведенного исследования в У/Ш 282/13 г. Энгельса среди лиц 58–65 лет основные категории преступников зрелого возраста, среди которых рецидивисты обозначены им как группа неисправимых пожилых заключенных [18, с. 39–41].

Установлено, что склонность к совершению повторных преступлений в зрелом возрасте проявляется чаще у лиц, страдающих различными психическими отклонениями, вплоть до болезненных состояний. Воспитательное воздействие на рецидивистов старших возрастных групп должно, на наш взгляд, обязательно осуществляться с учетом следующих обстоятельств:

состояния здоровья (выявлено, что с увеличением возраста осужденные все чаще отмечают ухудшение состояния своего здоровья);

частого совершения повторных преступлений в состоянии опьянения (хронического алкоголизма, на фоне деградации личности);

результатов психиатрического исследования и возможности последующего оказания медицинской помощи;

способности к объективному восприятию окружающей действительности;

характера ранее совершенных преступлений и иных, связанных с ними обстоятельств, значимых для воспитательного воздействия именно на рецидивистов старших возрастов (например, установлено, что при совершении преступлений сексуального характера вероятность рецидива оставляет 80 %, что требует начала активной предупредительной работы уже в исправительных учреждениях); особенностей ранее совершенных преступлений;

контроля за лицами, которые осуждены к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. В настоящее время такие лица (фактически любого возраста

та, за исключением несовершеннолетних) обычно предоставлены самим себе, что определяет высокий уровень рецидива. Последнее особенно характерно для людей позднего возраста. Данные выводы подтверждают и результаты опроса сотрудников правоохранительных органов.

Важная роль в предупреждении преступлений лиц зрелого возраста, равно как и лиц молодого возраста, отводится правоохранительным органам. Их значимость, функции и методы деятельности широко и неоднократно освещались в различных криминологических исследованиях, так или иначе затрагивающих возрастные особенности преступников, в частности в работах Л.В. Боровых, О.В. Барсуковой, В.Г. Павлова, П.В. Разумова, В.Б. Хатуева и др. [10, 19]. Не менее важным вопросом, в контексте рассматриваемой темы, является изменение отношения населения, в первую очередь, к сотрудникам правоохранительных органов и, в частности, к полицейским, как представителям правопорядка, непосредственно контактирующим с населением всех возрастов. Это связано с тем, что из-за некомпетентности сотрудников правоохранительных органов потенциальные потерпевшие (в основном несовершеннолетние и пожилые) не верят в защиту своих прав и обеспечение личной безопасности при обращении в полицию, часто умалчивают о совершении в отношении них противоправных действий (например, насилия в семье, школьном коллективе, на работе и т.п.).

Одним из важных направлений успешной борьбы с преступностью является подготовка грамотных и компетентных сотрудников, способных взаимодействовать с лицами различного статуса и возраста. Необходимо готовить методические материалы не только для работы с лицами несовершеннолетнего возраста, но и с лицами зрелых возрастов, для которых применение одних и тех же методик работы будет просто неэффективно с учетом возрастных особенностей. Полагаем, что в учебных организациях, занимающихся подготовкой специалистов для работы в правоохранительных органах, необходимо вводить курсы возрастной психологии по работе с лицами различных возрастных групп, что, несомненно, позволит, на наш взгляд, повысить эффективность предупредительной работы с преступниками разного возраста. Через СМИ необходимо формировать положительный образ сотрудников правоохранительных органов, совершенствовать критерии оценки их деятельности, информировать об успехах работы правоохранительных органов.

Таким образом, к основным направлениям и мерам для предупреждения преступлений среди лиц зрелого возраста следует отнести:

учет в работе субъектов предупредительной деятельности особенностей лиц указанного возраста, в том числе их возрастных кризисов (середины жизни и ухода на пенсию);

создание достойных условий жизни, уровня пенсионного обеспечения для лиц, вышедших на пенсию;

поддержка здоровья граждан и повышение продолжительности их жизни, оказание им в период возрастных кризисов психологической помощи;

устранение или снижение правового нигилизма среди лиц взрослого возраста; страхование ответственности (административной, уголовной) лиц трудоспособного возраста;

оказание осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы, помощи в создании бытовых, трудовых, моральных условий для закрепления и сохранения позитивных связей и контактов, оздоровление их микросреды;

подготовка специалистов-психологов для работы в правоохранительных органах, их обучение основам возрастной психологии для работы с лицами различных возрастных групп.

Предложенные меры предупреждения преступности лиц зрелого возраста отражают всю сложность данной проблемы. Безусловно, это не весь перечень мер, которые могут быть задействованы в работе по предупреждению преступлений с учетом возрастных особенностей преступников зрелого возраста. Тем не менее полагаем, что и реализация предложенных направлений, способна оказать положительный предупредительный эффект на преступное поведение лиц с учетом возраста.

Библиографический список

1. *Иванов Н.Г.* Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. М.: Юнити-Дана, 1998. 224 с.
2. *Кулагина И.Ю.* Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Сфера, 2001. 464 с.
3. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
4. *Гасников В.К., Савельев В.Н., Стрелков Н.С.* К вопросу об особенностях проявления и механизмах развития современного российского демографического кризиса и антикризисного менеджмента // Медицинский альманах. 2007. № 1. С. 8–11.
5. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М.: Пенатес-Пенаты, 2000. 451 с.
6. *Хилько М.Е.* Возрастная психология: краткий курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 200 с.
7. *Дарвиш О.Б.* Возрастная психология: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 264 с.
8. *Сапогова Е.Е.* Психология развития человека: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2005. 460 с.
9. *Киселев А.С., Шестакова М.Т., Михайлова А.Ю.* Зависимость здоровья населения от динамики уровня жизни. М.: ЦНИИ ОиИЗ, 2006. 210 с.
10. *Барсукова О.В.* Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста (Криминологические и уголовно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 203 с.
11. *Фокс В.* Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1980. 312 с.
12. *Чуприков А.П., Цупрык Б.М.* Общая и криминальная сексология: учебное пособие. Киев: МАУП, 2002. 248 с.
13. *Кургузкина Е.Б.* Личность преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 59 с.
14. *Ковалев О.Г., Малышева О.А.* Криминологические и психологические проблемы дезадаптации женщин молодого возраста, отбывающих наказание в виде лишения свободы. М.: Права человека, 2001. 100 с.
15. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М.* Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000. 160 с.
16. *Марцинковская Т.Д.* Общая психология: учебное пособие. М.: Академия, 2010. 384 с.
17. *Вандышев В.В.* Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию // Человек против человека. Преступное насилие: сборник статей. СПб.: ВНИИ МВД России, 1994. С. 155–164.
18. *Темаев Т.В.* Социальный контекст геронтологической преступности: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 141 с.

19. *Хатыев В.Б.* Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 30 с.

References

1. *Ivanov N.G.* Abnormal Subject of Crime: Problems of Criminal Liability. М.: Unity, 1998. 224 p.
2. *Kulagina I.Yu.* Age Psychology: the Full Life Cycle of Human Development. A study guide for students of higher educational institutions. М: Sfera, 2001. 464 p.
3. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis / Trans. from English. М.: Progress, 1996. 344 p.
4. *Gasnikov V.K., Saveliev V.N., Strelkov N.S.* To the Question of Peculiarities of Demonstration and Mechanisms of Development of Modern Russian Demographic Crises and Antirecessionary Management // Medical Almanac. 2007. № 1. P. 8-11.
5. *Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E.* Psychology of Crime and Punishment. М.: Penates-Penati, 2000. 451 p.
6. *Khilko M.E.* Age Psychology: a short course of lectures. 2nd ed., revised. М.: Yurayt, 2013. 200 p.
7. *Darvish O.B.* Age Psychology: a study guide for higher educational institutions. М.: VLADOS-PRESS, 2003. 264 p.
8. *Sapogova E.E.* Psychology of Human Development: a study guide. М.: Aspect Press, 2005. 460 p.
9. *Kiselev A.S., Shestakova M.T., Mikhailova A.Yu.* Dependence of Public Health on the Dynamics of the Standard of Living. М.: Central Scientific Research Institute of Health Organization and Informatization, 2006. 210 p.
10. *Barsukova O.V.* Elderly Criminality and Crimes against the Elderly (Criminological and Criminally-legal Problems): dis. ... cand. of law. Vladivostok, 2003. 203 p.
11. *Fox V.* Introduction to Criminology. М.: Progress, 1980. 312 p.
12. *Chuprikov A.P., Tsyupryk B.M.* General and Criminal Sexology: a study guide. Kiev: Interregional Academy of Personnel Management, 2002. 248 p.
13. *Kurguzkina E.B.* Personality of the Criminal: extended abstract dis. ... doc. of law. М., 2003. 59 p.
14. *Kovalev O.G., Malysheva O.A.* Criminological and Psychological Problems of Maladjustment of Young Women Serving a Sentence of Imprisonment. М.: Human Rights, 2001. 100 p.
15. *Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P., Kochenov M.M.* New Directions of Forensic Psychology. М.: Yurlitinform, 2000. 160 p.
16. *Martsinkovskaya T.D.* General Psychology: a study guide. М.: Academy, 2010. 384 p.
17. *Vandyshv V.V.* The Impact on the Victim of Crime as a Means of Encouraging Her to Take Part in Countering the Investigation // Man against man. Criminal violence: a collection of articles. SPb.: All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994. P. 155-164.
18. *Temayev T.V.* The Social Context of Gerontological Crime: dis. ... cand. of sociology. Saratov, 2005. 141 p.
19. *Khatuyev V.B.* Criminal-legal Protection of Pregnant Women, Minors, Defenseless and Helpless Persons and Persons Who are Dependent on the Culprit: extended abstract. dis. ... cand. if law. М., 2004. 30 p.

УДК 343.98

С.Л. Кисленко

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ПО ДЕЛУ

Введение: несмотря на то, что порядок судебного разбирательства детально регламентирован уголовно-процессуальным законом, в ходе отдельных этапов по каждому делу возникает немало вопросов, для решения которых, государственному обвинителю необходимо использование криминалистических рекомендаций. Эффективность реализации государственным обвинителем своих функций на судебной стадии уголовного процесса зависит от выбора прокурором наиболее оптимального и грамотного в методическом плане варианта поддержания обвинения и его реализации в ходе судебного следствия. Решение указанной задачи должно определяться не только знанием и правильным применением уголовно-процессуальных норм, но и, в значительной степени, умелым использованием криминалистических приемов средств и методов. **Цель:** исследование проблем криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения. **Методологическая основа:** метод мысленного моделирования. **Результаты:** формирование криминалистических основ поддержания государственного обвинения, а также разработка практических рекомендаций по реализации прокурором обвинительной позиции в рамках стадии судебного разбирательства. **Вывод:** совершенствование теоретических положений науки криминалистики, а также совершенствование системы практических рекомендаций по деятельности государственного обвинителя в рамках современного уголовного судопроизводства

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, криминалистика, поддержание государственного обвинения, обвинительная позиция.

S.L. Kislenko

METHODOLOGY OF FORMATION THE PRELIMINARY POSITION ON THE CASE BY THE PUBLIC PROSECUTOR

Background: despite the fact that the trial procedure is regulated in detail by the criminal procedural law, in the course of its individual stages, in each case many tasks raise so the public prosecutor faces the necessity to use forensic recommendations. The effectiveness of the public prosecutor's implementation of his functions at the stage of the criminal trial directly depends on the choice of the most optimal and methodologically competent variant of maintaining public charge and skillfully implementing it during the judicial investigation. It is the function of the procurator. The solution of this task should be determined not only by the knowledge and correct application of the criminal procedural norms, but also by the skillful application of forensic means and methods. **Objective:** to study the problems of public charge maintenance in the course of preliminary hearing. **Methodology:** the technique of mental simulation. **Results:** formation of forensic basis of public charge maintenance

© Кисленко Сергей Леонидович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия)

© Kislenko Sergey Leonidovich, 2019

Candidate of law, Associate professor of the Criminalistics department (Saratov State Law Academy)

and development of practical recommendations on the realization by the prosecutor his prosecutorial position within the preliminary hearing stage. Conclusions: improvement of the theoretical provisions of the forensic science as well as the improvement of the system of practical recommendations on the activities of the public prosecutor in the framework of modern criminal justice.

Key-words: *criminal proceedings, pre-trial stage, forensic science, public prosecution supplement, accusatory position.*

Процесс выработки предварительной позиции по делу заключается в разработке и последовательном приближении наиболее рациональной модели (прототипа) деятельности к прогнозируемым вариантам ее практической реализации.

Основой формирования модели предстоящей деятельности по поддержанию государственного обвинения выступают материалы предварительного расследования, которые определяют пределы доказывания прокурором обвинения в суде. Поэтому важным условием повышения эффективности поддержания государственного обвинения является профессиональное владение информацией о материалах уголовного дела (исходной доказательственной моделью обвинения), что исключает возможность последующего «неожиданного» появления в суде пробелов и противоречий в доказательственной базе.

В литературе отмечается, что основная цель изучения материалов уголовного дела — сформировать предварительное мнение о том, может ли дело быть рассмотрено с вынесением итогового решения или нет, и если нет, то почему и какое решение в этом случае может состояться [1, с. 24]. По мнению Ю.П. Гармаева, такой целью является определение «судебной перспективы по всему делу», т.е. получение правоприменителем субъективной оценки по поводу вероятности вынесения обвинительного приговора лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [4, с. 178].

На наш взгляд анализ, синтез и систематизация полученной в результате изучения уголовного дела доказательственной информации, имеет конкретную цель — формирование перспективной ситуационной доказательственной модели деятельности по поддержанию государственного обвинения, содержащей сведения об общей структуре развития ситуации доказывания обвинения в суде, и позволяющей получить (спрогнозировать) детализированную характеристику отдельных этапов ее развития с целью принятия решений в текущих ситуациях реализации доказательственного базиса обвинительной позиции.

В процессе выработки государственным обвинителем предварительной позиции по делу преобладают методы, направленные не на поиск, выявление и сбор информации, а на ее обработку, анализ и оценку. Следование данным методам позволяет, как отмечается в литературе, дать соответствующий анализ фактическим обстоятельствам уголовного дела, правовой квалификации действий обвиняемого по совокупности доказательств, а также законности и обоснованности позиции следователя, что, в свою очередь, напрямую влияет на формирование предварительной позиции самого государственного обвинителя по изучаемому делу [2, с. 69]. К таким методам можно отнести *метод ретроспективного анализа*, представляющий собой логическую последовательность (состоящую из этапов, процедур), связанную с построением систем (первичных, вторичных и т.д.) ретроспективных информационных потоков с целью овладения структурной

информацией об объекте изучения и направленную в конечном итоге к синтезу знаний о данном объекте и пониманию логики его развития [8, с. 8]. Как в процессе расследования действует принцип обратного причинного следования, позволяющий познать событие прошлого по вызванным им в окружающей действительности изменениям [7, с. 34], так и аналитическая деятельность государственного обвинителя обусловлена принципом использования модельной информации об уголовно-релевантном событии. Но, если базовым объектом ретроспективного анализа, в рамках предварительного расследования, является отраженная в объективной действительности деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, то результатом такого анализа выступает, в частности, криминалистическая характеристика преступления, отражающая характерные черты, связи и отношения в данной области человеческой деятельности, имеющие важное значение для обоснования криминалистических частнометодических рекомендаций [10, с. 151–154], то объектом изучения государственного обвинителя выступают фактические данные, зафиксированные в материалах дела, а также иных носителях (вещественных доказательствах, участниках судопроизводства), а итогом применения аналитических операций является перспективная модель обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу.

Таким образом, если цель методики расследования заключается в преобразовании устойчиво повторяющихся признаков преступления в доказательства, то перед государственным обвинением стоит уже задача формирования на основе проверки и уточнения исследованного, в процессе досудебного производства, преступного события, обоснованного обвинительного тезиса и его последующего отстаивания в суде. В данном случае метод ретроспективного анализа выступает методологическим инструментом, допускающим возможность прогностической интерпретации и экстраполяции выводов, содержащихся в материалах уголовного дела направленные на поддержание обвинения, с целью прогнозирования их дальнейшего использования.

Однако приведенные выше суждения вовсе не свидетельствуют, как считают отдельные юристы [5, с. 10–14], о нецелесообразности обращения прокурора, при аналитической работе, к теоретическим положениям криминалистической характеристике преступлений. Конечно, использование прокурором положений данного учения не будет иметь такого концептуального значения в построении методики поддержания обвинения, как для методики расследования, и будет проявлять свою информативную сущность только в процессе отдельных операционных составляющих. Например, использование криминалистической характеристики преступлений позволяет прокурору в процессе подготовки к обвинению, анализируя материалы досудебного производства, выявить отдельные упущения в процессе построения и проверки следственных версий, что, в свою очередь, предполагает необходимость принятия им действий по восполнению выявленных недостатков.

Метод ситуационного анализа, представляющий разновидность аналитической деятельности и призванный оказать лицу, принимающему решение, помощь в проведении подробной оценки ситуации, установлении факторов, определяющих динамику ее развития с присущими ей внутренней структурой и внешними взаимосвязями. Данный метод позволяет произвести сбор и об-

работку информации, необходимую для выполнения подготовительного этапа процесса разработки решения, а также определить проблемы и сформулировать критерии его принятия. Диагностическая задача в данном случае заключается в определении факторов, оказывающих существенное влияние на развитие ситуации, и отбрасывание тех из них, которые такого влияния оказать не могут. В результате ее решения создаются сценарии возможного развития ситуации.

С позиций криминалистической тактики и методики поддержания государственного обвинения, особый интерес в деятельности по выработке прокурором позиции по делу представляет прогнозирование типичных ситуаций деятельности, поскольку применительно к ним можно использовать известные типовые решения. Типичные ситуации служат основой для создания алгоритмов деятельности по поддержанию государственного обвинения, которые обусловлены базовыми задачами деятельности прокурора на отдельных этапах реализации обвинительной позиции и содержат типовой перечень действий, необходимых для решения задач обвинения и определению оптимальных вариантов выхода из сложившихся ситуаций.

Материалом для типизации ситуаций служат составляющие их компоненты, однотипность которых определяется частотой их встречаемости в практике поддержания государственного обвинения. В отличие от текущих ситуаций, содержащих сведения об условиях деятельности и особенностях их проявления в определенный момент деятельности, типичная ситуация включает в свое содержание следующий типовой набор сведений:

- о критериях соответствия текущей ситуации деятельности типичной;
- о типовом характере обстановки, в которой реализуется деятельность;
- о задачах деятельности в типичных условиях;
- о возможных технологиях (типовых решениях) выхода из типичной ситуации (переходе к ситуации, согласующейся с задачами деятельности).

На наш взгляд, типичная ситуация поддержания государственного обвинения — это формализованное описание ситуации, представленное в виде информационной модели с заданным кругом взаимосвязанных компонентов и релевантными им типовыми решениями по их управлению.

Метод системного анализа, позволяющий исследовать систему собранных в рамках досудебного производства доказательств путем ее декомпозиции на взаимосвязанные составляющие, актуализируя те элементы и связи между ними, которые обеспечивали бы оптимальное достижение целей при поддержании государственного обвинения. Систематизация доказательственного материала позволяет выявить ошибки, пробелы, противоречия в материалах уголовного дела и заблаговременно внести соответствующие коррективы в деятельность по поддержанию государственного обвинения.

Вниманию и оценке прокурора должно подлежать не только процессуальная составляющая процесса предварительного расследования, но и его криминалистическое содержание. При анализе исходной доказательственной модели обвинителю целесообразно проанализировать, каким образом происходил процесс доказывания, какие тактические упущения мог допустить следователь и как они могут отразиться в судебном заседании. Сопоставляя позицию лица, проводившего расследование и позицию прокурора, изложенную в обвинительном заключении, с собственными выводами по делу обвинитель формирует внутреннее убеждение, перспективную модель предстоящего поддержания обвинения в суде.

Метод сравнения отдельных данных, позволяющий определить степень отклонений от типовых показателей, а также установить их причины и выявить резервы для устранения. Например, резкое расхождение показаний участников процесса в ходе уголовного судопроизводства может свидетельствовать о возможном воздействии на них со стороны заинтересованных в исходе дела лиц. В случае выявления подобных противоречий прокурору следует запланировать заявление ходатайств об оглашении первоначальных показаний данных лиц, что позволит выяснять мотивы их изменения в судебном заседании и предпринять меры к возможному их устранению.

О возможности выдвижения стороной защиты новых версий в судебном разбирательстве могут свидетельствовать следующие данные, содержащиеся в материалах предварительного расследования: отказ обвиняемого давать показания в силу ст. 51 Конституции РФ, ссылки на забывчивость, потерю памяти, смена адвокатов перед направлением дела в суд, заявление ходатайств в ходе ознакомления с материалами дела о вызове и допросе дополнительных свидетелей и др. [9, с. 10]

Прогнозируя указанные ситуации, государственный обвинитель заранее планирует применение тактических приемов, направленных на предотвращение возможных актов «дискредитации» доказательств.

Метод группировки, позволяющий проводить анализ данных, отбирая их определенным способом по тем или иным признакам (как правило, по относимости к тому или иному обстоятельству предмета доказывания), в результате чего в распоряжении обвинителя формируется совокупность данных, правильная расстановка и сочетание которых позволяет ему выработать оптимальную линию поддержания государственного обвинения в суде. Поэтому при определении последовательности представления доказательств, прокурор должен учитывать особенности конкретного уголовного дела.

Метод факторного анализа, позволяющий выявить в системе доказательственных данных переменные факторы, характеризующиеся нелинейными (статистическими) связями. Такие факторы, изменение которых может дать несколько (порой не прогнозируемых) значений результата, в зависимости от сочетания с другими факторами. Поэтому задача прокурора, при использовании материалов дела в формировании своей позиции, заключается в сокращении числа подобных переменных данных. Последнее достигается или посредством сосредоточения на наиболее главных (информативных) компонентах и исключения остальных из анализа, что упрощает интерпретацию результатов, либо путем выявления и устранения таких латентных переменных.

Что касается последнего варианта, то следует констатировать, что редко кто из обвинителей при изучении материалов дела обращается к следователю с вопросами: какие еще «неожиданные» моменты могут выявиться при рассмотрении дела в суде; кто из участников процесса ненадежен в своих показаниях и может их изменить; под чьим, по мнению следователя, влиянием может такое изменение произойти и т.д. [3, с. 41] Так например, данные практики по половым преступлениям свидетельствуют, о том, что воздействие на потерпевших, оказывается со стороны родственников преступников, как в процессе предварительного следствия, так и после направления дела в суд. Чаще всего потерпевшего пытаются склонить к даче ложных показаний путем предложения материальных

благ, обещаниями жениться и т.п., возможны и угрозы в их адрес. В связи с этим в литературе настоятельно рекомендуется государственному обвинителю по данной категории дел обсудить со следователем особенности личности потерпевшего, возможности нейтрализации указанных отрицательных факторов [6, с. 291]. Получение от следователя подобной «экспертной» оценки позволяет государственному обвинителю скорректировать отдельные структурные составляющие разработанного (прогнозируемого) им сценария развития ситуации в суде, а также критически подойти к его обобщающей оценке.

Метод организационного моделирования, позволяющего закрепить организационные структуры (например, уровни распределения ресурсов, полномочий, действий и др.) в виде формализованных отображений. Практическое выражение указанный метод находит в составлении прокурором плана предстоящего поддержания обвинения в суде.

Следует отметить, что в рамках аналитических операций при формировании государственным обвинителем предварительной позиции по делу, могут применяться и комплекс других методов, направленных на рационализацию указанной деятельности. Так, согласно п. 4. Приказа Генеральной Прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»¹ в необходимых случаях при поддержании государственного обвинения могут создаваться группы обвинителей. Данное положение допускает применение метода синектики (или мозгового штурма) при анализе материалов досудебного производства с целью выработки единой согласованной позиции по вопросам исследования доказательств (а также тактики их представления в суде), устранения пробелов в доказывании и др. Данный метод позволяет достигнуть согласованного решения проблемных вопросов путем их индивидуального анализа каждым из участников группы с последующим совместным обсуждением и выбором наиболее оптимальных вариантов их решения. В данной ситуации представляется целесообразно включать в группу обвинителей прокурорского работника, знакомого с материалами надзорного производства, который мог бы дать им квалифицированную (экспертную) оценку и оказать консультативную помощь в решении указанных вопросов.

Таким образом, в результате применения указанных методов государственным обвинителем, в итоге создается определенная типовая программа участия в судебном процессе, именуется собирательным понятием «позиция по делу». Под последней, на наш взгляд, следует понимать основанную на фактических данных и внутреннем убеждении логически непротиворечивую, оптимально построенную динамическую систему действий, направленную на достижение прогнозируемых результатов. Данная система охватывает собой деятельность прокурора на всех этапах реализации государственного обвинения — с момента его подготовки и до логического завершения.

Библиографический список

1. Балакшин В.С. Поддержание государственного обвинения: учебное пособие. Екатеринбург, 2007. 140 с.

¹ См.: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221540/> (дата обращения: 19.07.2018).

2. *Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В.В., Решетова Н.Ю.* Поддержание государственного обвинения по делам о преступлениях террористического характера: научно-методическое пособие. М.: НИИ ГП РФ, 2007. 256 с.
3. *Гаврилов В.В.* Слово государственному обвинителю: Поддержание государственного обвинения в суде. Саратов: Слово, 1998. 255 с.
4. *Гармаев Ю.П.* Концепция «судебная перспектива по уголовному делу» и криминалистическая ситуалогия // Вестник бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 177–181.
5. *Исаенко В., Белова Г.* Методика поддержания государственного обвинения // Законность. 2007. № 11. С. 10–14.
6. Криминалистика для государственных обвинителей: учебник / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 479 с.
7. *Образцов В.А.* Криминалистика: учебное пособие. М.: Юрикон, 1994. 208 с.
8. *Пимчев С.П.* Ретроспективный анализ как метод прогностических исследований в педагогике: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Волгоград, 1992. 22 с.
9. Поддержание государственного обвинения: учебное пособие / под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 72 с.
10. *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика: История и современность. М.: «Маркетинг», 2002. 370 с.

References

1. *Balakshin V.S.* Maintenance of the State Charge: textbook. Ekaterinburg, 2007. 140 p.
2. *Burkovskaya V.A., Markina E.A., Melnik V.V., Reshetova N.Yu.* Maintenance of Public Prosecution in Cases of Crimes of a Terrorist Nature: scientific and Methodological Guide. Moscow, NII GP RF, 2007. 256 p.
3. *Gavrilov V.V.* Give the Word to the State Prosecutor: Support of the State Charge in Court. Saratov: Word, 1998. 255 p.
4. *Garmaev Yu.P.* The Concept of «Judicial perspective on the criminal case» and Forensic Situalogy // Bulletin of the Buryat State University. 2013. No. 2. P. 177–181.
5. *Isaenko V., Belova G.* Methods of Maintenance of the State Charge // Legality. 2007. No. 11. P. 10–14.
6. Criminology for Public Prosecutors: textbook / ed. A.F. Kozuseva, V.N. Isaenko, A.M. Kustova. M.: Norma, INFRA-M, 2012. 479 p.
7. *Samples V.A.* Forensic Science: a tutorial. M.: Jurikon, 1994. 208 p.
8. *Penchev S.P.* Retrospective Analysis as a Method for Prognostic Studies in Education: extended abstract of dis. ...candidate of. ped. sciences. Volgograd, 1992. 22 p.
9. Maintenance of Public Prosecution: the textbook / under the General editorship of V.I. Rokhlin. SPb.: St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General of the Russian Federation, 2005. 72 p.
10. *Churilov S.N.* Forensic Methodology: History and Modernity. M.: «Marketing», 2002. 370 p.

УДК 343.1

В.В. Колесник

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДОМ

Введение: в статье проводится методологический анализ авторской концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству. На основе устоявшихся подходов выясняется сущность и содержание методологии деятельности. Обосновывается наличие и структура методологии исследовательской деятельности применительно к концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству. Предлагается логическая структура методологии авторской концепции. **Цель:** установление и анализ методологии концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству. **Методологическая основа:** диалектико-материалистический подход; анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, системный анализ, структурно-функциональный и др. **Результаты:** сформирована методологическая основа концепции и построена логическая структура исследования проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом. **Вывод:** к методологии исследования проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом, как форме исследовательской деятельности, применимы универсальные черты: характеристики деятельности; логическая структура деятельности; временная структура деятельности. Исходя из логической структуры, объектом нашего исследования выступают уголовно-процессуальные отношения, возникающие и протекающие при стимулировании участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом. Предметом — закономерности формирования средств стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом.

Ключевые слова: методология, методы, методологический анализ, концепция стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству, логическая структура исследовательской деятельности.

V. V. Kolesnik

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF ENCOURAGING PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS TO COOPERATE WITH THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND THE COURT

Background: the article presents a methodological analysis of the author's concept of encouraging participants in the criminal process to cooperate. On the basis of well-established

© Колесник Вероника Вячеславовна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия)
© Kolesnik Veronika Vyacheslavovna, 2019
Candidate of law, associate professor of the Civil law department (Rostov branch of the Russian State University of Justice)

approaches, the essence and content of the methodology of activity is revealed. The existence and structure of the methodology of research activities in relation to the concept of encouraging participants in the criminal process to cooperate is substantiated. The logical structure of the methodology of the author's concept is proposed. Objective: the author of the article supposes to establish and analyze the methodology of the concept of encouraging participants in criminal proceedings to cooperate. Methodology: dialectical-materialistic approach; analysis, synthesis, deduction, induction, analogy, system analysis, structural-functional methods etc. Results: the methodological basis of the concept is formed and the logical structure of the research of the problem of stimulating the participants of the criminal process to cooperate with the preliminary investigation and the court is built. Conclusion: the following characteristics, characteristics of activity, logical structure of activity temporary structure of activity are applicable to the methodology of researching the problem of stimulating participants in the criminal process to cooperate with the preliminary investigation and the court, as a form of research activities. On the basis of the logical structure, the object of our study is the criminal-procedural relations arising out from them and encouraging participants in criminal proceedings to cooperate with the preliminary investigation bodies and the court. The subject of the research is laws of formation of means of stimulating participants of criminal process to cooperate with the bodies of preliminary investigation and court.

Key-words: *methodology, methods, the methodological analysis, the concept of stimulation of participants of criminal proceedings to cooperation, logical structure of research activity.*

На сегодняшний день уголовно-процессуальная наука не содержит фундаментальных работ, посвященных исследованию проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом. Не имеется и соответствующего законодательного отражения системы средств стимулирования, хотя практическая деятельность, связанная с расследованием уголовных дел, рассмотрением их по существу, диктует необходимость и доктринального, и законодательного пересмотра данной проблемы. Это исходит как из назначения уголовного процесса, так и из данных следственно-судебной практики. Зачастую необходимость защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод толкуется в обратную сторону и в этой связи не редки случаи не установления мотива, вины, а также иных обязательных элементов предмета доказывания, что, в свою очередь, может приводить к различным юридическим последствиям: отмена приговора, прекращение уголовного дела, уголовного преследования, возвращение уголовного дела прокурору и т.д. Например, кассационная судебная инстанция отменила приговор и прекратила уголовное дело на основании ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ за отсутствием в деянии осужденной состава преступления, в связи с тем, что не установил мотив и цель совершения обвиняемой преступления, а также умысла на совершение ею фальсификации доказательств, что свидетельствует о неполном исследовании материалов дела органами предварительного расследования¹. Еще пример, суд возвратил прокурору уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.

¹ См.: Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2006 г. № 87-006-18. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679797/> (дата обращения: 20.04.2019).

2 ст. 167 УК РФ, для устранения препятствий рассмотрения судом, выраженные в том, что обвиняемый вину в инкриминируемом ему преступлении не признал, в свою защиту привел ряд доводов, которые следователем не исследовались, не оценивались и результаты проверки которых в обвинительном заключении приведены не были². Таких примеров значительное количество.

Связь между подобными фактами и деятельностью по стимулированию участников уголовного процесса к сотрудничеству настолько существенна, что она показывает, что ни о каком сотрудничестве между обвиняемыми и органами предварительного расследования речи не идет. Вероятнее всего, между стороной обвинения и стороной защиты в таких случаях происходит противодействие, нежели взаимодействие, что негативно влияет на достижение цели уголовного процесса. Причиной этому может служить отсутствие полноценной системы средств стимулирования сотрудничества. В частности, активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве приводит также к значительным срокам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительных колониях строгого режима³. Полагаем, что такая перспектива явно не способствует к сотрудничеству. В действительности, разрешение проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству требует установления закономерных связей между формированием системы доказательств и качеством стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству, между достижением цели уголовного процесса и средствами стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству и т.д. Это требует основательного, комплексного исследования. Любая наука должна начинаться с методологии, ибо именно она определяет всю концепцию и направление исследования. В рамках настоящей статьи мы предпримем попытку провести теоретико-методологический анализ концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству. Следовательно, наши усилия будут направлены на методологию научного исследования проблемы стимулирования, а не на методологию практической деятельности по такому стимулированию. На последней мы и остановимся.

Несмотря на значительный период проводимых разработок в этой области, остаются актуальными споры об истинном значении методологии. Стало обыденным понимание «методологии» как совокупности методов, способов. настолько все это укоренилось, что соискатели при подготовке своих диссертационных исследований, приводя во введении методологическую основу, не только не учитывают полное толкование понятия «методология» — приводят лишь совокупность методов научного познания (иногда неверную), но и свято верят, что на этом методология и заканчивается.

Вероятно, для начала следует выяснить, что понимается под методом и конкретно методом научного познания, а также как соотносятся «метод» и «методология». Принято считать, что «метод (греч. — буквально «путь к чему-либо) — в

² См.: Постановление № 1-160/2014 от 21 мая 2014 г. // Архив Темрюкского районного суда Краснодарского края. 2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SpN3Kpd0hdYV/> (дата обращения: 20.04.2019).

³ См.: Приговор № 1-67/2015 от 1 апреля 2015 г. по делу № 1-67/2015 // Архив Кировского районного суда Ставропольского края. 2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8T5xIXVsvNj/> (дата обращения: 20.04.2019).

самом общем значении способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность» или же «метод (греч. — способ познания) — в самом широком смысле слова — «путь к чему-либо», способ деятельности субъекта в любой ее форме» [1, с. 8]. Пожалуй, подобное разъяснение наиболее полно передает смысл понятия «метод». При всем этом, отношение к данному понятию у различных ученых различно. Если И. Кант и Г.В.Ф. Гегель их превозносили до небывалых высот, то сегодняшняя плеяда ученых испытывает менее значительный пыл к «методу». Так, И. Кант в трансцендентной философии выделял отдельное направление учение о методе чистого разума [2, с. 34], Г.В.Ф. Гегель считал, что метод есть не что иное, как все сооружение в целом, воздвигнутое в его чистой сущности [3, с. 30], движение самого содержания [4, с. 268]. Идеалистическая диалектика Г.В.Ф. Гегеля, т.е. сведение закономерностей объективного мира к закономерностям познания в качестве всеобщего метода не была воспринята по умолчанию верным марксистско-ленинской философией⁴. Материалистическая диалектика, сформированная в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса и продолженная в работах В.И. Ленина [5; 6] заняла ключевое место в системе методов познания. Принципиальное отличие материалистической диалектики от идеалистической состоит в том, что первая исходит из того, что в основе методов познания лежат объективные законы природы и общества [4, с. 268; 7, с. 360].

Итак, что касается методологии. На сегодняшний день диалектико-материалистическая теория выступает как методология науки, обосновывающая ее принципы и пути движения [8, с. 28], а сами марксистско-ленинские принципы гносеологии, которые лежат в основе методологии науки, представляют образец наиболее цельного, последовательного решения и разработки коренных ее проблем [8, с. 29], в том числе научных. Согласимся и с тем, что все достижения прошлого были осознаны в виде диалектического метода познания реальной действительности, причем в основу его положена связь теории и практики, познаваемость реального мира, детерминирование явлений, взаимодействие внешнего и внутреннего, объективного и субъективного [1, с. 9]. Заметим, что марксистско-ленинские идеи превалировали главным образом в XX в., и развитие этих течений приходилось на советское время, когда искусственно создавалось привилегированность этих идей с помощью различных политических инструментов. Несмотря на это, необходимо признать, что до сих пор материалистическо-диалектический метод познания лежит в основе многих научных исследований. На наш взгляд, это объясняется достаточно просто — его основа, т.е. объективные законы природы и общества прошла проверку временем.

Так, и в нашем исследовании, данный метод будем определять в узком понимании, как методологическую основу⁵. В широком смысле метод и методология соотносятся несколько иначе: методология является детерминантом метода, а не наоборот. Они соотносятся как средство и продукт [9, с. 51, 64]. Но методология как средство, может служить продуктом для методики высшего уровня. В данном случае, вероятно, это и наблюдается.

⁴ Хотя сам К. Маркс на счет этого писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

⁵ Традиционно методологическая основа в виде системы методов приводится во введении исследования. В этот раз мы поступим также, но уже исходя из широкого понимания методологии.

Мы солидарны с тем, что соотношение метода и методологии состоит в том, что в методе речь идет об отношении «человек — предстоящая деятельность», а в методологии — «человек — программа деятельности» [9, с. 51, 64]. Более того, мы полагаем, что в методологии речь идет не просто о программе, но и об организации деятельности. Тем самым, утверждение «методология — это учение об организации деятельности» [10, с. 20], принимается нами за истину. При этом методология свойственна всякой деятельности, будь-то профессиональная, учебная или научная. А.М. Новиков указывает, что «организовать деятельность означает упорядочить ее в целостную систему с четко определенными характеристиками, логической структурой и процессом ее осуществления — временной структурой...», а деятельность — это целенаправленная активность человека [10, с. 24]. В нашем случае вырисовывается две стороны методологии нашей проблемы: методология исследования проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с одной, и методология стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с другой. В первом случае речь идет о методологии научно-исследовательской деятельности — научного исследования в области уголовно-процессуальной науки, а в другом — о методологии профессиональной деятельности — уголовно-процессуальной деятельности.

Под «методологией концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству» имеется в виду исследование данной проблемы. Применительно к научно-исследовательской деятельности традиционно говорят о методологии какой-либо конкретной науки (например, уголовно-процессуальной), о методологии исследования, о методологии теории... Но редко можно встретить формулировку «методология концепции». Учитывая это, предположим, что могут появиться возражения и ссылки на то, что «методологии концепции» не бывает, и что подобное словосочетание лишь выдумка автора. Но мы предлагаем рассмотреть этот вопрос шире, обратимся к сущности и понятию «методологии» и «концепции». Если методологию мы признали, как учение об организации деятельности, то под концепцией принято понимать самостоятельную идею, систему взглядов на определенную проблему. Если смотреть шире, то «концепция — это умозрительная система, выражающая определенный способ представления, понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентующая ведущую идею и (или) конструктивный принцип, реализующие определенный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике»⁶.

Насколько же применимо понятие «методология» к понятию «научная идея», «система взглядов» — насколько работа с концепцией, т.е. с построением авторской идеи, системы взглядов на определенное явление, относится к научно-исследовательской деятельности. Полагаем, что данная деятельность по своей сущности и состоит (держится) на различных авторских концепциях, которые со временем формулируются как частные научные теории. Это подтверждается еще тем, что любая научно-исследовательская деятельность, если она осуществляет более или менее грамотно, по определению всегда направлена на объективно новый результат. А тот признак продуктивной деятельности, направленной на получение объективно нового или субъективно нового результата, в отличие от репродуктивной (копия с деятельности другого человека, либо копией своей

⁶ См.: Абушенко В.Л. Концепция. Гуманитарная энциклопедия. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6890> (дата обращения: 12.02.2019).

собственной деятельности, освоенной в предшествующем опыте), которая уже организована (самоорганизована) и в применении методологии не нуждается. [10, с. 21] Также в копилку аргументов можно отнести и то, что исследование концепции взаимодействия⁷ является одной из насущных проблем современной методологии и философии науки, поскольку взаимодействие является атрибутом материи, а диалектическое понимание соотношения атрибутивных свойств материи признает наряду с координацией и определенную их субординацию [12, с. 1].

Концепция стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству, одной своей формулировкой обращает внимание ее на новизну. В науке уголовного процесса она не приводилась, не говоря уже об итогах деятельности, которые, исходя из темы, вынуждены быть новаторскими. Также возможность существования «методологии концепции» подтверждается рядом разработок, посвященных именно этому [13; 12].

Рассмотрим методологию исследования проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству. Методологию любой деятельности следует рассматривать через призму универсальной «схемы методологии», которая включает в себя:

характеристики — особенности, принципы, условия, нормы;
логическую структуру — субъект, объект, предмет, формы, средства, методы, результат;
временную структуру — фазы, стадии, этапы [10, с. 24].

Данная схема методологии применима и относительно научно-исследовательской деятельности, в частности исследовании проблемы стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству. С помощью предложенной схемы разберем методологию построения (формирования) нашей концепции со стороны логической структуры деятельности.

Так как субъектом являются мы-я, объектом нашей исследовательской деятельности, как любой научно-исследовательской деятельности, является то, что противостоит субъекту, на что субъект направляет свои усилия, в данном случае исследовательские (в данном конкретном случае объект это участники уголовного процесса). Объект не тождествен объективной реальности, а выступает как ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом [10, с. 29]. Традиционно принято считать, что объектом уголовно-процессуальной науки выступает уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная деятельность [11, с. 29]. Это вступает в противоречие с предметом уголовно-процессуальной науки, приведенном в паспорте научной специальности 12.00.09, где указано, что «предмет научных исследований, проводимых в рамках данной специальности, составляют нормы уголовно-процессуального права, основанная на них правоприменительная практика, а также достижения уголовно-процессуальной науки». Исходя из этого, осмелимся отнести себя к той группе ученых, которые считают, что уголовно-процессуальная наука в качестве объекта имеет уголовно-процессуальные отношения. Объектом исследования выступают уголовно-процессуальные отношения, возникающие и протекающие при стимулировании участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом.

⁷ Где сотрудничество, там и взаимодействие.

Предметом исследовательской деятельности являются нормы уголовно-процессуального права, основанная на них правоприменительная практика, а также достижения уголовно-процессуальной науки. Однако мы считаем, что предмет любой науки должны составлять определенные закономерности. Например, предметом философии являются всеобщие закономерности бытия, человек и процессы познания [4, с. 476]. Применительно к предмету уголовно-процессуальной науки, указывают что ей являются «...свойства уголовного судопроизводства, его связи, закономерности возникновения, функционирования и развития как социально-правового явления» [11]. Предметом нашего исследования являются закономерности формирования средств стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом.

Средства исследования также будут исходить от общих представлений. Так, принято выделять следующие средства научного исследования: материальные, математические, логические, языковые, а также информационные [10, с. 96]. Первые — позволят отделять контролируемые аргументы от интуитивных или некритически принимаемых, ложные от истинных, путаницу от противоречий, вторые — помогают строить и объяснять понятия, строить свои рассуждения и доказательства, формулировать гипотезы, получать выводы и т.д. [10, с. 98–99].

Зачастую исследователи уделяют несущественное внимание методам исследования. Иной раз происходит элементарное копирование «методологической основы и методов исследования» из какой-либо предшествующей аналогичной работы. Тем самым наблюдается несоответствие указанных во введении методов и реально использованных в исследовании. На наш взгляд, это приводит к формальному отношению не только к формированию системы методов исследования, но ко всему исследованию, поскольку методы следует определять в начале исследования, а не при его завершении. Методы научного познания бывают теоретические и эмпирические; всеобщие философские, общенаучные, частнонаучные и специальные, и др. Так, указывается, что метод научных исследований в области уголовного процесса представляет собой систему философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность, историзм и компаративизм изучения уголовно-процессуального права. Они определяются принципами исследования, которые уже были отмечены, и включают общенаучные подходы: системный, генетический, деятельностный; методы анализа и синтеза, теоретического моделирования, культурно-исторического анализа, исторической реконструкции, аналогии, экстраполяции, юридической интерпретации и другие исследовательские средства современной социогуманитаристики⁸.

Таким образом, указанная логическая схема исследования определяет не только структуру, но и содержание исследования. Использование такого понимания субъекта, объекта, предмета, формы, средств, методов научно-исследовательской деятельности определяют результат всей деятельности. При этом идея о договорной модели отношений государства с обвиняемым позволяет расширить представление об уголовно-процессуальном сотрудничестве в целом и о стимулировании уголовно-процессуального сотрудничества в частности.

⁸ URL: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/12.00.09.docx/92fd6453-d9fc-4895-9b79-2df7ab50a8b2> (дата обращения: 12.02.2019).

Разумеется, на это повлияли результаты уже проведенных исследований, позволяющих посмотреть на проблему сотрудничества в уголовном процессе под иным методологическим углом. К этой группе работ, относятся исследования, связанные с альтернативными процедурами в уголовном процессе [14; 15], согласительными процедурами в уголовном процессе [16; 17; 18], восстановительным уголовным правосудием [19; 20], примирительными процедурами [21; 22], компромиссными уголовно-процессуальными процедурами [23; 24], медиативными процедурами в уголовном процессе [25; 26; 27] и т.д. Сюда же можно отнести работы, направленные на изучение проблем, возникающих при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при признании им вины [28]. Все указанные разновидности процедур относятся так или иначе к процедуре уголовно-процессуального сотрудничества, они лежат в ее основе, поскольку природа сотрудничества одновременно и альтернативная, и согласительная, и восстановительная, и компромиссная, и, вероятно, примирительная.

Библиографический список

1. *Липчиу Н.В., Липчиу К.И.* Методология научного исследования: учебное пособие. Краснодар: КубГАУ, 2013. 290 с.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: «Эксмо», 2005. 1120 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
4. *Философский словарь* / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Изд-во политической литературы, 1954. 704 с.
5. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Книга I: Процесс производства капитала М.: Политиздат, 1983. Т. 1. 3883 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И.* О диалектическом и историческом материализме: сборник. М.: Политиздат, 1984. 636 с.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 20. 630 с.
8. *Мерзон Л.С.* Проблемы научного факта: курс лекций. Ленинград, 1972. 188 с.
9. Педагогика и логика. М.: Касталь, 1992. 146 с.
10. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М.: СИН-ТЕГ, 2007. 668 с.
11. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. 697 с.
12. *Князев В.Н.* Философско-методологический анализ концепции взаимодействия в современной физике: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1992. 32 с.
13. *Лытнева Н.А.* Методология концепции учета, анализа и аудита собственного капитала: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006. 584 с.
14. *Головкин Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 462 с.
15. *Брыжинский А.А.* Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск. 2005. 26 с.
16. *Мильтова Е.В.* Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 198 с.
17. *Абшилава Г.В.* Согласительные процедуры в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 551 с.
18. *Саркисян Т.Б.* Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 201 с.
19. *Николаев Е.М.* Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. 247 с.

20. *Соловьева Н.А., Шинкарук В.М.* Восстановительное уголовное правосудие — гуманное правосудие: лекция. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 52 с.
21. *Прокудин А.Ф.* Примирение сторон в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 258 с.
22. *Шараева Я.А.* Институт примирения в уголовно-процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015. 200 с.
23. *Попова И.А.* Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 27 с.
24. *Кувалдина Ю.В.* Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 284 с.
25. *Арутюнян А.А.* Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 262 с.
26. *Василенко А.С.* Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 176 с.
27. *Ширкин А.А.* Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2015. 222 с.
28. *Дудоров Т.Д.* Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением как способ дифференциации уголовно-процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 192 с.

Reference

1. *Lipchii N.V., Lipchii K.I.* Methodology of Scientific Research: textbook / Krasnodar: KubSAM, 2013. 290 p.
2. *Kant I.* Criticism of Pure Reason. M.: «Eksmo», 2005. 1120 p.
3. *Hegel G.W.F.* Phenomenology of Spirit. M.: Science, 2000. 495 p.
4. Philosophical Dictionary / edited by M. M. Rosenthal and P. Yudin. M.: Publishing house of polit. liter., 1954. 704 p.
5. *Marx K.* Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book I: Process of Production of Capital, Moscow: Politizdat, 1983. 3883 p.
6. *Marx K., Engels F., Lenin V.I.* On Dialectical and Historical Materialism: writings. M.: Politizdat, 1984. 636 p.
7. *Marx K., Engels F.* Writings. 2-e ed. Vol. 20. M.: State Policy, 1955. 630 p.
8. *Merson L.S.* Problems of Scientific Fact: a course of lectures. Leningrad, 1972. 188 p.
9. Pedagogy and Logic. M. Castal, 1992. 146 p.
10. *Novikov A.M., Novikov D.A.* Methodology. M.: SIN-TEG. 2007. 668 p.
11. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* Criminal procedure: textbook for universities / Under the General editorship of A. V. Smirnova. SPb.: Peter, 2004. 697 p.
12. *Knyazev V.N.* Philosophical and Methodological Analysis of the Concept of Interaction in Modern Physics: extended abstract dis. ... doc. of philosophy. M., 1992. 32 p.
13. *Lytneva N.A.* Methodology of the Concept of Accounting, Analysis and Audit of Equity: dis. ... doc. of economy. M., 2006. 584 p.
14. *Golovko L.V.* Alternatives to Criminal Prosecution as Form of Procedural Differentiation (Current Trends of Development): dis..... doc. of law. Moscow, 2003. 463 p.
15. *Bryzhinsky A.A.* Alternative Permission of Legal Disputes and Conflicts in Russia: extended abstract of cand. of law. Saransk. 2005. 26 p.
16. *Miltova E.V.* Conciliation Procedures in the Russian Criminal Proceedings: extended abstract of cand. of law. Tyumen, 2011. 198 p.
17. *Abshilava G.V.* Conciliation Procedures in Criminal Proceedings of the Russian Federation: dis. ... doc. of law. M., 2012. 551 p.

18. *Sargsyan T.B.* Conciliation Procedures in Criminal Proceedings and Their Application in a Stage of Preliminary Investigation: dis. ...cand.of law. Krasnodar, 2012. 201 p.
19. *Nikolaev E.M.* Restoration of the Rights and Legitimate Interests of the Victims in criminal Proceedings: dis. ...cand.of law. Ufa, 2009. 247 p.
20. *Solovyova N.A.* Recovery Criminal Justice — Humane Justice: Lecture. Volgograd: Publishing house VOLGA, 2013. 52 p.
21. *Prokudin A.F.* Reconciliation of the Parties in Criminal Proceedings of Russia: dis. ...cand.of law. Voronezh, 2006. 258 p.
22. *Sharayeva Ya.A.* Institute of reconciliation in law of criminal procedure of Russia: dis. ...cand.of law. N. Novgorod, 2015. 200 p.
23. *Popova I.A.* Tactical and Criminalistic Providing Compromise Procedures in Criminal Proceedings: extended abstract of cand. of law. Saratov, 2011. 27 p.
24. *Kuvaldina Yu.V.* Prerequisites and Prospects of Development of Compromise Ways of Permission of the Criminal Conflicts in Russia: dis. ...cand.of law. Samara, 2011. 284 p.
25. *Arutyunyan A.A.* Mediation in Criminal Proceedings: dis. ... cand. of law. M., 2012. 262 p.
26. *Vasilenko A.S.* Mediation and Other Programs of Recovery Justice in Criminal Proceedings of the Countries of the Anglo-Saxon Law: dis. ...cand.of law. M., 2013. 176 p.
27. *Shirkin A.A.* Mediation as the Direction of Development of Institute of Reconciliation in Criminal Proceedings of the Russian Federation: dis. ...cand. of law. Lyubertsy, 2015. 222 p.
28. *Dudorov T.D.* A Special Order of Judicial Proceedings at the Consent of the Defendant with the Charge as a Way of Differentiation of a Criminal Procedure Form: dis. ... cand.of law. Voronezh, 2010. 192 p.

УДК 343.01.

М.М. Лапунин

НЕТРАНЗИТИВНОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ И ЕЕ МИНИМИЗАЦИЯ*

Введение: публикация посвящена проблеме нетранзитивности, из-за которой нарушается иерархия видов юридической ответственности, а так же правовые принципы. **Цель:** определение категории «нетранзитивность ответственности в праве», кроме того путей минимизации нетранзитивности ответственности. На примере анализа положений уголовного, административного, гражданского законодательства выявить проявления нетранзитивности юридической ответственности; сформулировать определение соответствующего правового явления; предложить направления совершенствования межотраслевой дифференциации ответственности в целях нивелирования последствий нетранзитивности. **Методологическая основа:** диалектический (в первую очередь, в преломлении законов материалистической

© Лапунин Михаил Михайлович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lapuninm@yandex.ru

© Lapunin Mikhail Mikhailovich, 2019

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Criminal and criminal-executive law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00665 А.

диалектики), дедукции и индукции, сравнительный, статистический. **Результаты:** сформулировано определение «нетранзитивность ответственности в праве», предложены пути минимизации данного явления. **Выводы:** нетранзитивность ответственности в праве — это нежелательное состояние межотраслевой дифференциации юридической ответственности, при котором степень репрессивности мер принуждения в рамках различных отраслей не следует правилам иерархии, прежде всего, в силу классификации таких мер не по одному основанию. Выявлены факторы, способствующие увеличению нетранзитивности. Учитывая качество нетранзитивности, законодателю следует делать ставку не столько на изменение отдельных отраслей права, сколько на выстраивание последовательной системы юридической ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическая ответственность, разграничение видов ответственности, нетранзитивность.

M.M. Lapunin

NON-TRANSITIVITY OF LEGAL LIABILITY AND ITS MINIMIZATION

Background: the article deals with the problem of non-transitivity, which violates the hierarchy of types of legal responsibility and legal principles. **Objective:** to define the category of “non-transitivity of responsibility in law”, to determine the ways to minimize non-transitivity responsibility. On the example of the analysis of provisions of criminal, administrative, civil legislation to reveal manifestations of non-transitivity of legal responsibility; to formulate definition of the corresponding legal phenomenon; to offer the directions of improvement of cross-sector differentiation of responsibility for the purpose of leveling the consequences of non-transitivity. **Methodology:** dialectic, deduction and induction, comparative, statistical methods were used in the research. **Results:** the definition of “non-transitivity of legal responsibility” has been formulated, the ways of minimizing non-transitivity have been suggested. **Conclusion:** the non-transitivity of liability in law is an undesirable state of inter-sector differentiation of legal responsibility, in which the degree of repressive coercive measures within different branches do not comply with the rules of hierarchy, primarily because of the classification of such measures on more than one basis. The factors contributing to the increase of non-transitivity are revealed. Given the quality of non-transitivity, the legislator should focus not so much on changing individual branches of law, but on building a consistent system of legal liability.

Key-words: criminal responsibility, legal liability, delineation of liability, non-transitivity.

При всей эластичности юридического мира, существует ряд сложностей, связанных с некоторым рассогласованием правового регулирования в рамках различных отраслей права. В свете данной проблемы, взяв за отправную точку отрасль уголовного права, можно рассмотреть нетранзитивность юридической ответственности в целом.

Большинство современных юристов воспитано на так называемой аристотелевской логике и привыкли рассуждать, что если А больше В, В больше С, то А больше С. Вместе с тем, далеко не все объекты и явления обладают таким качеством (в математике оно называется транзитивностью). В частности, известная детская игра «камень, ножницы, бумага» является ярким примером нетранзитивности: камень выигрывает у ножниц, ножницы — у бумаги, но бумага — у камня [1].

К сожалению, общественные отношения, связанные с юридической ответственностью, куда сложнее упомянутой игры, а значит, и шансов обнаружить нетранзитивность там куда больше. Вопреки широко распространенному мнению, далеко не всегда риск уголовной ответственности сдерживает потенциального нарушителя сильнее, чем административной или гражданско-правовой ответственности. Игнорирование данного положения законодателем, априори считаемым, что самая «страшная» и эффективная ответственность в России — всегда уголовная, выливается в десятки изменений каждый год в УК РФ, когда народные избранники надеются столь мощным юридическим инструментом решить почти все социальные, экономические и даже морально-этические проблемы (достаточно вспомнить криминализацию деяний, связанных с суицидом или примечание к ст. 151 УК РФ).

При этом в качестве отправного положения учтем, что возможности уголовной ответственности далеко не беспредельны, а ее эффективность существенным образом различается для тех или иных сфер общественных отношений.

Как отмечает Н.И. Пикуров, «своеобразие каждой из отраслей российского права, специфичность их функций детерминирует и особенности возникающих между ними и уголовным правом связей. В то же время все они могут быть разбиты на два вида, первый из которых характеризует вертикальные иерархические отношения, второй — горизонтальные отношения отраслей, не подчиненных друг другу» [2, с. 18]. Н.В. Генрих, продолжая эту мысль, уточняет: «поскольку только двумя обобщенными видами связей место уголовного права в системе права описать достаточно сложно; связи эти носят более разнообразный характер. ... иерархические связи, отражающие зависимость и обусловленность уголовного права, складываются у него с конституционным правом...; с регулятивными отраслями права эта связь носит преимущественно «горизонтальный» координирующий характер; с административно-деликтным правом уголовное право сочетается в горизонтальной плоскости скорее по принципу дополнительности; с уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом уголовное право имеет генетическую связь» [3, с. 15–16].

В свою очередь, подчеркнем, что соотношение уголовной, административной и гражданской ответственности, не говоря уже про другие виды (дисциплинарная, финансовая, налоговая, бюджетная и т.д.) чрезвычайно сложное и очень часто не обладает свойством транзитивности. Под транзитивностью же понимаем состояние межотраслевой дифференциации ответственности, при котором степень репрессивности мер принуждения в рамках различных отраслей следует правилам иерархии.

Еще в середине прошлого века ученые подчеркивали, что «границы между преступлениями и административными проступками крайне условны и подвижны, так как часто с изменением общественно-политической ситуации некоторые правонарушения, ранее относившиеся к категории преступлений, могут быть отнесены к административным проступкам, и наоборот» [4, с. 65]. К такому же выводу приходят и современные исследователи: деление социальных отклонений на преступления и административные правонарушения зачастую эфемерно, что подтверждается и современной правоприменительной практикой, и мировым опытом. В КоАП РФ и УК РФ содержится около ста таких «пограничных» составов [5].

И.Е. Копченко, критикуя современную правовую политику, отмечает, что «для разрешения проблемы конкуренции уголовно-правовых и административно-правовых норм в диспозициях соответствующих статей следует формулировать конкретные критерии, характеризующие то или иное общественно опасное деяние и выражающиеся через признаки объективной или субъективной стороны составов деликтов» [6, с. 84]. Поддерживая данное предложение, уточним, что проблемы разграничения правонарушений не сводятся к двум элементам (объективная и субъективная сторона). К сожалению, наряду с ними из поля зрения законодателя иногда выпадает и объект посягательства. Так, например, диспозиция ст. 15.14 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, в случае, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Обратим внимание, что с точки зрения составов преступлений и административных правонарушений (соответственно, ст. 285¹ УК РФ и ст. 15.14 КоАП РФ) выявляется несовпадение родовых объектов посягательства. В случае УК РФ родовым объектом выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ), в КоАП РФ картина иная: родовой объект посягательства — общественные отношения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг [7, с. 126]. Вместе с тем, оценка объекта посягательства имеет существенное значение не только для теории, но и при назначении конкретного наказания, при разграничении со смежными деяниями, отличие единичного правонарушения от множественных.

Не стоит забывать при межотраслевой дифференциации и о субъекте правонарушения. Исходя из того, что уголовная ответственность в РФ не предусмотрена для юридических лиц, для них максимальную «угрозу» в аспекте ограничения прав представляет административное, антимонопольное законодательство.

Следует учитывать и тот факт, что в рамках административного судопроизводства у привлекаемого к ответственности меньше полномочий, чем предусмотрено УПК РФ для обвиняемого (подсудимого). Аналогичная проблема возникает с ответственностью несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, но не подлежащего в силу возраста уголовной ответственности. Последняя усугубляется и нестыковками в материальных отраслях права. В частности, в ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий) четко обозначен восемнадцатилетний возраст, с которого наступает уголовная ответственность за данное деяние. Однако в ст. 6.10 КоАП РФ (вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ) субъект правонарушения не оговорен, что позволяет некоторым правоприменителям, ссылаясь на ст. 2.3 КоАП РФ и игнорируя систематическое толкование, привлекать шестнадцатилетних, вовлекающих (часто в кавычках) в потребление алкоголя даже более старших товарищей.

Особого рассмотрения заслуживает, конечно, проблема соотношения санкций за правонарушения, исходя из различных отраслей права.

В частности, уже неоднократно учеными-юристами предлагалось учитывать размеры уголовных наказаний при конструировании санкций административных. Например, Д.А. Липинский обосновывает межотраслевую природу эколого-правовой ответственности и приводит весомые доводы о недопустимо-

сти превышения верхнего предела административного штрафа выше нижнего предела штрафа, предусмотренного уголовным законодательством [8]. Тот же автор обращает внимание на несогласованность длительности административного и уголовно-правового карательного воздействия. Так, сравнивая сроки лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по УК РФ и сроки административной дисквалификации (по сути — аналог уголовного наказания), в одном случае совпадают нижние пределы карательного уголовно-правового и административно-правового воздействия, а в других случаях верхний предел длительности административной санкции выше, чем нижний предел уголовно-правовой санкции. В результате, не исключено за совершение административного правонарушения назначение наказания более строгого, чем предусмотренное УК РФ за общественно опасное деяние [9].

На аналогичную диспропорцию применительно к штрафу указывали ранее, например, В.И. Рохлин, А.П. Стуканов: меры административной ответственности, штрафные санкции, нередко превосходят в несколько раз аналогичное наказание за преступление [10]. От практических работников можно услышать примеры, когда индивидуальные предприниматели настаивали на привлечении их к уголовной ответственности за правонарушения, понимая, что лишение свободы им не грозит, а штраф в рамках уголовно-правовой санкции будет ощутимо меньше, чем при применении норм административного законодательства. Подпункт 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ предусматривает обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, практически любой суммы (и примеры прекращения права собственности на миллиард и более рублей в новейшей истории уже есть). Вместе с тем, максимальный штраф по коррупционным преступлениям в рамках уголовной ответственности составляет лишь 500 млн руб. (ч. 2 ст. 46 УК РФ), а возможности конфискации имущества (гл. 15¹ УК РФ) весьма ограничены в силу ее специального характера.

Но, как уже отмечалось, проблема нетранзитивности правовой ответственности не сводится лишь к соотношению санкций.

Так, сроки давности привлечения к уголовной ответственности, как правило, больше (а к ряду преступлений они вообще неприменимы), чем аналогичные сроки в КоАП РФ и сроки исковой давности. Но, например, в силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ сроки давности за нарушения законодательства России о противодействии коррупции истекают через шесть лет со дня совершения административного правонарушения (в частности, ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»). Согласно же ст. 78 УК РФ всего два года составляют сроки давности за преступления небольшой тяжести (к таковым относится и распространенное коррупционное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291 УК РФ — дача взятки). В гражданском праве же общий срок исковой давности по ст. 196 ГК РФ составляет 3 года.

Как видим, далеко не всегда уголовная ответственность предусматривает максимальные ограничения прав и свобод правонарушителя. Ситуация усложняется и тем, что гражданская ответственность может аккумулироваться с уголовной и административной, а вот привлечение к уголовной ответственности исключает возможность привлечения за то же деяние того же лица к административной ответственности.

Необходимо учитывать и еще одну причину нетранзитивности ответственности: наряду со строгостью, нарушитель, чаще всего, взвешивает шансы не нести наказания. Ведь если вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности будет 10% к 90%, то риск быть привлеченным к административной ответственности возрастает.

Приведем наглядный пример с декриминализацией оскорбления. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹, за 2015 г. по ст. 5.61 КоАП РФ привлечено к ответственности 14374 лиц (лишь 5 из них — юридические). По ст. же 130 УК РФ за весь 2010 г. было осуждено 7587 человек (из них 4518 — по дополнительной квалификации). В 2011 г. таковых было 6694 (некоторое снижение имело место, поскольку ст. 130 УК РФ утратила силу в конце этого года). Таким образом, рост числа правонарушений, связанных с оскорблением, за пять лет составил 89%, т.е. риск быть привлеченным к ответственности за оскорбление в связи с декриминализацией оскорбления вырос почти в два раза! Причем скачок был резким: уже в 2013 г. было наказано 14429 лиц по ст. 5.61 КоАП, в 2014 г. — 14657 чел. Подчеркнем, что количество выявленных лиц, совершивших деяние, запрещенное ст. 130 УК РФ, до ее отмены было ближе к числу привлекаемых к административной ответственности. Соответственно, нет никаких оснований говорить о том, что в нашей стране люди стали чаще друг друга оскорблять — нет, за эти годы, в связи с переносом правовой нормы из одной отрасли в другую, лишь выросла вероятность понести ответственность (следует полагать, в силу упрощенной процедуры привлечения к административной ответственности, в сравнении с уголовным процессом).

Поскольку уголовное право регулирует отношения, связанные с совершением преступления, а также с иными общественно опасными проявлениями, в то время как гражданское право — имущественные и личные неимущественные, связанные с имущественными отношениями, то возникают противоречия между уголовным и гражданским законодательством.

Например, мнимая оборона (а это случай, когда уголовное право применяется к отношениям, которые объективно ни с какой стороны не относятся к преступлению — ни «нападающее», ни «обороняющееся» лицо не совершает такового) приравнивается к необходимой обороне². Но в подобной ситуации возникает пробел: ведь тогда невозможно и возмещение потерпевшему вреда в силу ст. 1066 ГК РФ. В таком случае, применение напрямую гражданского законодательства (без возбуждения и прекращения уголовного дела по факту причинения вреда) может влечь более значимые для причинителя вреда последствия, чем применение последовательно уголовного и гражданского права. Так, если вред был при мнимой обороне причинен огнестрельным оружием (источник повышенной опасности), гражданско-правовая ответственность возможна и без вины его владельца.

Иногда нетранзитивность правовой ответственности возникает на фоне процессов изменений в жизни общества. К XXI в. сложилась позиция, согласно которой уголовное право должно охранять отношения, базирующиеся на самых важных, невозможных или очень трудно восстанавливаемых благах, ценностях.

¹ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 15.09.2018).

² См. абз. 2 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

Опасность, исходящая от совершаемых преступлений зачастую заключается в потере невозполнимых ресурсов обществом или ее членами. Изменения в науке и технике, общественном укладе, меняют ценности, расставляют иные акценты. Например, благодаря развитию медицины сегодня причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью по неосторожности декриминализировано, с такими случаями справляются и нормы гражданского права. С другой стороны, в настоящее время следует ужесточить посягательства на нейронные сети, лежащие в основе искусственного интеллекта: в данный момент это уже гораздо ближе к посягательству на личность, чем к «неодушевленным» компьютерным преступлениям. Квалифицированным должен быть состав модификации незаконной сетей глубокого обучения, т.к. такие последствия сродни вреду здоровью и непоправимы, чаще всего, в отличие от восстановления, например, из резервной копии уничтоженной хакером переписки. Да и такие преступления требуют специальных навыков — их гораздо сложнее совершить, чем удалить фото с соседского ноутбука, к примеру. Сегодня же возможности уголовно-правовой охраны в данном вопросе существенно уступают даже потенциалу гражданского права.

Для выхода из порочного круга конкуренции видов ответственности нужны жесткие правила, установление какого-то ключевого для каждого вида ответственности свойства, ведь нетранзитивность появляется там, где деление свойств проводится не по одному основанию.

К сожалению, не всегда это у законодателя получается. Ранее стержневой особенностью уголовной ответственности можно было легко обозначить судимость. Но сейчас «своя» судимость есть в избирательном, трудовом, оружейном законодательстве. Сегодня, по сути, даже Конституционный Суд РФ не возражает против «вечной судимости»³, которой не существует в уголовном праве, но легко может получиться в трудовых отношениях. Фактически, уголовно-правовой категорией «судимость» иные отрасли права пользуются как им заблагорассудится [11].

Выход из этой ситуации нужно искать, конечно, не в противопоставлении отраслей права, а в последовательной борьбе с пробелами правового регулирования.

Так, например, важным представляется введение фикции: считать освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию привлеченным к административной ответственности, если есть аналогичная статья Особенной части УК РФ статья в КоАП РФ. В идеале необходимо возложить на судью обязанность принимать эти решения одновременно, в одном процессе (освобождение от уголовной ответственности и привлечение к административной). Если составы правонарушений существенно различаются, то следует установить исчисление срока давности привлечения к административной ответственности от этого дня — вынесения решения по уголовному делу. Сегодня же имеется патовая ситуация, когда правоохранные органы не успевают привлечь к уголовной ответственности лиц, в отношении которых прекращено уголовное дело по нереабилитирующим основаниям либо в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ (малозначительность деяния). Соответствующие поправки нужно внести и в КоАП РФ.

Следует констатировать, что в административном праве советского периода обращали внимание на подобную проблему и существовал институт освобождения

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

дения от уголовной ответственности с привлечением к административной. Это было возможно лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О порядке применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»⁴ позволял мотивированным определением судьи применять определенные административные взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности с привлечением их к ответственности административной.

При этом, как верно отмечалось административистами в то время, «законодатель не пошел по пути альтернативного признания одних и тех же деяния и преступлениями, и административными проступками в зависимости от конкретных обстоятельств дела и личности преступника и нигде не именуется преступления административными проступками, равно как и наоборот. ... Другое дело, что при наличии определенных условий и с учетом конкретных обстоятельств дела и личности преступника ... в строгом соответствии с законом могут освободить виновное лицо от уголовной ответственности, заменив ее административной» [12, с. 100–101].

Как неоднократно подчеркивалось отечественными учеными, при проведении межотраслевой дифференциации, тем более — касающейся вопросов разграничения уголовной и административной ответственности, «должна обеспечиваться преемственность в видах юридической ответственности» [13, с. 52].

Следует поддержать достаточно широко распространенную в праве позицию, что для случаев отсутствия разграничительных признаков при конструировании смежных деликтов различной отраслевой принадлежности «должно быть установлено нормативно правило, являющееся воплощением принципа справедливости, согласно которому в подобных случаях подлежит применению норма об ответственности, содержащая наиболее лояльную с точки зрения и меры, и вида, и размера, и отраслевой принадлежности ответственности санкцию» [14, 139].

Подводя итог, можно остановиться на следующих ключевых моментах, сформулировать определенные выводы.

Нетранзитивность ответственности в праве — это нежелательное состояние межотраслевой дифференциации юридической ответственности, при котором степень репрессивности мер принуждения в рамках различных отраслей не следует правилам иерархии, прежде всего, в силу классификации таких мер не по одному основанию.

Нетранзитивность видов юридической ответственности необходимо осознать отечественному законодателю, что позволило бы устранить наблюдающийся сегодня очевидный перекоп в виде стремления решать самые разнообразные социальные, религиозные, экономические, политические и моральные проблемы с помощью уголовного закона как самого «строгого» и «мощного» инструмента.

Далее, на основе изучения нетранзитивности видов юридической ответственности следует выявлять и устранять уже имеющиеся противоречия и пробелы в правовом регулировании.

Кроме того, нетранзитивность в обозначенном вопросе необходимо учитывать как при квалификации содеянного в рамках УК РФ, так и при разграничении

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 7, ст. 117.

правовых сфер (уголовного и гражданского права, уголовного и административного права и т.д.).

Учитывая качество нетранзитивности правовой ответственности, законодателю следует делать ставку не столько на изменение отдельных отраслей права, сколько на выстраивание системы ответственности, устранение пробелов при привлечении виновных к ответственности (в широком смысле слова).

Ниже приведем факторы, на которые необходимо обращать внимание, в стремлении снизить нетранзитивность ответственности в праве.

1. Наряду со строгостью ответственности следует учитывать вероятность ее наступления в рамках различных отраслей права. Здесь же следует принимать во внимание процессуальные возможности нарушителя для защиты своих прав: не должно быть существенной диспропорции по возможностям защиты от обвинения в административном проступке и в преступлении.

2. Санкции в нормах различных отраслей права должны соотноситься между собой по правилам иерархии. Так, для физических лиц в административном праве не должно быть наказаний, равных или больших, чем за сходные деяния в рамках уголовной ответственности.

3. Институт судимости и его аналоги должен быть соотнесен в различных отраслях права.

4. Необходима «трансформируемость» ответственности, когда непривлечение (как по реабилитирующим, так и нереабилитирующим основаниям) к более строгому виду допускало бы с позиций материального и процессуального права привлечение к менее строгому.

5. Гражданско-правовые санкции должны соотноситься с положениями административного и уголовного права, и наоборот, не допуская перекосов и нарушения принципа справедливости.

6. Необходимо «сквозное» конструирование норм, предусматривающих ответственность, с учетом единого подхода к пониманию соответствующих объектов посягательств.

7. Следует уделять внимание возрасту, с которого наступает ответственность, за однотипные правонарушения в различных отраслях права.

8. Требуется четкая межотраслевая дифференциация и при регламентировании правовых институтов, связанных с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, а также освобождением от ответственности.

Библиографический список

1. Поддьяков А. Правило транзитивности против нетранзитивности выбора // Наука и жизнь. 2017. № 3. С. 130–137.
2. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. 220 с.
3. Генрих Н.В. Взаимосвязь уголовно-правовых отношений с предметом иных отраслей права // Общество и право. 2010. № 2. С. 13–23.
4. Шишов О.Ф. О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве // Советское государство и право. 1961. № 6. С. 64–73.
5. Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений // Правоведение. 2005. № 3. С. 58–74.
6. Копченко И.Е. Разграничение норм административного и уголовного законодательства в процессе юридической квалификации неправомερных действий // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 82–85.

7. Саранчук Ю.М., Сигалов К.Е., Фатьянов А.А. Дифференциация юридической ответственности за бюджетные нарушения // Вестник экономической безопасности. 2015. № 5. С. 123–127.

8. Липинский Д.А. О правовой политике в сфере дифференциации и индивидуализации эколого-правовой ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2017. Т. 4. № 50. С. 79–85.

9. Липинский Д.А. Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // Юрист. 2003. № 7. С. 30–34.

10. Рохлин В.И., Стуканов А.П. Прокурорский надзор за соблюдением законности по делам об административных правонарушениях: учебное пособие. СПб., 1997. 40 с.

11. Кострова М.Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 70–83.

12. Административная ответственность в СССР / под ред. В.М. Манохина и Ю.С. Адушкина. Саратов, 1988. 166 с.

13. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. 300 с.

14. Рожнов А.П. Проблемы обеспечения юридической справедливости при межотраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 4. С. 134–141.

References

1. Poddiakov A. The Rule of Transitivity against the Non-transitivity of Choice // Science and Life. 2017. № 3. P. 130–137.

2. Pikurov N.I. Criminal law in the System of Intersectoral Relations. Volgograd, 1998. 220 p.

3. Henry N.V. The Relationship of Criminal Legal Relations with the Subject of Other Branches of Law // Society and Law. 2010. No. 2. P. 13–23.

4. Shishov O.F. On the Distinction between crimes and Administrative Offenses in Soviet Law // Soviet state and law. 1961. No. 6. P. 64–73.

5. Konstantinov P.Y., Solovyova A.K., Stukanov A.P. The relationship of Administrative Offenses and Crimes // Jurisprudence. 2005. No. 3. P. 58–74.

6. Kopchenko I.E. Delimitation of the Norms of Administrative and Criminal Legislation in the Process of Legal Qualification of Illegal Actions // Theory and practice of social development. 2016. № 5. P. 82–85.

7. Saranchuk Yu.M., Sigalov K.E., Fatyanov A.A. Differentiation of Legal Responsibility for Budget Violations // Bulletin of economic security. 2015. No. 5. P. 123–127.

8. Lipinsky D.A. On the Legal Policy in the Field of Differentiation and Individualization of Environmental Legal Liability // Legal state: theory and justice. 2017. Vol. 4. No. 50. P. 79–85.

9. Lipinsky D.A. Inconsistency of the Code of Administrative Offenses // Lawyer. 2003. № 7. P. 30–34.

10. Rokhlin V.I., Stukanov A.P. Procurator Supervision over the Observance of Legality in Cases of Administrative Offenses: Textbook. SPb., 1997. 40 p.

11. Kostrova M.B. The Term “First-time offender” in the Context of the Relationship of Criminal and Other Branches of the Russian Law // Lex russica. 2015. No. 8. P. 70–83.

12. Administrative responsibility in the USSR / ed. by V.M. Manokhin and Yu.S. Adushkin. Saratov, 1988. 166 p.

13. Kruglikov L.L., Vasilyevsky A.V. Differentiation of Responsibility in Criminal Law. SPb., 2002. 300 p.

14. Rozhnov A.P. Problems of Ensuring Legal Justice in the Interdisciplinary Differentiation of Legal Responsibility // Logos et Praxis. 2017. V. 16. No. 4. P. 134–141.

УДК 343.288

А.М. Репьева

ИЗМЕНЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА МЕНЕЕ ТЯЖКУЮ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Введение: автор подвергает анализу современную редакцию ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющую поощрительную норму в виде возможности изменения категории преступления на менее тяжкую. Изучение системы законодательства, судебной практики и правовой доктрины позволило подвергнуть сомнению целесообразность данной нормы с позиции соответствия принципу справедливости. **Цель:** осуществить концептуальное осмысление законодательно установленной возможности суда изменить категорию преступления на менее тяжкую на предмет соответствия «духу» уголовного закона в целом и реализации принципа справедливости — в частности. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов исследования, формально-юридический подход, сравнительно-правовой способ, герменевтика. **Результаты:** проведенное исследование позволило выдвинуть и обосновать гипотезу об открытии для осуждаемого неоправданных возможностей наступления позитивных изменений в правовом статусе и установление послаблений, которые противоречат отдельным аспектам воплощения принципа справедливости. **Выводы:** автором предлагается внесение изменений в уголовное законодательство, которые бы заключались в установлении дополнительных исключений относительно последствий применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, а также необходимости учета личности преступника при рассмотрении вопроса о снижении категории преступления.

Ключевые слова: категория преступления; принцип справедливости; назначение наказания; личность виновного.

А.М. Repeva

CHANGE OF THE CATEGORY OF THE CRIME TO THE LESS SERIOUS ONE: LOOK THROUGH THE PRINCIPLE OF JUSTICE PRISM

Background: the author analyzes the current version of part 6 of article 15 of the Criminal code of the Russian Federation, which establishes the incentive rule in the form of the possibility of changing the category of crime to a less serious one. The study of the system of legislation, judicial practice and legal doctrine allowed to challenge the appropriateness of this rule from the standpoint of compliance with the principle of justice. **Objective:** to carry out a conceptual understanding of the legislatively established possibility of the court to change the category of crime to a less serious one for compliance with the “spirit” of the criminal law in general, and the implementation of the principle of justice – in particular.

© Репьева Анна Михайловна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии (Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); e-mail: anna-repeva@yandex.ru

© Repeva Anna Michailovna, 2019

Candidate of law, Associate professor, Department of criminal law and criminology (Altai branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation)

Methodology: a set of dialectical and systemic research methods, formal legal approach, comparative legal method, hermeneutics. **Results:** the study allowed to advance and establish the hypotheses of opening for the accused person wrong opportunities for positive changes in the legal status and the establishment of concessions that contradict certain aspects of the implementation of the principle of justice. **Conclusions:** the author proposes to make amendments to the criminal law, which would provide to establish additional exceptions to the consequences of the application of part 6 of article 15 of the criminal code, as well as the need to take into account the identity of the offender when considering the issue of reducing the category of crime.

Key-words: category of crime; the principle of justice; sentencing; the identity of the perpetrator.

В конце 2011 г. в результате редакции уголовного законодательства, у суда появилась возможность изменения категории преступления на менее тяжкую при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, а также с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности. Как указывает М.Ф. Мингалимова [1, с. 38–44], а также исходя из анализа судебной практики, для соблюдения данной части нормы необходима совокупность ряда обстоятельств: заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению иных соучастников, занимающихся преступной деятельностью, отсутствие судимостей, наличие положительных характеристик, иждивенцев и др.

Помимо качественных условий (фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности), вторым требованием к снижению категории являются количественные. Суд вправе изменить категорию преступления не более чем на одну, если:

за совершение преступления средней тяжести назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое;

за совершение тяжкого преступления — не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое;

за совершение особо тяжкого преступления — не превышающее семи лет лишения свободы.

Проанализируем практику применения ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.)¹ (далее — УК РФ). С самого начала существования рассматриваемой нормы юристы отмечали, что она не эффективна, указывая, к примеру, что суды первой инстанции зачастую игнорируют ее применение. Такое положение дел связывали с отсутствием разъяснений и сложностями обоснования в приговоре целесообразности применения ч. 6 ст. 15 УК РФ (к примеру, не до конца понятно, что означает формулировка «фактические обстоятельства преступления»). Действительно, после анализа правоприменительной практики, проведенного нами, стоит констатировать, что за последние два года суды крайне редко использовали свое право закрепленное УК РФ все больше в приговорах встречается оговорка — «оснований для изменения категории на менее тяжкую суд не усматривает».

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

В мае 2018 г. Верховный суд РФ все же дал разъяснение по поводу особенностей применения ч. 6 ст. 15 УК РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»²). В самом начале документа указано, что изменение категории преступления на менее тяжкую является реализацией закрепленного в статьях 6 и 7 УК РФ принципа справедливости, с чем достаточно сложно согласиться. Давайте остановимся подробнее на данном аспекте и попробуем соотнести с рассматриваемым принципом позицию законодателя, определенную в ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Уже достаточно длительное время в поисках наиболее объективного толкования категории «справедливость» в научном сообществе формируются различные подходы. Данное направление отражено в работах, как по теории права, так и отраслевым юридическим наукам, в том числе, уголовному праву [2; 3; 4]. Интересной выглядит точка зрения В.Н. Петрашева, который считает, что справедливость выражается в том, «...чтобы кара соответствовала тяжести вины совершенного преступления, расценивалась бы как возмещение морального ущерба, причиненного преступлением...» [5, с. 161]. На наш взгляд, бесспорно одно — восстановление справедливости немыслимо без должного «воздаяния» за преступление.

Однако несмотря на кажущуюся объективность вышеуказанных точек зрения, имеются и диаметрально противоположные взгляды на роль и значение справедливости в уголовном праве. С.А. Велиев утверждает к примеру: «Справедливость вряд ли можно с достаточной полнотой воплотить в уголовном законе, наиболее карательной отрасли, в которой постоянно борются противоречащие друг другу тенденции» [6, с. 305]. Не можем согласиться с таким утверждением. Справедливость пронизывает уголовный закон не только в доктринальном ее понимании, но и нормотворческом (так, ст. 43 УК РФ прямо содержит цель — восстановление социальной справедливости).

Не углубляясь в теоретические аспекты, считаем, что нельзя смешивать принцип справедливости с целью восстановления социальной справедливости. Поскольку принципы — это основные положения, идеи, лежащие в основе социальных явлений, а цель — это результат, определенный в законе, например, восстановление социальной справедливости в процессе назначения наказания. Так или иначе, категория «справедливость» — одна из центральных, иллюстрирующих правовую природу государства, социальную направленность и нацеленность органов правосудия на принятие объективных решений. Подтвердить выдвинутый тезис позволяет анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ, определений Конституционного Суда РФ, которые систематически акцентируют внимание на необходимости руководствоваться рассматриваемым принципом при принятии решений и их обосновании.

Исходя из толкования норм уголовного законодательства, действие принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, предполагает, что наказание, а также иные меры уголовно-правового воздействия должны являться карательным отражением характера и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. О должной реализации и воплощении данного принципа будет говорить нахождение баланса между назначенным наказанием, характером и степенью общественной опасности совершенного преступления.

² См.: Российская газета. 2018. 19 мая.

Укажем на аспекты принципа справедливости при снижении категории преступления в соотношении с потерпевшим. Как указывает А.Н. Антипов, «справедливость в отношении потерпевшего — это применяемое наказание в отношении правонарушителя в виде санкции, компенсация возможного материального и морального ущерба» [7, с. 10].

Обратим внимание, что в 2009 г. Президент РФ в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации определил: «Уголовное наказание, как на уровне закона, так и на стадии его применения судами должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего»³.

Когда речь идет о снижении категории со средней тяжести до небольшой, то не вызывает острой реакции вопрос возможных последствий применения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Иначе дело обстоит в случае совершения лицом тяжкого преступления.

Отметим, что данная категория преступления может быть совершена только умышленно. Получается, что согласно понятию вины в уголовном законе, лицо, совершая деяние, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления либо сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Гуманный законодатель (при создании данной нормы) и суд (при принятии соответствующего решения) пытаются оправдать такие действия лица, и, снижая категорию преступления, запускают механизм наступления позитивных изменений для преступника во-первых:

- изменении вида исправительного учреждения;
- возможности условного осуждения;
- уменьшении сроков погашения судимости;
- признании рецидива при совершении повторного преступления;
- возможности освобождения от уголовной ответственности и от наказания.

Отдельно отметим, что в настоящее время большинство оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, в качестве обязательного условия содержат указание на две категории преступлений: небольшой и средней тяжести (ст. 75 УК РФ — в связи с деятельным раскаянием; ст. 76 УК РФ — в связи с примирением с потерпевшим; ст. 80.1 УК РФ — в связи с изменением обстановки и пр.).

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2016 г. прекращено 95 уголовных дел с применением ч. 6 ст. 15 УК РФ и, как следствие, примирением сторон; в связи с деятельным раскаянием — 28⁴; в 2017 г. прекращено 59 уголовных дел с применением ч. 6 ст. 15 УК РФ и, как следствие, примирением сторон; деятельным раскаянием — 24⁵; за первое по-

³ См.: Российская газета. 2009. 13 нояб.

⁴ См.: Статистика судебного департамента при Верховном суде РФ. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 13.11.2018).

⁵ См.: Статистика судебного департамента при Верховном суде РФ. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 13.11.2018).

лугодие 2018 г. прекращено 42 уголовных дела с применением ч. 6 ст. 15 УК РФ и, как следствие, примирением сторон; деятельным раскаянием — 14⁶.

Приведем пример. Красносулинским районным судом Ростовской области установлено, что Б. нанесла ножом своему гражданскому мужу Т. два удара в грудную клетку, причинив ему телесные повреждения в виде проникающего колото-резаного ранения с повреждением левого легкого с гемотораксом, квалифицирующегося как тяжкий вред, причиненный здоровью человека по признаку опасности для жизни. Суд признал Б. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК, и назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы. На основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 6 месяцев. В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ суд изменил категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. На основании ст. 76 УК РФ суд освободил осужденную Б. от отбывания назначенного наказания в виде 2 лет лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ за примирением сторон [8, с. 40–41].

Уместно также упомянуть и о ст. 86 УК РФ, согласно которой лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. Возникает вопрос: справедлив ли итог применения уголовного закона к лицу, совершившему умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в части освобождения от уголовной ответственности и отсутствия судимости.

Здесь уместно подтвердить наши доводы словами Президента Российской Федерации, который в послании Федеральному Собранию в 2015 г. отметил, что закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства⁷.

Возможно, стоит привести и иной пример, который идентичен с точки зрения изменения категории преступления и как следствие, дальнейшего освобождения от уголовной ответственности, в отличие от предыдущего, как нам видится, является совершенно разумным и как раз выражающим принцип справедливости.

Так, по уголовному делу в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, установлено, что, будучи в состоянии алкогольного опьянения, он решил пойти к соседу. Однако, увидев на входной двери дома навесной замок и поняв, что хозяева дома отсутствуют, у Г. возник преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества. Г. подошел к входной двери дома и снял с петли навесной замок, который не был закрыт. После чего проник внутрь дома, откуда похитил сотовый телефон марки «SAMSUNG GT - E1080i» и одну пару ботинок черного цвета. Подсудимый Г. ранее не судим, впервые привлекается к уголовной ответственности, ущерб возместил в полном объеме, вину признал, в содеянном раскаялся. Кроме того, у Г. клинический диагноз: умственная отсталость легкой степени со значительными нарушениями поведения. С учетом указанных обстоятельств суд постановил снизить категорию преступлений до средней тяжести и Г. освободить от

⁶ См.: Статистика судебного департамента при Верховном суде РФ. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 13.11.2018).

⁷ См.: Российская газета. 2015. 4 дек.

уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в соответствии со ст. 76 УК РФ⁸.

Не преследуя цели подвергнуть сомнению необходимость существования возможности изменения категории преступления на менее тяжкую, укажем на необходимость установления дополнительных исключений относительно последствий ее применения, что, совершенно очевидно. Так, применение положений ч. 6 ст. 15 УК РФ при изменении категории преступления с тяжкого на средней тяжести не должно допускать возможность освобождения от уголовной ответственности по ряду оснований, предусмотренных УК РФ.

В этом ключе, приведем еще один пример. Так, К. был осужден Красноармейским районным судом Самарской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Ранее К. осуждался 17 ноября 2006 г. по ч. 1 ст. 111 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года. Однако постановлением суда от 13 июня 2007 г. условное осуждение отменено и К. был направлен для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима на срок 3 года; 2 февраля 2009 г. освобожден условно-досрочно.

При решении вопроса о назначении наказания по ч. 1 ст. 105 УК РФ судом был учтен в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, рецидив преступлений и, как следствие, невозможность изменения категории преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

С учетом указанных обстоятельств, руководствуясь ст. 86 УК РФ, безусловно, судимость по этому приговору на момент совершения им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, является погашенной и, наличие рецидива с точки зрения норм уголовного закона в качестве отягчающего обстоятельства, было ошибочно.

Вследствие этого, по кассационной жалобе осужденного К. приговор Красноармейского районного суда Самарской области от 12 января 2016 г. и постановление президиума Самарского областного суда от 31 августа 2017 г. были изменены в части исключения из описательно-мотивировочной части приговора указания на признание обстоятельством, отягчающим наказание, наличие судимости за ранее совершенное преступление. С учетом таких изменений Верховный суд РФ счел возможным применить ч. 6 ст. 15 УК РФ и изменить категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, с особо тяжкого на тяжкое преступление⁹.

Данный пример наталкивает на размышления относительно справедливости возможности изменения категории преступления, с учетом того, что К. ранее умышленно причинил тяжкий вред здоровью, суд, учитывая личность и обстоятельства, смягчающие наказание, счел возможным считать назначенное наказание условным. Однако К. не исполнял определенные судом обязанности, не доказал своим поведением исправление, вследствие чего был помещен в исправительное учреждение для дальнейшего отбывания наказания. Тем не

⁸ См.: Постановление Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 13 августа 2013 г. «О снижении категории преступления и прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UJ9KtrNpJnJD/> (дата обращения: 10.01.2019).

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2018 г. № 46-УД18-37. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082018-n-46-ud18-37/> (дата обращения: 10.01.2019).

менее, и это, с учетом установленного факта совершения позже преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, не исправило лицо. Более того, совершенное деяние является более тяжким по отношению к предыдущему. Возникает вопрос: возможно ли в такой ситуации применение ч. 6 ст. 15 УК РФ и насколько суд должен быть гуманным к тем, кто не желает исправляться и вести право- послушный образ жизни?

Указанная выше ситуация возникла, как нам видится, из-за не в полной мере проработанной формулировки рассматриваемой нормы. Основываясь на действующей регламентации ч. 6 ст. 15 УК РФ, возможность изменения категории преступления рассматривается исходя лишь из обстоятельств и нюансов конкретного преступления, в то время как законодатель обошел стороной необходимость учета личности преступника. Анализ иных статей УК РФ, так или иначе затрагивающих особенности назначения наказания, позволяет говорить об особом внимании к личности виновного (ч. 1 ст. 6, ч. 3 ст. 47, ст. 48, п. «а» ч. 1 ст. 58, ч. 3 ст. 60, ч. 1.1 ст. 63, ч. 2 ст. 73, ч. 6.2 ст. 88 УК РФ).

С учетом указанных нами выше примеров и приведенных доводов, видится необходимым внесение ряда изменений в уголовное законодательство:

1) изложить ч. 6 ст. 15 УК РФ следующим образом, дополнив словами «личности виновного»:

«6. С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, личности виновного суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в части третьей настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части пятой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы»;

2) дополнить ст. 15 УК РФ частью 7 следующего содержания:

«7. Применение положений, установленных частью шестой настоящей статьи при изменении категории преступления с тяжкого преступления на преступление средней тяжести, исключает возможность освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 75, 76, 76.2 настоящего Кодекса».

Библиографический список

1. Мингалимова М.Ф. Изменение категории преступления // Уголовное судопроизводство. 2017. № 4. С. 38–44.
2. Епифанов Б.В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. 24 с.
3. Попов А.Н. Принцип справедливости в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. 24 с.
4. Шкредова Э.Г. Принципы назначения наказания как один из критериев его справедливости // Уголовное право. 2016. № 2. С. 102–108.

5. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / В.Г. Беляев, А.И. Бойко, Б.В. Волженкин и др.; отв. ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д; М.: Феникс; Сорока; Зевс, 1996. 734 с.

6. *Велиев С.А.* Принципы назначения наказания. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 388 с.

7. *Антипов А.Н.* Справедливость как средство обеспечения безопасности в обществе // История государства и права. 2015. № 6. С. 9–13.

8. *Решетняк В.И.* Принятие судами решений об изменении категории преступления на менее тяжкую // Законность. 2016. № 9. С. 38–41.

References

1. *Mingalimova M.F.* the change in the category of crime // Criminal proceedings. 2017. № 4. P. 3–44.

2. *Erifanov B.V.* the Principle of social justice in criminal law : the author. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. SPb., 1993. 24 p.

3. *Popov A.N.* The principle of justice in criminal law: author. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. SPb., 1993. 24 p.

4. *Shkredov E.G.* Principles of sentencing as one of the criteria of justice // Criminal law. 2016. № 2. P. 102–108.

5. The comment to the Criminal Code of the Russian Federation / V.G. Belyaev, A.I. Boiko, B.V. Volzhenkin, etc.; Ed. ed. A.I. Boyko. Rostov n /D; M.: Phoenix; Forty; Zeus, 1996. 734 p.

6. *Veliev S.A.* Principles of sentencing. SPb.: The faculty of law. Press center, 2004. 388 p.

7. *Antipov A.N.* Justice as a means of ensuring security in society // History of state and law. 2015. № 6. P. 9–13.

8. *Reshetnyak V.I.* the court's Acceptance of the decisions about changing the category of crimes less serious // Legality. 2016. № 9. P. 38–41.

УДК 343.3

Е.П. Сергун

ОСНОВНЫЕ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОСТАВА ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА (СТ. 279 УК РФ)

Введение: вооруженный мятеж не относится к числу распространенных преступлений. Однако для осуществления государственного переворота или территориальной дезинтеграции страны достаточно однократной реализации стратегического замысла повстанцев. Объем уголовно-правового вклада в предупреждение упомянутого поведенческого акта определяется степенью правильности концептуального подхода к конструированию соответствующего запрета. Обоснованность консервативного законодательного видения вооруженного мятежа вызывает научно-практические сомнения. **Цель:** дать научную оценку качества юридической техники ст. 279 УК

© Сергун Евгений Петрович, 2019
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права, философии и социологии (Горно-Алтайский государственный университет); e-mail: e.p.sergun@gmail.com

© Sergun Evgeny Petrovich, 2019
Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Law, philosophy and sociology department (Gorno-Altai State University)

РФ. Проанализировать состав преступления, предусмотренный ст. 279 УК РФ, на предмет наличия устаревших и спорных с юридико-технических позиций законодательных решений. Методологическая основа: всеобщий метод материалистической диалектики в совокупности с базовыми общенаучными, а также частнонаучными и частнопровыми методами уголовно-правовой доктрины. Результаты: аргументировано, что ст. 279 УК РФ не аккумулирует точных представлений об объекте посягательства; выявлены научные расхождения в интерпретации объективной и субъективной сторон данного состава преступления; доказано, что рассматриваемая уголовно-правовая норма не является эффективным средством обеспечения безопасности демократического государства. Выводы: действующая редакция ст. 279 УК РФ не оправдывает своего назначения и нуждается в основательной юридико-технической переработке.

Ключевые слова: вооруженный мятеж, бунт, восстание, антигосударственные преступления, террористическая деятельность, качество уголовного закона, юридическая техника уголовно-правовых запретов.

E.P. Sergun

THE BASIC LEGAL-TECHNICAL QUESTIONS OF THE COMPONENTS OF THE ARMED REBELLION (ART. 279 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Background: armed rebellion is not a common crime. However, for a coup d'tat or territorial disintegration of the country, a single implementation of the strategic plan of the rebels is enough. The scope of the criminal law contribution to the prevention of the said behavioural act is determined by the degree of correctness of the conceptual approach to the construction of the relevant prohibition. The validity of the conservative legislative conduct of the armed rebellion raises scientific and practical doubts. **Objective:** to analyze the elements essential to the crime under Art. 279 of the Criminal Code of the Russian Federation, for the existence of outdated and controversial legislative decisions from the legal and technical positions, to give a scientific assessment of the quality of the legal technology Art. 279 of the Criminal Code. **Methodology:** the universal method of materialistic dialectics in conjunction with the basic general scientific, as well as private scientific and private law methods of the criminal law doctrine. **Results:** it is argued that Art. 279 of the Criminal Code does not accumulate accurate ideas about the object of infringement; scientific differences in the interpretation of the objective and subjective aspects of this crime are revealed; it is proved that the criminal law in question is not an effective means of ensuring the security of a democratic state. **Conclusions:** the current version of Art. 279 of the Criminal Code of the Russian Federation does not confirm its purpose and needs a thorough legal and technical processing.

Key-words: armed rebellion, rebellion, uprising, anti-state crimes, terrorist activities, quality of criminal law, legal technique of criminal law prohibitions.

Преступления террористического характера продолжают удерживать заметные позиции в структуре наиболее тяжелой преступности в Северо-Кавказском федеральном округе. С 2011 г. Республика Дагестан доминирует по количеству ежегодно регистрируемых преступлений, связанных так или иначе с террористической деятельностью. В 2017 г. в республике было выявлено 531 преступление (для сравнения — в 10 субъектах Российской Федерации не было зафиксировано ни одного подобного случая). Следом идут Чеченская Респуб-

ка и Кабардино-Балкарская Республика (за 2017 г. — 256 и 143 преступлений соответственно)¹.

Согласно примечанию 2 к ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ) в числе преступлений данной группы фигурирует вооруженный мятеж, ответственность за который установлена ст. 279 УК РФ. Нужно признать, это одно из самых редко совершаемых уголовно наказуемых деяний. Однако его специфика такова, что, если мятежникам все же удастся реализовать предопределяющие бунт намерения, то социально-политические последствия содеянного примут непредсказуемый масштаб, вплоть до возникновения новых вооруженных национальных конфликтов и радикального изменения геополитической ситуации в мире, о чем, например, свидетельствуют актуальные события в Украине [1, с. 10–18].

Вместе с тем диспозиция ст. 279 УК РФ, остающаяся без изменений с 1 января 1997 г., не является совершенной в юридико-техническом смысле. В подтверждение этого тезиса, а также для привлечения повышенного внимания законодателя и научного сообщества к имеющемуся кругу открытых вопросов дадим оценочную уголовно-правовую характеристику каждого из элементов обозначенного состава преступления.

Родовой (специальный) объект вооруженного мятежа (если при его констатации руководствоваться структурой Особенной части УК РФ) — государственная власть (разд. X УК РФ). Однако для нужд правоприменительной деятельности такая формулировка не является информативной ввиду многообразия и неоднозначности доктринальных подходов к определению власти в общем и государственной власти в частности [2, с. 39–42]. В контексте научного обоснования уголовно-правовой защиты всякой государственной власти уместно поднять вопросы и относительно того, должен ли уголовный закон обеспечивать интересы, допустим, нелегитимной, нелегальной власти [3, с. 107–112], и может ли вооруженный мятеж при некоторых обстоятельствах являться формой реализации естественного права народа [4, с. 43–49]. Действующее законодательство об этом умалчивает, а потому подобного рода «метафизические» формулировки объекта преступного посягательства не имеют реального квалификационного значения.

Видовой объект анализируемого состава преступления, как пишет А.И. Рарог, — «общественные отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства» [5, с. 494]. Чуть более конкретизированным представляется мнение П.В. Агапова, согласно которому вооруженный мятеж есть «посягательство на внутреннюю безопасность Российской Федерации в части незыблемости ее конституционного строя и территориальной целостности» [6, с. 66].

Полагаем, нарушение территориальной целостности государства (способное, кстати, преследовать цель как образования суверенных антидемократических территориально-властных формирований, так и построения нового демократически ориентированного государства на обособляемой территории) и дей-

¹ См.: Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 08.11.2018).

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 41, ст. 6192.

ствия, непосредственно направленные на искоренение гуманистического (ст. 2 Конституции Российской Федерации³ (далее — Конституция РФ)) и демократического (ст. 3 Конституции РФ) политико-мировоззренческих начал конституционного строя Российской Федерации, правильно рассматривать в качестве самостоятельных (независимых друг от друга) составов преступлений. В первом случае речь идет о посягательстве на материальный (физический) компонент любой страны (территория), а во втором — на нематериальную (идейно-правовую) составляющую исключительно демократического государства (конституционный строй).

Кроме того, несмотря на очевидные различия между мирной сецессией и воинствующим сепаратизмом, имеющим террористическую природу, с философско-правовых позиций спорно относить к террористической деятельности также вооруженный (насильственный) мятеж, предполагающий нарушение территориальной целостности государства, если в таком государстве установился антидемократический режим, а действия бунтовщиков обусловлены выражением несогласия с диктатурой, направлены на отстаивание права народов на самоопределение и носят вынужденный оборонительный, не заключающийся в стремлении к кровопролитию характер.

На современном историческом этапе юридическому исследованию этих нюансов не уделяется достаточного внимания. С эпохи Н.С. Таганцева, относившего «мятеж или бунт» к посягательствам на «внутренний государственный строй» [7, с. 184], отечественные законодательные взгляды в этой области концептуально не менялись. Научные представления о сущности и назначении государства между тем подверглись кардинальному пересмотру.

Академические дефиниции **основного непосредственного объекта** разбираемого состава преступления традиционно апеллируют к двум составным элементам расплывчатого по своему содержанию видového объекта, сформулированного в названии гл. 29 УК РФ (т.е., с одной стороны, к «основам конституционного строя», а с другой — к «безопасности государства»). Думается, в этом смысле на ст. 279 УК РФ возлагаются слишком глобальные и многоаспектные задачи, совокупное выполнение которых выходит за пределы ее возможностей и требует хорошо продуманного комплексного уголовно-политического подхода.

Так, суждение о том, что «объектом данного преступления являются общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации» [8, с. 95], представляется идеализированно-обобщенным. В нашем видении отмеченная уголовно-правовая норма фрагментарно регулирует общественные отношения, обеспечивающие реализацию:

во-первых, принципа недопустимости захвата власти, предусмотренного ч. 4 ст. 3 Конституции РФ, нарушение которого повлечет изменение или свержение конституционного строя Российской Федерации (неполное уголовно-правовое обеспечение, поскольку процесс перерождения демократического политического режима в антидемократический может быть вызван не революцией «снизу» (т.е. вооруженным «народным ополчением»), но, что более вероятно, применением манипулятивных политических технологий «сверху», оказывающих деструктив-

³ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

ное воздействие на конституционное правосознание граждан, и использованием квазидемократических институтов для юридической легитимации политических результатов);

во-вторых, принципа целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, закрепленного в ч. 3 ст. 4 Конституции РФ, и принципа федеративного устройства Российской Федерации, отраженного в ст. 65 Конституции РФ (частичное уголовно-правовое обеспечение, т.к. в ст. 279 УК РФ речь идет только о вооруженно-бунтарском способе территориальной дезинтеграции страны);

в-третьих, принципа недопустимости создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, провозглашенного ч. 5 ст. 13 Конституции РФ (условное уголовно-правовое обеспечение, потому что организация вооруженного мятежа не требует, но и не исключает возможности создания общественного объединения, описанного в ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 20 декабря 2017 г. № 404-ФЗ⁴)).

По мнению Н.А. Силаевой, вооруженный мятеж относится к группе посягательств на политическую систему Российской Федерации [9, с. 73]. Однако в ст. 279 УК РФ ничего не свидетельствует о том, что данный запрет относится к уголовно-правовому механизму защиты демократической формы политической организации общества (заметим, в действующем уголовном законе отсутствуют такие термины, как «демократическое правовое государство», «демократический режим» и т. п.). Наличие анализируемой уголовно-правовой нормы не препятствует изменению политической системы Российской Федерации путем внесения соответствующих изменений в Конституцию РФ с помощью массовой идеологической пропаганды и коррупционно-лоббистской деятельности.

Деяние по ст. 279 УК РФ подразумевает широкий перечень **дополнительных** и пространный круг всевозможных **факультативных непосредственных объектов**, что в совокупности с иными замечаниями не свидетельствует о приемлемом качестве юридической техники (прежде всего из-за наличия конкурирующих составов преступлений). Так, можно согласиться не только с лаконичным суждением С.В. Дьякова о том, что «насильственные действия в ходе вооруженного мятежа ставят под угрозу также жизнь и здоровье граждан» [10, с. 97], но и с развернутым выводом П.В. Агапова: «Общественная опасность вооруженного мятежа заключается и в том, что в процессе совершения данного преступления причиняется вред здоровью различной степени тяжести и смерть сотрудникам правоохранительных органов и военнослужащим, выполняющим обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, гражданским лицам, значительный имущественный ущерб, дезорганизуется работа государственных органов власти и управления, парализуется деятельность промышленных предприятий, организаций, школ, детских садов, учреждений торговли и других объектов жизнеобеспечения, наступают иные тяжкие последствия» [6, с. 66].

Неудивительно, что в судебной практике отсутствуют обвинительные приговоры, которыми осужденные были признаны виновными в совершении единственного

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930; 2017. № 52, ч. I, ст. 7927.

преступления — вооруженного мятежа. Наоборот, при совершении действий, образующих состав вооруженного мятежа по ст. 279 УК РФ, виновным инкриминируется целый спектр сопутствующих составов преступлений. Так, в 2003 г. имел место случай осуждения лица одновременно по ч. 2 ст. 208, ст. 279, ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 223, ч. 3 ст. 205; ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 205; ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 205; ч. 5 ст. 33, п. «а», «б» ч. 3 ст. 111; ч. 5 ст. 33, п. «а», «б», «е», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ⁵.

Объективную сторону в контексте диспозиции ст. 279 УК РФ образуют следующие действия: организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем [11, с. 580].

Как пишет Ю.Е. Пудовочкин, «...вооруженный мятеж можно определить как активную, насильственную, совершаемую с применением или угрозой применения оружия деятельность широкого круга лиц, направленную на свержение, изменение конституционного строя либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Сама по себе эта деятельность может быть выражена в самопровозглашении отдельной территории России независимым государством, вооруженном захвате власти, применении репрессий в отношении должностных лиц законно образованных органов власти, неподчинении требованиям федеральных властей, вооруженном сопротивлении воинским контингентам, призванным восстановить конституционный правопорядок, и т. д.» [12, с. 949]. Однако настолько всеобъемлющая трактовка не позволяет провести отчетливую грань между преступлениями, предусмотренными ст. 278 и 279 УК РФ. Дискуссионность точки зрения Ю.Е. Пудовочкина можно объяснить тем, что законодатель не принял во внимание ряд практических обстоятельств, например, нереалистичность насильственного захвата власти или насильственного изменения конституционного строя (ст. 278 УК РФ) одним невооруженным человеком, т.е. без учинения вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ). Также, в частности, логически невозможна организация вооруженного мятежа в целях свержения конституционного строя (ст. 279 УК РФ) вне фактического совершения действий, направленных на насильственный захват власти (ст. 278 УК РФ) и т.п.

Отсюда возникает проблема разграничения единичного преступления и совокупности деяний. Так, И.А. Ефремов утверждает, что если применяемое при захвате или удержании власти насилие приобретает форму вооруженного мятежа, то содеянное полностью охватывается ст. 279 УК РФ и не требует дополнительной квалификации [13, с. 59]. Напротив, М.Ф. Мусаелян считает, что «если насилие при насильственном захвате власти приобретает форму вооруженного мятежа (с присущими ему целями), содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 278 и 279 УК РФ» [14, с. 14]. Официальные разъяснения по этому поводу отсутствуют.

Полагаем, в ст. 279 УК РФ подразумевается не «стихийное выступление против власти, характеризующееся массовостью (участием достаточно большой группы людей, толпы) и вооруженностью» [15, с. 559], а, как заметил А.И. Рарог, «...организованное вооруженное выступление против законной власти, конституционного строя и территориальной целостности Российской Федерации» [5, с. 505]. «Организованность» выступления наводит на предпо-

⁵ См., например: Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 21 октября 2014 г. по делу № 22-7016/2014. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oFL6jCokcFri/> (дата обращения: 08.11.2018).

ложение об имплицитном законодательном выделении самостоятельной формы преступного соучастия, которую можно было бы обозначить, например, как «сообщество вооруженных мятежников». Если его создание изначально было частью концепции ст. 279 УК РФ, то необходимо различать организацию вооруженного мятежа и собственно вооруженный мятеж. К слову, как сказано в одном из учебников, «организация вооруженного мятежа — это различные действия, направленные на провоцирование вооруженного выступления против законной власти в Российской Федерации. Они могут состоять, в частности, в пропаганде вооруженного мятежа, в вербовке его участников, в снабжении мятежников оружием, воинским снаряжением, в планировании вооруженных операций и других действиях по идеологическому, материальному или организационному обеспечению мятежа» [5, с. 505].

Следует заметить, что если отождествлять «сообщество вооруженных мятежников» и незаконное вооруженное формирование, то рационально говорить об общей (ст. 208 УК РФ) и специальной (ст. 279 УК РФ) нормах уголовного закона.

Однако с принятием Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶, на основании п. 8 ст. 3 которого уголовное законодательство было дополнено ст. 205.4 УК РФ, выяснилось, что гипотетическое «сообщество вооруженных мятежников» не является по смыслу ч. 1 ст. 205.4 УК РФ ни самостоятельным криминальным образованием, ни незаконным вооруженным формированием. Это — «террористическое сообщество». При этом трудно признать разумным вынесение «организации террористического сообщества», преследующего цель «организации вооруженного мятежа», за рамки состава преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ. Приведенные уголовно-правовые запреты дублируют друг друга и порождают искусственную множественность преступлений.

«Активное участие в вооруженном мятеже состоит в совместном с другими участниками мятежа совершении насильственных действий с применением или попыткой применения оружия, направленных на достижение целей мятежа. Однако умышленное причинение смерти в процессе применения насилия не охватывается составом данного преступления и должно дополнительно квалифицироваться по ст. 105 УК РФ, а если потерпевшими являются государственные или общественные деятели либо сотрудники правоохранительных органов, то по ст. 277, 295 или ст. 317 УК РФ (при наличии остальных признаков этих составов преступлений)» [16, с. 548]. Вторая часть цитаты не вызывает разногласий, т.к. изложенное суждение базируется на общих правилах квалификации преступлений. Что же касается практической констатации «активности» участия в вооруженном мятеже, то здесь возникают трудности. П.В. Агапов справедливо обратил внимание на то, что «такого рода технико-юридический прием является нетипичным, поскольку в других нормах, где содержится признак „участие“ (ст. 208, 209, 210, 212, 239 УК РФ), указание на активность такого участия отсутствует» [6, с. 68–69].

Касательно непроработанности ст. 279 УК РФ нужно в свою очередь подчеркнуть, что объективная сторона вооруженного мятежа идейно не отличается от объективных признаков массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ). В обеих диспозициях фигурируют такие общие, но по-разному сформулированные ква-

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 44, ст. 5641.

лификационные признаки, как «организованность», «вооруженность», «насильственность». Законодатель называет и другие характерные черты массовых беспорядков, присущие вооруженному мятежу на практике (в частности, оказание сопротивления представителям власти). Условный знак равенства также можно поставить между активным участием в вооруженном мятеже и участием в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ). Кроме того, действия, направленные на провоцирование вооруженного выступления против законной власти в Российской Федерации, составляющие «организацию вооруженного мятежа», по своей юридической природе аналогичны призыву к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ). Наконец, организация массовых беспорядков, участие в них и (или) призывы к массовым беспорядкам с целью свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации могли бы подлежать квалификации по соответствующей части ст. 212 УК РФ и ст. 278 УК РФ. Эти аргументы ставят под сомнение обоснованность наличия ст. 279 УК РФ.

Собственных взглядов придерживается С.В. Дьяков, утверждающий, что если в вооруженный мятеж «перерастают» массовые беспорядки, то имеет место реальная совокупность преступлений [10, с. 99]. С формальной законодательной стороны это правильный вывод. Однако такой подход выглядит полемичным с позиций принципов справедливости, экономии уголовной репрессии, а также применительно к эффективному достижению целей уголовного наказания (которое при надуманной множественности преступлений становится исключительно строгим).

В науке уголовного права совокупность преступлений рассматривается как критерий повышенной общественной опасности содеянного. Но, вооруженный мятеж не станет более вредоносным для общества (его пагубность и так предельно высока), если он начнется в форме массовых беспорядков. Затем общественная опасность массовых беспорядков поглотится материальным признаком вооруженного мятежа, как более тяжкого преступления (причем, если государство окажется не в состоянии подавить массовые беспорядки, то с большой вероятностью именно так и произойдет). Необходимость уголовно-правовой квалификации со ссылкой на ст. 69 УК РФ возникает в подобных случаях не в ходе наблюдения за обсуждаемым социальным феноменом, а в процессе реализации несогласованных, повторяющихся по смыслу норм уголовного законодательства. Никакой действительной множественности преступлений здесь, на наш взгляд, не наблюдается.

«Анализируемый состав преступления относится к числу формальных составов, однако момент его окончания для организаторов и активных участников различен» [12, с. 951]. Вместе с тем в силу законодательной неопределенности понятийных словосочетаний «организация вооруженного мятежа» и «активное участие» возникает сложность в установлении времени начала совершения рассматриваемых деяний.

Организация вооруженного мятежа, как полагает А.И. Рарог: «...представляет оконченное преступление с момента первого вооруженного выступления мятежников. Действия, которые были направлены на организацию массовых вооруженных выступлений против законной власти, но фактически не привели к ним, следует квалифицировать как приготовление к вооруженному мятежу» [16, с. 548].

Как известно, приготовление к преступлению имеет место лишь тогда, когда преступление не было доведено до конца по независящим от уличенного лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Чтобы определить момент доведения разбираемого преступления до его логического завершения, требуется исключить многозначность формулировки «организация вооруженного мятежа». Так, если понимать под этим термином умышленное обеспечение одним из потенциальных бунтовщиков всех обязательных условий для начала организованного вооруженного выступления другими лицами, то чем исчерпывается его запланированный вклад в совершение преступления, закономерно появляется вопрос: имеют ли для него квалификационное значение последующие действия, совершаемые мятежниками? Полагаем, что нет и деяние надлежит признать оконченным уже с момента выполнения организационных мер, способных инициировать вооруженный мятеж (по аналогии с усеченным составом преступления).

«Активное участие в вооруженном мятеже, — продолжает А.И. Рарог, — может считаться оконченным преступлением с момента совершения участником мятежа конкретных насильственных действий с применением или попыткой применения оружия, направленных на достижение целей мятежа, независимо от фактического осуществления этих целей или наступления иных последствий» [16, с. 548]. Такое суждение кажется дискуссионным, поскольку оно косвенно сводит «активное участие» к исполнению. Получается, какую бы объективно активную роль в вооруженном мятеже не выполнял, например, пособник, он не может быть признан «активным участником», если воздерживается от совершения насильственных действий. Оглашенное научное расхождение объясняется абстрактностью объективной стороны изучаемого состава преступления.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и наличием одной из трех альтернативных целей: 1) свержения конституционного строя; 2) насильственного изменения конституционного строя; 3) нарушения территориальной целостности Российской Федерации [5, с. 506]. Как заметил П.В. Агапов, обозначенные цели во многом взаимосвязаны, в связи с чем провести семантическое различие между ними нелегко. Не случайно в процессуальных документах судебно-следственных органов они указываются, как правило одновременно [6, с. 68].

В науке относительно вариативности названных целей высказаны и иные соображения. Так, И.М. Агзамов и Т.И. Юсупов пишут: «Характеризуя субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, следует иметь в виду, что отсутствие хотя бы одной из перечисленных в диспозиции целей исключает ответственность по исследуемой нами норме» [8, с. 96]. Вместе с тем разделительные союзы «или» и «либо», употребленные законодателем, делают изложенную позицию уязвимой для критики.

По мнению А.И. Рарога, цель свержения конституционного строя Российской Федерации предполагает стремление насильственным путем упразднить основы конституционного строя, закрепленные в гл. 1 Конституции РФ, ликвидировать права и свободы, провозглашенные в гл. 2 Конституции РФ, и установить общественный и государственный строй, не соответствующий Основному Закону. В свою очередь, под целью насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации ученый подразумевает «стремление упразднить конституционные институты, органы и учреждения и заменить их институтами, органами и учреждениями, не предусмотренными Конституцией РФ» [5, с. 506].

Выразим солидарность с этими утверждениями. Но все же во второй дефиниции мы бы не стали опускать прилагательное «насильственное», потому что главная проблема на сегодня состоит в том, что действующее уголовное законодательство допускает формально легитимное (внешне мирное, квазидемократическое) изменение сложившегося конституционно-правового устройства Российской Федерации в антидемократическом русле. Такие действия не охватываются ни ст. 278, ни ст. 279 УК РФ, ни иными уголовно-правовыми нормами. Вся общественная опасность усматривается правотворцами только в насилии, но не, например, в установлении тоталитаризма, легализующего государственный террор (к слову, пропаганда антидемократизма в России не запрещена).

Последняя цель — нарушение территориальной целостности страны — означает в представлении А.И. Рарога «намерение разрушить принципы федеративного устройства, закрепленные в гл. 3 Конституции РФ, и насильственно отторгнуть часть ее территории с провозглашением ее независимости от России или присоединением к иностранному государству» [5, с. 506]. Только отмеченный субъективный признак придает рассматриваемому преступлению некоторую оригинальность в числе прочих уголовно-правовых запретов.

Военизированный выход субъекта Российской Федерации или части его территории из состава Российской Федерации не находится в непосредственной причинно-следственной связи с ликвидацией базовых конституционных принципов на оставшейся (нетронутой) суверенной территории Российской Федерации. Так, независимость Чечни в 1990-х гг. не вызвала изменений гл. 1 Конституции РФ. Данное обстоятельство наделяет деяния, ориентированные на сепаратизм, спецификой, отличающей их от прямых посягательств на правовую структуру демократического государства (конституционный строй). В то же время бесосновательно дифференцируемые в ст. 279 УК РФ цели повстанческого свержения и насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации равнозначны между собой и концептуально тождественны целям преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В связи с этим нами допускается уголовно-политическая возможность преобразования ст. 279 УК РФ в состав с чисто сепаратистской целью с исключением прочих квалификационных субъективных признаков.

Впрочем, некоторые авторы, к примеру В.Н. Воронин, усматривают целесообразность в декриминализации ст. 279 УК РФ с переносом цели нарушения территориальной целостности в диспозицию ст. 278 УК РФ. С такой точки зрения, стадия, предшествующая вооруженному мятежу, могла бы охватываться ст. 208 УК РФ, а последующие действия повстанцев — ст. 278 УК РФ [17, с. 119].

Субъектом обсуждаемого преступления является, со слов А.И. Рарога, «... лицо, достигшее возраста 16 лет. При совершении преступления в форме организации вооруженного мятежа субъектом могут быть его организаторы и руководители (лица, осуществляющие руководство его практической реализацией). Активные участники вооруженного мятежа — это лица, непосредственно совершающие насильственные действия с применением оружия ради достижения целей мятежа» [5, с. 506]. Однако, как заметил П.В. Агапов, использование в ст. 279 УК РФ лексической конструкции «активное участие» «дает основание полагать, что уголовной ответственности должны подлежать не все лица, вовлеченные в процесс антигосударственного вооруженного выступления, а лишь участники, чья противоправная деятельность существенно способствовала

достижению указанных в законе целей» [6, с. 69]. В результате остается открытым вопрос о юридической оценке поведения лиц, принимавших «неактивное» участие в вооруженном мятеже.

Итак, уголовно-правовая оценка качества юридической техники состава преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, позволяет сделать выводы о том, что его законодательному описанию присущи: а) двусмысленность в установлении общественных отношений и благ, на которые посягает деяние; б) неопределенность признаков объективной стороны поведенческого акта (в частности нераскрытость терминов «организация вооруженного мятежа» и «активное участие»); в) концептуальное совпадение с массовыми беспорядками по ст. 212 УК РФ (т.е. повторяющаяся в уголовном праве доминанта); г) неуточненное соотношение с составами преступлений, предусмотренными ст. 208 и 205.4 УК РФ; д) неустраненная конкуренция со ст. 278 УК РФ (между конструктивными признаками обоих составов преступлений в пору поставить знак смыслового равенства, за исключением альтернативной цели нарушения территориальной целостности Российской Федерации, свойственной только вооруженному мятежу. Эти убеждения разделяет А.Г. Хлебушкин, отмечающий, что «вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ) является частным случаем насильственного захвата власти или ее насильственного удержания (ст. 278 УК РФ) [18, с. 14]). В связи с этим справедливо говорить о том, что проанализированный запрет не оправдывает своего назначения. Он нуждается в основательном доктринальном и законодательном пересмотре. Научному сообществу рекомендуется обратить внимание на возможность проектирования альтернативного состава преступления сепаратистской направленности.

Библиографический список

1. *Манойло А.В.* Вооруженный мятеж на Украине: тень арабской весны // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 10–18.
2. *Чувашов Л.А.* Понятие государственной власти: социально-философский анализ // Социум и власть. 2011. № 3. С. 39–42.
3. *Ламанов Е.Н., Полчанинова Н.Р.* Легитимность и легальность государственной власти // Ценности и нормы правовой культуры в России: сборник научных статей IV Международного круглого стола, посвященного дню рождения И.А. Ильина, русского философа и юриста. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2013. С. 107–112.
4. *Галимова А.Ш.* Право народа на восстание в учениях юристов «школы естественного права» и Ж.-Ж. Руссо // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 43–49.
5. Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. Т. 2. 688 с.
6. *Аганов П.В.* Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66–70.
7. *Романовская В.Б., Рогов С.Л.* Политические преступления по Уголовному уложению 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 183–187.
8. *Юсупов Т.И., Агзамов И.М.* Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации // Закон и право. 2014. № 12. С. 93–97.

9. *Силаева Н.А.* Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на политическую систему России, в период с 2009 по 2011 годы // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2013. № 2. С. 73–76.
10. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 267 с.
11. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 704 с.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2011. 1232 с.
13. *Ефремов И.А.* Как защитить власть от захвата и (или) ее незаконного удержания // *Законодательство и экономика.* 2012. № 5. С. 58–61.
14. *Мусаелян М.Ф.* Террористический акт и преступления, предусмотренные статьями 277, 278 и 279 УК РФ: квалификация и отграничение // *Российский следователь.* 2010. № 10. С. 13–15.
15. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 736 с.
16. Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
17. *Воронин В.Н.* Насильственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы качества конструирования уголовно-правовых норм // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2018. № 1. С. 116–120.
18. *Хлебушкин А.Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 41 с.

References

1. *Manoylo A.V.* Armed Insurrection in Ukraine: the Shadow of the Arab Spring // *Geopolitical journal.* 2014. № 4. P. 10–18.
2. *Chuvashov L.A.* The Concept of State Power: Social and Philosophical Analysis // *Socium and power.* 2011. № 3. P. 39–42.
3. *Lamanov E.N., Polchaninova N.R.* Legitimacy and Legality of State Power // *Values and norms of legal culture in Russia: Coll. of scient. publications of IV International Round Table, dedicated to the birthday of I.A. Ilyin, Russian philosopher and lawyer.* Kursk: Southwestern State University, 2013. P. 107–112.
4. *Galimova A.S.* The Right of the People to Revolt in the Doctrine of the «school of natural law» the lawyers and J.-J. Rousseau // *Actual problems of Russian law.* 2009. № 2. P. 43–49.
5. *Russian Criminal Law: in 2 vol. Special part: textbook / G.N. Borzenkov [and others.]; ed. by L.V. Inogamova-Khegai, V.S. Komissarov, A.I. Rarog.* 3rd ed., revised and enlarged. M.: Prospect, 2011. V. 2. 688 p.
6. *Agapov P.V.* Armed Insurrection: Certain Aspects of the Criminal Law Characteristics and Improvement of the Legislation // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2013. № 10. P. 66–70.
7. *Romanovskaya V.B., Rogov S.L.* Political Crimes under the Criminal Code of 1903 // *Bulletin of the N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.* 2007. № 3. P. 183–187.
8. *Yusupov T.I., Agzamov I.M.* The Organization of an Armed Rebellion or Active Participation in it in order to Overthrow or Forcibly Change the Constitutional System of the Russian Federation // *Law and Right.* 2014. № 12. P. 93–97.

9. *Silaeva N.A.* Criminological Characteristics of Crimes Encroaching on the Political System of Russia, in the Period from 2009 to 2011 // *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2013. № 2. P. 73–76.

10. *Dyakov S.V.* Crimes against the Foundations of the Constitutional System and State Security: Criminal Law and Criminological Research / S.V. Dyakov. SPb.: R. Aslanov Publishing House «Legal Center Press», 2009. 267 p.

11. Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook / M.P. Zhuravlev [and others]; by ed. A.I. Rarog. 6th ed., revised and enlarged. M.: Prospect, 2010. 704 p.

12. Criminal Law of Russia. Parts General and Special: the textbook / ed. A.V. Brilliantov. M.: Prospect, 2011. 1232 p.

13. *Yefremov I.A.* How to Protect the Government from Seizure and (or) its Illegal Confinement // *Legislation and the economy*. 2012. № 5. P. 58–61.

14. *Musayelyan M.F.* The Terrorist Act and Crimes under Articles 277, 278 and 279 of the Criminal Code of the Russian Federation: Qualification and Delimitation // *Russian investigator*. 2010. № 10. P. 13–15.

15. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. A.I. Boyko. Rostov n/d.: Phoenix, 1996. 736 p.

16. Criminal Law of Russia: The Special part / ed. A.I. Rarog. 4th ed., revised and enlarged. M.: Eksmo, 2010. 704 p.

17. *Voronin V.N.* Violent Crimes against the Foundations of the Constitutional System and the Security of the State: Problems of the Quality of Construction of Criminal Law Norms // *Law science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. № 1. P. 116–120.

18. *Khlebushkin A.G.* Criminal Law Policy of the Russian Federation in the Field of Protection of the Fundamentals of the Constitutional System: extended abstract of dis. ... doc. of law. SPb., 2016. 41 p.

УДК 343.1

Н.В. Спесивов

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: происходящие политические процессы на современном этапе европейской интеграции и связанные с ней реформы, в том числе в сфере уголовного правосудия повышают значимость вопроса о роли и значении постановлений Европейского суда по правам человека в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике. **Цель:** рассмотреть научно-практические вопросы, касающиеся влияния

© Спесивов Никита Владимирович, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, директор Юридического института правосудия и адвокатуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

© Spesivov Nikita Vladimirovich, 2019
Candidate of law, Associate professor of the Criminal procedure department (Saratov State Law Academy), Director of the Law Institute of Justice and Advocacy

европейских стандартов прав человека на российское уголовное судопроизводство и проблемы исполнения решений Европейского суда по правам человека в контексте взаимоотношений России и Европейского сообщества. **Методологическая основа:** в работе использованы метод системного анализа теоретических аспектов поставленной проблемы, а также правоприменительной практики Европейского суда по правам человека и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** роль европейских стандартов прав человека в общем и решений Европейского суда по правам человека в частности — в регулировании уголовно-процессуальных правоотношений велика. Европейские стандарты прав человека способствуют выявлению в национальной системе права пробелов и противоречий, посредством их совершенствуется не только национальное законодательство, но и оптимизируется правоприменительная деятельность, что имеет наибольшее значение, поскольку она является заключительным этапом реализации указанных стандартов. **Выводы:** несмотря на продолжающуюся политику «отчуждения» Российской Федерации в европейском сообществе, данные процессы не должны затрагивать механизмы защиты прав и свобод человека в сфере уголовного процесса, поскольку это негативно отразится на судебно-следственной практике при производстве по уголовным делам в части соблюдения прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Европейские стандарты прав человека, в том числе трактующиеся в решениях Европейского суда по правам человека способствуют не только развитию правосудия по уголовным делам, но и должны оставаться для граждан доступным гарантом справедливости механизма обеспечения прав и свобод, когда все национальные инстанции обжалования пройдены.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное прав, европейские стандарты прав человека, решения Европейского суда по правам человека.

N. V. Spesivov

MODERN VIEW ON THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Background: ongoing political processes at the present stage of European integration and related reforms in the field of criminal justice as well raise the importance of the role and significance of the European Court of Human Rights rulings in criminal procedural legislation and law enforcement practice. **Objective:** to consider scientific and practical issues related to the impact of European human rights standards on Russian criminal justice and problems of enforcement of decisions of the European Court of Human Rights in the context of the relationship between Russia and the European Community. **Methodology:** the method of analyzing the theoretical aspects of the problem posed, as well as the law enforcement practice of the European Court of Human Rights and the comparative legal method were used in the research. **Results:** the role of European standards of human rights in general and the decisions of the European Court of Human Rights in particular in the regulation of criminal procedural legal relations is great. European human rights standards contribute to identifying gaps and contradictions in the national legal system; not only national legislation is improved by means of them, but law enforcement is optimized, which is of the greatest importance, since it is the final stage of the implementation of these standards. **Conclusions:** despite the ongoing policy of «alienation» of the Russian Federation in the European community, these processes should not affect the mechanisms for the protection of human rights and freedoms in the criminal process, since this will negatively affect judicial-investigative practice in criminal proceedings in respect of the rights and freedoms of persons involved in the orbit of criminal proceedings. European human rights standards, including those interpreted in decisions of the European Court of Human Rights,

contribute not only to the development of criminal justice, but also should remain available to citizens as a guarantor of the justice mechanism for ensuring rights and freedoms when all national appeals stages have been passed.

Key-words: *criminal proceedings, criminal justice, European standards of human rights, decisions of the European Court of Human Rights.*

Вопрос о роли решений Европейского суда по правам человека в российской правоприменительной практике, а также их исполнении на территории Российской Федерации многократно становился предметом исследования ученых-правоведов в различных отраслях российского права. Однако в связи со стремительно происходящими процессами правовой интеграции, а также политически нестабильной ситуацией между Россией и европейским сообществом, данная проблематика не исчерпывает своей актуальности, а наоборот, дает повод ученым для осмысления происходящих процессов с точки зрения заложенных Конституцией РФ и международными договорами, содержащими основные общепризнанные принципы и нормы международного права, постулаты, обладающие нерушимым авторитетом.

В данной статье, нам хотелось бы затронуть проблему исполнения решений Европейского суда по правам человека в области уголовного процесса, поскольку именно здесь вопрос соблюдения прав и свобод человека носит непреложный, особо охраняемый характер, а их нарушение влечет наибольшие негативные последствия для личности.

Реализация европейских стандартов обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства не заключается лишь в одной ссылке на содержащий общепризнанные принципы и нормы международного права акт или международный договор, поскольку реально обязать российские правоохранительные органы соблюдать указанные стандарты можно только путем включения их положений, воплощенных в решениях Европейского Суда по правам человека, в национальное законодательство [1, с. 20–30].

Следует отметить, что международно-правовые термины и категории зачастую по содержанию не тождественны имеющимся во внутригосударственном праве, что в значительной мере осложняет процесс включения европейских стандартов прав человека в национальное законодательство. Так, например, определение публичного характера уголовного судопроизводства в российском и международном праве существенно разнится [2; 3, с. 35]. Европейским сообществом данное понятие определяется через доступность правосудия, гласность, а также информированность общества о деятельности судов. В российском же уголовно-процессуальном законодательстве публичность означает, осуществление уголовно-процессуальной деятельности в интересах всего общества и от имени государства. Согласно принципу публичности, на органы, осуществляющие предварительное расследование, возлагается обязанность в рамках данных им полномочий, проводить необходимую проверку каждого случая поступления сообщения о преступлении и принимать решение о необходимости возбуждения уголовного дела. Помимо этого национальной и международной системе права присущи не только общие черты, но и качественные отличия, поэтому сделаем вывод, что не все европейские стандарты приемлемы в рамках внутригосудар-

ственной правовой системы из-за иных факторов, как то особенности российской культуры, религии и другие [4, с. 42].

Таким образом, включение европейских стандартов в российскую правовую систему определяем как право государства, его реализация должна определяться из ратифицированных договоров и членством в различных международных организациях. Это в наибольшей степени отвечает принципу верховенства Конституции, согласно которому можно сделать вывод, что роль международных стандартов, прежде всего, заключается в подкреплении, усилении положений внутригосударственного законодательства, регламентирующего обеспечение прав и свобод участников уголовного судопроизводства¹.

В настоящее время, наиболее приемлемым для России нам видится вариант использования механизма имплементации европейских стандартов, несмотря на то, что имплементация, в общем и целом применяется к международным нормативно-правовым актам. Это связано с тем, что данный механизм осуществляется за счет согласования норм международного и национального права, что наделяет нормы международного права силой национальных норм, а позволяет первым действовать в своем собственном качестве во внутригосударственной правовой системе с санкции и при помощи вторых [5, с. 68].

Посредством европейских стандартов прав человека совершенствуется не только национальное законодательство, но и оптимизируется правоприменительная деятельность, что, на наш взгляд, имеет наибольшее значение, поскольку она является заключительным этапом реализации указанных стандартов. К сожалению, активность российских правоприменителей в области использования таких стандартов ныне не высока [6, с. 24; 7, с. 37]. В свою очередь, данным вопросам уделяется все большее внимание высшими органами судебной власти, указывая в своих решениях на тот факт, что европейские стандарты прав человека являются составной частью отечественной системы права, это делает возможным их применение федеральным законодателем и правоприменительными органами при регулировании общественных отношений соответствующими нормами².

Следует отметить, что европейские стандарты также способствуют выявлению в национальной системе права пробелов и противоречий, которые можно обнаружить лишь с позиции национального права. Как правило, это происходит при применении высшими судебными инстанциями, при обосновании своего решения, норм международного права и Европейской конвенции, что способствует не только устранению существующих противоречий, но и усилению правовой позиции суда по рассматриваемому делу [8]. Конституционный Суд России не

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 ГПК РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 8, ст. 894.

² См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12; Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388, 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим” и „Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7, ст. 932.

менее активно использует в своих решениях практику ЕСПЧ по решениям, принятым в последние годы³.

Однако прошедшая в октябре 2018 г. сессия Парламентской ассамблеи Совета Европы (далее ПАСЕ) поставила под угрозу дальнейшую работу России в организации и, в частности, участие в выборах судей, а следовательно, возможность исполнения решений ЕСПЧ на территории Российской Федерации. Такая тенденция нам видится крайне негативной, поскольку будет не только способствовать дезинтеграционным процессам, но и напрямую лишать российских граждан возможности наднационального обращения за защитой нарушенных прав и свобод.

За последние 5 лет Россия остается среди «рекордсменов» по количеству жалоб в ЕСПЧ. Так, количество дел из Российской Федерации, передаваемых судебным составам, составило 7957, что более чем на две тысячи превышает их количество в 2016 г. (5587). Европейским судом по ним было вынесено 305 постановлений, в 293 из которых усмотрены нарушения (в 2016 г. количество вынесенных постановлений составило 228, а нарушения усматривались в 222)⁴. Несмотря на некоторые «политические» процессы, проанализировав практику ЕСПЧ, можно прийти к однозначному выводу, что основная доля обращений приходится на нарушение прав обычных граждан, являющихся подозреваемыми (обвиняемыми) или потерпевшими по уголовным делам. Наднациональный инструмент обжалования, каковым сейчас является ЕСПЧ, призван корректировать российскую судебную практику, выявлять пробелы в эффективности правового регулирования отдельных правоотношений, а также сложившейся следственной и судебной практике. Об этом свидетельствуют многочисленные решения Европейского суда по правам человека, которые не только восприняты российской правоприменительной практикой, но и на которые зачастую ссылаются российские суды, принимая решение, например, о законности и обоснованности заключения под стражу, разумности срока содержания под стражей и др. Все эти и многие другие решения, касающиеся соблюдения права на свободу и личную неприкосновенность, справедливое судебное разбирательство, разумность срока производства по уголовному делу в той или иной мере наилучшим образом повлияли на ситуацию с соблюдением прав человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства в России.

Совершенно очевидно, что если российские граждане будут лишены права подавать жалобы в ЕСПЧ, либо если решения по таким жалобам не будут легитимны на территории Российской Федерации, это негативно отразится на судебно-следственной практике при производстве по уголовным делам, в части соблюдения прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Решения ЕСПЧ, а особенно, т.н. «пилотные», способствуют не только развитию

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью „Аврора малоэтажное строительство” и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.

⁴ См.: URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2017_ENG.pdf (дата обращения: 18.02.2019).

правосудия по уголовным делам, но и зачастую являются для граждан гарантом справедливости механизма обеспечения прав и свобод, когда все национальные инстанции обжалования пройдены.

Очередным примером «выправления» российского уголовно-процессуального законодательства под влиянием решений Европейского суда по правам человека можно назвать принятия поправок к ст. 109 УПК РФ, регламентирующей сроки содержания лица под стражей и порядок их продления⁵. Так, указанная норма была дополнена положениями, согласно которым в ходатайстве о продлении срока содержания под стражей должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Также в постановлении о продлении срока содержания под стражей должна быть указана дата, до которой продлевается срок содержания под стражей. Европейский суд по правам человека неоднократно посвящал свои решения проблеме законности и обоснованности избрания и продления заключения под стражу, в частности на данные моменты указывалось в «пилотном» постановлении по делу «Ананьев и другие против России» еще в 2012 г.⁶

В завершении хотим подчеркнуть, Конституция РФ и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод базируются на одних и тех же принципах и одном базовом, сущностно-правовом фундаменте — защите прав человека, являющемся основой демократического общества и справедливой системы судопроизводства. Выражаем надежду, что в извечном вопросе соотношения политики и права, последнее не станет инструментом политической борьбы и отчуждения, а базисные принципиальные положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, заложенные в основу идеи вышеперечисленных документов возобладают над гонкой приоритетов между Россией и Европейским сообществом.

Библиографический список

1. *Спесивов Н.В.* Реализация международных стандартов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России. М.: Юрлитинформ, 2018. 160 с.
2. *Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М.* Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации). Волгоград, 2007. 240 с.
3. *Манова Н.С., Францифоров Ю.В.* Уголовный процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 337 с.
4. *Карташкин В.А., Лукашева Е.А.* Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.
5. *Международное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков.* М., 2011. 543 с.
6. *Меркушев А.Е.* О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 6. С. 18–24.
7. *Скирда М.В.* К вопросу о влиянии актов Конгрессов Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию на правовую систему Российской Федерации // Российский судья. 2007. № 7. С. 36–38.

⁵ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53, ч. I, ст. 8469.

⁶ См.: Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против России». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Рекомендации Всероссийского совещания «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в практике конституционного правосудия» // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы всероссийского совещания*. М., 2004. 528 с.

References

1. *Spesivov N.V.* The Implementation of International Standards of Criminal Justice for Minors in Modern Russia. М.: Yurlitinform, 2018. 160 p.
2. *Ashirbekova M.T., Kudin F.M.* The Principle of Publicity in the Russian Pre-trial Criminal Proceedings (Content and Forms of Implementation). Volgograd, 2007. 240 p.
3. *Manova N.S., Frantsiforov Yu.V.* Criminal Procedure: textbook and practical work for applied baccalaureate. М.: Yurayt, 2015. 337 p.
4. *Kartashkin V.A., Lukasheva E.A.* International Legal Standards of Human Rights: Universalism, Regionalism, Realities // *State and Law*. 2010. No. 7. P. 37–45.
5. *International Law. General part: textbook / resp. ed. R.M. Valeev, G.I. Kurdyukov*. М., 2011. 543 p.
6. *Merkushev A.E.* On Some Issues of Judicial Practice in Cases of Juvenile Crimes // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2000. № 6. P. 18–24.
7. *Skirda M.V.* On the Issue of the Impact of Acts of the United Nations Congresses on Crime Prevention and Criminal Justice on the Legal System of the Russian Federation // *Russian judge*. 2007. № 7. P. 36–38.
8. Recommendations of the all-Russian meeting «Universally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation in the Practice of Constitutional Justice» // *universally recognized principles and norms of international law, international treaties in the practice of constitutional justice: proceedings of the all-Russian meeting*. М., 2004. 528 p.

УДК 343.98.068

Р.Б. Хаметов

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: на этапе демократических преобразований в России, сопровождающихся ростом преступлений и, в то же время, снижения процента их раскрываемости, и к процессу расследования не предъявляются прежние требования. В этих условиях возникает проблема эффективного осуществления процесса расследования преступлений — его оптимизации. **Цель:** установить и научно обосновать эффективный инструмент оптимизации процесса расследования преступлений. Выделить системный подход как перспективный инструмент оптимизации процесса расследования преступлений; причину снижения его эффективности; из всего сложившегося многообразия установить вариант системного подхода, исключающий выявленную

© Хаметов Рустам Батрханович, 2019
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: khametov@yandex.ru
© Khametov Rustam Batyrkhanovich, 2019
Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Criminalistics department (Saratov State Law Academy)

причину, а равно и являющийся эффективным инструментом решения актуализированной проблемы. **Методологическая основа:** системно-структурный метод, метод анализа, синтеза, абстрагирования и другие средства познания. **Результаты:** действенным инструментом решения проблем, возникающих вокруг процесса расследования преступлений, признан системный подход, причем как советскими, так и современными исследователями. Снижение эффективности системного подхода по отношению к прикладным исследованиям в целом, и оптимизации процесса расследования преступлений, в частности, обусловлено методологической ошибкой, допущенной в ходе построения «общей теории систем» и выраженной в абстрагировании от системообразующего фактора. Системный подход в форме теоретической концепции под названием функциональной системы в силу конструктивных особенностей системообразования, исключает указанную методологическую ошибку, утверждая себя тем самым эффективным инструментом оптимизации процесса расследования преступлений. **Вывод:** исследования, выстроенные в соответствии с разработанной методологией, позволили автору получить ряд закономерностей, которые в логической последовательности привели к желаемому результату.

Ключевые слова: путь, проблема, оптимизация, процесс, расследование преступлений, системный подход, метод, инструмент, эффективный.

R.B. Khametov

WAYS OF THE PROCESS OF CRIMES INVESTIGATION OPTIMIZATION

Background: at the stage of democratic transformations in Russia, accompanied by an increase in crimes and at the same time a decrease in the percentage of their detection, and the investigation process does not have the same requirements. In these circumstances, there is a problem of effective implementation of the process of investigation of crimes — its optimization. **Objective:** to establish and scientifically prove an effective tool to optimize the process of crime investigation, to identify a systematic approach as a promising tool to optimize the process of crime investigation, the reason for the decrease in its effectiveness; from the whole variety to establish a variant of a systematic approach that excludes the identified cause as well as being an effective tool for solving the updated problem. **Methodology:** system-structural method, method of analysis, synthesis, abstraction and other means of knowledge. **Results:** a systematic approach, both by Soviet and modern researchers is recognized as an effective tool for solving problems arising around the process of investigating crimes. The decrease in the effectiveness of the system approach in relation to applied research in general, and the optimization of the crime investigation process, in particular, is due to the methodological error made in the course of building a “general theory of systems” and expressed in abstraction from the system-forming factor. **Conclusions:** the system approach in the form of a theoretical concept called a functional system due to the design features of the system, eliminates this methodological error, thus asserting itself as an effective tool to optimize the process of crime investigation.

Key-words: path, problem, optimization, process, crime investigation, systematic approach, method, tool, effective.

В условиях построения демократического правового социального государства в России, когда преступность приобретает качественно новые характеристики, процесс расследования преступлений требует оптимизации — наиболее эффективного его осуществления [1, с. 721]. Это актуализирует тему данного исследо-

вания, ориентируя его при этом на поиск эффективного инструмента решения возникшей проблемы.

Проблему оптимизации процесса расследования преступлений затрагивали еще советские исследователи, выделяя в качестве ее инструмента системный подход. «Следствие, — считал, например, И.Н. Якимов, — не должно быть совокупностью случайно и бессистемно предпринятых процессуальных действий, а должно являть собой единое, логически стройное целое, в котором каждый последующий этап развития должен вытекать из предыдущего как логическое следствие его причины» [2, с. 161].

Системный подход, как инструмент оптимизации процесса расследования преступлений применяли многие советские авторы. Например, С.А. Шейфер посредством системного подхода попытался решить проблему следственных действий [3, с. 3–120]; Н.К. Кузьменко — неотложных следственных действий [4, с. 3–96]; Л.Л. Каневский — методики расследования преступлений [5, с. 109–113]. А Р.С. Белкин даже предложил выделить в общей теории криминалистики специальный раздел под названием «криминалистическая систематика» [6, с. 267].

Популярен системный подход и у современных исследователей процесса расследования преступлений. Так, Е.П. Ищенко и Н.Б. Водянова применили системный подход «для правильного разбиения предварительного расследования преступлений на этапы, познания их структуры, связей и взаимосвязей, входящих в нее элементов, выявления типовых ситуаций начала расследования, формирования системы решаемых задач и др.» [7, с. 28].

Используя системный подход, С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев попытались «представить предварительное расследование в качестве целостной системы действий и решений, направленных на выполнение задач, как предварительного расследования, так и уголовного судопроизводства в целом, ...определить предварительное расследование как относительно самостоятельную часть уголовного процесса, именуемую стадией» [8, с. 447].

Системный подход стал основным инструментом исследования организационного процесса расследования преступлений, например, у В.Д. Зеленского [9, с. 7–154], В.К. Спружевникова [10, с. 3–27] и др.

Признанный исследователями действенным инструментом решения проблем, возникающих вокруг процесса расследования преступлений как в условиях тоталитарного, так и строящегося нашим обществом демократического правового социального государства, системный подход, тем не менее, пока не привел к желаемому результату — раскрываемость преступлений в 2017 г. составила всего чуть больше 50%¹.

Снижение эффективности системного подхода обусловлено главным образом методологической ошибкой, допущенной в ходе построения «общей теории систем» [11, с. 47–50; 13, с. 42–55] — универсальной теории, применимой «во всех случаях, когда речь идет о системах» [13, с. 107]. «Почти все сторонники системного подхода и общей теории систем, — объяснял П.К. Анохин, — подчеркивают как центральное свойство системы «взаимодействие множества компонентов»... Ближким является «упорядоченное взаимодействие» или «организованное взаимодействие». Весь успех понимания системной деятельности

¹См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 г. Официальный сайт МВД России. URL: www.mvd.ru (дата обращения: 18.03.2019).

зависит от того, определим ли мы, какой именно фактор упорядочивает до того «беспорядочное множество» и делает это последнее функционирующей системой. Вопрос о системообразующем факторе никогда не был поставлен в отчетливой форме системологами. Он не ставился главным идеологом «общей теории систем», Берталанфи, не группой его последователей». Также обстояло дело и у отечественных «теоретиков системы. ...В результате этого коренного недостатка — отсутствия системообразующего фактора — все имеющиеся ...определения системы случайны, не отражают ее истинных свойств и поэтому, естественно, не конструктивны, т.е. не помогают ставить новых, более объемных вопросов для исследования...» [14, с. 25].

Несмотря на выявленный коренной недостаток, понятие системы, сформулированное Л. Берталанфи как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [15, с. 29], легло в основу дефиниций, изложенных в справочной и научной литературе. Опираясь на эти дефиниции, исследователи процесса расследования преступлений в результате получают малоэффективный инструмент решения актуализированных ими проблем. Таковыми являются работы, вышеупомянутых С.А. Шейфера, Н.К. Кузьменко, Л.Л. Каневского, Р.С. Белкина, Е.П. Иценко и Н.Б. Водяновой, С.П. Ефимичева и П.С. Ефимичева, В.Д. Зеленского, В.К. Спружевникова, так и др. К примеру, С.А. Шейфер, понимая под системой упорядоченное по какому-либо правилу целостное множество элементов, и соответственно, под системой следственных действий — упорядоченную их совокупность, так и не осуществил заявленной систематизации. Его исследования были ограничены лишь попыткой раскрытия внутренних взаимосвязей следственных действий, выявления сходных черт и в тоже время специфики отдельных действий [3, с. 22–44; 16, с. 55–72].

Правда, отдельные авторы все же направляли свои усилия на устранение допущенной Л. Берталанфи и его последователями ошибки. Мы имеем в виду прикладные системные исследования П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева. Беря за основу понятие системы, определенное В.Н. Сагатовским как «конечное множество элементов, объединенных динамическими и статическими отношениями, которое с необходимостью и достаточностью обуславливает наличие целенаправленных свойств, позволяющих решать системообразующее противоречие в определенных внешних условиях» [17, с. 66], они попытались придать предварительному расследованию целевую направленность. В соответствии с дефиницией системы В.Н. Сагатовского, целевая направленность предварительного расследования выступила у П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева в качестве системообразующего фактора [8, с. 19–20]. Однако подобные попытки установить системообразующий фактор, не были признаны удачными [14, с. 38; 18, с. 68–69].

Исправить положение удалось исследователям, признавшим теоретическую концепцию системного подхода, разработанную П.К. Анохиным в пределах «общей теории систем», наиболее эффективным инструментом решения проблем, возникающих вокруг правовых процессов и явлений. В отличие от других авторов концептуальных конструкций системного подхода, П.К. Анохин в качестве системообразующего фактора выделил фокусированный полезный результат. Результат, — по его утверждению, — является неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами. Поскольку фокусированный полезный результат «оказывает центральное организующее влияние на все этапы форми-

рования» системы, и, несомненно, является функциональным феноменом, исследователь назвал «всю архитектуру функциональной системой» [14, с. 35, 36].

Согласно концепции П.К. Анохина, сфокусированный полезный результат представляет собой органическую часть функциональной системы, «оказывающую решающее влияние, как на ход ее формирования, так и на все ее последующие реорганизации». Его наличие «как решающего компонента функциональной системы делает недостаточным понятие «взаимодействия» в оценке отношений компонентов системы между собой». Именно сфокусированный полезный результат «отбирает все адекватные для данного момента степени свободы компонентов системы и фокусирует их усилие на себе. ...Если деятельность системы заканчивается полезным в каком-то отношении результатом, то «взаимодействие» компонентов данной системы всегда будет протекать по типу их взаимосодействия, направленного на получение результата». Причем, «взаимодействие компонентов системы достигается тем, что каждый из них под влиянием афферентного синтеза или обратной афферентации освобождается от избыточных степеней свободы и объединяется с другими компонентами только на основе тех степеней свободы, которые вместе содействуют получению надежного конечного результата» [14, с. 40]. Исходя из этих соображений, системой ученый называет «только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимосодействия компонентов на получение сфокусированного полезного результата» [14, с. 35].

Проецируя соответствующие положения функциональной системы на те или иные правовые процессы и явления, исследователи получают довольно интересные результаты. Ф.А. Вестову, к примеру, данный метод позволил сформулировать систему правового государства как «комплекс избирательно вовлеченных институтов, составляющих правовое государство, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимосодействия, направленного на функционирование правового государства» [19, с. 102].

А.Д. Шминке, благодаря методу функциональной системы, представила систему права и систему законодательства в виде правовой системы общества. И пришла к выводу, что «...в условиях метода функциональной системы, система права и система законодательства становятся разноуровневыми подсистемами в иерархии «большой системы» или суперсистемы, — правовой системы общества, где они подчинены единому общему сфокусированному полезному результату» [20, с. 195].

Теоретическая концепция системного подхода П.К. Анохина стала эффективным инструментом в исследовании О.Г. Ютовец. Идя по пути оптимизации депутатской деятельности, автор сконструировала соответствующую систему и разработала концепцию ее реализации [21, с. 101–153].

Метод функциональной системы помог Р.Р. Хаснутдинову сформулировать базовое понятие системы юридической ответственности, структуры функциональной системы, в целом, и структуры системы юридической ответственности, в частности, и на их основе сконструировать соответствующую структуру [11, с. 55–156].

Базируя структурные исследования на положениях функциональной системы, А.И. Волков впервые сформулировал базовую дефиницию структуры системы расследования преступлений. Это, некая архитектура системы расследования преступлений, созданная по закономерностям механизма, обеспечивающего

системные связи между ее структурными элементами (компонентами) — криминалистическим обеспечением, оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельностью, процессуальным и правовым обеспечением — посредством фокусированного полезного результата — максимально возможного ограничения проявлений преступности [22, с. 80].

Есть ряд других работ, где авторы отдают предпочтение методу функциональной системы. В приведенных исследованиях говорится о его перспективности, как инструменте оптимизации процесса расследования преступлений.

Таким образом, конструктивные особенности функциональной системы, создающие исследовательский эффект, и опыт ее реализации в прикладных исследованиях, становятся основаниями для утверждения ее как инструмента оптимизации процесса расследования преступлений.

Итак, методология исследования, ориентированная на поиск эффективного инструмента оптимизации процесса расследования преступлений, позволила получить следующие результаты.

Во-первых, выделен перспективный инструмент оптимизации процесса расследования преступлений — системный подход.

Во-вторых, выявлена причина снижения эффективности системного подхода к прикладным исследованиям в целом, и оптимизации процесса расследования преступлений, в частности — методологическая ошибка, допущенная в ходе построения «общей теории систем», и выраженная в абстрагировании от системообразующего фактора.

В-третьих, установлен вариант системного подхода, исключающий установленную методологическую ошибку в силу своих конструктивных особенностей, выраженных в системообразующей роли фокусированного полезного результата, — теоретическая концепция под названием функциональной системы.

Адаптированную соответствующим образом к нашим предметным исследованиям, ее можно утвердить как эффективный инструмент оптимизации процесса расследования преступлений.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
2. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во. НКВД РСФСР, 1929. 312 с.
3. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юридическая литература, 1981. 128 с.
4. Кузьменко Н.К. Систематизация неотложных следственных действий при раскрытии и расследовании преступления: учебное пособие. Киев: НИ и РНО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1981. 96 с.
5. Каневский Л.Л. Системный подход к методике расследования преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 109–113.
6. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. М., 1977. Т. 1. 340 с.
7. Ищенко Е.П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2010. 304 с.
8. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М.: Юстицинформ, 2009. 504 с.

9. *Зеленский В.Д.* Основные положения организации расследования преступлений: учебное пособие. Краснодар: КубГАУ, 2012. 160 с.
10. *Спружевников В.К.* Организация первоначального этапа расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 28 с.
11. *Хаснутдинов Р.Р.* Методология системного подхода к юридической ответственности / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. 172 с.
12. *Колоколов Г.Р.* Формирование системного подхода к правовому регулированию здравоохранения. Саратов: Издательский центр «ПАТА», 2016. 82 с.
13. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / сост.: А.П. Огурцов, Б.Г. Юдин. М.: Наука, 1978. 391 с.
14. *Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 225 с.
15. *Берталанфи Л.* Общая теория систем: критический обзор // Исследование по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред. и вступ. статья В.И. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
16. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
17. *Сагатовский В.Н.* Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 52–68.
18. *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие. К.: МАУП, 2003. 368 с.
19. *Вестов Ф.А.* Системный подход к построению правового государства в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право, 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 99–103.
20. *Шминке А.Д.* Система права и система законодательства: вопросы методологии / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. 200 с.
21. *Ютовец О.Г.* Оптимизация депутатской деятельности в условиях построения демократического правового социального государства в России. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 160 с.
22. *Волков А.И.* Структура системы расследования преступлений // Современное право, 2016. № 6. С. 78–80.

References

1. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and chief editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: NORINT, 2000. 1536 p.
2. *Yakimov I.N.* Forensics. Criminal Tactics. 2-nd ed., revised. and supplem. M.: Publishing house. PCIA OF THE RSFSR, 1929. 312 p.
3. *Shafer S.A.* Investigations. System and Procedural Form. M.: Legal literature, 1981. 128 p.
4. *Kuzmenko N.K.* Systematization of Urgent Investigative Actions in the Disclosure and Investigation of the Crime: textbook. Kyiv: NI and RNO of the Kiev higher school of the USSR Ministry of internal Affairs. F.E. Dzerzhinsky, 1981. 96 p.
5. *Kanevsky L.L.* System Approach to the Method of Investigation of Crimes // Methods of investigation of crimes. General provisions: Materials of scientific and practical conference (Odessa, November 1976). M., 1976. P. 109–113.
6. *Belkin R.S.* Course of Soviet Criminology: in 3 t. M., 1977. Vol. 1. 340 p.
7. *Ishchenko E.P., N Vodianova N.B.* Algorithmic Investigation / under the editorship of E. P. Ishchenko. M.: Yurlitinform, 2010. 304 p.

8. *Efimychyev S.P., Efimychyev P.S.* Crime Investigation: Theory, Practice, and Ensuring the Rights of the Individual. M.: Yustitsinform, 2009. 504 p.
9. *Zelensky V.D.* Basic Provisions of the Organization of Crime Investigation: textbook. Krasnodar: Kubsau, 2012. 160 p.
10. *Spruzhevnikov V.K.* Organization of the Initial Stage of Investigation of the Crimes: extended abstract dis. ...cand. of law. Krasnodar, 2011. 28 p.
11. *Khasnutdinov R.R.* Methodology of Systematic Approach to Legal Liability / ed. R.L. Khachaturov. Samara: Samara law Institute of the FSIN of Russia, 2014. 172 p.
12. *Kolokolov G.R.* Formation of System Approach to Legal Regulation of Health Care. Saratov: Publishing center «RATA», 2016. 82 p.
13. *Yudin E.G.* System Approach and Principle of Activity. Methodological Problems of Modern Science / comp.: A.P. Ogurtsov, B.G. Yudin. M.: Science, 1978. 391 p.
14. *Anokhin P.K.* Essays on the Physiology of Functional Systems. M.: Medicine, 1975. 225 p.
15. *Bertalanffy L. von.* General Systems Theory: a Critical Review // Research on General systems theory: a collection of translations / ed. and introd. article V.I. Sadovsky and E.G. Yudin. M.: Progress, 1969. P. 23–82.
16. *Shafer S.A.* Investigations. System and Procedural Form. 2-nd ed. M.: Yurlitinform, 2001. 208 p.
17. *Sagatovsky V.N.* System Activity and Its Philosophical Thinking // System Researches. Methodological Problem. Yearbook 1980. M.: Science, 1981. P. 52–68.
18. *Surmin Y.P.* Systems Theory and System Analysis: textbook. K.: MAUP, 2003. 368 p.
19. *Vestov F.A.* System Approach to the Construction of the Rule of Law in Russia. Izvestiya Saratov University. New series. Ser.: Economy. Management. Law, 2012. Vol. 12. Issue. 2. P. 99–103.
20. *Shminke A.D.* System of Law and System of Legislation: Methodological Issues / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Publishing house of Saratov State Law Academy, 2013. 200 p.
21. *Yutovets O.G.* Optimization of Parliamentary Activity in Terms of Building a Democratic Legal Social State in Russia. Belgorod: Publishing house «Belgorod» NIU «Belgu», 2013. 160 p.
22. *Volkov A.I.* Structure of the Crime Investigation System // Modern law, 2016. No. 6. P. 78–80.

УДК 343.234

К.О. Абрамян

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И ИХ ПРИЗНАКИ

Введение: в условиях необходимой обороны, при задержании преступника, в случае крайней необходимости или обоснованного риска, при передаче компетентным органам информации о преступлении, правоисполнитель оказывает позитивное воздействие на преступность, повышает защищенность охраняемых законом объектов, способствует развитию социальных связей, что в целом формирует качественно новый уровень решения уголовно-правовых задач. Очевидна потребность государства

© Абрамян Карина Ованесовна, 2019

Соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: abramyan.1970@inbox.ru

© Abramyan Karina Ovanesovna, 2019

Postgraduate of the Criminal and criminal procedural law department (Saratov State Law Academy)

в разработке модели стимулирования участников уголовно-правовых отношений не только к нейтральному, но и к социально-активному поведению. **Цель:** обоснование понятия и признаков уголовно-правовых стимулов допустимого поведения правоисполнителя. **Методологическая основа:** диалектический метод в совокупности с такими методами, как формально-логический и системный. **Результаты:** сформулированы понятия уголовно-правовых стимулов — это предусмотренные уголовным законом ограничительные и поощрительные средства, побуждающие правоисполнителя к воздержанию от совершения преступления и развитию охраняемых уголовным правом отношений. Раскрыты признаки обозначенной категории. **Выводы:** наряду с ограничительными средствами, занимающими центральное место в комплексе уголовно-правовых стимулов, уголовное право нуждается в поощрительных инструментах. Они способны оказывать опосредованное влияние на преступность с помощью стимулирования нейтрально настроенных лиц к активной защите и восстановлению нарушенных прав в рамках уголовно-правовых отношений, а также развитию охраняемых уголовным законом социальных связей.

Ключевые слова: стимулы, ограничения, поощрения, уголовно-правовое поведение, задачи, преступление, социально-активное поведение.

К.О. Абрамян

THE CONCEPT OF CRIMINAL- LEGAL INCENTIVES AND THEIR FEATURES

Background: in the conditions of necessary defense, at detention of the criminal, in case of extreme need, or reasonable risk, at transfer to competent authorities of information on a crime the Executive has positive impact on crime, increases security of the objects protected by the law, promotes development of social communications that as a whole forms qualitatively new level of the solution of criminal-legal tasks. There is an obvious need for the state to develop a model to stimulate participants in criminal law relations not only to neutral, but also to socially active behavior. **Objective:** substantiation of the concept and signs of criminal-legal incentives of permissible behavior of the Executive. **Methodology:** dialectical method in combination with formal-logical and systemic ones. **Results:** concepts of criminal-legal incentives have been formulated. These are the restrictive and incentive measures provided for by the criminal law that encourage the right of the perpetrator to refrain from committing a crime and to develop relations protected by criminal law. The signs of the designated category have been revealed. **Conclusions:** in addition to the restrictive means that are central to the set of criminal legal incentives, criminal law needs incentive instruments. They are able to have an indirect impact on crime through the stimulation of neutral-minded individuals to active protection and restoration of violated rights in the context of criminal legal relations, and the development of the protected social relations.

Key-words: incentives, restrictions, encouragement, criminal and legal behavior, tasks, crime, social and active behavior.

Проявление социальной активности в отношениях, охватываемых отраслью уголовного права, выходит за верхнюю границу обыденного поведения правоисполнителя. Добровольное содействие государству в решении уголовно-правовых задач приводит к ожидаемому результату только тогда, когда человек прилагает немало интеллектуальных и физических усилий для защиты своих интересов, задержания преступника, устранения возникшей опасности или достижения иной общественно полезной цели. Неординарный характер социально-активных

поступков в то же время выступает ключевой причиной их непопулярности. Среднестатистический гражданин в большинстве случаев предпочитает избегать конфликтных ситуаций, вынуждающих к совершению каких-либо инициативных действий. При этом нейтральная позиция в уголовно-правовых отношениях является вполне естественной для правоисполнителя, задумывающегося в первую очередь об удовлетворении своих собственных интересов. Каждое взрослое вменяемое лицо отчетливо осознает, что социально-активное поведение в сфере действия уголовного закона далеко не всегда бывает безопасным. В условиях необходимой обороны, при задержании преступника, в случае крайней необходимости или обоснованного риска, при передаче компетентным органам информации о преступлении, человек может столкнуться с угрозой стать жертвой криминально настроенного лица, разрушительных сил природы, агрессивных животных, неисправностей технических устройств и механизмов. Между тем, государство крайне заинтересовано в увеличении количества субъектов уголовно-правовых отношений, готовых к социально-активному поведению. Совершением незаурядных поступков правоисполнители оказывают позитивное воздействие на преступность, повышают защищенность охраняемых законом объектов, способствуют развитию социальных связей, что в целом формирует качественно новый уровень решения уголовно-правовых задач. Исходя из всего изложенного, становится очевидной потребность государства в разработке теоретической модели стимулирования участников уголовно-правовых отношений к социально-активному поведению.

Категория стимула нашла широкое практическое применение во многих сферах жизнедеятельности, включая правовое пространство. Термином «стимул» оперируют различные отрасли законодательства, правоприменительная практика и юридическая наука. В юриспруденции рассматриваемая категория известна в качестве правового стимула, понятие которого определяется в теории государства и права и отраслевых учениях.

Согласно точки зрения А.В. Малько, посвятившего монографию правовым стимулам и ограничениям, «правовой стимул — есть правовое побуждение к законопослушному деянию, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования» [1, с. 93]. Сформулированное определение предполагает, что правовой стимул ориентирован на формирование благоприятных условий для реализации интересов личности. Государство, муниципальная власть, коммерческие и иные организации, частные лица стимулируют поведение человека возможностью предоставления каких-либо благ, устранением препятствий для удовлетворения личных потребностей. Конкретные формы проявления правовых стимулов А.В. Малько обнаруживает в субъективных правах, законных интересах, привилегиях, льготах, иммунитетах, поощрениях, надбавках, доплатах, компенсациях, рекомендациях и др.

По авторской логике правовой стимул должен развивать исключительно положительную мотивацию личности. Правовое стимулирование может быть использовано в качестве средства обеспечения обязательств и исполнения договоров, поддержания научных экспериментов и иной исследовательской работы, активизации деятельности по внедрению научно-технических достижений, повышения эффективности управления персоналом. Конечный результат правового стимулирования усматривается в позитивных изменениях общественных отношений, урегулированных соответствующей отраслью законодательства.

На информационно-психологическом уровне А.В. Малько допускает существование правовых стимулов в качестве «позитивных средств» и отвергает наличие правовых стимулов как «средств негативных» (обязанности, запреты, меры пресечения, приостановления, лимиты, меры принуждения и т.п.). Негативное средство, по мнению ученого, образует суть правового ограничения, выступающего второй стороной управленческого процесса. «Его негативность заключается в том, что оно сдерживает осуществление «собственных» интересов лица, не позволяя им удовлетвориться за счет ценности, на которую претендует управомоченный и одновременно отрицательно стимулирует это лицо удовлетворять интересы «чужие» — контр субъекта в правоотношении» [1, с. 88]. Исходя из изложенного, формируется впечатление, что «негативные средства» ориентированы на ограничение человека в удовлетворении собственных интересов.

Минимум по двум причинам полученный вывод представляется спорным. Первая причина кроется в самой семантике выражения «негативные средства». В общеупотребительном значении негативность означает отрицательное отношение к чему-либо. Отсюда получается, что негативные средства направлены против человека, ограничивают его личную свободу. Согласиться с подобным суждением категорически нельзя. Установлением правового запрета благонадежное лицо ограждается от возможности совершения безнравственного поступка, нарушающего сложившийся порядок социальной жизни. При этом принуждение к воздержанию от удовлетворения частных интересов неправомерным путем, нейтрализуя произвол в общественных отношениях, нисколько не затрагивает свободу личности. Следуя установленным юридическим запретам, правоисполнитель может свободно обеспечивать свои личные интересы. В связи с этим, правовые ограничения по существу являются позитивными, поскольку направлены на содействие человеку в реализации своих собственных интересов.

Вторая причина для сомнения в существовании «негативных правовых средств» заключается в том, что категории стимула и ограничения не являются однопорядковыми. В правовом механизме воздействия на личность стимулы отражают весь юридический инструментарий, а ограничения представляют собой лишь форму выражения отдельных правовых средств. Как одно из проявлений правового стимула юридическое ограничение логично поставить в один ряд с правовым поощрением.

Таким образом, обобщая изложенные суждения, правовые стимулы можно определить как предусмотренные в праве поощрительные и ограничительные средства, побуждающие правоисполнителя к юридически значимому позитивному поведению.

Использование конкретных поощрительных или ограничительных инструментов в целях стимулирования граждан к совершению допустимых поступков или воздержанию от нежелательного поведения напрямую обусловлено тем методом, которым оперирует соответствующая отрасль законодательства. С.С. Алексеев пишет, что «каждой основной отрасли присущ свой особый метод правового регулирования, специфические черты которого концентрированно выражены в правовом положении (статусе) субъектов, а также в основаниях формирования правоотношений, способах определения их содержания, в юридических санкциях. Поставив субъектов общественных отношений в те или иные исходные юридические позиции, правовая система тем самым предопределяет своеобразие используемого в данной области всего комплекса юридического инструментария и отсюда основные особенности структурных подразделений

правовой системы» [2, с. 295]. Таким образом, в ходе проводимого исследования, определение метода уголовного права позволит установить понятие и перечень уголовно-правовых стимулов.

Наиболее предпочтительную позицию о методе уголовного права высказал Б.Т. Разгильдиев. Основываясь на общей императивной сущности уголовного законодательства, он приходит к выводу, что уголовно-правовой метод «это вытекающая из уголовного законодательства совокупность обязанностей и прав, составляющих содержание уголовно-правовых статусов правоисполнителя и правоприменителя, посредством которых реализуется функция уголовного законодательства» [3, с. 285]. По мнению ученого, уголовному праву, в целом, свойственен властный характер, обусловленный объемом возлагаемых на правоисполнителя обязанностей по воздержанию от совершения преступлений. В то же время не отвергается существование некоторых уголовно-правовых дозволений, способствующих реализации охранительной функции уголовного закона. Таким образом, в методе уголовного права на первое место ставится уголовно-правовая обязанность, а предусмотренные уголовным законом права призваны содействовать ее качественному обеспечению.

Разделяя общий смысл высказанных Б.Т. Разгильдиевым суждений, А.М. Герасимов уточняет, что при определении уголовно-правового метода не должно сформироваться впечатление о тождественности метода уголовного права и уголовно-правового статуса. Чтобы исключить подобные терминологические неточности, рекомендуется «переложить акцент с самого содержания уголовно-правового статуса на процесс обеспечения им функции уголовного законодательства» [4, с. 134]. Под методом уголовного права автор предлагает понимать «формирование на уровне сознания и воли личности неприемлемости совершения преступления для удовлетворения собственных интересов, обеспечиваемое посредством угрозы наказанием и возможностью применения иных уголовно-правовых мер, направленных на защиту охраняемых уголовным законом объектов, а также на восстановление нарушенных прав» [4, с. 134].

Обобщая изложенное относительно уголовно-правового метода позволяет заключить, что уголовное законодательство решает свои отраслевые задачи по охране социально значимых интересов от преступных посягательств и предупреждению преступлений посредством использования таких инструментов, которые развивают на уровне сознания и воли правоисполнителя нежелание совершать преступление.

Вплетая суть уголовно-правового метода в содержание общего понятия правового стимула, можно сформулировать понятие уголовно-правовых стимулов. Уголовно-правовые стимулы — это предусмотренные уголовным законом ограничительные и поощрительные средства, побуждающие правоисполнителя к воздержанию от совершения преступления и развитию охраняемых уголовным правом отношений.

Изложенная дефиниция позволяет обозначить ряд признаков уголовно-правовых стимулов.

Во-первых, уголовно-правовые стимулы предусмотрены уголовным законом. Исходя из своей материальной сущности, уголовное право вправе определить только виды и размеры поощрительных инструментов. Их обеспечительный механизм должен быть представлен в иных отраслях законодательства, которые должны регламентировать процесс поощрения конкретного правоисполнителя в той или иной форме.

Во-вторых, уголовно-правовые стимулы обусловлены общей императивной сущностью уголовного права. Ограничительные средства занимают центральное место в комплексе анализируемых стимулов. Данная группа уголовно-правовых инструментов обеспечивает непосредственное воздействие на сознание и волю лиц, проявляющих склонность к преступной деятельности.

Поощрительные средства уголовного права имеют субсидиарное значение по отношению к ограничительным средствам. Наличие поощрительных уголовно-правовых инструментов не должно противоречить единому императивному методу отрасли уголовного законодательства, предполагающему первоочередное удержание человека от совершения преступления. Группа поощрительных инструментов уголовного права оказывает опосредованное влияние на преступность с помощью стимулирования нейтрально настроенных лиц к активной защите и восстановлению нарушенных прав в рамках уголовно-правовых отношений, а также развитию охраняемых уголовным законом социальных связей.

В-третьих, вся совокупность уголовно-правовых стимулов направлена на развитие позитивной мотивации, исключая желание совершения преступления и побуждающей к созидательной деятельности. Основным стимулятором позитивного поведения в уголовном праве выступают ограничения и лишения, связанные с применением наказания и иных меры уголовно-правового характера. Осознание возможности претерпеть ущерб от одобряемых государством действий, противостоящих преступлению (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, сообщение о преступлении), становится дополнительным стимулом к воздержанию от совершения общественно опасного деяния. Ряд уголовно-правовых норм ориентирован на побуждение правоисполнителей к совершению поступков, направленных на устранение грозящей опасности и минимизацию вероятных рисков для объектов охраны (крайняя необходимость и обоснованный риск).

Сформулированная в работе дефиниция способствует развитию теории, формирующей модель уголовно-правового стимулирования социально-активного поведения правоисполнителя. Она может быть использована для установления видов уголовно-правовых стимулов, обоснования поощрительных средств уголовного права и их места в структуре уголовного законодательства.

Библиографический список

1. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., доп. и перераб. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2012. 363 с.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2-х т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. I. 356 с.
3. *Разгильдиев Б.Т.* Метод в уголовном праве и его содержание // Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, Саратов, 19–20 сентября 2013 г.). Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. С. 284–285.
4. *Герасимов А.М.* Метод уголовно-правового воздействия на личность // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 6. С. 132–135.

References

1. *Malko A.V.* Incentives and Restrictions in Law: Information-theoretical Aspect. 3-e ed., suppl. and revised. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2012. 363 p.
2. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: In 2 vol. M.: Yurid. lit., 1981. V. I. 356 p.

3. *Razgildiev B.T.* Method in Criminal Law and Its Contents // Constitution of the Russian Federation – the Legal Basis for the Development of the Modern Russian State: collection of articles on mater. International. scientific. pract. conf. devoted to 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (within the VI Saratov legal readings, Saratov, September 19–20, 2013). Saratov, 2014. P. 284–285.

4. *Gerasimov M.M.* Method of Criminal-legal Impact on the Person // Black Holes in the Russian Legislation. 2017. No. 6. P. 132–135.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

УДК 342.72/.73

А.Г. Блинов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Введение: в исследовании генома живых организмов осуществлен научно-технологический прорыв. Цивилизация испытывает потребность в определении юридических границ редактирования генома человека и механизма защиты его прав и свобод. Обосновываемая в исследовании модель правового регулирования и охраны отношений в области генетики базируется на представленных в международном законодательстве стандартах. **Цель:** отразить сущность и элементы отношений, возникающих в связи с внедрением международных стандартов регулирования генетических исследований в национальное законодательство. **Методологическая основа:** всеобщий диалектический метод познания социальных явлений и процессов, а также совокупность общих (герменевтический и аксиологический) и специальных (сравнительно-правовой, формально-юридический и моделирование) научных методов. **Результаты:** регулируемые международным законодательством отношения по поводу геномных исследований включают несколько элементов: а) достоинство личности как нуждающийся в юридическом сопровождении объект; б) государства, взявшие на себя обязательство развивать генную инженерию в заданных международным сообществом параметрах; в) юридический статус субъектов международного права, на территории которых проводятся исследования генома человека. **Выводы:** отечественные нормотворцы выполнили только часть обязательств по имплементации стандартов регулирования генетических исследований и охраны интересов пациентов, участвующих в них. С учетом рекомендаций международного права предлагается включить в российское законодательство нормы, удерживающие правоисполнителей от опасных форм поведения в сфере редактирования генома.

Ключевые слова: генетические исследования, регулирование, охрана, международное право, внутривнутригосударственное законодательство.

© Блинов Александр Георгиевич, 2019
Доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: blinovag2008@yandex.ru

© Blinov Aleksandr Georgievich, 2019
Doctor of law, Professor, Head of the Criminal and penal law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14036 «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения».

A.G. Blinov**INTERNATIONAL STANDARDS FOR THE REGULATION
OF GENETIC RESEARCH AND THEIR REFLECTION
IN THE NATIONAL LEGISLATION**

Background: a scientific and technological breakthrough has been made in the study of the genome of living organisms. Society needs to define the legal boundaries of the human genome and the mechanism for protecting its rights and freedoms. The model of legal regulation and protection of relations in the field of genetics grounded in the research is based on the standards presented in the international legislation. **Objective:** to reflect the essence and elements of the relations arising in connection with the implementation of international standards for the regulation of genetic research in the national legislation. **Methodology:** universal dialectical method of cognition of social phenomena and processes, as well as a set of general (hermeneutic and axiological) and special (comparative legal, formal legal and modeling) scientific methods. **Results:** relations regulated by international law on genomic research include several elements: a) the dignity of the individual as an object in need of legal support; b) states that have committed themselves to develop genetic engineering in the parameters set by the international community; c) the legal status of subjects of international law in the territory of which human genome research is carried out. **Conclusions:** domestic lawmakers have fulfilled only part of the obligations to implement standards of genetic research regulation and protection of the interests of patients participating in them. Taking into account the recommendations of international law, it is proposed to include in the Russian legislation the norms that would keep law-enforcers from dangerous forms of behavior in the field of genome editing domestic lawmakers have fulfilled only a part of their obligations to implement standards of genetic research regulation and protection of patients' interests participating in them. Taking into consideration the recommendations of international law it is proposed to include in the Russian legislation norms that would keep law enforcers from dangerous forms of behavior in the field of genome editing.

Key-words: genetic research, regulation, protection, international law, domestic legislation.

За последние несколько десятилетий медицинская наука достигла заметных успехов в методике проведения исследований ДНК человека и технологии редактирования наследуемого материала. Доступными для граждан стали услуги, связанные с проведением генетических тестов, которые позволяют устанавливать родственные связи, выявлять предрасположенность ребенка к тяжелым заболеваниям еще до его рождения. Позитивное воздействие на генетический аппарат человека способны оказывать лекарственные средства последнего поколения, исправляющие врожденные дефекты организма, вызванные мутацией генов. Новые знания в офтальмологии, полученные в результате исследования стволовых клеток, оправдывают надежды незрячих людей покончить со слепотой. В ближайшей перспективе медицинская наука планирует разработать инструментарий, способный активизировать участки ДНК, ответственные за регенерацию органов и тканей. Результаты амбициозных биомедицинских экспериментов должны избавить человечество от онкологических заболеваний, исключить вероятность заражения ВИЧ-инфекцией и другими ретровирусами. Благодаря развитию биотехнологий люди рассчитывают на увеличение продолжительности жизни и замедление старения. Внедрение в медицинскую практику инновационных достижений геной инженерии делает реальным программирование рождения детей с заданными характеристиками.

Реакция общества на результаты деятельности ученых по корректировке генетического кода высших организмов носила настороженный характер. Она сменила три стадии. Первые успешные эксперименты, открывшие перспективы совершенствования человека, вызвали живой интерес в научных кругах и восторженные отзывы в средствах массовой информации. Люди надеялись на исцеление тяжелых недугов с помощью изменения последовательности ДНК. На втором этапе оптимистические настроения сменила настороженность. В публичных выступлениях ученые чаще стали заявлять о том, что биотехнологии несут угрозу традиционным ценностям человечества. Их высказывания пробудили в массовом сознании инстинктивный страх перед клонированием живого или умершего человека. Актуализировалась проблема дискриминации личности исходя из превосходства генетически модифицированных людей. Многих беспокоит то, что технологии геной инженерии будут доступны только материально обеспеченным гражданам. «Богатые смогут улучшать свои геномы и геномы своих детей для продления жизни и закрепления социальных привилегий. Возникнут условия для конфликта между генетическими бедняками и генетическими богачами» [1, с. 169].

Прогнозируемые угрозы обусловили переход к третьему этапу. Его особенность проявляется в осознании обществом необходимости упорядочивания практики вмешательства в наследственный аппарат человека этическими и юридическими инструментариями. Биотехнология перестала существовать как саморегулируемая отрасль инновационной медицины. Специалисты ощутили объективную потребность в принятии пакета юридически значимых документов, которые должны вносить ясность в допустимые пределы редактирования ДНК человека и защитить его фундаментальные права и свободы.

Мировое сообщество отреагировало на возникший социальный запрос изданием нормативных актов, очертивших основные направления развития науки в области генома человека и применения ее достижений в системе здравоохранения. Стержневыми документами, закрепляющими на международном уровне стандарты в области исследований генетических данных человека и биологических образцов, выступают Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.)¹, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята на 29-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 11 ноября 1997 г.)², Международная декларация о генетических данных человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 г.)³, Декларация ООН о клонировании человека (принята резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 8 марта 2005 г.)⁴, Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине, касающийся генетического тестирования в медицинских целях (Страсбург, 27 ноября 2008 г.)⁵. Принимая нормативные акты, Организация Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Совет Европы и другие

¹ См.: Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 05.03.2019).

² См.: Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome (дата обращения: 18.01.2019).

³ См.: Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 18.01.2019).

⁴ См.: Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения: 18.01.2019).

⁵ См.: Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/203> (дата обращения: 18.01.2019).

международные организации исходили из того, что возникла объективная потребность введения сферы геномных исследований в правовое пространство. Сформулированные в них нормы и положения призывают определить правовой статус участников биомедицинских экспериментов, упорядочить оборот биологического материала, исключить возможность дискриминации людей по признаку генетического наследия, принять меры по защите жизни, здоровья, свободы и достоинства человека в процессе применения биотехнологий, гарантировать неприкосновенность личности, установить ответственность за злоупотребления результатами научных изысканий. Они отразили фундаментальные требования, предъявляемые обществом к новаторской деятельности, способной корректировать отдельные компоненты программы развития человеческого вида.

На методологическом уровне отношения в сфере геномных исследований, регулируемые международным законодательством, позволяют выделить несколько элементов, образующих их структуру. Первый включает объект, испытывающий потребность в юридическом сопровождении. Анализ содержания перечисленных выше документов показывает, что центральной идеей, заложенной в их содержании, является обеспечение уважения и защиты достоинства человека вне зависимости от его генетических характеристик. Акцентируя особое внимание на идентичности личности, Международная декларация о генетических данных человека подчеркивает, что каждый индивидуум имеет присущую только ему генетическую конституцию (ст. 3). Идентичность человека формируется под воздействием комплекса факторов, которые можно дифференцировать на объективные (образовательные, экологические, духовные, культурные) и субъективные (генетические, эмоциональные).

Международное право признает достоинство основой всех прав и свобод личности. Речь идет о совокупности физиологических и социальных потребностей, удовлетворение которых позволяет человеку свободно существовать и развиваться в обществе. Представленная трактовка достоинства личности расширяет его содержательные границы, которые сформировались в отечественном законодательстве, юридической доктрине и правоприменительной практике. Несмотря на то, что категория «человеческое достоинство» используется во многих отраслях российского права и законодательства, юридическая наука не смогла выработать ее конкретные параметры. Представители научного сообщества традиционно ассоциируют достоинство личности с некой «самооценкой собственных способностей» [2, с. 11; 3, с. 1], «самоуважением, не допускающим понижения уровня самооценки» [4, с. 404].

Представленную концепцию взяли за основу законодатели стран-участниц СНГ при формулировании понятия человеческого достоинства в Модельном законе об ответственности участников образовательного процесса. Согласно п. 1.14 ст. 1 Модельного закона под человеческим достоинством предлагается понимать «особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, окружающих, основанное на признании ценности человека как личности»⁶. Преимущество позиции законодателей государств, долгое время входивших в состав СССР, можно объяснить тем, что они существовали и развивались в рамках единого правового пространства.

⁶ См.: Модельный закон об ответственности участников образовательного процесса (г. Санкт-Петербург, 23 ноября 2012 г., принят постановлением 38-8 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2013. № 57, ч. 1.

Рассуждая о характере воздействия на достоинство, авторы обращаются к социальным качествам, формируемым на уровне сознания личности, не затрагивая ее биологической составляющей. Подобная трактовка оставляет за пределами личного достоинства объективные свойства человека. На обнаруженный пробел обращают внимание представители науки уголовного права, где достоинство личности выступает самостоятельным объектом охраны. По мнению Б.Т. Разгильдиева и Н.И. Насирова, достоинство человека образует «совокупность биосоциальных свойств, присущих всему человеческому роду, отличающих человека от других живых организмов, позволяющих ему существовать и развиваться наряду с окружающей его природой» [5, с. 121].

Сформулированное определение достоинства человека согласуется с международными стандартами. В его содержании заложен необходимый объем естественных свойств и качеств, позволяющий человеку развиваться физически и интеллектуально исходя из собственных потребностей. Речь идет о жизни, здоровье, свободе, равенстве. К примеру, обращаясь к национальным законодателям, Декларация ООН о клонировании человека призывает принять меры, необходимые для защиты жизни и здоровья в процессе применения научных знаний из области биологии, предупреждения глобальных проблем, связанных с распространением ВИЧ-инфекции, туберкулеза, предотвращения эксплуатации женщин. В перспективе проиллюстрированный подход к толкованию категории человеческого достоинства должен стать образцом для определения предмета юридического регулирования и объекта уголовно-правовой охраны отношений, возникающих на территории Российской Федерации по поводу осуществления геномных исследований.

Второй элемент анализируемой группы отношений составляют субъекты международного права, заинтересованные в развитии геномных исследований и разрабатываемых на их основе инновационных медицинских технологий. В их качестве выступают государства, взявшие на себя обязательство развивать геномную инженерию в заданном международным сообществом векторе. Суть последнего заключается в стимулировании поиска новых возможностей совершенствования физиологических, интеллектуальных и иных характеристик человека. Активно работают в этом направлении индустриально развитые страны Европы (Великобритания, Россия, Франция, ФРГ), Северной Америки (Австралия, Канада, США), Азии (Китай, Южная Корея, Япония). Так, 26 ноября 2018 г. китайский ученый Хэ Цзянькуй информировал мировое сообщество, что он впервые отредактировал геномы двух новорожденных близнецов на ранней зародышевой стадии и обеспечил им устойчивость к ВИЧ. На заявление ученого оперативно отреагировала часть представителей биомедицинской науки, уличив его в нарушении норм профессиональной этики⁷. Они призвали научное сообщество к установлению временного моратория на редактирование человеческих зародышевых линий, подлежащих развитию в организме женщины. Исследователи надеются, что за установленный период времени экспериментальная наука сумеет повысить безопасность технологии геномного редактирования. Использованный китайским ученым метод репродукции человека оказался несовершенным. Модификация зародышевой линии способна спровоцировать непредсказуемые последствия не только для новорожденного, но и будущих поколений.

⁷ См.: Chinese scientists are creating CRISPR babies. MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/> amp/?__twitter_impression=true (дата обращения: 05.03.2019).

Новаторская деятельность Хэ Цзянькуня выявила пробелы правового регулирования генетических исследований на внутригосударственном уровне. Сложившуюся ситуацию можно оценить как вполне закономерную, поскольку социально значимые результаты в области редактирования генома человека достигнуты преимущественно в нынешнем тысячелетии. В правовой системе многих стран отсутствуют нормы, возлагающие на исследователей обязанность учитывать этические, юридические, социальные и экономические последствия биомедицинских экспериментов, а также запрещающие вмешательство в геном человека, сопряженное с изменением генетического материала его наследников. Рекомендации по включению их в национальное законодательство сформулированы в ряде международных актов (ст. 14 Декларации Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, ст. 13 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины).

Третий элемент международно-правовых отношений, существующих в сфере проведения геномных исследований, образован статусом их участников. Юридический статус стран, придерживающихся международных стандартов изучения генома человека, включает совокупность обязанностей и прав. При этом акцент на обязанностях государства сделан не случайно. Анализ содержания актов межправительственных организаций обнаруживает, что они не оперируют категорией «право государства». Но это не свидетельствует об отсутствии у конкретной страны прав в анализируемой области. Напротив, международный законодатель допускает минимум вмешательства в инновационную деятельность государств, предоставляя им максимальную свободу в выборе технологии исследования ДНК. Так, ст. 12 Всеобщей декларации о геноме человека закрепляет право на свободный доступ к достижениям науки в области биологии, генетики и медицины, касающиеся генома человека. Особенно это актуально в условиях глобализации. Страны, открытые для обмена опытом в научно-исследовательской среде, получают дополнительные возможности по развитию отрасли здравоохранения.

Обязанности субъектов международного права, обусловленные изучением наследуемого материала, достаточно детально расписаны в соответствующих конвенциях и декларациях. Ключевым требованием, обращенным к заинтересованным странам, является формирование правовой базы, которая способна упорядочить инновационную деятельность ученых-медиков и оградить человека от возможных злоупотреблений ее результатами. Приоритетной задачей сегодня выступает принятие пакета документов, регулирующих сбор, обработку, использование и хранение генетических данных человека государственными и коммерческими организациями. Оно гарантирует недопущение экспериментальной практики, противоречащей человеческому достоинству, и дискриминации по признаку генетических характеристик. Новеллы в законодательстве должны определить правовое положение: а) юридических и физических лиц, занимающихся изучением ДНК или внедряющих их результаты в медицинскую либо фармацевтическую практику; б) пациентов, выступающих в качестве объекта биомедицинских исследований или получающих инновационную медицинскую либо фармацевтическую услугу.

Международный законодатель призывает правительства всех стран принять меры, направленные на обеспечение уважения достоинства личности, защиту ее прав и свобод, недопущение любой формы дискриминации по признаку генетических характеристик. Такого рода деятельность, прежде всего, касается упорядочивания сбора, обработки, использования, хранения генетических данных

человека. Так, сбор данных о генетических характеристиках возможен только после получения от пациента ясно выраженного согласия (ст. 8 Международной декларации о генетических данных человека, ст. 5, 16 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины). Медицинское вмешательство, осуществленное без надлежаще оформленного волеизъявления, представляет угрозу достоинству личности. Сказанное находит подтверждение в практике Европейского суда по правам человека. Характерным примером служит дело «Баталины (Bataliny) против Российской Федерации», по итогам рассмотрения которого правоприменители дают оценку конкретному случаю принуждения человека к участию в биомедицинском эксперименте⁸.

Собираемые образцы должны использоваться в научных или терапевтических целях. При их обработке пациент вправе знакомиться с результатами проведенных исследований. Государства должны гарантировать право на частную жизнь и конфиденциальность (ст. 14 Международной декларации о генетических данных человека). На уровне нормотворчества может быть рассмотрен вопрос о создании системы мониторинга генетических данных человека и контроля за их оборотом.

Перед странами поставлена задача по формированию условий для использования результатов геномных исследований исключительно в целях, направленных на уменьшение страданий людей и улучшение состояния здоровья каждого человека. Провозглашенная свобода проведения научных экспериментов в то же время не должна стимулировать биологическую и социальную дискриминацию личности. Запрет биологической дискриминации предполагает недопустимость поощрения научно-практических идей по созданию людей, обладающих физиологическими преимуществами над другими представителями человечества (ст. 7 Международной декларации о генетических данных человека). Предупреждению социальной дискриминации способствует обеспечение всеобщего доступа к достижениям науки в области биологии, генетики и медицины (ст. 12 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека). Пациент, ограниченный в возможностях пользоваться инновационной медицинской услугой, вправе рассчитывать на судебную защиту. Соответствующий прецедент имеется в практике Европейского суда по правам человека по жалобе гражданки Польши, которой отказано в выдаче направления на генетическое исследование плода⁹.

Установление границ предмета правового регулирования отношений в анализируемой сфере позволит предусмотреть меры административного и уголовно-правового воздействия на лиц, готовых использовать достижения геномной инженерии из корыстных или иных низменных побуждений. Речь не идет об установлении тотального запрета на экспериментальную практику. Вся совокупность принудительного инструментария ориентирована на стимулирование созидательной деятельности ученых-генетиков в рамках правового поля. Исходя из логики охранительного законодательства, часть норм ориентирована на удержание недобросовестных экспериментаторов от социально вредоносного поведения под угрозой реализации ответственности. Положения уголовного закона об обоснованном риске и крайней необходимости должны активизировать творческую деятельность, связанную с поиском новых методов и средств борьбы с разного рода наследственными заболеваниями и физиологическими дефектами.

⁸ См.: Постановление ЕСПЧ от 23 июля 2015 г. Дело «Баталины (Bataliny) против Российской Федерации»: жалоба № 10060/07 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2016. № 1. С. 83–97.

⁹ См.: Дело «R.R. (R.R.) против Польши»: жалоба № 27617/04 // Избранные постановления Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2012. № 2. С. 43–80.

Российская Федерация как субъект международного права реализовала часть принятых на себя обязательств в исследуемом секторе социальной жизни. Реагируя на запросы современной науки и практики, принят ряд нормативных актов регулятивного характера¹⁰. Они призваны упорядочивать отношения по поводу осуществления генной инженерии и использования ее результатов в жизнедеятельности людей, проведения государственной геномной регистрации, введения временного запрета на клонирование человека. Их значение в механизме обеспечения достоинства личности и ее интересов трудно переоценить. Составив правовую основу биобезопасности страны, они внесли ощутимый вклад в улучшение благосостояния человека и охрану его здоровья, упорядочили оборот биологического материала и обработку геномной информации. Представленный в них категориальный аппарат придает качественную определенность юридическим явлениям, способствует их единообразному толкованию в профессиональной среде. Надлежащему исполнению положений, закрепленных в содержании упомянутых законов, способствует угроза наступления юридической ответственности. В частности, от нарушения норм законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности правоисполнителей удерживает санкция, предусмотренная в ст. 6.3.1. КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности».

В случаях, когда регулятивное законодательство не в состоянии воздействовать на правоисполнителей, публичная власть вынуждена прибегать к услугам уголовного закона. Современная доктрина уголовного права готова предложить модели норм, криминализирующих общественно опасные деяния в сфере исследования генома человека и использования его результатов в практической жизни: например, в здравоохранении, спорте, при противодействии девиантному поведению. Речь идет о следующих деяниях: вмешательство в генотип человека, связанное с ущемлением его достоинства; нарушение запрета на клонирование человека; использование результатов геномных исследований без надлежащей апробации; посягательство на конфиденциальность генетических данных человека; проведение генетических экспертиз без получения согласия носителя генетического материала; противоправное завладение генетическим материалом и его незаконный оборот; создание и использование генного допинга и т.д.

Итоги осмысления международных стандартов регулирования генетических исследований и их отражения в национальном законодательстве позволяют сформулировать ряд выводов. Отношения в сфере новаторской работы с геномом, регулируемые международным законодательством, включают несколько элементов, образующих их структуру. Первый отражает объект, испытывающий потребность в юридическом сопровождении. В его качестве выступает достоинство личности. Вторым элементом образуют государства, взявшие на себя обязательство развивать генную инженерию в заданных международным сообществом параметрах. К третьему элементу анализируемых отношений относится статус их участников. В нем делается акцент на обязанностях субъектов международного права разработать пакет юридических документов, обеспечивающих надлежащее регулирование и охрану отношений в сфере геномных исследований.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28, ст. 3348; Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ (с изм. и доп. от 29 марта 2010 г. № 30-ФЗ) «О временном запрете на клонирование человека» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 21, ст. 1917; 2010. № 14. С. 1550; Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 49, ст. 5740.

Библиографический список

1. Хендерсон М. Генетика. 50 идей, о которых нужно знать. М.: Фантом Пресс, 2016. 209 с.
2. Марогулова И.Л. Защита чести и достоинства личности. М.: Правовое просвещение, 1998. 128 с.
3. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М.: Норма, 2004. 223 с.
4. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 720 с.
5. Разгильдиев Б.Т., Насиров Н.И. Достоинство и честь человека и их уголовно-правовая охрана // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5. С. 119–125.

References

1. Henderson M. Genetics. 50 Ideas You Need to Know. M., 2016. 209 p.
2. Marogulova I.L. Protection of Personal Honour and Dignity M., 1998. 128 p.
3. Anisimov A.L. Honour, Dignity, Business Reputation under the Protection of Law. M., 2004. 224 p.
4. Justice in the Modern World / Ed. by V.M. Lebedeva, T.Ya. Habrieva. M., 2014. 720 p.
5. Razgildiev B.T., Nasirov N.I. Human Dignity and Honour and Their Criminal Legal Protection // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2016. № 5. P. 119–125.

УДК 336.22

В.В. Попов, Е.Г. Тришина

О СОДЕРЖАНИИ ПРИЗНАКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УПЛАТЫ НАЛОГА СОГЛАСНО СТАТЬЕ 45 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РФ

Введение: в статье проведено исследование одного из существенных признаков налога — индивидуальности уплаты в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 45 Налогового кодекса РФ, касающимися возможности уплаты налога за налогоплательщика иными лицами без конкретизации их состава, за счет собственных денежных средств таких субъектов. При этом анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно индивидуализации обязанности по уплате налога самим налогоплательщиком и соответствие им названной законодательной новеллы. Цель: рассмотрение признака индивидуальности уплаты налога посредством привязки денежных средств в уплату налога с собственными средствами

© Попов Василий Валерьевич, 2019

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vpopov1970@rambler.ru

© Тришина Елена Геннадьевна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: 06yana@bk.ru

© Popov Vasilii Valerevich, 2019

Doctor of law, Professor, professor of the Financial, banking and customs law department (Saratov State Law Academy)

© Trishina Elena Gennadievna, 2019

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

налогоплательщиков. Объектом исследования являются общественные отношения в сфере налогообложения, связанные с уплатой налогов. **Методологическая основа:** методы (сравнительно-правовой). **Результаты:** при проведении исследования выявлено, что критерий индивидуальности налога в связи с изменениями в ст. 45 Налогового кодекса РФ не отвечает легальному определению платежа, закрепленному в ст. 8 НК РФ, в связи с чем предложена авторская редакция этой дефиниции. **Выводы:** таким образом, налог, исходя из признака индивидуальности, представляет собой исключительно или относительно индивидуальный безвозмездный платеж.

Ключевые слова: налог, уплата, обязанность, налогоплательщик, иные лица, денежные средства, собственные или чужие, индивидуальность, законодательные изменения.

V. V. Popov, E. G. Trishina

ON THE ESSENCE OF THE TAX PAYMENT INDIVIDUALITY TRAIT ACCORDING TO ARTICLE 45 OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the article deals with the study of one of the essential features of the tax — the individuality of payment in accordance with the amendments made to article 45 of the Tax code of the Russian Federation concerning the possibility of paying tax for the taxpayer by other persons without specifying their composition, at the expense of such entities their own funds. At the same time, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the individualization of the obligation to pay tax by the taxpayer and their compliance with the mentioned legislative novel are analyzed. **Objective:** to consider the sign of individuality of tax payment by means of binding of money in payment of tax with own means of taxpayers. The object of the research is the social relations in the field of taxation related to the payment of taxes. **Methodology:** both general scientific methods (analysis) and special methods (comparative legal) were used by the author in doing the research. **Results:** the study revealed that the criterion of the individuality of tax in connection with the changes in article 45 of the Tax Code of the Russian Federation does not meet the legal definition of payment as set forth in article 8 of the tax code, in connection with the author's revision of this definition. **Conclusions:** thus, the tax, based on the characteristic of individuality, is a solely or relatively individual grant of compensation.

Key-words: tax, payment, duty, taxpayer, other persons, money, own or others, individuality, legislative changes.

Общеизвестно, что налоги являются существенным признаком государства, что нашло отражение в ст. 57 Конституции РФ: каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Конституционный Суд РФ также указал: «Налог — необходимое условие существования государства, поэтому обязанность платить налоги, закрепленная в статье 57 Конституции Российской Федерации, распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования государства. ... иначе были бы нарушены права и охраняемые законом интересы других лиц, а также государства»¹. Такой вывод обусловлен публично-правовым характером обязанности по уплате налогов.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года „О федеральных органах налоговой полиции” // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 5.

В теории налогового права достаточно давно разработаны устоявшиеся определения налога, что, прежде всего, было связано с отсутствием формулировки данного понятия в ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2118–1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»² и содержательным объединением налога со сбором и пошлиной: «Под налогом, сбором, пошлиной и другим платежом понимается обязательный взнос в бюджет соответствующего уровня или во внебюджетный фонд, осуществляемый плательщиками в порядке и на условиях, определяемых законодательными актами». Известный финансовед Н.И. Химичева определяет налоги, как «обязательные и по юридической форме индивидуально безвозмездные платежи организаций и физических лиц, установленные в пределах своей компетенции представительными органами государственной власти или органами местного самоуправления для зачисления в бюджетную систему с определением их размеров и сроков уплаты» [1, с. 373]. Тем самым ученый выделил все существенные признаки налога, отличающие его от иных обязательных платежей. Однако федеральный законодатель при принятии Налогового кодекса РФ³ (далее — НК РФ), оставив первую часть теоретического определения, существенно скорректировал оставшуюся. Согласно п. 1 ст. 8 НК РФ налог представляет собой обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. Тем не менее, признаки налога, связанные с индивидуализацией плательщика, остались без изменений.

На основании ст. 17 НК РФ для установления налога в акте об этом платеже должны быть закреплены наряду с налогоплательщиками элементы налогообложения: объект, налоговая база, налоговый период, налоговая ставка, порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога. В соответствии с п. 2 ст. 58 НК РФ, характеризующей порядок и сроки уплаты налога, сумма налога уплачивается (перечисляется) налогоплательщиком или налоговым агентом в установленные для каждого налога сроки без указания на иных лиц, которые могут уплатить налог. Подобные положения закрепляются и ст. 45 НК РФ, п. 1 которой устанавливает, что по общему правилу налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах. До внесения изменений в НК РФ Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401–ФЗ⁴ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 401–ФЗ) названные исключения касались налоговых агентов и некоторых других законодательно определенных категорий лиц. Однако Федеральный закон № 401–ФЗ установил возможность уплаты налога за налогоплательщика иным лицом без конкретизации состава таких субъектов. Причем «иное лицо» не получило права требовать возврата из бюджетной системы РФ уплаченного за налогоплательщика платежа. Аналогичный порядок распространен на платель-

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 11, ст. 527; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3219 (утратил силу).

³ См.: Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146–ФЗ (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; 2018. № 32, ч. 1, ст. 5072.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 49, ст. 6844.

щиков сборов и страховых взносов, налоговых агентов, ответственного участника консолидированной группы налогоплательщиков.

До таких законодательных новелл практика применения положений ст. 45 НК РФ следовала в направлении, обозначенном Конституционным Судом РФ в Определении от 22 января 2004 г. № 41-О⁵: «в целях надлежащего исполнения обязанности по уплате налога налогоплательщик обязан самостоятельно, т.е. от своего имени и за счет своих собственных средств, уплатить соответствующую сумму налога в бюджет. ... важно, чтобы из представленных платежных документов можно было четко установить, что соответствующая сумма налога уплачена именно этим налогоплательщиком и именно за счет его собственных денежных средств. Иное толкование понятия «самостоятельное исполнение налогоплательщиком своей обязанности по уплате налога» приводило бы к невозможности четко персонифицировать денежные средства, за счет которых производится уплата налога, и к недопустимому вмешательству третьих лиц в процесс уплаты налога налогоплательщиком, что не только препятствовало бы результативному налоговому контролю за исполнением каждым налогоплательщиком своей обязанности по уплате налога, но и создавало бы выгодную ситуацию для уклонения недобросовестных налогоплательщиков от законной обязанности уплачивать налоги путем неотражения на своем банковском счете поступающих доходов». Изложенный тезис Конституционный Суд РФ распространил и на налоговых агентов в части перечисления ими в бюджет сумм удержанных у налогоплательщиков налогов от своего имени, но за счет тех денежных средств, которые были удержаны. Такое толкование следует из смысла ст. 57 Конституции РФ, где ключевым словом является термин «каждый» с привязкой к налогам и сборам, законно установленным. Тем самым речь идет о личной обязанности плательщика. Эта смысловая конструкция складывается из следующих составляющих. «Каждый» — это организации и физические лица, на которых возлагается обязанность уплачивать налоги и сборы. С 1 января 2017 г. под действие норм Налогового кодекса РФ подпадают и страховые взносы, не включенные в систему налогов и сборов, образующие обособленную группу обязательных платежей. При этом обязанность уплаты налогов и сборов связывается с законностью установления обязательных платежей согласно ст. 17 НК РФ, а страховых взносов — со ст. 18.2 НК РФ. Поэтому в широком смысле с термином «каждый» возможно связать и плательщиков налогов и сборов, также и плательщиков страховых взносов. Возвращаясь к смыслу ст. 57 Конституции РФ, законность установления налогов и сборов обуславливается тем, что в акте законодательства о налогах и сборах (Налоговом кодексе РФ, федеральном законе о налоге или сборе, законе субъекта РФ о налоге, нормативном правовом акте представительного органа муниципального образования) должны быть определены налогоплательщики и плательщики сборов, а также обязательные элементы налогообложения, включая объект, порядок и сроки уплаты. Данные элементы, согласно положениям Налогового кодекса РФ имеют личностную привязку, поскольку именно с наличием объекта налогообложения приобретает

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 41-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества „Сибирский Тяжпромэлектропроект” и гражданки Тарасовой Галины Михайловны на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 1 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации» // Экономика и жизнь. 2004. № 20.

статус налогоплательщика и появляется обязанность по уплате налога, относительно которой индивидуализируется порядок и сроки ее исполнения. На это же обращает внимание Конституционный Суд РФ: «...именно с наличием объекта налогообложения законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога (п. 1 ст. 38 НК РФ)»⁶; «налог или сбор может считаться законно установленным только в том случае, если законом зафиксированы существенные элементы налогового обязательства, т.е. установить налог можно только путем прямого перечисления в законе о налоге существенных элементов налогового обязательства»⁷.

Таким образом, федеральный законодатель, приняв Федеральный закон № 401-ФЗ, исключил установленную в Налоговом кодексе РФ индивидуальность уплаты налогов. Может возникнуть вопрос, что в НК РФ, о чем ранее упоминалось, до рассматриваемых новелл уже были определены категории субъектов, уплачивающие налоги за налогоплательщиков в установленных случаях: при ликвидации или реорганизации организации, за безвестно отсутствующего или недееспособного физического лица, налоговыми агентами. Важно, что исполнение обязанности, при этом, основано на следующих принципиальных позициях:

обязанность ликвидируемой организации исполняется ликвидационной комиссией за счет денежных средств указанной организации, в том числе полученных от реализации ее имущества (п. 1 ст. 49 НК РФ);

обязанность реорганизованного юридического лица исполняется его правопреемником (правопреемниками), в том числе на основании разделительного баланса, согласно чему последний(е) получают имущество или часть имущества изначального налогоплательщика (ст. 50 НК РФ);

обязанность физического лица, признанного судом безвестно отсутствующим, исполняется лицом, уполномоченным органом опеки и попечительства управлять имуществом безвестно отсутствующего, за счет денежных средств безвестно отсутствующего лица (п. 1 ст. 51 НК РФ);

обязанность физического лица, признанного судом недееспособным, исполняется его опекуном за счет денежных средств этого недееспособного лица (п. 2 ст. 51 НК РФ);

налоговые агенты обязаны правильно и своевременно исчислять налоги, удерживать их именно из денежных средств, выплачиваемых налогоплательщикам, и перечислять платежи в бюджетную систему РФ на соответствующие счета Федерального казначейства (подп. 1 п. 3 ст. 24 НК РФ).

То есть уплата налогов (сборов и страховых взносов) в исследованных ситуациях осуществляется за счет денежных средств и иного имущества самих налогоплательщиков, а не лиц, исполняющих налоговую обязанность за них.

На неограниченный перечень потенциальных плательщиков налогов за самих налогоплательщиков в результате налоговой новеллы указала ФНС России в

⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 167-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества „Сотовая компания” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 167 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 1997 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11.1 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года „О Государственной границе Российской Федерации” в редакции от 19 июля 1997 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.

Письме от 11 мая 2017 г. № ГД-4-8/8767@⁸ «Об урегулировании задолженности бюджетных учреждений»: «... одним из способов решения вопроса погашения задолженности является уплата за налогоплательщика сумм налога (страховых взносов) любым иным лицом». Для понимания термина «иные лица» на основании Письма ФНС России от 15 сентября 2017 г. № БС-4-21/18529@⁹ «необходимо руководствоваться п. 2 ст. 11 НК РФ об определении понятия «лица (лицо)» для целей актов законодательства о налогах и сборах». При этом, поскольку «НК РФ не содержит специальных норм, направленных на регулирование отношений между налогоплательщиком и иным лицом при исполнении последним обязанности по уплате налога за налогоплательщика ... указанные отношения могут регулироваться исходя из гражданского законодательства с учетом принципа свободы в установлении участниками соответствующих отношений своих прав и обязанностей на основе договора (например, договора поручения и т.п.) и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора в соответствии со ст. 1, 421 Гражданского кодекса Российской Федерации». Пункт 2 ст. 11 НК РФ определяет для целей налогообложения, прежде всего, понятия организации, физических лиц и отдельно индивидуальных предпринимателей. Получается, что в качестве иных лиц могут быть все перечисленные субъекты без какого либо исключения, например, учредители могут уплатить налог на учрежденное юридическое лицо.

В то же время исполнение обязанности по уплате налога иным лицом сопряжено с рядом процедурных моментов, нарушение которых не позволит считать обязанность налогоплательщика перед государством исполненной. Так, в соответствии с Приказом Минфина России от 5 апреля 2017 г. № 58н¹⁰ «О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 12 ноября 2013 г. № 107н» законные и уполномоченные представители налогоплательщиков и иные лица при оформлении платежных поручений на уплату налогов должны указывать в реквизитах:

«ИНН» плательщика – значение ИНН плательщика, чья обязанность исполняется (при отсутствии ИНН указывается ноль);

«КПП» плательщика — значение КПП плательщика, чья обязанность исполняется (при исполнении обязанности за физических лиц указывается ноль);

«Плательщик» — информацию о плательщике — законном, уполномоченном представителе или ином лице, осуществляющем платеж: наименование юридического лица; фамилию, имя, отчество для индивидуальных предпринимателей, нотариусов, занимающихся частной практикой, адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, глав крестьянских (фермерских) хозяйств, с указанием в скобках для перечисленных лиц рода их деятельности, соответственно: ИП, нотариус, адвокат, КФХ; фамилию, имя, отчество — для физических лиц.

Как ранее упоминалось, иное лицо не вправе требовать возврата из бюджетной системы РФ уплаченного за налогоплательщика налога (п. 1 ст. 45 НК РФ), что относится и к сборам, и страховым взносам. По этому поводу есть разъяснения

⁸ См.: URL: [http://docs.pravo.ru/document/list/?page=2&f_department_id\[\]=4641&f_type_id\[\]=101](http://docs.pravo.ru/document/list/?page=2&f_department_id[]=4641&f_type_id[]=101) (дата обращения: 15.11.2018).

⁹ См.: URL: <https://www.klerk.ru/doc/466804/> (дата обращения: 15.11.2018).

¹⁰ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2018).

Министерства финансов РФ. В Письме от 14 июня 2017 г. № 03-05-06-03/36715¹¹ финансовое ведомство пояснило, что «иное лицо не вправе требовать возврата из бюджетной системы Российской Федерации уплаченного за налогоплательщика налога. Правила, предусмотренные ст. 45 НК РФ, применяются также в отношении сборов, пеней, штрафов и распространяются на плательщиков сборов, налоговых агентов и ответственного участника консолидированной группы налогоплательщиков (п. 8 ст. 45 НК РФ)». Так как в документе прояснялась ситуация, касающаяся уплаты государственной пошлины как разновидности сбора, Минфин России указал, что «если государственная пошлина уплачена иным лицом, ... с заявлением о возврате излишне уплаченной государственной пошлины должен обратиться плательщик государственной пошлины (т.е. лицо, в отношении которого должно быть совершено юридически значимое действие) в орган, уполномоченный совершать данное действие». Применяя аналогию, думается, что разъяснение в полной мере относится к налогам и страховым взносам.

В основе возможности переложения обязанности по уплате налогов на иных лиц, несомненно, находятся фискальные интересы Российского государства, что однако облегчает и положение налогоплательщика, т.к. предоставляет возможность воспользоваться услугами иных лиц для исполнения своей налоговой обязанности и избежать не только применения к нему способов обеспечения налоговой обязанности (ст. 72–77 НК РФ), но и возможного привлечения, как к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах, так и к административной, и к уголовной ответственности за правонарушения в сфере налогообложения.

Безусловно, в налогово-правовой политике Российского государства наблюдается отход от принципов, заложенных Конституционным Судом РФ в отношении исполнения обязанности лично налогоплательщиком или другими субъектами только за счет его собственных денежных средств и иного имущества, и возникают вопросы относительно критерия добросовестности налогоплательщика при ее исполнении [2, с. 25–28]. Конечно, по новым правилам платеж, уплачиваемый иным лицом, тоже будет отождествляться с налогоплательщиком, но денежные средства не будут ассоциироваться с ним.

Кардинальный подход федерального законодателя к решению проблемы исполнения обязанности по уплате налогов и наполнения бюджетов бюджетной системы РФ предопределяет и возможную корректировку взглядов на правовую природу налога в связи с отменой, по сути, одного из его существенных признаков — индивидуальности уплаты за счет собственных денежных средств налогоплательщика им самим либо другими уполномоченными субъектами (исключительная индивидуальность), — что обуславливает целесообразность корректировки и легального определения налога, потому что, в противном случае, речь можно вести только об относительной индивидуальности налога.

В этой связи предлагается скорректировать определение налога, предложенное законодателем, и сформулировать следующим образом: «налог представляет собой обязательный, исключительно или относительно индивидуальный безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуж-

¹¹ См.: URL: <https://www.klerk.ru/doc/463343/> (дата обращения: 15.11.2018).

дения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований».

Библиографический список

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 800 с.
2. Попов В.В., Тришина Е.Г. Добросовестность налогоплательщика как условие правомерного поведения при уплате налогов (вопросы правоприменения) // *Налогический журнал*. 2016. № 6. С. 25–28.

References

1. Financial Law: textbook / ed. by N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed. revised and suppl.. M.: Norma: INFRA-M, 2017. 800 p.
2. *Popov V.V., Trishina E.G.* Good faith of the Taxpayer as a Condition of Lawful Behavior when Paying Taxes (law enforcement issues) // *Taxes-journal*. 2016. № 6. P. 25–28.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 340.132.01

Ю.В. Зуева

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Румянцев С.А. Самозащита в праве: некоторые теоретические и правоприменительные аспекты. – Владимир: Изд-во: «Шерлок-пресс», 2018. – 156 с.

Yu. V. Zueva

REVIEW OF THE MONOGRAPH:

Rumyantsev S.A. Self-Defense in law: some theoretical and law enforcement aspects. – Vladimir: Publisher: Sherlock press, 2018. – 156 p.

«С точки зрения новой (постсоветской) конституционно-правовой идеологии суть осуществляемых в стране преобразований», — констатирует В.В. Лапаева, — «заключается в переходе от традиционной для России системоцентристской модели правовой системы с присущим ей подчинением индивидуальной свободы так называемым общественным интересам, выразителем которых выступает государство, к человекоцентристской парадигме, в рамках которой право человека является важнейшей социальной ценностью» [1, с. 16]. Исследователь подчеркивает далее, что мы имеем дело с неразработанностью человекоцентристской формы права, «содержащей критерии разграничения права как нормативной формы свободы от властного произвола». На этой же странице В.В. Лапаева отмечает: «Другое важнейшее направление подключения философии права к совершенствованию правовой системы страны связано с философско-правовым обеспечением работы, направленной на *формирование институтов правовой демократии, способных гарантировать институциональные формы свободы* (курсив наш. — Ю.З.) с учетом исторической и социокультурной специфики России».

Все эти рассуждения имеют непосредственное отношение к праву на самозащиту, к комплексному институту законодательства о самозащите, к институциональным формам свободной реализации права на самозащиту в условиях российской действительности и на фоне слабости государственной власти, недостаточного уровня законности.

© Зуева Юлия Владимировна, 2019
Адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов, соискатель (Нижегородская академия МВД России)

© Zueva Yulia Vladimirovna, 2019
Lawyer of the Nizhny Novgorod regional bar Association, applicant (Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia)

К сожалению, в рецензируемой монографии этот «пласт» общетеоретического анализа самозащиты четко и развернуто не зафиксирован, хотя общего плана «привязки» к нему имеются. Системная организация законодательства, существующая система прав человека всех поколений предполагает последовательное развитие каждого из имеющихся в ней элементов. И до тех пор пока будут оставаться в этих динамичных, сложных, противоречивых системах «слабые звенья», пустоты, они вряд ли могут быть признаны оптимальными и относительно завершенными. Следовательно, до тех пор пока в системе действующего российского законодательства не оформится надлежащим образом институт самозащиты, не определится адекватное место права на самозащиту в системе прав человека, не «впишется» категория правовой самозащиты в понятийные ряды общей теории права, нельзя вести речь о потере актуальности общеправового анализа этого феномена.

Почти все исследователи юридических проблем самозащиты (как теоретики, так и «отраслевики») выступают за расширение пределов самозащиты, но мало кому удается сохранить баланс реальных интересов в этом институте законодательства и предложить действенные правовые механизмы, предотвращающие, препятствующие превращению самозащиты в свой антипод — самоуправство, произвол, хулиганские проявления. Думается, что соотношение свободы и произвола в гражданской самозащите — одна из сложнейших проблем юридической науки и практики, разрешение которой невозможно без общеправового «ракурса». По мнению К.В. Агамирова, «категория «свободы» как теоретическая конструкция может быть рассмотрена в следующих плоскостях: *естественная (ненормативная) свобода* — возможность действовать по собственной воле; *позитивная (нормативная) свобода* — возможность действовать по собственной воле на основе правовых предписаний; *реальная (практическая) свобода* — гарантированная возможность действовать по собственной воле на основе правовых предписаний» [2, с. 75].

Понимая условность такого рода разграничения, считаем необходимым отметить: две последние «авторские» плоскости схожи до тождества и фактически неразличимы. Право на самозащиту убедительно свидетельствует об этом, поскольку *одновременно* может быть «размещено» во второй и третьей плоскости. Но все-таки один цельный феномен, если мы имеем в виду юридическую специфику, не может быть искусственно «разорван». Право на самозащиту, в трактовке К.В. Агамирова, позитивная (нормативная) свобода — есть правовые предписания и субъект при желании может прибегнуть к самозащите, но может и уклониться от нее. Нет сомнения и в том, что право на самозащиту — реальная (практическая) свобода. Только неясно — в чем состоит гарантированная возможность самозащиты. Пределы самозащиты и их превышение — достаточно частые факты и их реальность отнюдь не гарантирует правомерную свободу субъекта. По нашему мнению, более плодотворно вести речь о нормативно-ориентирующей, либо нормативно-стимулирующей, либо нормативно-мотивирующей свободе. При таком подходе не только право на самозащиту, но и многие другие права и свободы приобретают реальные возможности оптимальной реализации. В этом ракурсе попытка С.А. Румянцева представить общетеоретический анализ права на самозащиту заслуживает одобрения, поддержки и развития.

К заслуге автора следует отнести в целом удачную попытку, при раскрытии сущности самозащиты, как правового явления «отобразить», ее биологический

элемент, фактор инстинктов и рефлексов. «Человек, — подчеркивается в книге на с. 12, — это не просто субъект с определенным набором физических и психических качеств, он, прежде всего, общественный индивид, который должен осознавать необходимость использования при самозащите только допустимых и признаваемых в обществе средств и способов, не превышающих пределы защиты». Автору следовало после этого тезиса отметить, что биологический, психофизиологический элемент относится лишь к самозащите физических лиц и в меньшей степени касается юридических лиц, институтов гражданского общества, государств, когда они прибегают к самозащите.

Верен «посыл» исследователя при обращении к культурологическим аспектам самозащиты — «чем выше культура в обществе и чем культурнее конкретный индивид, тем более определенными становятся пределы самозащиты, а дозволенные способы самозащиты — гуманнее» (с. 12). Но раскрыть эту взаимосвязь можно было и тоньше. Нельзя не заметить, что данный, в целом правильный вывод, не вполне согласуется с природой самозащиты, и такой ее характеристикой, как инстинктивность. Инстинкт самозащиты зачастую возникает спонтанно и является ответной реакцией организма на внешний раздражитель. Независимо от уровня образования, воспитания и той среды, в которой прошла социализация человека, способы самозащиты подразделяются на пассивные, либо активные, но ни при каком из них субъект не задумывается об их гуманности или пределах допустимости. Стрессовая, порой шоковая, ситуация вынуждает его воспользоваться всеми необходимыми средствами защиты своих субъективных прав, и даже рамки закона не в состоянии сдержать это естественное стремление.

Следует согласиться с позицией автора на с. 4 о том, что проблемной на сегодняшний день является ситуация, связанная с отсутствием в законодательстве перечня способов самозащиты.

Позитивным моментом монографии является то, что автор, «выполняя» общетеоретическое исследование и формулируя принцип юридически значимой самозащиты, не уклоняется (как это нередко бывает во избежание «огня критики») от авторской дефиниции рассматриваемого феномена. «Правовая самозащита, — фиксируется на с. 32 монографии, — это совокупность допускаемых нормами права фактических и юридических действий (бездействия) субъекта по самостоятельной, без обращения в органы публичной власти и к должностным лицам, а также в общественные организации и к кому-либо защите своих или чужих субъективных прав, свобод, охраняемых правом материальных благ или чужих субъективных прав, свобод, охраняемых правом нематериальных благ и законных интересов, направленных на самостоятельное пресечение их нарушения (оспаривания) или предупреждение угрозы их нарушения (оспаривания), или на их восстановление (признание), или на пресечение злоупотребления правом со стороны других лиц, или на прекращение действия природных, биологических, технических факторов, угрожающих объектам самозащиты».

Правда, вызывает некоторое удивление, что на этой же странице автор предлагает еще одно определение, которое незначительно отличается от первого: «правовая самозащита — это комплексный правовой институт, содержащий нормы материального права, регламентирующие основания, условия, порядок и пределы реализации субъективного права на самозащиту, то есть на совершение фактических и юридических действий (осуществления бездействия) субъекта по самостоятельной, без обращения в органы публичной власти и к должностным

лицам, а также в общественные организации и к кому-либо защите своих или чужих субъективных прав, свобод, охраняемых правом нематериальных благ и законных интересов, направленных на самостоятельное пресечение их нарушения (оспаривания) или предупреждение угрозы их нарушения (оспаривания), или на их восстановление (признание), или на пресечение злоупотребления правом со стороны других лиц, или на прекращение действия природных, биологических, технических факторов, угрожающих объектам самозащиты».

На с. 101 С.А. Румянцев предлагает для закрепления в законодательстве только первое из определений.

Удачно на с. 35–36 «обрисовано» значение правовой самозащиты. Интересен исторический «пласт» об использовании силовых форм самозащиты (сопротивления) народа от нарушений прав со стороны государства (с. 45–55).

Как и всякое творческое монографическое исследование, работа С.А. Румянцева не свободна от недостатков: малообоснованных суждений, противоречивых тезисов, нереальных предложений и рекомендаций.

Первое. Не отличается определенностью название монографии: например слово «некоторые» требует четкости обоснования — т.е. какие именно проблемы и почему они не стали предметом анализа. Но вряд ли возможно определить весь круг такого рода проблем. Вызывает сомнение в правильности того, что для своего исследования автор взял теоретические и правоприменительные «аспекты».

Такой подход не вполне согласуется с существующими и никем пока не опровергнутыми традициями постановки и специализированной разработки новых научных проблем. Юридически значимая самозащита, несомненно, одна из наиболее актуальных и крупных в их ряду проблем.

Но не «аспекты», а именно определенным образом сформулированная научная проблема, как особая форма знания и конкретно-исторических результатов творческого развития процесса доктринального познания, может и должна быть предметом монографического анализа.

О проблеме, исследовательской задаче принято вести речь тогда, когда: а) наличие «дефицит знания» о том или ином явлении или имеется диалектическое противоречие между знанием и знанием незнания, устранение которого выступает осознанной потребностью данного общества; б) не преодолены существенные противоречия в постановке и решении исследуемой задачи; в) старые средства и уровень исследования не могут привести к ее решению.

«Постановка проблемы, — подчеркивает В.М. Баранов, — основывается на предположениях о том, что содержание объекта не исчерпывается известной действительностью и, следовательно, открыта возможность более полного знания. Формулировка проблемы предстает как субъективный образ цели познания, как необходимое звено в развитии теоретического знания» [3, с. 6].

О неточности названия монографии свидетельствует словосочетание «теоретические и правоприменительные аспекты». Дело в том, что правоприменение, правотворчество, толкование и реализация юридических норм не могут не иметь собственной теории. У этих феноменов есть своя теория, и в этом контексте не вполне уместно ставить союз «и» между понятиями «теоретическое» и «правоприменительное».

«Самозащита в праве» — понятие, которое выглядит скорее как метафора. В самом праве (да и законодательстве) по понятным причинам никакой самозащиты быть не может. Самозащита по российскому законодательству, юридическая

самозащита, институт самозащиты в правовой системе России — вот лишь некоторые из возможных наименований темы общеправового характера.

Второе. Несколько аналогичен план монографии. Параграф первый главы I называется «Понятие и признаки самозащиты». Термин «признаки» — здесь излишество, ибо раскрыть, а затем сформулировать определение понятия невозможно без выявления признаков явления (в нашем случае — самозащиты).

Вторая глава монографии содержит два параграфа — «Дефекты института самозащиты: постановка проблемы» и «Пути устранения дефектов института самозащиты». По нашему мнению, «постановка проблемы» обычно осуществляется в формате статьи или тезисов — в монографии должно быть раскрытие обозначенной темы. Что касается названия второго параграфа, то оно страдает идеалистичностью, несоразмерно высокой планкой доктринального подхода.

«Устранить» все выявленные (даже только автором) дефекты вряд ли возможно. Нельзя забывать правовые механизмы профилактики, преодоления, торможения, нивелировки вредных последствий превышения пределов самозащиты.

Третье. На с. 6 автор заявляет, что в «научной литературе комплексный общетеоретический анализ самозащиты как общеправового феномена не производился», а на с. 7 пишет: «Самозащита как общеправовой феномен не была предметом комплексного межотраслевого исследования». Эти констатации не соответствуют действительности. Автор напрасно подчеркивает «комплексность» общетеоретического анализа правовой самозащиты — это необходимое доктринальное требование к любой научной разработке. На той же шестой странице С.А. Румянцев признает, что «общие вопросы самозащиты субъективных прав исследованы в целом ряде работ» и приводит перечень фамилий 19 исследователей. Это означает, что общеправовой анализ самозащиты все-таки проводился, и не только в статейном формате. Было бы правильнее сказать, что его монографическое исследование является *одним из первых*.

Четвертое. Авторская дефиниция правовой самозащиты не только чрезмерно объемна (содержит 11 строк), но и не отвечает некоторым сложившимся формально-логическим, лингвистическим и юридическим правилам. Н.Ф. Ковкель предлагает следующий перечень правил дефинирования:

- *группу формально-логических образует:* правило взаимозаменяемости; правило запрета порочного круга; правило частичного тождества структур терминов; правило однозначности; правило непротиворечия; правило неотрицательности;
- к числу лингвистических правил дефинирования относятся: лексические, синтаксические, пунктуационные и стилистические;
- в разряд юридических правил дефинирования входят: правило целесообразности, правило определенности среды действия дефиниции, правило согласованности дефиниции, правило оптимального расположения легальных дефиниций в тексте нормативных правовых актов [4, с. 89–90, 92, 95].

В фокусе этих правил авторская вышеприведенная дефиниция правовой самозащиты «страдает» целым рядом недостатков.

Остается неясным — почему автор не пожелал объединить субъективный и объективный аспекты правовой самозащиты и сформулировать единое, цельное развернутое определение анализируемого феномена. По всей видимости, он не смог этого сделать потому, что смешал разные подходы и принципы дефинирования. Институциональные признаки правовой самозащиты обладают значительной спецификой, и надо было их в предлагаемой дефиниции представить

отдельным элементом содержания. И совсем другое дело — деятельностный подход к правовой самозащите: его целесообразнее фиксировать в максимально абстрактных модусах и операторах, а не перечислять лишь некоторые акты самозащитного поведения. Общеизвестно, что «деяние» включает в себя как действие, так и бездействие, и потому вряд ли стоило в дефиниции не учитывать это обстоятельство.

Пятое. Во введении на с. 5 отмечается: «Правовой институт самозащиты субъективных прав и законных интересов представляет собой совокупность юридических и иных норм, регламентирующих широкий круг (и не только охранительных) правоотношений». Приведенный тезис неудачен в силу нескольких причин. Аксиомой общей теории права является: нормы права регулируют общественные отношения (деятельность), но не правоотношения. Правовой институт (в том числе и самозащиты) представляет собой не совокупность, а систему (может быть и несовершенную) только юридических норм. Иные социальные нормы, конечно, могут участвовать в регулировании самозащитной деятельности в качестве дополнительного вспомогательного содержательного и технико-юридического средства, но они в силу иной природы не могут быть элементом правового института. Это напрямую касается и юридических обязанностей. Например, когда на работника незаконно вне трудового договора либо служебного контракта возлагаются без его согласия дополнительные обязанности, то он вполне может самостоятельно защищаться от такого рода обременения.

Шестое. Обсуждая принципиальные и глубоко спорные проблемы правовой самозащиты, автор иногда «объявляет» ту или иную доктринальную позицию верной и присоединяется к ней без какой-либо аргументации. Так на с. 34–35, поставив вопрос о том, является правовая самозащита способом или формой, он приводит ряд чужих, расходящихся друг с другом мнений. А затем категорично «подводит итог»: «полагаем, что самозащита является формой защиты права, поскольку именно категория «форма защиты» подразумевает тот или иной порядок реализации права на защиту». Вряд ли такая «аргументация» может считаться достаточной.

Седьмое. На с. 27 автор утверждает: «Способом морально-нравственной самозащиты является и извинение, под которым понимается обращенная к кому-либо просьба о прощении, в том числе в целях избежать применения к себе каких-либо мер ответственности, физического воздействия, то есть защититься от неблагоприятного поведения со стороны лица, которому нанесено оскорбление».

Этот вывод С.А. Румянцева нуждается в существенной корректировке. Словосочетание «морально-нравственная» самозащита — тавтология: в юриспруденции различить мораль и нравственность невозможно, да и не нужно.

Автор в данном тексте явно принижает правовое начало извинения, примитивизирует его существо. Обосновывая понятие юридического извинения, профессор М.В. Баранова справедливо замечает, что оно направлено на достижение компромисса, посредством признания неправоты и раскаяния одной стороной конфликта, терпимости и понимания — другой, а также указывает на поливариантность подходов к восприятию юридического извинения. Многогранность этого правового феномена выражается в гармоничном сочетании проявлений нематериальной формы компенсации морального вреда, реализации опровержения, перспективной возможности защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина. Юридическое извинение — специфический технико-юридический

прием, направленный на достижение примирения между конфликтующими сторонами путем констатации, признания и оглашения одной из сторон своей вины либо неправоты в спорном вопросе. Признание ошибочности мнений, действий, повлекших юридически значимые негативные последствия, — путь к компромиссу и перспективному выходу из конфликтной ситуации [5, с. 121–128; 6 с. 140–151. Исходя из предложенного и обоснованного подхода, сводить извинение к самозащите неоправданно. Это более сложный и многогранный феномен, входящий в соприкосновение с проблемой самозащиты, но не поглощаемый ею.

Но дело не только в этом. Самозащитные элементы, моменты, состояния можно обнаружить во многих деяниях, но они зачастую не являются сущностными для них. В нашем случае в извинении «доля самозащиты» настолько незначительна, что «квалифицировать» его способом самозащиты явная гиперболизация проблемы.

Восьмое. Нельзя согласиться с С.А. Румянцевым в том, что «необходимо на теоретическом и нормативном уровне признание наличия самостоятельной комплексной отрасли — самозащитного права» (с. 113). Это не только преждевременное, но и неаргументированное предложение. Для доказательства этого вывода автор должен был проанализировать доводы тех исследователей, которые до него выдвинули эту идею. Кроме того, следовало изложить результаты всех прошедших дискуссий о системе права, критериях подразделения юридических норм на отрасли. И главное, автор должен был доказать — почему самозащита «переросла» уровень межотраслевого института законодательства. «Общественные отношения в силу их сложной системы (сложной взаимосвязи их субъектов, объектов и содержания), — писал А.С. Бондарев, — не могут нормироваться законодателем отдельной нормой права или их суммой — необходимы институты права» [7, с. 32]. Требуется прежде всего решить проблему — какое количество и качество должны приобрести правовые нормы о самозащите, чтобы образовался полноценный межотраслевой институт российского законодательства.

Девятое. Стоит обратить внимание автора на то, что информация, изложенная им на с. 5 монографического исследования, нуждается в обновлении. Он пишет: «В настоящее время, по оценкам некоторых исследователей, значительная часть россиян (75%) готовы прибегнуть к самосуду». Но приводимый им материал относится к 2014 г.

Десятое. Неубедителен вывод автора на с. 17 монографии о том, что защита права не является содержанием субъективного права, а существует как самостоятельное субъективное право. Аргументируя это, он указывает на то, что некоторые субъективные права не могут быть реализованы после их нарушения, т.е. прекращаются, тогда как право на защиту возникает и может быть фактически осуществлено. Здесь необходимо отметить: самозащита неотделима от субъективного права, и если оно прекратилось, то о какой защите может идти речь. Даже с точки зрения элементарной логики является очевидным, что нельзя защищать то, чего уже не существует. Самозащита, как и многие другие общеправовые явления, подчиняется законам времени и может быть реализована, только когда существует право, которое нуждается в защите. А если быть точнее, то пока существует посягательство либо непосредственная угроза его осуществления. При ином подходе происходит не защита, а охрана субъективного права.

Одиннадцатое. Выделяя и раскрывая признаки самозащиты, автор на с. 25 отмечает, что к ней следует также относить «действия по защите нарушенных

прав других лиц, обязанности по обеспечению прав которых возложены на лицо, применяющее меры самозащиты. Например, родители средствами самозащиты защищают права ребенка; опекун — права недееспособного; воспитатель детского сада — детей, находящихся в дошкольном образовательном учреждении». Данный вывод противоречит самой сущности самозащиты и обусловлен недостаточным уровнем анализа необходимой терминологии, посвященной самозащитной деятельности. Если следовать приведенному умозаключению, то получается, что сотрудники правоохранительных органов, на которых возложены обязанности по обеспечению прав граждан, также осуществляют самозащиту других людей, что вступает в серьезное противоречие с элементарной логикой. Ранее на с. 25 был выдвинут тезис, что самозащита «включает в себя самостоятельные действия по отстаиванию своих прав». Право детей на нормальное воспитание для их родителей является обязанностью, на основании чего она не может охватываться категорией самозащиты.

Двенадцатое. На с. 19 автор отмечает, что «защищаются права только тогда, когда они нарушаются». Однако далее на с. 27 он относит дуэль к способу самозащиты, что не согласуется с его собственными выводами. Инициатором дуэли, как правило, выступает лицо, чьей чести и/или достоинству был причинен вред. Но само посягательство уже прекратилось и от него не требуется защищаться (в особенности через создание для себя условий, угрожающих жизни и здоровью). Автору следовало задуматься об отличии длящихся и завершенных посягательств и специфики самозащиты при этих обстоятельствах.

Например, в условиях, когда работодатель не платит зарплату и работники объявляют забастовку, самозащита остается актуальной, поскольку их права по-прежнему ущемляются. Но при окончательном правонарушении речь стоит вести о восстановлении права, а не о его защите.

Монография содержит немало технических погрешностей, которые, естественно, не украшают проделанное исследование.

На с. 15 в сносках 1 и 3 обозначено — «Болгова В.В. Указ соч.», но до того выходные данные (наименование, год и место) публикации этого автора не приведены. Неосновательно после «Указ» в обеих сносках исчезла точка. То же самое происходит со сноской 5 на с. 8 с работой С.В. Горбачевой. Складывается впечатление, что автор «скомпоновал» монографию из своих ранее опубликованных статей, но не посчитал нужным выверить ссылочный аппарат.

К техническому дефекту следует отнести с. 36–40, материал которых дословно (без каких-либо авторских комментариев) дублирует ранее приведенный текст, который «подан» как «некоторые выводы». Повторы материала идут после каждого параграфа, а заключение монографии еще раз предлагает читателю уже выдвинутые тезисы и суждения.

Несмотря на указанные недостатки, монография С.А. Румянцева заслуживает внимания и интереса научного сообщества.

Рецензируемая работа не представляет собой прорыва в теории государства и права, но вносит определенный положительный вклад в исследование актуальной и дискуссионной научно-практической и дидактической темы.

Книга, без сомнения, инициирует дальнейшую междисциплинарную разработку проблемы правовой самозащиты, и хочется надеяться, что в ближайшем будущем появятся интересные работы, преодолевающие вышеуказанные недостатки и развивающие ценные выводы автора.

Библиографический список

1. Российская философия права в пространстве современного публичного дискурса // Философия и психология права: современные проблемы: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М.: Институт государства и права РАН, 2018. 272 с.
2. *Агамиров К.В.* Универсальное право как феноменологическая объективизация естественной, позитивной и реальной свободы // Философия и психология права: современные проблемы: сборник научных статей / под ред. В.Н. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М.: Институт государства и права РАН, 2018. 272 с.
3. *Баранов В.М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.
4. *Ковкель Н.Ф.* Проблемы теории дефинирования в современной логике права // Философия и психология права: современные проблемы: сборник научных статей / под ред. В.Н. Жукова; отв. ред. А.Б. Дидикин. М.: Институт государства и права РАН, 2018. С. 89–90, 92, 95.
5. *Баранова М.В.* Юридическое извинение как эффективный способ разрешения конфликтов // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4(37). С. 121–128.
6. *Баранова М.В.* Юридическое извинение как фактор эффективности примирительных процедур // Эффективность юридических процедур: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 20–21 мая 2015 г.) / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 140–151.
7. *Бондарев А.С.* «Абсолютные правоотношения» — миф? // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. М.: Статут, 2018. С. 29–37.

References

1. Russian philosophy of law in the space of modern pub-personal discourse // Philosophy and psychology of law: modern problems: collection of scientific works / ed. Zhukov; resp. ed. A. B. Didikin. M.: Institute of state and law, RAS, 2018. 272 p.
2. *Agamirov K.V.* Universal law as phenomenological objectification of natural, positive and real freedom // Philosophy and psychology of law: modern problems: collection of scientific articles / ed. Zhukov; resp. ed. A. B. Didikin. M.: Institute of state and law, RAS, 2018. 272 p..
3. *Baranov V.M.* the Truth of Soviet law. Problems of theory and practice. Saratov: Publishing house Sarat. UN-TA, 1989. 400 p..
4. *Covcell N.F.* Problems of the theory of definition in modern law logic // Philosophy and psychology of law: modern problems: collection of scientific articles / under the editorship of V. N. Zhukov, ed. ed. A. B. Didikin. M.: Institute of state and law, RAS, 2018. P. 89–90, 92, 95.
5. *Baranova M.V.* Legal apology as an effective way to resolve conflicts // Bulletin of the Vladimir law Institute. 2015. № 4(37). P. 121–128.
6. *Baranova M.V.* Legal apology as a factor of efficiency of conciliation procedures // Efficiency of legal procedures: theory, practice, technique: collection of articles on the materials of the International scientific-practical conference (G. N. Novgorod, may 20-21, 2015) / edited by V. A. Tolstik. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry, 2016. P. 140–151.
7. *Bondarev A.S.* «Absolute legal relations» — myth? // Perm legal almanac. Annual scientific journal. M.: Statute, 2018. P. 29–37.

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, шитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И. статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>